

Федор Лопатин

Рейс в одну сторону

12+

Федор Лопатин

Рейс в одну сторону

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63953336

SelfPub; 2023

Аннотация

Простого человека взяли обычным слесарем на необычный объект. Секретные лаборатории в центре Атлантического океана создают нечто, поражающее воображение. Вакцина от всех болезней – одно из многих достижений этих лабораторий. Но может ли вечно длиться спокойствие на райском острове?

Федор Лопатин

Рейс в одну сторону

Глава 1

Варвара Тихоновна Семенова, активная пенсионерка, сидела перед монитором. Ее рука лежала на «мышке», которая «уснула», казалось, навечно. Три минуты назад Варвара наткнулась на объявление, как она надеялась сказать безработному зятю, «очень хорошее», где синим по красному было написано, что на закрытое предприятие срочно требуется слесарь-сантехник с опытом работы от 3-х лет; оплата по договоренности. Вот такое простое незатейливое предложение улучшить свое материальное состояние. Когда она зашла на кухню, там уже собрались все, то есть двое – дочь и зять. Между ними летала беспокойная муха, не зная, куда приземлить свое черное тельце.

Семья сегодня встала поздно. Молодая жена, Ритка, и муж ее, Григорий Петрович Королев, сидели за маленьким квадратным столиком и завтракали горячей яичницей с тремя большими сладкими помидорами (третий лежал на тот случай, если теща сообразовалит присоединиться к молодым). Варвара встала около кухонного окна и посмотрела на зятя. Третий месяц он не работал – ждал хорошего предложения, надеясь на помощь товарищей. Сами же товарищи устроились не ахти на какие работы, и зятя звать не собирались,

потому, как сами были на «птичьих правах», как они, в один голос, говорили Петровичу. Сейчас Варвара даже слышать не хотела странную фразу, которую Королев говорил всякий раз, как только теща намекала о поиске работы: я, говорит, хочу отдохнуть – вот и весь его ответ. Его сократили с маленьким выходным пособием, и он переживал, как там без него и ему подобных слесарей широкого профиля будут теперь обходиться. «Можно подумать, – размышлял про себя Петрович, нервно поправляя очки, – что теперь всё население столицы будет обходиться без труб, лифтов, входных дверей и прочих сопутствующих радостей».

– Объявление тут нашла, – начала Варвара, как бы изда- лека. – По твоей специальности, между прочим, – сказала она, отворачиваясь к окну.

– Угу, – ответил Петрович.

– Там всё понятно, кроме заработка: «оплата по догово- ренности» – написано. Это как, Гриш? Сколько ты у них бу- дешь денег просить, а?

Петрович оторвался от помидора и красным, от сока, ртом выдал простой ответ:

– Вы сами назовите нужную цифру, а я ее передам рабо- тодателям.

Теща как открыла рот, так и забыла его закрыть: вот такой он простой человек, Григорий Королев – дает теще волю ре- шать, сколько денег ей хочется иметь каждый месяц. Ритка посмотрела на мать и хитро улыбнулась: не часто она видела

её в таком радостном удивлении, когда возможно озвучить самое заветное желание, выражаемое в волшебных цифрах: тыща, десять тыщ, нет – сто, нет – триста... У Варвары Тихоновны закружилась вдруг голова и она, с полунабитым ртом, в котором как-то незаметно оказалась половина третьего помидора, отвернулась от молодых и посмотрела в окно. На улице было оживленно: мужики шли на работу, женщины гуляли с колясками. Две бродячие собаки бегали туда-сюда, взглядом выпрашивая у прохожих хоть какой-нибудь еды. Из окна дома напротив на Варвару смотрели детские глаза. Они не могли оторваться от смешной тётки, которая всё никак не могла дожевать свой помидор.

Так Варвара стояла добрых пять минут, прокручивая в голове такие же добрые мысли, которые от простого сложения сразу перескочили к умножению, а там и к геометрической прогрессии, благо, что в школе Варвара дружила с алгеброй.

Когда она, наконец, закрыла рот, все поняли, что мысль окончательно сформировалась и сейчас она будет озвучена, несмотря ни на какие возражения. Первым произнесенным словом, было:

– Квартира.

Молодые, жившие вместе пять лет, поняли, что речь опять пойдет об отдельном жилье, хотя вроде бы с самого начала договорились жить вместе.

– Мне нужно устраивать личную жизнь, – выдала вдруг тётка, как бы ставя перед фактом молодых, что теперь в этом

доме будет жить новая семья, только их присутствие здесь не желательно.

Больше она ничего не могла сказать, а Петрович и тому был рад. Ритка же, напротив, стала словоохотлива и начала перечислять вещи, о которых раньше они и не говорили:

– Коляска для ребенка, одежда для ребенка, игрушки, загородный дом, детский бассейн...

Правда, самого ребенка пока еще не было, но, по реакции Ритки, можно было подумать, что он уже появился, и лежал там, в соседней комнате, и требовал себе всё то, о чём она только что сказала.

Петрович вдруг ясно понял, что ему надо ох как расстаться, чтобы добыть всех этих благ, а посему, молча доел свою остывшую яичницу и, взяв под руку Варвару Тихоновну, повел ее в комнату со всезнающим интернетом.

– Покажите объявление, – сказал Королев, указывая пальцем на стул.

Варвара молча села и толкнула ладонью «мышку», чтобы «оживить» погасший монитор.

– Вот, – начала она, – «договорная заработная плата превысит все ваши ожидания...»

Петрович не дал ей договорить, тут же наклонившись к столу, чтобы проверить текст.

– Ну, это же ясно – опять мошенники какие-то со своими заоблачными деньгами. Не бывает такого, чтобы платили, сколько хочешь...

– Звони, – тихо сказала Варвара, скрипнув зубами. – Быстро звони, – повторила она и сунула Петровичу в руку свой старый мобильник, который лежал тут же на столе, рядом с «мышкой» и кремом для лица.

Петрович поколебался с минуту, но мобильник взял. Набрал номер. На том конце запищала музыка, и он хотел уже нажать сброс, как трубка оживилась приятным женским голосом:

– «Новый рассвет». Чем могу помочь?

– Э, – начал Королев, – я тут по объявлению...

– Скажите, пожалуйста, какой номер стоит в конце объявления? – спросила приятная девушка.

– Не знаю, – удивился Петрович. Прикрыв трубку рукой, он бросил Варваре, – какой там номер стоит в конце?

Тихоновна напрягла зрение и разглядела, наконец, заветные цифры: тринадцать, тринадцать, тринадцать.

Она сказала их Петровичу, и добавила, что Бог любит троицу. Королев передал девушке эту полезную информацию и стал ждать ответа. В трубке снова заиграла жуткая мелодия, будто кто-то сегодня еще не проснулся, но его уже заставили играть под дулом пистолета.

Наконец, трубка отозвалась тем же приятным голосом, что и минуту назад, до ужасной музыки:

– Да, всё верно. Приходите по адресу, указанному внизу страницы. При себе иметь паспорт. До свидания. – В трубке щелкнуло, и раздались гудки.

«Вот так всё просто?» – спрашивал взгляд Петровича, уставившийся в монитор, но тут же перехваченный Варварой Тихоновной.

– А ему всё в новинку, слышишь, Рит? – крикнула она так громко, что Петрович невольно отшатнулся в сторону.

На следующий день, более не раздумывая, он, не позавтракав и даже не попрощавшись, сразу же поехал по нужному адресу.

Глава 2

Королев Григорий Петрович, сорокалетний слесарь, был приглашен на работу в фирму «Новый рассвет», где был обещан крутой карьерный рост и всяческие социальные блага в виде бесплатного медицинского обслуживания – раз, бесплатного трёхразового питания в спецстоловой – два. А самое главное было припасено, когда Петрович едва перешагнул порог шикарного холла с вертушкой и охранником. Внутри его встречал сам Никодим Игоревич Фикс, толстяк в блестящем костюме, как будто где-то в здании шел какой-то маскарад и этот Никодим был... хлопушкой, что ли, или слитком золота, если здесь все помешаны на богатстве и «крутом карьерном росте».

– Рад вас приветствовать! – сказал Фикс и протянул руку, как только Королев миновал охранника, предъявив тому паспорт. То, что он сразу узнал Королева, было не удивительно: вчера Григорий Петрович послал по сети свое фото, как того требовало условие приема на работу, и, судя по

радостной физиономии Фикса, Петрович понял, что у этого типа весьма сильная память на лица, как у того старого немецкого фотоаппарата, который только что отщелкал кипу секретных документов и парочку подозрительных рож для полноты коллекции.

Когда Фикс представился, Петрович с неудовольствием про себя отметил, как же тяжело ему живется с таким именем и отчеством. Это же выговорить надо: Никодим Игоревич. Впрочем, по имени не судят, успокоил себя Королев и пошел следом за толстяком, приговаривая про себя, словно молитву, «посмотрим – поглядим, поглядим – посмотрим». Толстяк, очевидно, его услышал, когда они шли по длинному ярко освещенному коридору, и как-то по-лакейски шикнул на Петровича: вдруг, мол, хозяева услышат. Королев пожал плечами и, чудесным образом, окончательно перестал волноваться.

Когда они дошли, наконец, до нужного кабинета, толстяк аккуратно выставил вперед свою пухлую руку и толкнул блестящую железную дверь. На холодном металле остался влажный след от потной ладони.

То, что увидел Королев в комнате, нисколько его не взволновало. Пара офисных столов, заваленных толстыми папками с документами – это около двери. А дальше, у окна, такая же пара с поставленными на них огромными мониторами. Под столами стояли пожелтевшие системные блоки, наверное, еще с девяностых несших свою службу на благо компа-

нии «Новый рассвет».

В кабинете, кроме столов, был еще человек, которого Петрович не сразу и заметил. Тому пришлось громко кашлянуть, чтобы оторвать взгляд Петровича от пыльных мониторов. Петрович от неожиданности вздрогнул, что как-то странно подействовало на толстяка, который вдруг мелко затрясся всем телом, наверное, внутренне смеялся, потому что по выражению его лица выходило, что он все ж таки настроен адски серьезно – начальство рядом. Королев отвернулся от живого холодца и посмотрел на того, кто сейчас буравил его взглядом хищных зеленых глаз, и, при этом, неспеша вытаскивал из кармана пиджака сигаретную пачку. Королев сразу отметил, что пиджак у начальника не такой блестящий, как у сопровождавшего его человека-хлопушки, да и весь он смотрелся как-то уж напряженно, будто волновался больше, чем сам Королев. Не сказать, чтобы это сильно его обрадовало, но Петрович почувствовал неожиданный прилив сил и смелости, и даже перестал вздрагивать от неожиданных звуков, например, как только начальник прикурил, за спиной Королева что-то грохнулось и покатилося мелкими шариками. Он не вздрогнул, чему сам несказанно удивился, но все-таки обернулся посмотреть, что там случилось. Кроме упавшего куска прессфанеры, поднявшей тучу пыли, и горстки шариков, блестевших стальным горохом под светом дневных ламп, он ничего не увидел. «И на том спасибо», – поблагодарил про себя, неизвестно кого, Королев, и вновь повернулся

к начальнику.

– Сигизмунд Ромуальдович Двин, – представился, наконец, он, и Королев снова пожалел человека, над которым во дворе смеялись дети, иначе он так гордо не выговаривал бы своего имени. По крайней мере, не ждал бы так напряженно ответа Королева, который всем своим видом показывал полнейшее равнодушие к иноземному имени своего потенциального работодателя.

– Григорий Петрович... – начал, было, Петрович.

– Королев! – весело договорил за него толстяк и хохотнул, будто это у Петровича было тяжелое детство из-за «неправильного» имени.

– Да, – только и ответил Королев, чтобы хоть в чем-то выразить свое согласие, потому что паузы между ответами были и так весьма долгими и настораживающими.

– Королев, – задумчиво повторил начальник и жестом пригласил Петровича присесть за стол с монитором.

Петрович сел и попытался изобразить на своем лице нечто вроде заинтересованности в дальнейшем разговоре, но, честно говоря, он плохо старался, поэтому мина его выглядела кислой и скучной. Однако это, похоже, мало волновало Сигизмунда Ромуальдовича, ибо он сразу взял быка за рога.

– Вот что, господин Королев, есть такое мнение, что большинство людей любит туристические поездки. Вы с этим согласны?

Петрович смущенно улыбнулся, мол, о чем вообще речь: он и туристом-то никогда не был, разве что на дачу съездить, грядки прополоть – помощь, значит, любимой тёще. Но помедлив чуть, сказал:

– Положительно.

Те оба переглянулись, и начальник снял вдруг вспотевшие очки.

– Простите, что положительно?

Королев тоже на них удивленно посмотрел и ответил:

– Положительно отношусь к вашему предложению.

Начальник хохотнул.

– Но я же вам еще ничего... А, впрочем, чего тянуть: да, я хотел вам предложить поехать в долговременную командировку, но вы должны хранить эту информацию в секрете и обязаны подписать кое-какие бумаги. Можно сделать это прямо сейчас, не выходя из кабинета, если вы, конечно, согласны.

Королев задержал взгляд на Сигизмунде и спросил:

– А жене можно позвонить?

– Нет, – ответил начальник и достал следующую сигарету.

В кабинете, вместе с сизым дымом, повисло тяжелое молчание.

– Ну, так решайте, – сказал Сигизмунд, прищуривая правый глаз, и выпуская жирную струю дыма. – Расценки вы знаете, примерные сроки тоже...

– Да, да: контракт на полгода – я помню, – перебил его

Королев.

– Ну, вот, видите – все прекрасно осведомлены. Вы же обсуждали эту тему дома, не так ли?

– Конечно, – тихо отозвался Корольев.

– Ну, и прекрасно. Значит, все будут в курсе, что вы приняты на работу.

– Но я должен предупредить... – начал, было, Корольев, но начальник резко махнул рукой.

– Да бросьте уже! Сколько вы сидели без работы, и сколько еще просидите?

Корольев пожал плечами.

– А я знаю! – он мощно выдохнул дым из носа, – До конца жизни можно просидеть и палец о палец не ударить, чтобы найти что-нибудь стоящее. И вы мне будете говорить о звонке домой? Смешно, в вашем-то положении.

«А он не церемонится», – подумал Корольев и втянул голову в плечи, будто ждал, что ему сейчас дадут по затылку.

– И не тряситесь вы так, – продолжил начальник, – возьмите себя в руки. Вам же нужны деньги, как и всем в этом городе. Так почему бы не воспользоваться случаем и не принести пачки новеньких купюр вашей разлюбленной жене и теще? Вы ведь, с тещей живете, правильно?

Корольев кивнул.

– Ну, вот, видите, – я почти всё о вас знаю, не задав ни одного вопроса о вашей жизни. И заранее знаю, что вы согласитесь на мое предложение, только отчего-то юлите и прикиды-

ваетесь забитым маленьким человечком. Это не ваш стиль, господин Королев.

Тут Петрович вынул голову из плеч и задал весьма нескромный вопрос:

– А какой у меня стиль?

Тут они с толстяком вновь заговорщицки переглянулись и громко рассмеялись.

– Не зацикливайтесь на мелочах – это не ваше, поверьте. Сосредоточьтесь лучше на деле, а именно на том, как приятно будет работать в совершенно непривычной для вас обстановке.

Королев удивленно смотрел на начальника.

– Интересно, правда? – задал ненужный вопрос Сигизмунд. – Но это не главное. Сейчас мой помощник проводит вас в отдельную комнату, приготовленную специально для вас, и даст время для отдыха перед дальним перелетом.

Петрович снова вылупился на него непонимающими глазами.

– А разве я уже сегодня полечу туда... ну, в то место, где работа?

– Вы что же, не внимательно читали то объявление на сайте? Ну, голубчик, помилуйте, как можно быть таким... таким... даже не знаю, какое слово подобрать. В объявлении черным по белому было написано, что, как только человек принимается на работу, он тут же едет до нужной точки, значительно удаленной от места теперешнего проживания на-

нятого работника. Как, вы и этого не помните?

Королев помотал головой.

– Ладно, сошлемся на вашу невнимательность и общую нерасторопность. А теперь, как говорил товарищ Ленин: «спать, спать и еще раз спать».

Королев пошел вслед за толстяком, семенившим впереди короткими ножками. Королев только сейчас про себя отметил, что коридор как-то подозрительно сузился и, будто, потолок стал ниже.

Когда они дошли до нужной комнаты, толстяк вынул из кармана маленький серебристый ключик и отдал его Королеву. Петрович взял ключ и стал открывать дверь, невольно провожая взглядом удаляющуюся фигуру толстяка.

Он вошел в комнату и увидел кровать, стол и стул. Обстановка живо напомнила ему те простые гостиничные номера, в каких он останавливался, когда ездил по командировкам. Он присел на старый стул, достал из портфеля железную кружку с кипятильником и поставил ее на стол. Ну, всё – теперь он был почти как дома, только вот жены с тещей не хватало. Петрович плюнул три раза через плечо, налил в кружку воды из под крана, и воткнул в розетку кипятильник.

Глава 3

Он стоял у окна. Солнце садилось за зубчатую линию многоэтажек, выстроившихся далеко на горизонте. Около здания, в котором сейчас находился Петрович, и вдалеке на шоссе, загорались оранжевые шары уличных фонарей. Его

глаза смотрели на это вечернее великолепие, но не видели ничего, кроме неясных картин, рисуемых его воображением. Все мысли были далеко отсюда – где-то посередине одного из четырех океанов. Размытые очертания того места, куда его должны были отправить, не успели сформироваться в четкую картину: неожиданно громкий стук в дверь заставил его выплыть из своих туманных грёз и отвернуться от багрового заката.

Когда он повернул ключ в замке, дверь вдруг сама отворилась – на пороге, с довольным видом, стоял толстяк.

– Ну, всё – пора в дорогу, – сказал тот и тут же развернулся, чтобы уйти. Королев не выдержал и сказал с неприятной дрожью в голосе:

– Да постойте же вы. А вещи мои?

– Берите скорее! – крикнул, не оборачиваясь, толстяк, и зашагал еще быстрее. – Двин ждате не будет! – заорал он еще громче из глубины коридора.

– Куда он денется? – прошипел Королев, и, сунув в портфель кружку с кипятком, поплелся за толстяком.

Они спустились к выходу. Около высокого мраморного крыльца, в перекрестном огне ярких уличных фонарей, стояло такси, блестевшее своей желтой лакированной крышей. Рядом с машиной стоял Сигизмунд Ромуальдович. Приглашающим жестом он указал Петровичу на заднюю дверь, а сам сел рядом с водителем.

Путь был не близкий, но машина с лихвой компенсиро-

вала молчаливую скучную езду высокой скоростью. Ночная дорога освещалась будто солнцем – энергия была ключом из всех плафонов: шарообразных, плоских, продолговатых узких и широких с защитными решетками. На тротуарах не было ни одного человека – всё словно бы вымерло, или, может быть, людей заранее предупредили, чтобы они не попадались в поле зрения Сигизмунда, сидевшего сейчас с хмурым сосредоточенным лицом, будто готовилось что-то серьезное. Королев не умел читать мыслей, но он понимал одно: пока он еще находится в такси, он волен делать всё, что ему вздумается. Но ничего такого делать ему не хотелось, поэтому он сидел смирно, молча глаза на далекие и близкие дома, покрытые спящими огоньками квартир, словно большие клетки городского зоопарка получили, наконец, подсветку, и теперь под этим светом очень уютно живет, как змеям, так и кроликам, мирно жующим свой мятый лист капусты.

Когда они приехали в Шереметьево, Сигизмунд повел Королева не к центральному входу в аэропорт, а каким-то окружным путем, обходя огромное здание. Далеко в стороне осталось широкое взлетное поле, откуда взлетали гигантские самолеты. Они пришли на довольно маленький аэродром, о котором, скорее всего, знали не многие. И тут, словно в подтверждение смутной догадки Петровича, Сигизмунд сказал: – Я тут чартер заказал, так что, мы без общей суеты, прямым рейсом полетим с комфортом, – и странно улыбнулся.

Когда они поднялись на крохотный двухмоторный самолет, внутри уже сидело три человека с автоматами.

– Для нашей же безопасности, – будто извиняющимся тоном сказал Сигизмунд. – Воздушные пираты, знаете ли, есть на самом деле, а не только в приключенческих книжках, – он вновь улыбнулся, только на сей раз, это была вынужденная дежурная улыбка: очевидно, люди с автоматами были тому причиной.

Восемь часов полета прошли незаметно, тем более, что Королев спал, как сурок.

Прилетев на место, они вышли из самолета. Еще до его полной остановки, Королев скорее ощутил, чем увидел, что прилетели они на такой же маленький, как и в Шереметеве, аэродром, только сейчас он утопал в черноте ночи. Слабые огни светились лишь на высокой башне диспетчеров, но от них не было никакого толку. Других самолетов, как и прочей подсобной техники, видно не было.

Как только открылась дверь самолета, в лицо ударил сильный влажный ветер.

– Давайте поторопимся! – крикнул Сигизмунд, и быстро сбежал по короткому трапу.

Королев почувствовал, как ему обожгло лицо чем-то острым, будто несколькими лезвиями порезали кожу.

– Лучше отвернитесь! – вновь крикнул Сигизмунд сквозь ветер. – Это лавовый песок и он очень острый, так что берегите глаза!

– Что же это за место такое? – заорал в ответ Королев, но Сигизмунд ничего не ответил: он лишь махнул рукой, мол, иди – не отвлекайся.

Королев послушно шел за своим начальником, пытаясь разглядеть местность сквозь нагоняемый ветром густой туман. Похоже, что рядом было море, или озеро, но в ночи нельзя ничего разглядеть, кроме черного крупного песка, освещаемого фарами машины, стоявшей в ста метрах от самолета.

Ехали они быстро. Королева укачало и снова потянуло в сон. В машине Сигизмунд протянул ему две какие-то таблетки:

– Возьмите – в дальнейшем они будут вам необходимы.

Через двадцать минут они оказались около низкой бетонной будки, вделанной в скалистый массив, внутри которого располагалась основная часть объекта. Королеву показалось, что здесь притаился пулеметчик, но, когда они вошли внутрь, ничего угрожающего он не увидел. В темных углах низкого холла тихо стояли, по одному, те самые автоматчики, которые сидели в самолете. «Не может быть, как они успели?» – подумал Королев, но тут же списал это на утомительный перелет и быстро забыл как об автоматчиках, так и о самолете.

Сигизмунд показал свой пропуск человеку в форме.

– В сопровождении, – сказал он охраннику, и тот, не задерживая взгляда на Королеве, пропустил их обоих, при

этом сообщив что-то по рации.

Другой охранник, стоявший чуть дальше по ходу движения, потребовал у Королева телефон.

– По окончании договора ваша собственность будет вам возвращена.

Королев кивнул, ни на миг не расстроившись – он всё равно не хотел никому звонить, да и не с кем ему разговаривать, кроме жены и тещи. «Пусть поскучают», – подумал Королев, злобно сверкнув очками. Однако, странно, что телефон не отобрали еще там, в Москве. Хотя, чему он удивляется, когда такой шаг со стороны работодателя мог запросто спугнуть Королева, и он отказался бы и от поездки, и от этой работы. «Да, рисковать они не любят», – отметил про себя Петрович, молча следуя за Сигизмундом.

Они прошли дальше по коридору, и Королев увидел эскалатор, как в московском метро. Он даже, было, подумал, что и не уезжал никуда, и что весь этот перелет был лишь его фантазией. Но, как только он ступил на черные ребристые ступени, полотно эскалатора тут же дёрнулось и плавно поехало вниз, что, странным образом, вернуло Королева к реальности. На стенах висели плакаты с нарисованными на них солдатами и с надписями на китайском, наверное, языке.

– А теперь положите таблетки в рот, – тихо сказал Сигизмунд.

Королев повиновался.

Эскалатор спускался всё ниже и ниже. Королев чувство-

вал, что ему не хватает воздуха, но Сигизмунд, увидев его вдруг побледневшее лицо, тут же предупредил, что сейчас нужно успокоиться, и тогда организм, из-за нехватки кислорода, сам настроится на то, чтобы брать его из своих же собственных клеток. Катализатором для реакции служила специальная таблетка, которая лежала сейчас в желудке Королева и спокойно растворялась пищевыми соками. Потом полученная смесь должна распространиться по всему телу, и у человека сложится впечатление, что он дышит чистым воздухом без всяких ограничений. Самое интересное, что это не будет самообманом: организм получит необходимую часть кислорода, так что, кислородное голодание исключалось.

Они спустились на три километра, как сказал Сигизмунд. Сейчас Королев не чувствовал нехватку кислорода, но скоро...

– Скоро вам нужно будет принять кислородный коктейль, – сказал Сигизмунд, по-прежнему внимательно глядя на Королеву.

Эскалатор остановился. Перед ними был мрачный коридор, тянувшийся на несколько километров под островом. Повсюду стоял запах карбида, брошенного в воду. Через каждые сто метров попадались автоматчики в противогазах.

– Ночная смена, – сказал Сигизмунд, повернувшись к Петровичу, – караулят, чтобы вас не украли, – он попытался улыбнуться, но вышло кривовато. Тем не менее, Королев оценил солдатский юмор начальника, однако вслух решил

ничего не говорить.

Из общего коридора, направо вбок, шло небольшое, в десять метров длинной, ответвление, похожее на аппендицит в огромном организме. Они подошли к большим стальным дверям, единственным в этой части объекта.

– Ну, вот мы и на месте! – весело сказал Сигизмунд, сунув пластиковый пропуск в щель. Дверь открылась.

Перед глазами Королева предстала огромная комната, в которой располагалось, по меньшей мере, две сотни кроватей, как в какой-нибудь казарме, или госпитале. В помещении было пусто. Где-то под потолком жужжали невидимые кондиционеры, отчего воздух был свежим, как в лесу. Разительный контраст с воздухом коридора поразил Королева, но удивление длилось не долго – голос Сигизмунда вновь вывел его из оцепенения.

– Вот ваша кровать и тумбочка для личных вещей: всё, как в хорошем пионерском лагере. Бывали когда-нибудь в Артеке? – спросил он, с хитрецей в глазах.

– Никогда, – ответил Королев и закашлялся, – не довелось, знаете ли.

– Понимаю, понимаю, – Сигизмунд похлопал Петровича по плечу. – Располагайтесь и отдыхайте, а мне пора назад, в Москву. Может быть, завтра снова прилечу. До свидания.

– До свидания, – пробормотал Королев и положил свой портфель на кровать, застеленную синим суконным одеялом. На секунду он отвернулся, засмотревшись на хроми-

рованную тумбочку, в столешнице которой отразилось его бледное и, всё еще, удивленное лицо. Он хотел спросить, где здесь туалет, но Сигизмунда и след простыл.

Глава 4

Король прилег, не раздеваясь, и провалился в сон до того момента, пока не услышал шум многих голосов. Он открыл глаза и присел на кровати. Кругом были люди разных национальностей, говоривших на разных языках и не обращавших на Петровича никакого внимания. Кто-то играл в шахматы, кто-то читал, некоторые ходили с задумчивым видом, сосредоточенно глядя себе под ноги, но, не видя чужих ботинок или книг, разбросанных на полу, спотыкались и виновато озирались вокруг только для того, чтобы через мгновение снова погрузиться в свои мысли. Другие просто спали, накрывшись синими одеялами, какие были здесь у каждого жильца: их никто не трогал – каждый был занят своим делом.

Прошло пять минут, прежде чем к нему подошел человек и представился:

– Наумочкин Эс Эс.

Вот так прям и выговорил, как будто там, в этом самом эс эс, он и работал.

– Король, – ответил Петрович и интеллигентно кашлянул, то есть, в кулак. Теща очень любила такую его привычку и постоянно говорила ему об этом, восхищенно глядя в глаза, которые он всегда от стеснительности отводил. Он со странным чувством отметил, что подумал про любимую те-

щу в прошедшем времени, но тут же об этом забыл.

– Мне поручено сопровождать вас некоторое время, пока не обвыкнетесь, – сказал Наумочкин.

– Звучит прекрасно, – ответил Королев, чувствуя, что будет здесь как дома, то есть, не там, в Москве, в чужой квартире, а именно в своем доме, где он сам себе хозяин, который занимается, чем хочет...

– Может быть, зайдем в столовую? – тут же предложил Наумочкин.

– Почему бы и нет, – с готовностью отозвался Королев, – тем более, что мне надо подкрепиться кислородным коктейлем.

– О, этого добра здесь навалом, – равнодушно ответил Наумочкин и направился к выходу. Королев поспешил за ним.

– Кстати, – сказал Наумочкин, когда они шли по длинному коридору, – можете уже проверить свой счет на карточке.

– Но у меня ее пока нет, – отозвался Петрович.

– Ничего страшного – вам ее выдадут прямо в столовой: у нас здесь всё просто – без проволочек. Вам достаточно предъявить паспорт, и в следующую минуту ваша карта будет готова.

– Прекрасно, – радостно ответил Королев, ощущая себя настоящим добытчиком. Теперь уж Варвара, свет, Тихонова не посмеет сказать в его сторону, что он распоследний лошара и неудачник по жизни. Да и Ритка по-другому будет к нему относиться, хотя...

Это странное слово «хотя» несколько его напугало, как некое предчувствие, которое приходит внезапно к человеку, совершенно к нему не готовому.

– Ну, вот мы и пришли, – сказал Наумочкин, и пальцем показал ему на столик в углу, за которым сидела женщина в красной форме.

Королев подошел к столику и представился, попутно доставая паспорт из нагрудного кармана.

Женщина коротко взглянула на фотографию, потом на Петровича, и протянула бумажку – заявление о просьбе оформить карту. Всё действие продолжалось не более двух минут, за которые Королев успел даже заметить в столовой несколько банкоматов, около которых не было ни одного человека.

Когда он отдал заявление, женщина что-то набрала в своем компьютере и сказала:

– Теперь можете пройти к любому аппарату и посмотреть баланс.

– Уже? – удивился Королев.

– Да, – спокойно ответила она, – у нас всё делается быстро. До свидания и, на всякий случай, приятного аппетита.

– Спасибо, – ответил Петрович и радостно прошагал к ближайшему банкомату.

Цифры на чеке приятно его удивили – триста тысяч рублей уже лежало на его счету. «И что, можно сейчас же ими распорядиться?», – задался он простым житейским вопро-

сом. «Конечно, – тут же ответил он сам себе. – Вот как так не жить, а?»», и снова, вставив карту в аппарат, нашел в меню фразу «перевести на счет». Он сразу же отправил все деньги жене, благо вся информация об ее счете была написана на мятой бумажке, которая всегда лежала в обложке его паспорта. Теперь Петровича распирала гордость от такого крупного «вклада» в семейный бюджет. И когда он неспеша потягивал кислородный коктейль, никто не мешал ему наслаждаться мыслью, что теперь он «мужик в доме»; что никто не сможет его укорить в полнейшем бездействии; что теперь он, практически, свободный человек, правда, находящийся под землей, но с кем не бывает, не так ли?

– Ну, как дела? – спросил его неожиданно подсевший Наумочкин.

– Лучшего и желать нельзя, – отозвался Королев и потянулся, как после долгого приятного сна.

Наумочкин как-то странно на него посмотрел, но выдал лишь сухой безжизненный текст:

– Вот и хорошо. Теперь, с вашего позволения, я должен проводить вас обратно в спальню и заняться своими прямыми обязанностями: завтра у вас начнется первый рабочий день, и надо хорошенько выспаться.

– Полностью с вами согласен, – кивнул Петрович и встал со своего места.

Перед отбоем, когда в комнате отключили весь свет, эта фраза о настоящем мужике вновь всплыла в мозгу Королева,

и он уснул счастливым, сильным и уверенным в себе человеком. «А, ведь, так будет каждый месяц», – успел додумать он мысль, и тут же отрубился.

Глава 5

– А где мы вообще находимся? – спросил Корольев Наумочкина Эс Эс на следующий день. Он понял, что, наглухо законопаченный под землей коллектив более располагает к общению, нежели те, которые сидят на материке под ярким солнцем. Здесь вряд ли есть место интригам и не нужным тайнам, кроме, конечно же, самых, что ни на есть, «секретных секретов».

– Даю вам справку, – тут же откликнулся на просьбу Петровича «открытый» сотрудник. – Мы располагаемся на Азорских островах, что посередине Атлантического океана. Наш остров, Фаял, имеет свой аэродром – Орта, как, впрочем, имеют их и другие острова данного архипелага. Эти острова – официальный кусок Португалии, о чем красноречиво свидетельствует флажок, прикрепленный на флагштоке башни диспетчеров аэродрома, но увидеть его можно только когда выползешь наружу, что удается далеко не каждому. Не официальные хозяева здесь – мы, то есть наши боссы, которые не хотят огласки своей деятельности. Они много чего сделали за долгие годы своего пребывания здесь.

Тут Наумочкин прервался с той целью, чтобы дойти до ближайшей кофемашины и налить себе бумажный стаканчик кофе.

– Будете? – предложил он свой стакан Королеву, но тот неуверенно пожал плечами. Наумочкин не стал его больше спрашивать и, отхлебнув глоток, продолжил свой рассказ.

– Наш остров на восемь километров отстоит от другого острова – Пику, имеющего гору Пико. Ее высота две тысячи триста пятьдесят один метр. Официальная версия звучит примерно так. Гора Пико, как и остальные острова вулканического происхождения, которые, по сути, и есть горы в океане, является действующим вулканом. Так вот, на самом же деле, информация про вулкан – это хорошо оплаченное вранье, организованное нашими боссами. Страшилку придумали в 70-х годах двадцатого века, чтобы отпугнуть как любопытных туристов, так и притких бизнесменов, пытающихся застроить любую свободную точку на планете. Информация – это такая штука, с помощью которой можно убедить кого угодно в чём угодно, что с успехом используется сильными мира сего.

От наших лабораторий до горы Пико, в толще островного перешейка, проложен шестикилометровый туннель с двумя ветками метро – основной и аварийной. На разных участках метро есть ответвления, которые тянутся к другим островам, и те «ветки» расположены еще глубже и, соответственно, ближе ко дну океана, но там уже вотчина военных, и они делают чёрти что на своей половине, можете мне поверить на слово. Короче, в этом месте Атлантики целый подводный город неопределенной площади и глубины залегания, как бы

смешно это ни звучало.

Благоприятные условия изоляции позволили нам сделать в горе Пико самую глубокую и, одновременно, самую высокую шахту в мире. Представьте, что электричка нашего метро, прибывает на конечную станцию. В конце перрона номер два перед вами возникают восемь грузовых лифтов. Лифты расположены по кругу, как патроны в барабане восьмизарядного револьвера. Эта разработка нашего технолога даже получила признание на закрытом собрании «Американской ассоциации по изготовлению грузовых лифтов», правда, об этом мы распространяемся лишь в пределах нашего объекта.

Лифты у нас, как я уже сказал, грузовые, стандартной грузоподъемностью пять тонн. Крепкие железобетонные шахты для них делались пять лет, и работы велись практически без перерывов. Для семидесятых годов эта была очень большая нагрузка. Представьте себе десятки строительных вертолетов и сотни судов с необходимым материалом – и это всё в обстановке строжайшей секретности! Конечно, тогда никаких туристов сюда не пускали, и даже придумали страшилку, что скоро острова, из-за вулкана, взлетят на воздух. Шумиха сделала свое дело: за все время строительства на архипелаге не было ни одного лишнего человека, ни одного компрометирующего слова в газетах... Я почему вам так подробно всё излагаю: начальство хочет, чтобы у вновь прибывшего персонала количество вопросов было сведено к минимуму – вот мы и стараемся довести информацию в полном объе-

ме. Извините, отвлекся. Так вот, для каждого лифта сооружена отдельная шахта. Повторюсь, это была очень трудоемкая и затратная работа, но, как говорится, чего не сделаешь ради мира на Земле. Двери шахты ручные, распашные, двустворчатые. Они расположены в передней стене шахты, как у большинства стандартных лифтов. Но здесь двери имеются и в задней стене шахты, чтобы был доступ к внутреннему пространству шахтного ствола. То, что можно установить во внутреннем межлифтовом стволе, знают только военные, и допуск к задним дверям лифтов имеется только у них. Проходят они в шахту по специальным проходным картам (вам такую не дадут – не надейтесь). Но вы не загружайтесь так – вас это не коснется, так как относится сие к экстренным случаям, а на моей памяти (я тут почти год работаю) такого еще не было. Жаль, деревяшки нет, а то постучал бы. Вы, кстати, не суеверны? А то, знаете ли, бывали у нас случаи, что некоторые видели призраков в тоннеле метро, но тех горе-сотрудников давно уволили, так что, не увлекайтесь – ибо чревато последствиями. Дальше, ширина кабины лифта три метра, глубина – четыре, а высота – два с половиной. В общем, ничего не обычного – стандартные лифты, я имею в виду, стандарты 70 – х годов прошлого века.

– Зачем такое количество лифтов, разве там и двух мало? – спросил Королев, но тут же пожалел об этом: Наумочкин прервался и несколько секунд смотрел на Петровича, видимо, соображая, стоит ли дальше выкладывать секретную

информацию новоприбывшему. Но Королев не дал ему додумать и задал следующий вопрос:

– Вот, вы говорите, это лифты револьверного типа...

– Простите, – прервал Наумочкин, – но это вы так говорите... Впрочем, может быть вы и правы. Какой был вопрос?

– Да, так вот, – сказал Королев и кашлянул, – зачем такие сложности? Почему не использовать обычные шахты со спаренными кабинами, как в наших российских многоэтажках?

Наумочкин терпеливо выслушал возражение Королева, скрытое в этом вопросе, и затем выдал такое, что заставило Королева прикусить язык.

– Потому, друг мой, что здесь нужно мыслить стратегически. При необходимости поднять или опустить в короткое время большое количество груза понадобится больше, чем два лифта, что и так понятно. Другая проблема заключается в том, что в горе Пико нельзя сделать широкий шахтный прямоугольный ствол под восемь лифтов, стоящих в один ряд. Поэтому решили прибегнуть к револьверному типу лифтовой конструкции.

На самом верху горы сооружены машинные помещения лифтов с отдельными выходами наружу, опять же, только для военных. Да, и еще один нюанс: лифты обслуживает бригада монтеров.

– А я тогда зачем нужен? – спросил, ошарашенный новостью, Королев.

– Вы будете на подхвате, что совсем немаловажно, а ино-

гда и спасительно в экстренной ситуации, но это, скорее, редкость, чем норма. На всякий случай, поизучайте схемы лифтов – вам их выдадут в конце рабочего дня.

Еще один момент. Народ, по большому счету, туда, к лифтам, не ездит – основная работа сосредоточена здесь, в лабораториях. На остров Пику едут, в основном, с готовыми партиями товара, а там уже, путем доставки через другие ветки метро, прямиком к подводным портам, откуда груз развозится по намеченным точкам по всему миру.

– А что за груз такой? – поинтересовался Королев.

– Не все сразу, коллега, – ответил Наумочкин, отвернувшись от Петровича. – Да и потом, вам это совсем не нужно – ваши обязанности будут ограничиваться пределами маленькой слесарной мастерской, куда мы направимся завтра. Обычно вновь прибывшим мы даем три дня на акклиматизацию, но в последнее время эти сроки были пересмотрены, поэтому вам отводятся лишь сутки для теоретического знакомства с объектом, так что – привыкайте быстрее к новому дому.

Наумочкин не делал перерывов в своих объяснениях – сэкономил время. Тут же он перешел к главному, а именно, к тому, что касалось работы Королева.

– Итак, – сказал он, холодно блестя стеклами золотых очков, – первым вашим заданием будет то, что указано в этом списке, – с этими словами Наумочкин вытащил из кармана лист бумаги со списком необходимых деталей. – Это нужно

начать делать сразу же, как только мы переступим порог вашей мастерской. В дальнейшем вами будет руководить прилетающий сюда господин Кульков. Точно не могу сказать, во сколько завтра он прибудет на объект, но вам, до его появления, нужно будет влиться в рабочий процесс – время дорого, знаете ли.

В этот момент что-то блеснуло в глазах Наумочкина, но он, как ни в чем ни бывало, продолжил обзор научного объекта.

– Теперь вкратце о самой шахте в горе Пико. Вниз она уходит на десять километров, и могла бы идти еще глубже, но есть риск нечаянно разбудить вулкан. С другой стороны, если возникнет угроза вооруженного захвата объекта, то вулкан будет легко разбужен с помощью глубинных ракет, и все острова зальёт магмой и засыплет радиоактивным пеплом. Это всё, что касается подводной части шахты. А вот её верх пришлось оборудовать около пяти трудных лет. Представьте: пробивать тяжелую породу застывшего камня, расплавленного две тысячи лет назад, было ох как нелегко. Правда, и оплата в те времена шла будь здоровчик – хватило бы нескольким поколениям в нашей стране, если бы не 90-е... Да, так вот, при этой работе нужно было пройти всю гору насквозь, то есть, примерно два с половиной километра в высоту. На самом верху горы Пико (мы ее называем «Черной горой») прорубили, что называется, окно, где друг над другом в шахматном порядке сооружены технологические эта-

жи для лифтов и наблюдательные станции. Наши хотели еще там радары установить, но, из соображений опасности обнаружения, отказались от этой идеи, тем более что сейчас по-прежнему высока туристическая активность на соседних островах...

Наумочкин еще долго посвящал Королева в детали, из которых выяснялось, что обороноспособность острова стоит на высшем уровне, и что никто никогда не сможет взять эту крепость. Однако, только сейчас Королев понял, что если ему всё так подробно рассказывают, значит, его отсюда не выпустят. А если ему повезёт сбежать, когда вдруг захочется, то его везде найдут и уничтожат, как ценного и опасного свидетеля. Но, с другой стороны, большие деньги за его работу, которые он намерен отправлять домой, также будут платить и за его молчание. Да, такая зарплата навсегда снимет с него клеймо безработного. Тогда, хоть и в памяти родных, но он будет настоящим человеком, позаботившимся о своей семье ценой жизни... Будет ли кто ждать его дома, вот в чем вопрос. Жена может загулять (он чувствовал это в последнее время), а теща будет потворствовать ее похождениям – та еще стерва, и он никогда ей не доверял. Однако, сейчас лучше думать о хорошем, и не ходить с кислой рожей по объекту, чтобы не вызывать лишних вопросов.

Глава 6

Сегодня Королеву снилась какая-то чертовщина. Босым бродил он по черному острову, раздирая в кровь ноги об

острый лавовый песок. Когда взбирался на высокую гору за маленькими фиолетовыми цветами, разодрал себе до костей руки. Он потянулся за цветком, который вдруг возник перед его глазами, и как только пальцы коснулись нежного стебля, Королев тут же сорвался с горы, и кубарем полетел в зеленый океан, где его поджидали десятки голодных акул. Их пасти с сотнями острых зубов были открыты, подобно красным капканам с белой неровной каймой, готовые захлопнуться в любой момент...

Петрович проснулся мокрый от пота. Вокруг было тихо, если не считать отдаленного храпа и мерного жужжания кондиционера под высоким потолком. Когда он вновь закрыл глаза и попытался уснуть, из головы не лезло воспоминание о странном взгляде Наумочкина. Этот человек, казалось, уже не боялся самого страшного, словно оно с ним давно произошло здесь, на этом острове, и он заранее знает, чем все должно закончиться. Хладнокровное поведение Наумочкина, опытного сотрудника, могло бы успокоить любого новичка, но Королеву, почему-то, было не по себе от спокойных серых глаз, когда их хозяин лишь намекнул о боевой мощи островитян. Пусть Наумочкин промолчал о вооружении и намерении неофициальных хозяев острова, Королев, все же, чувствовал, что эти лихие ребята, в случае чего, готовы обороняться всеми доступными средствами, чем были похожи на настоящих смертников, ценою собственных жизней оберегающих свои тайны.

Королеву все меньше и меньше нравились страшные свои догадки, однако, он ничего не мог с собой поделать: долгое время безработицы сделало из него настоящего философа паники, который не уверен не только в завтрашнем дне, но даже и в следующем часе.

В семь утра Королев и несколько его соседей по комнате вышли в коридор. Пройдя метров двести, они, вдруг, потеснились в правую сторону. Кто-то потянул Петровича за рукав, и он оказался прижатым к белой мраморной стене. Позади этой группы показались крытые тележки, в которых что-то барахталось и пищало.

– Крыс повезли, – сказал один из соседей Королева.

– А, может, кроликов? – предположил другой.

– Скорее всего, и тех и других, – отозвался третий.

Королев решил не задавать лишних вопросов: он и так догадался, что на территории базы может находиться биологическая лаборатория – не зря же везде такая секретность. Однако, в столовой, его будто черт за язык дернул: спросил одного из своих соседей, куда, мол, везли животных. Тот посмотрел на него, как на младенца и добродушным тоном ответил:

– Вырастешь – поймешь.

Через мгновение он добавил:

– Если оно вам действительно надо, спросите у своего «гида», и, если он сочтет нужным, то поставит вас в известность абсолютно по всем вопросам.

Королев понимающе улыбнулся и стал завтракать с таким

чувством, будто освободился от бремени ненужных вопросов. Он давно знал, что чем больше молчишь, и чем тише себя ведешь, тем легче живется на этом свете, и даже желудок не так сильно урчит, когда подавляешь в себе желание спросить что-нибудь не по делу.

Прошло пятнадцать минут после того, как Королев сел завтракать. Он не сразу заметил, как к его столику спешит Наумочкин.

– Прошу прощения за опоздание, – скороговоркой проговорил тот, протягивая руку всем, кто сидел за столиком. – Первый раз в жизни проспал, извините еще раз. Я за вами, – обратился он к Королеву. – Быстрее доедайте и пойдем уже до вашей мастерской.

Королев кивнул, с трудом проглатывая кусок котлеты, совершенно забыв про компот, стоявший напротив его тарелки.

Он вскочил со стула, и, пожелав всем приятного аппетита, побежал вслед за Наумочкиным, спешившим, как на пожар.

Как только они вошли в мастерскую, первое, что бросилось в глаза, было два ряда токарных станков, коих числом было шесть. Королев не спеша прошел между станками, и остановился возле сверлильного, стоявшего вдалеке на столе с крепкими толстыми ногами. Старый, еще с советских времен, с облупившейся на жестяном кожухе красной краской, он вдруг всколыхнул в Королеве воспоминания школьных лет, когда вот так же, десятилетним мальчишкой, он сверлил

на таком же станке металлические пластины – крепежи для черенков к лопатам для уборки снега...

Королев вернулся к стоявшему у входа Наумочкину и еще раз окинул взглядом мастерскую. На правой стене, недалеко от входа, висел большой плакат без названия. На нем была изображена черная гора, вершина которой скрывалась за белой шапкой облаков. «Наверное, это и есть та самая Пико», – подумал Корольев.

В левой стене виднелась дверь, блестящая новым железом, которым она была обита совсем недавно.

– Это склад, правда, маленький, но там есть все необходимое для вашей работы, – сказал Наумочкин, указывая пальцем на дверь. – Можем прямо сейчас пройти и посмотреть, что там есть.

Для входа на склад нужен был пластиковый пропуск, который Наумочкин тут же выудил из своего кармана и отдал Королеву.

– Кстати, этот пропуск будет у вас и для замка от входной двери в мастерскую.

– Спасибо, – ответил Корольев, и провел пропуском по щели считывателя. Щелкнул магнитный замок. Заскрипела, открываясь, дверь склада. Из темноты пахнуло металлом и пылью. Наумочкин, знавший, где расположен выключатель, щелкнул клавишей – зажегся желтый свет: лампы были прикручены под потолком, на противоположной от входа стене. Королеву хорошо было видно пространство склада. На стел-

лажах, прикрепленных к стенам, громоздились куски металла, в виде болванок, прутков, уголков. Иногда, из этой груды, можно было выудить хорошие целые листы незакаленной стали, годной для разного рода креплений.

Когда они вышли со склада, откуда-то в мастерской появился серый кот: он уставился на Петровича круглыми неподвижными глазами, отливающими в неоновом свете ламп изумрудной матовой изнанкой радужной оболочки, будто елочный шарик в разрезе показал своё нутро.

Королев тоже, не отрываясь, смотрел на кота, пока тому не надоело глядеть на человека, и он, неожиданно отвернувшись от Петровича, стал облизывать себе спину и хвост.

Наумочкин ушел, пожелав успехов в труде, и Петрович, развернув вчерашний список заданий, приступил к его изучению. Первым делом надо было изготовить десять болтов нестандартного размера. Потом нужно сделать столько же гаек к ним.

– Ох, и здоровы же они, – вздохнул Петрович. Он вернулся на склад, и, подойдя к стеллажу с нужным материалом, практически в первую минуту нашел там огромные стальные болванки, необходимые для болтов. Он прикинул, что из их обрезков можно будет потом наделать и гаек.

Неожиданно открылась дверь мастерской. Королев выглянул со склада. На пороге стоял Наумочкин: он привел с собой какого-то человека.

– Знакомьтесь – это Сергей Леонидович Кульков, токарь

шестого разряда, ваш начальник.

Королев несмело кивнул и тихо сказал «здрасьте». Кульков протянул широкую розовую ладонь, и они обменялись крепким рукопожатием. Плотный, сильный на вид человек лет пятидесяти выглядел вполне довольным жизнью, веселым от такого назначения, энергичным в свете неоновых ламп. По сравнению с тусклым Королевым, у которого с утра раскалывалась голова, он смотрелся неунывающим спортсменом, готовым ставить любые рекорды. Петровичу стало неловко за себя, такого разбитого и неуклюжего, что он, не спросив даже, как Кульков добрался до места, пошел к ближайшему станку, закреплять болванку для резки болта нестандартного размера, нужного для крепежа подвесной балки противовеса лифта номер четыре, что «ползал» внутри горы Пико.

Глава 7

Ежедневно Кульков давал задания – Королев их исполнял. Кроме них двоих и, разумеется, кота, никто в мастерской больше не работал. Оставался открытым вопрос: кому нужны шесть огромных станков, когда, по-хорошему, заняты только два? Ответа никто не давал. Тогда наши мастера решили использовать станки, как дополнительную помощь, то есть, если надо было сделать десять изделий, Петрович с Кульковым заранее помещали болванки в зажимы всех шести станков, чтобы потом не тратить время на их установление, чем значительно сэкономили рабочие часы.

Каждый день они вкалывали до семи вечера. После работы вместе шли в столовую, заправлялись кислородным коктейлем (Кульков любил еще и пива выпить), и потом – до комнаты отдыха, где уже половина работяг играли в шахматы, в карты, смотрели телевизор, или просто спали. Другая половина народа, отсутствовавшая в комнате, оставалась в ночную смену, доделывая то, что не успели сделать в дневную. Как ни странно, но сменщиков у слесарей не было – считалось, что у них и так не большая нагрузка, а иначе никто не смотрел бы на них с неким превосходством, на что Петрович старался не обращать внимания, в отличие от Кулькова.

На следующее утро всё начиналось сначала. Как только Королев после завтрака приходил в мастерскую, он сразу же начинал доделывать то, что осталось с вечера. Каждый раз нужно было торопиться, чтобы не схлопотать нагоняй в виде штрафа.

Обычно через час после прихода Петровича, появлялось «начальство».

– Здорово, молодой! – орал, входивший в мастерскую, Кульков.

– Здорово, старый! – в тон ему отвечал Королев, стараясь перекрычать работающий станок.

Так каждое утро приветствовали друг друга мастер и подмастерье, иногда меняя обращение на «очкарик» и «толстый». Никто ни на кого не обижался – все были в одной лод-

ке, в которой надо было поддерживать ровные отношения.

– Сегодня новое задание! – крикнул однажды Кульков, стараясь переорать работающий станок. – Болтов более не точим, втулок разных тоже не делаем, ибо теперь возьмемся за хомуты!

– Какие еще хомуты? – удивился Королев.

– Обычные, как на водопроводных шлангах. Только будут они во сто раз крупнее!

– Это для чего же такая страсть? – вновь подал голос подмастерье.

Кульков бросил на него усталый взгляд и постучал пальцем по своему лбу, на котором обозначились глубокие морщины, до сегодняшнего дня не замечаемые Королевым.

– Для чего-то более крупного, чем обычные шланги! Понял?

Станок Петровича продолжал работать, но, похоже, Кульков был рад тому, что не надо шептать на ухо то, о чем вслух говорить опасно.

– Будем их резать, когда выкройку сделаем! – проорал Кульков.

– А где металл взять: листовой-то давно кончился?

Кульков махнул рукой, мол, выключай станок, и, достав мятую сигарету, щелкнул зажигалкой.

– В течение часа нам должны его доставить из нижеуровневого склада – вот и будем из него кроить и резать.

– А сейчас что делать? – по привычке проорал Королев,

в наступившей тишине.

Кульков почему-то боязливо оглянулся, будто с ними в мастерской был еще кто-то.

– Выкройку будешь чертить, – ответил он, и достал из кармана, сложенный вчетверо лист бумаги, на котором была начерчена схема хомута.

– Это, что называется, сложная кройка. Видишь, сколько выемок и «карманов» надо сделать? Прорези, опять же, посмотри какие вычурные, будто в них иголки какие-нибудь вставляться будут. Короче, вот эту схему нам надо увеличить в девяносто семь раз и всё расчертить на миллиметровке. Потом вырежем шаблон и аккуратненько, точь-в-точь, будем копировать на металл.

– А лазерных установок здесь нет, чтоб без всяких огрехов работу сделать? – спросил Петрович.

Кульков с силой выплюнул сизый дым.

– Ты на компьютере можешь работать?

– Только как средний пользователь, – сказал Королев универсальную фразу, чтобы больше не возникало вопросов об уровне его компьютерной грамотности.

– Вот, то-то, что средний, – огрызнулся Кульков. – Нет, будем по-старинке работать – карандашом и чертилкой.

Петрович кивнул.

– Ну что, сообразил, куда такой стальной «поясок» годен? – Кульков пустил серую струю дыма в потолок.

Петрович задумчиво посмотрел на предупреждающий

плакат о запрете курения на рабочем месте. Сдыхавшая неоновая лампа мигала второй день, мотая нервы, но никто не хотел лезть на стремянку, потому что у обоих болели спины.

– Могу лишь предположить вариант с какими-нибудь трубами.

– Правильно, – кивнул Кульков. – Ну, а еще?

– Ну, не знаю, для посуды они явно не годятся.

Кульков усмехнулся.

– Для вентиляции – тоже сомневаюсь: здесь все воздуховоды квадратного сечения, а наша выкройка – для круглых труб.

Кульков снова задумчиво кивнул.

– Если только... – Петрович остановился в своих гаданиях.

– Ну-ну, – поторопил его Кульков.

– У меня, правда, это лишь дурацкое предположение...

Если только речь не идет о каких-нибудь ракетах.

Кульков кивнул.

– Вот и я так думаю, – сказал он, вновь тыкая сигаретой в станок.

– Неужели вы думаете, что здесь есть ракеты? – спросил Петрович.

– А почему бы и нет? Остров, как ему и положено, изолированная территория: до материка почти две тысячи километров, как мне здесь говорили. Полста лет никто не мешал местному руководству всё здесь так организовать, чтобы...

– Не может быть... – прервал его Петрович.

Кульков поднялся со своего места.

– Ну, может, не может, а мы должны заниматься нашим заказом.

– Я только одного не пойму, зачем ракетчикам нужны хомуты?

Кульков наморщил лоб.

– Ну, очевидно, для корпусов. Больше я ничего придумать не могу.

– А что с корпусами не так: проржавели, треснули, или потерялись?

Кульков устало посмотрел на Петровича.

– Ты меня, что ли, спрашиваешь? Иди к ним сам и спроси, а они тебя пошлют куда подальше.

– Ну, понял я, чего там, – буркнул Королев.

– Понял – прекрасно, только от меня отвяжись – без тебя тошно.

– А что случилось?

– Ничего такого, – ответил Кульков, – только, вот, зарплату чего-то сегодня не дали.

– Почему?

– Не знаю.

– Ну, так узнать надо.

– У кого я узнавать-то буду? – взволнованно спросил Кульков, и вновь полез в карман за сигаретами.

– Полагаю, у Наумочкина – он у нас здесь всё знает.

– Правильно полагаешь, – отозвался Кульков, – вот у него и спрошу.

Пару минут они просидели в полном молчании. Наконец, Петрович почесал в затылке, и сказал:

– Да, работы предстоит не на один час.

– Я бы сказал, не на одну неделю, но говорить этого не буду, – ответил Кульков. – Ладно, давай, принимайся за работу. Поищи сначала копирку: где-то здесь должны быть метровые листы для крупных заказов.

Королев кивнул и пошел в дальний угол мастерской к большим деревянным шкафам, где хранились инструменты, свёрла, резцы и прочий слесарный скарб.

Когда он открыл нижнюю дверцу среднего шкафа, то увидел там толстые рулоны каких-то схем. Вместе с ними лежали обрезки миллиметровой бумаги, но копирки Петрович не нашел. Тогда он полез в соседний шкаф: та же история – нет копирки.

– Не могу найти, – сказал он Кулькову, поднимаясь с колен и отряхивая брюки от железных опилок, разбросанных по всей мастерской. – Чего делать-то? Где искать?

Кульков сделал пару затяжек, и, швырнув окурок в поддон токарного станка, вышел из комнаты.

Петрович остался один. К нему подошел скучающий кот и один раз мяукнул.

– Жрать, наверное, хочешь? – спросил он у кота.

«Наверное, хочю», – ответили изумрудные глаза, и кот об-

лизал свой нос тонким розовым языком.

Петрович вздохнул и пошел в столовую, чтобы прихватить что-нибудь для кота, да и самому перекусить. По пути, он надеялся догнать Кулькова и узнать, где можно заказать кофирку, если уж никак ее нельзя найти в мастерской.

Когда Петрович шел по длинному коридору, он так и не встретил Кулькова – тот, скорее всего, убежал далеко вперед, или же нырнул в какую-нибудь лабораторию: на днях там, говорят, обновился женский персонал.

Дойдя до столовой, Петрович столкнулся в дверях с Наумочкиным.

– О, добрый день! – радостно сказал Наумочкин. – Как дела?

Королев почувствовал слабый запах алкоголя, исходивший от Наумочкина.

– Здравствуйте, – ответил он, – нормально. Моё начальство мимо вас не пробежало?

– Н-нет, – весело ответил Наумочкин и оглянулся по сторонам, видимо стараясь отыскать Кулькова среди людей, набившихся в столовой. – Слушай, Петрович, он тебе в слесарке не надоел? Чего ты за ним гоняешься?

Королев промямлил:

– Да, понимаете, ему зарплату не перечислили, вот он и ушел вас искать, чтобы разъяснить этот вопрос.

Наумочкин серьезно посмотрел на Королева.

– Во-первых, чего меня искать, когда я такими вещами не

занимаюсь. Во-вторых, это не ваше дело, господин Королев, что ему зарплату не дали. Если у человека возникают финансовые затруднения, то он обычно обращается в финансовую часть, которая у нас прекрасно функционирует. У меня же задачи вполне конкретные – вводить в курс дела новичков вроде вас, не более того.

– Понял, – тихо сказал Королев.

– Прекрасно! – резко ответил Наумочкин. – Еще есть вопросы?

Королев пожал плечами.

– Да так, был один нюанс, связанный с текущим заказом...

– Что за нюанс?

– Понимаете, мы тут предположили, что заказанные нам хомуты годятся для каких-нибудь ракет. Вот я и спрашиваю.

Наумочкин вздохнул и, положив ему руку на плечо, отвел Королева в сторону.

– Если шила в мешке не утаишь, значит, так тому и быть. Да, действительно, на объекте существует такая... служба. В общем, вы же в курсе, что всё новое – это хорошо забытое старое?

– Да, в курсе, – ответил Королев.

– Так вот, – продолжил Наумочкин, скрестив, для солидности, руки на худом животе, – в середине девятнадцатого века был такой оружейник Кристофер Майнер Спенсер. В тысяча восемьсот шестидесятом году он изобрел для винтовки прикладной магазин, в котором патроны шли друг за

другом, то есть, острие пули каждого последующего патрона упиралось в капсулю предыдущего. Под воздействием мощной пружины патроны выталкивались в ствол для последующего выстрела. Почти по такому же принципу устроена и наша ракетная шахта. Она чрезвычайно сложна в своем устройстве, но очень проста в использовании. В нашей шахте находится примерно сто ракет. Их могло бы быть намного больше, но, поверьте, что общей убойной силы этих «малюток», содержащейся в их зарядах, хватило бы для уничтожения нескольких городов-миллионников. Так что, наш остров – довольно грозная сила для того безумца, который однажды вознамерится напасть на нас. Что касается расположения ракет, то здесь всё очевидно: они отделены друг от друга толстыми плитами, сделанными из наипрочнейшего материала, который, кстати, создан на нашей базе. При запуске ракеты номер один, то есть, самой верхней, отработанные газы уходят в шахту, не причиняя вреда внизу стоящим ракетам. Газы проходят сквозь щели, специально оставленные между торцами защитных плит и стенами шахты. Ракетная шахта состоит из жаропрочного бетона, так что угрозы повреждения стенам нет. Отработанный газ, пройдя около сотни метров, выходит в боковой туннель, выходящий наружу – в сторону океана. Иногда, когда делаются пробные запуски, можно видеть, как пламя вырывается из «окон», сделанных по всей высоте горы. Но, как вы уже поняли, это могут видеть только туристы, которым заранее говорят о вулканической

активности Пико, правда, не опасной в то или иное время года.

После запуска верхней ракеты, плита, стоявшая под этой ракетой, отодвигается и автоматически сбрасывается на дно шахты, где ее потом подбирают и складировуют – она еще может пригодиться в будущем.

– И это всё? – наивно спросил Королев.

– Да – всё, – ответил, улыбаясь, Наумочкин. – А теперь, идите и работайте. Если вдруг я увижу вашего босса, то непременно ему передам, что вы его искали.

– Спасибо, – ответил Королев и пошел обратно, к себе в слесарку.

Когда Кульков вернулся обратно, Петрович все-таки чудом отыскал копировальную бумагу.

– Привет, – удивился Кульков, – где ты ее нашел?

Королев тряхнул головой.

– Сроду не догадаетесь.

– Ну-ка, ну-ка, давай, жги.

– Короче, возвращаюсь из столовки, и вижу – кот вылезает из под шкафа и мяукает: опять, значит, жрать просит, как в прошлый раз. А я из столовки как раз хотел ему принести, да забыл... Ну, не важно. Так вот. Вылезает кот, орет жалобно, на меня смотрит, не отрываясь. Потом, раз – снова под шкаф, и оттуда орет. Я наклонился и посмотрел туда – в темноту. Смотрю, значит, белеет что-то, будто плакат какой. Я лег на пол, залез под шкаф и тихонько вытащил этот лист

– оказалось, что это копирка.

– Ну, ты и молодец: хоть по всему объекту искать не пришлось. Коту спасибо надо сказать. Ладно, давай снова иди в столовку и принеси ему что-нибудь в награду. Да побыстрее, а то у нас сегодня еще конь не валялся.

– Понял вас, – сказал Королев и снова пошел до столовой, надеясь в этот раз не забыть про голодного кота.

Глава 8

Королев с головой ушел в работу. Увеличение чертежа и его последующее копирование доставило ему много хлопот. Работа заняла почти неделю. Пришлось повозиться с черчением мелких деталей, а Королев еще в школе не отличался аккуратностью, так что, нужно было кое-что переделывать.

Наконец, шаблон был готов, и этот единственный образец послужит мериллом для всех последующих изделий, которые никак не должны отличаться от предыдущих. Петровичу снились толстые и тонкие линии, процарапанные на металле, который, кстати, тогда, неделю назад, так и не доставили. Уже в конце недели Кульков с кем-то ругался по внутреннему телефону, объясняя, что у них не сто рук, и что никто не потащится в такую даль. Он в гневе бросил трубку на рычаг и закурил пятую по счету сигарету. Петровичу не понравился взгляд Кулькова, но он не торопился спрашивать, в чем дело.

Через несколько минут после неприятного разговора, Кульков сам подал голос:

– Короче, Гриш, надо будет тебе ехать на тот остров, где гора, и самому доставлять сюда материал. Могли бы, конечно, и вдвоем поехать, но мне приказано не оставлять слесарку без присмотра – вдруг что случится, а здесь никого нет.

– Я так понимаю, что займемся мы этим завтра? – с надеждой в голосе спросил Королев.

– Правильно, Гриш, понимаешь – завтра. А теперь, иди – отдыхай. Вон и кот, видишь, довольный, лёг на свое любимое место.

Королев посмотрел на старый письменный стол, за которым никто из них ни разу не сидел, да и не собирался. Заваленный кучей разных бумаг, с зеленой лампой в правом углу столешницы, за ненадобностью, придвинутой к самой стене, стол был покинут лет десять назад. С него ни разу не вытирали пыль, не смахивали с ножек паутину, клоками повисшую, словно куски старой серой тряпки. Вообще, весь тот угол был каким-то заброшенным, и никто не стремился вдохнуть туда хоть сколько-нибудь жизни. Вот в этом «мертвом» уголке кот и нашел свое лежбище: никто не гнал его с вороха бумаг, а ему и то радость – пошелестеть когтями по скрученным ватманским листам, покрытым желтой сантиметровой пылью.

Петрович пошел отдыхать, а Кульков остался в мастерской по какой-то своей надобности.

Придя в комнату отдыха, Королеву бросилось в глаза, что никто не лежал на своих кроватях – все были, что называ-

ется, на ногах – шел оживленный спор сразу между всеми, кто сейчас был здесь. Такого Королев еще не видел – сотня человек, спорящих о том, что столовую закрывают, и что теперь есть они будут здесь, в этой самой комнате.

– Тогда все тараканы к нам сбегутся, – говорил один.

– Не бойся – их давно здесь нет: радиация давно всех убила.

– А, может, совсем наоборот – вскормила? – отозвался третий спорщик. – Слыхали, на днях кто-то заявил, что все они живут в метро, и так же, как в крупных городах, достигают довольно внушительных размеров и изобилуют многообразием форм.

– Да ладно вам придумывать, Степан Викентьевич. Вы еще скажите, что обыкновенный таракан вдруг превратился в необыкновенного, скажем, гигантского краба...

– А что вы думаете – и скажу: да, таракан мог стать крабом, если дать ему жить рядом с морской водой, ежедневно облучая его малыми дозами радиации. Учитывая специфику работы наших лабораторий, не удивлюсь, что в метро уже выросло такое чудо-юдо, что, раз взглянув на него, вмиг забудешь и свое имя, и собственный идентификационный номер.

– Вы, разве, его еще помните, уважаемый Степан Викентьевич?

– Я всё помню! – воззрился тот разгневанными очами на своего визави. – Я всегда должен помнить свой номер. На

всякий случай. Тем более... Тем более, в этом страшном месте.

– Почему же страшном, позвольте вас спросить? Вот мне, например, чрезвычайно комфортно работать под искусственным освещением семнадцать часов в сутки – я чувствую себя нужным коллективу, и, следовательно, не зря живу на свете.

– Вы сейчас смеётесь что ли? – чуть не плача отозвался Степан Викентьевич. – Какая может быть радость, когда сидишь на вулкане, да еще знаешь, что кроме участи смертника, нам здесь ничего не светит? – он дрожал от гнева, и готов был кинуться с кулаками на собеседника, но понимал, что двухметровый бородатый детина, профессор по микробиологии, Курт Люттэ, при желании, сомнет Викентьича в комок, и выкинет в окошко, нарисованное на стене комнаты.

– Этот спор мне положительно надоел, Степан. Давай-ка, лучше, в шахматишки перекинемся, а то опять не уснешь от нервов, – басом прогремел гигант на всю комнату.

Его товарищ странно дернулся при последних словах и пошел к своей тумбочке за шахматной доской.

Между тем спор в комнате не утихал: всем хотелось знать, что же будет со столовой, и кто, собственно, будет им приносить еду в таких количествах. По сути, предполагалось, что завтраком, обедом и ужином будут кормиться одновременно триста человек, а это не совсем легкая задача – три раза в день таскать еду в другой конец коридора, то есть, пример-

но, полкилометра.

– А почему столовку закрывают? – спросил Петрович у Люттэ.

Бородач к нему обернулся и сказал:

– Никто не закрывает нашу столовку – просто они временно отдают помещение под фармацевтическую минифабрику, потому что все тесты прошли успешное испытание, и теперь надо, в срочном порядке, приступить к изготовлению вакцины, а кабинетов не хватает.

– А где они будут еду готовить? – спросил кто-то из толпы.

– Не наши проблемы, – громко ответил бородач, – этим занимается администрация, поэтому не надо паники!

Тут его прервал Степан Викентьич, грозно сверкая очками и потрясая шахматной доской:

– Уважаемые коллеги, давайте уже расходиться по своим делам.

Петрович понял, что сказанное относилось больше к нему, чем к Люттэ. Он извинился и отошел в сторону. Чудесным образом все спорщики, следуя примеру «шахматистов», как по команде, стали расходиться по своим углам, берясь, кто за карты, кто за телевизионный пульт. Через пять минут в комнате наступила полная тишина – спорить было более не о чем: обо всем позаботится руководство, а остальное – суета.

Глава 9

На следующий день Королев вновь столкнулся с Наумоч-

киным, правда, тот куда-то страшно спешил, и, едва поздоровавшись, бросил на ходу:

– Позже поговорим, только напомните мне обязательно!

– О чем напомнить? – сказал самому себе Петрович, видя, как мелькает спина убегающего Наумочкина.

Когда он пришел в слесарку, Кульков был уже на месте. Рядом с ним стоял человек в военной форме, которому Кульков что-то горячо объяснял, а тот всё время вертел головой в разные стороны, будто вокруг него летала муха.

– Вот, кстати и он, – сказал Кульков, показывая рукой на вошедшего Петровича. – Знакомьтесь, это майор Орешкин, а это – Григорий Королев.

– Очень приятно, – отозвался офицер и протянул руку. Петрович пожал ее, и майор, попрощавшись с Кульковым, пошел на выход.

– За мной, пожалуйста, – сказал он Петровичу. Королев не успел даже поздороваться со своим начальником, а тот и не настаивал – лишь рукой махнул, иди, мол, скорее отсюда, а то...

Офицер шел впереди. Королев думал, что, наверное, ему не удастся поговорить с этим человеком по поводу того, куда они направляются, хотя он догадывался, что их путь лежит напрямиком к метро.

Шли они быстро. Офицер, не оборачиваясь, шагал четким уверенным шагом, как на параде. Петрович еле за ним поспевал, но не жаловался.

Наконец перед ними показались широкие стеклянные двери с надписью «Вход строго по пропускам». Майор вставил пластиковую карту в щель считывателя, приделанного на двери, и, пропуская вперед Королева, закрыл за собою дверь. Они вышли на перрон, помеченный номером первым, о чем ясно говорил маленький желтый плакат с черной цифрой, свисавший с потолка. Потянулись скучные минуты ожидания электрички, когда они стояли за красной линией безопасности. Королеву хотелось как-то скрасить короткую скуку, и он решил слегка разрядить обстановку:

– А правда, что в тоннеле есть огромные тараканы в виде крабов? – задал он глупый вопрос майору, когда прошло минут пятнадцать после того, как они вошли в метро. Майор удивленно посмотрел на Королева, но промолчал. Как ни странно, Петровичу стало легче от того, что он выговорился таким вот образом, и, на сей раз, решил молчать вплоть до того момента, пока тот сам с ним не заговорит.

Наконец, подошла электричка. Старые вагоны, возившие людей с середины семидесятых, выглядели, тем не менее, как новенькие. Бригады мастеров тщательно следили за состоянием корпусов, применяя для их обработки новейшие синтетические средства. Вообще, особая обстановка на островах каким-то непостижимым образом влияла на Королева. Он не мог себе объяснить, почему, например, все вещи, которыми он пользовался – от зубной щетки, до токарных станков, не стареют, и выглядят так, будто только что сошли

с конвейера. Внешний вид вещей странным образом влиял на Королева, будто он тоже, вместе с ними, обновлялся, становясь моложе, когда касался их рукой, или проходя мимо них. Эта уверенность в тонких, невидимых глазу, переменах, была его единственным секретом, которым он ни с кем не хотел делиться. Он чувствовал, что именно в таком молчании ему становится по-настоящему хорошо и спокойно под трехкилометровым слоем земли. Остров, напичканный тайнами, сам сделал Королева живой тайной, эдаким ходячим секретом, который не хочется никому открывать.

Ехали, по-прежнему, молча. Королев обратил внимание, что за шесть километров пути, майору несколько раз хотелось что-то сказать, но он постоянно себя удерживал, потому что Королев был человеком для него новым, и офицер, видимо, опасался, что их разговор может быть передан наблюдающему органу, который, несомненно, тут существовал. Эта догадка молнией пронеслась в голове Королева и он не стал давать повода майору заговорить с собой. Он даже демонстративно отвернулся и уставился в большое квадратное окно, где, кроме черноты, ничего не было видно.

Королев мысленно прикинул, что если скорость электропоезда сто километров в час, то путь в шесть километров они преодолеют за три с половиной минуты. Был, правда, один момент, когда скорость значительно снизилась, но потом электричка настолько ускорилась, что только свист от колес стоял под полом.

В самом конце пути, майор повернул голову к Петровичу и сказал:

– Обрато поедете по аварийной ветке. А дома уже разгрузитесь с обратной стороны своей мастерской. Это понятно?

Королев кивнул, не проронив ни слова.

Вскоре они прибыли на место. Это был точно такой же перрон, в середине которого стоял столб с надписью «Перрон № 2». В конце огромного зала поблескивали двери трёх лифтов, видимых с той точки, где стоял Королев. Майор быстрым шагом снова шел впереди – они направлялись к лифтам. Широкие двери грузовых лифтов показались Королеву настолько высокими, что он не поверил словам Наумочкина о двух с половиной метрах в высоту, если только сам Королев не убавил в росте за время поездки в метро. Ненароком мелькнула мысль о чрезмерном употреблении кислородных коктейлей, но, постоянно слыша об их пользе, он постарался об этом больше не думать. Подойдя вплотную к лифтам, майор нажал кнопку вызова. Петрович прикинул, что пара минут у него есть и обошел вокруг лифтовую «восьмерку». «Да, красиво», – подумал он, завершая «круг почета». Лифты смотрелись цельным железным столбом с едва заметными швами дверей. Точно пригнанные детали создавали впечатление, что всю конструкцию вылили из единого куска металла и установили здесь, снабдив, для красоты, кнопками вызова. Если бы не эти кнопки, то было бы до-

вольно трудно отделить одну кабину лифта от другой. «Кому нужна эта красота, если ее никто, кроме нескольких человек персонала, не видит?», – вновь, с сожалением, подумал Королев. Наконец лифт подъехал. Майор вставил прозрачную пластиковую карту в едва видимую щель над кнопкой вызова. Что-то щелкнуло внутри стальной стены, и двери, с мягким свистом, вышли из своих пазов ровно настолько, что майор мог просунуть ладонь и распахнуть одну дверь за другой. Вошли в просторную кабину, которая была явно больше, чем кухня Петровича в московской квартире. Ехали быстро. Лифт набирал скорость так, как если бы за ним, в темном лесу, гнались разбойники. Майор спокойно смотрел на закрытые двери. Королев же не мог стоять на месте, как оловянный солдатик, и повернулся к противоположным дверям, которые были более заметны, чем внешние. Так же, как и снаружи, на правой стороне внутренних дверей была еле заметная щель для карты доступа.

Приехали довольно быстро. Вышли в мрачный коридор, бывший не таким широким, как около метро.

– Мы сейчас находимся внизу на глубине семь километров, – подал голос майор. – Идем на склад, где собраны, как новые, так и отработанные материалы.

– Понял, – ответил Королев, ясно осознавая, что кроме этого слова, он больше из себя здесь не выдавит. Темный коридор с зелеными стенами как-то странно действовал на психику. Петровичу хотелось скорее загрузиться и, не огляды-

ваясь, покинуть это место. «Чем больше смотришь на горшок, тем дольше он не закипает», – вспомнилась ему вдруг старая поговорка. И чем сильнее он будет хотеть вырваться отсюда, тем дольше и томительнее будут минуты ожидания свободы от тесных стен.

Вскоре они дошли до двери с узеньким окошком. Офицер нажал черную кнопку звонка и окошко отворилось.

– Чего вам? – буркнул голос.

– На склад за материалом номер четырнадцать.

Окошко тут же закрылось. Через минуту оно снова блеснуло в полумраке единственной своей створкой.

– Пропуск.

Майор сунул пластиковую карту в щель около окна.

– Порядок, – отозвались по ту сторону двери. – Ожидайте.

– Ну, вот, опять ждать, – выдохнул офицер: видимо, он тоже хотел поскорее вырваться из цепких объятий темного коридора, в котором, казалось, не хватало воздуха.

Королев продолжал молчать, чтобы не выглядеть ждущим общения, а потому беззащитным перед гнетущей тишиной.

Десять минут прошло без единого звука. Иногда в стенах что-то жужжало, будто там находился огромный голодный желудок, бродивший своими соками в ожидании пищи.

Наконец, окошко открылось, и голос сказал:

– Пройдите прямо пятнадцать метров до двери номер три и ждите дальнейших указаний.

Офицер тихо вздохнул и зашагал вперед. Петрович по-

плёлся за ним, думая лишь об одном – пусть это будет последняя дверь, а потом – домой. Он вдруг поймал себя на мысли, что только что назвал домом то место, в котором жил лишь третью неделю, но настолько привык вставать по расписанию, есть по распорядку и работать строго до семи вечера, что не очень-то хотел перемен в своей наладившейся жизни, пусть и без семьи.

Когда они дошли до нужной двери, над ней загорелась красная лампа. Через минуту дверь отворилась и голос сказал:

– Войдите.

Офицер вошел первым. В довольно просторной комнате тихо работал радиоприемник, передающий старые иностранные песни. Высокий широкоплечий человек в черной спецовке велел им следовать за собой, махнув рукой. Он шел прямо до противоположной стены с огромными стеллажами, на которых лежали длинные железные пруты разной толщины и ровно порезанные металлические листы.

– Это новый материал – он вам не нужен, – сказал человек в спецовке. – Пройдите сюда, – он вновь показал рукой на соседние стеллажи, на которых валялась всякая рухлядь, типа сломанных радиоприемников, телевизоров, рваных огромных бидонов из-под молока, ломаной арматурной проволоки и кусков листового металла, с неровными, будто обкусанными краями.

– Вот отсюда и будете брать, – сказал он и сел на стул,

стоявший по соседству со стеллажами.

Королев тоскливо посмотрел на лежащие в двух метрах от него новенькие листы, и, надев грубые рабочие рукавицы, стал вытаскивать лист за листом, стараясь не порвать свой халат. Листы он ставил рядом со стеллажом. Майор помогал ему, как мог, но Королеву лучше работалось одному, поэтому он жестко сказал:

– Я сам.

Майор тут же отошел в сторону, будто только и ждал этих волшебных слов. Королев, правда, ошибся в своих скоропалительных выводах, так как офицер пошел за огромной телегой с высокими бортами и, вскоре, подкатил ее к Королеву. Как оказалось, это была электрическая телега с универсальными колесами. Когда грузчик оказывался в ограниченном пространстве, где невозможно повернуть телегу, то нужно было всего лишь нажать кнопку рядом с поворотной тяговой ручкой. В ту же секунду из днища выскакивали длинные штыри в виде широких вилок – они упирались в пол и приподнимали телегу всего на сантиметр, что было вполне достаточно. В это время колеса автоматически поворачивались на девяносто градусов, и штыри убирались – телега «вставала» на колеса и была готова к новым маневрам. Теперь она могла двигаться боком, и никакие узкие коридоры не были преградой для движения. Мощный электропривод телеги позволял перевозить до пяти тонн груза, но Королеву нужно было всего лишь полторы тонны материала для вы-

полнения заказа.

Через три часа телега была набита доверху. Великан в черной спецовке попросил Петровича расписаться в получении материала и, только после этого, широкие двери открылись (как оказалось, это были складские выдвигные ворота), и Королев с майором очутились в том же узком коридоре, из которого попали на склад.

Мерно жужжал электропривод, толкая телегу вперед. Петровичу было уже не так тоскливо на душе: задание он наполовину выполнил и теперь возвращался домой, где его ждали токарные станки, начальник и кот.

Путь назад оказался намного быстрее. Пройдя по тому же самому коридору и дойдя до лифтов, майор сказал, что здесь им придется расстаться, и что Королеву нужно самостоятельно добираться до перрона номер четыре аварийной ветки метро, а там уже и до родной мастерской пятнадцать минут ходу, считая поездку в электричке.

Действительно, путь до метро занял около получаса. Загрузившись в специальный товарный вагон, Королев с удовольствием растянулся на кожаном сиденье и даже задремал на пару минут, пока резкий толчок от остановки электрички не разбудил его. Выйдя на перрон номер три, он, по длинному коридору, шедшему параллельно основному «рабочему», вернулся назад, оказавшись по обратную сторону своей мастерской. Добрался он со своей телегой по короткому поперечному коридору, дойдя, наконец, до двери родной сле-

сарки.

– Явился, не запылится! – весело приветствовал его Кульков. – Всё привез?

– Вроде как по списку всё, а так не знаю, может, еще чего надо было прихватить?

– Нет уж, спасибо – нам чужого не надо, – ответил Кульков и пыхнул сигаретой в сторону от Петровича.

Глава 10

Работа спорилась. В довольно короткое время Королев справился с шаблоном, сделав точное подобие схемы, аккуратно перенеся её на листы металла. Потом он нарезал аккуратную стопку хомутов, на что у него ушло, в общем, три смены. Кульков, иногда работавший вместе с ним, с довольным видом посмотрел на высокую стопку готовой продукции.

Хлопая по плечу Петровича, он сказал, перекладывая сигарету из одного угла рта в другой:

– Теперь за этим богатством приедет человек оттуда, – и он показал пальцем вниз. – Надо только звонок сделать.

Он сразу же набрал номер на настенном телефоне и отчитался кому-то о проделанной работе. Потом снова набрал номер и сказал, что можно подъезжать.

Через час приехал, знакомый Петровичу, огромный кладовщик, и, пожав руки обоим слесарям, погрузил всё на ту же самую телегу, на которой Королев привез сюда металл.

Все это время Наумочкин так и не появлялся в поле зре-

ния Петровича. И только под конец третьей смены он пришел в слесарку какой-то возбужденный, с дрожащими руками и бледным лицом. Он старался скрыть волнение, но актер из него был не важный, что сразу, вслух, отметил Королев, уставший за десять часов работы. Сейчас он не старался быть деликатным и чутким к своему «гиду».

– Чего случилось-то, С.С.? – устало спросил он Наумочкина.

Тот вытер лоб, который не был потным (и это тоже Петрович про себя отметил), вздохнул тяжело.

– Понимаете, в чём дело, уважаемый Григорий Петрович?

– Ну? – отозвался Петрович.

– Ваша работа нужна всем на этом... как бы сказать... предприятию. Мы ценим ваш труд, стараемся хоть как-то помочь вам материально...

– Увольняете, что ли? – ровным тоном спросил Королев, стараясь показать, что ему всё равно.

– Нет, нет, – заторопился Наумочкин, – вы не так меня поняли.

– А как я должен вас понять?

– Слушайте, не перебивайте. Ваша работа высоко оценена там, – он показал пальцем вверх. – Вы все, работники данного предприятия, видны начальству, как на ладони. Ваше поведение, в целом, удовлетворительно, и даже, скорее, положительно, в отличие от... – он покосился на Кулькова, который в это время стоял около инструментальных шкафов и

искал напильник.

Королев удивленно посмотрел на Наумочкина.

– А что с ним не так?

– Не всё сразу, и, лучше, не здесь. Позже я встречу вас в столовой, и мы всё обсудим. Только, прошу вас, о нашем разговоре – молчок.

Королев кивнул, и Наумочкина, как ветром, сдуло.

Сразу после смены Королев пошел на ужин, надеясь там встретить Наумочкина, чтобы поскорее завершить разговор. Но тот в столовой так и не появился, что неприятно подействовало на Петровича: он понял, что С.С. хочет предложить ему какую-нибудь гадость, с которой справится только он.

Когда Королев появился в комнате отдыха, он увидел Наумочкина около своей тумбочки – тот что-то разглядывал на столешнице, хотя Петрович, кроме будильника и бутылки с водой ничего там не держал.

Он подошел к своей кровати.

– Ну, здравствуйте, – сказал он. Наумочкин слегка подпрыгнул от неожиданности.

– Ах, вот вы где, а я ищу, ищу...

– Что вы хотели? – спросил Королев, снимая ботинки, давая понять, что сейчас ляжет спать и пора закругляться с разговорами.

– Не торопитесь так, уважаемый Григорий Петрович. Дело у меня к вам не совсем обычное. Пять дней назад случилось кое-что странное, что требует вашего, так сказать, уча-

ствия в разъяснении.

– Что там еще случилось?

– Да, не перебивайте же меня! – чуть не крикнул Наумочкин, но тут же осекся, боязливо оглянувшись, хотя рядом никого не было.

– Мне нужно знать, где вы были 14 – го декабря с десяти утра до четырех вечера?

Королев наморщил лоб, делая вид, что вспоминает, хотя тут и вспоминать было нечего: почти весь день он был на семикилометровой глубине, на складе. Так он и сказал об этом Наумочкину.

– Кто может это подтвердить? – холодно спросил тот.

– Кульков, – уверенно ответил Петрович, – а также майор Орешников, или Орешкин, не помню: мы с ним и ездили тогда на склад.

– Еще вопрос: кто пользовался пропусками в метро и лифт?

Королев молча уставился на Наумочкина: ему так хотелось сейчас врезать по золотым очкам грязным своим рабочим кулачищем, что аж в спине заняло от напряжения.

– Ясен пень – майор!

– Какой майор?

– Вы совсем оглохли? – заорал Королев, чем привлек внимание своих соседей, сосредоточенно разыгрывавших «Сицилианскую защиту». – Я же говорю: Орешкин! Майор! Он приходил к нам в мастерскую в десять утра! – разбушевался

Королев после трудных рабочих дней, и теперь ему было всё равно, что подумают окружающие о его «примерном» поведении.

– Вы ручаетесь за свои слова? – спокойно спросил Наумочкин, ни сколько не испугавшись грозного вида Петровича.

– Ручаюсь! – крикнул Королев и бросил спецовку на пол с таким видом, будто сейчас он сделает тоже самое с С.С. и отпинает его ногами.

Наумочкин был невозмутим, будто не слышал ни единого грозного слова в свой адрес. Он спокойно смотрел холодными серыми глазами на взбунтовавшегося слесаря и готовился дать ответ. Наконец, он сказал:

– Никуда не уходите отсюда – за вами придут.

Он встал и ушел, не оглядываясь, оставив Королева в полнейшем недоумении. Тот сел на кровать, чувствуя, как одеревенели ноги. Он протянул руку за бутылкой с водой, сжал и так уже мятый пластик, и сделал три больших глотка, поперхнувшись при этом. Когда он откашлялся, некоторые смотрели на него с сожалением, будто сейчас перед ними сидел пропащий человек, которому оставалось лишь одно – пустить себе пулю в висок из наградного пистолета, которого у него отродясь не было.

Королеву стало не по себе от этих взглядов, и он встал, собираясь, было, выйти из комнаты. Дорогу ему преградил великан-бородач Люттэ, и громовым голосом сказал:

– Вас же предупредили, чтобы вы не уходили.

Королев не ожидал такого препятствия.

– Мне только в туалет, – жалобно сказал он.

– Туалет за вашей спиной, если вы забыли, – спокойно ответил Люттэ и своей огромной ручищей показал Петровичу, куда нужно идти.

Петрович вздохнул и пошел обратно к своей кровати. Люттэ продолжал стоять у двери, чтобы Королев не сбежал, и он постарался запомнить этот момент, на всякий случай.

Через двадцать минут два охранника в черной форме пришли за ним. Королев зачем-то про себя отметил, что их форма была не такой, как у тех, с автоматами, которые стояли в коридоре. «Значит они из другого ведомства», – подумал он. А, собственно, какая теперь разница, если ему вменяется неизвестно что, и...

Он не успел додумать. Охранники подошли к Королеву, молча взяли его под руки выше локтя и вывели из комнаты.

Гулкие шаги раздавались в длинном коридоре – Королева вели на допрос. Шли они не долго – метров сто от комнаты отдыха. Остановились перед дверью, на которой было написано «Смотровая», и ниже: «Вход по предварительной записи». Королев никак не мог вспомнить этой надписи, а, ведь, он каждый день проходил мимо этого кабинета. Его втокнули внутрь. Довольно маленькое помещение с парой столов и тремя стульями было хорошо освещено. На одном столе стоял огромный ноутбук – таких Петрович даже в рекламе

не видел. За другим сидел человек с неприятным морщинистым лицом и в такой же, как у охранников, черной форме.

– Ну-с, господин Королев, добрый вечер, – тихо сказал он. – Для вас я буду господин Штукк. Не стесняйтесь, присаживайтесь, – при этом он указал на стул, стоявший тут же, около Петровича.

Королев сел. Еще несколько минут назад единственным его желанием было лечь на свою кровать и заснуть младенческим сном. Теперь же у него появилось совершенно другое желание – поскорее отсюда убраться, оставив господина Штукку со своими прихвостнями.

– Чего вам от меня надо? – усталым голосом спросил он, бросив взгляд на столешницу, покрытую стеклом. Блик от настольной лампы больно ударил по глазам. Королев отвернулся и стал смотреть в пол – серый, с разводами, линолеум гораздо больше привлекал его внимание, нежели глубокие морщины дознавателя.

– Ничего особенного мы от вас не потребуем, уверяю вас, – мягко сказал Штукк. – Прошу вас лишь об одном, а именно – повторить свой рассказ о том, как вы побывали на складе номер три?

Королев вздохнул:

– Я всё рассказал Наумочкину – он подтвердит.

Штукк внимательно посмотрел на Королева.

– Не волнуйтесь, он уже всё подтвердил. Теперь мне важно услышать это от вас: где и при каких обстоятельствах вы

познакомились с майором Орешкиным?

Королев посмотрел тяжким взглядом на Штукка и нудным голосом стал давать отчет:

– Он пришел в мою мастерскую вместе с Кульковым...

– Стоп, – оборвал его Штукк, – вы сами видели, как Кульков привел офицера?

– Нет, когда я туда пришел, он уже был в мастерской. Кульков представил нас друг другу и сказал, чтобы я шел вместе с майором на склад за листовым металлом – у нас очень большой заказ, на который отводилось мало времени.

– Я вас не о заказе спрашиваю: не надо лишних подробностей – отвечайте четко на поставленные вопросы. Итак, майор уже был в вашей мастерской, когда вы туда пришли, так?

– Так.

– Что конкретно сказал вам Кульков по поводу вашей поездки на склад?

Королев напряг память:

– По-моему, он сказал, что материал нам привезти не смогут, и я должен сам туда поехать в сопровождении майора...

– Постойте, – перебил его дознаватель, – он именно сказал «в сопровождении»?

Королев пожал плечами.

– Ну, вроде бы так, или, вернее, он имел в виду именно сопровождение, потому что я не знаю дороги до этого склада, и поэтому, рассуждая логически...

– Так, остановитесь – не надо мне тут вашей логики. Я вас

еще раз спрашиваю, было ли произнесено слово «сопровождение»?

– Кажется, нет, или да, не помню, – ответил Королев, – а какая разница?

Штукк встал из-за стола и сделал пару шагов к другому столу. Постояв там несколько секунд, он вернулся и снова сел на свое место.

– До меня дошли сведения, что Кульков, в то утро, не сказал вам ни слова. Получается, что вы сами ушли с офицером, покинув рабочее место.

Королеву надоели эти разговоры и он, заметно повысив голос, спросил:

– Да в чем дело-то? Я что, украл лишний лист со склада, или майор этот чего-то спёр?

Тут Штукк усмехнулся и прогнусавил какой-то блатной мотивчик:

«А не карманник я и не налетчик –

Я просто слесарь-водопроводчик».

– Простите, что вы хотите этим сказать? – не удержался Королев, видимо желая уточнить, не к нему ли относятся эти слова.

Штукк вяло махнул рукой, что было читаемо, как «от-стать, милейший». Потом, не глядя на Королева, он повертел на столе какую-то бумажку, и ответил:

– Дело в том, уважаемый Григорий Петрович, что никакого майора Орешкина на объекте нет, и никогда не было.

Королев откинулся на спинку стула, отчего тот жалобно затрещал.

– То есть, как это не было? А с кем я, по-вашему?.. Я с ним, как вот с вами сейчас, разговаривал, вернее, пытался – он молчун какой-то ненормальный...

– Ах, он еще и молчун, – перебил его Штукк и как-то горько усмехнулся. Потом он пристально посмотрел в глаза Королеву, будто проверяя, можно ли с ним говорить серьезно, и сказал, – Ну, ладно, не будем ходить вокруг, да около. Короче, на записях видеонаблюдения вы, на протяжении всего пути от мастерской до склада, были один.

– То есть! Не пойму вас!

– И не надо ничего понимать: аппаратуру не обманешь, она выдает честные данные, и данные эти таковы, что никого рядом с вами в тот день, с десяти утра до четырех вечера, не было.

Королев уставился на Штукку неверящим взглядом.

– Вы понимаете, что несете сейчас бред, а? Как я, по-вашему, прошел в метро, сел в лифт, прошел на склад, получил металл – и всё без пропуска? Может, вы еще скажете, что и Кулькова не видели?

– Может быть и скажу, но не сегодня. К тому же, в вашей слесарке никаких камер нет, так что, увы. Но, вот что интересно: как вам всё это удалось проверить? – Штукк, с каким-то странным удовольствием, откинулся на спинку стула, но тот, очевидно, был новый, потому как не издал ни еди-

ного звука. – Так что же мы с вами будем делать, господин Королев?

– Проверьте меня на детекторе лжи, – с уверенностью ответил Петрович.

– Мы здесь такой ерундой не занимаемся, – отрезал Штукк.

– Ну, тогда покажите мне запись с видеокамер, чтобы я сам убедился, что был не прав. Хотя, какого черта я несую, и как я могу быть не прав?

– Элементарно, друг мой, – ответил Штукк, – вы захотели обманным путем проникнуть в святая святых острова и... А уж что вы хотели сделать дальше – этого даже я предположить не могу, – тут он на секунду замялся. – Но, вообще-то, запись показать можно – хуже уже не будет.

С этими словами он перешел к столу с огромным ноутбуком и, включив его, посмотрел на Королева такими глазами, будто хотел его еще чем-нибудь «обрадовать». Королев невольно вобрал голову в плечи, предчувствуя, что ничем хорошим это не кончится. И вообще, сколько там дают за государственную измену, если он пойдет по этой статье?

Штукк повернул ноутбук экраном к Королеву и, наклонившись над столом, сделал несколько нажатий на клавиатуре. Потом с кряхтением разогнул спину и вернулся за свой стол. Во все время, пока Королев смотрел запись, Штукк, уставившись в потолок, раскачивался в кресле, будто успокаивая себя перед ответственным событием, которое вот-вот

произойдет – надо только подождать десять волнительных минут, пока подозреваемый окончательно убедится в том, что теперь ему «крышка».

В это время Королев напряженно всматривался в экран ноутбука и ожесточенно грыз ногти. Эту дурацкую привычку он оставил еще в школе, когда начали ныть передние зубы. А сейчас, спустя почти тридцать лет, она вдруг к нему вернулась, и он, щелкая зубами, отгрызал ноготь за ногтем. В лице Штукка Петрович выглядел полным психом, пойманным с поличным, жалким маленьким человечешкой, который с минуты на минуту окажется в карцере, а потом его переведут в тюрьму на материк. Но это будет уже вне компетенции Штукка, ведь, главное он уже сделал – поймал негодяя...

Петрович следил за своими перемещениями, не отрываясь от экрана. Вот двери слесарки – вид сверху и сбоку. Королев вошел в дверь. Таймер на записи четко зафиксировал время – 10:00. Ничего не происходило около пяти минут. В 10:06 Королев вышел из слесарки и один пошел по коридору, по направлению к метро. Петрович удивленно посмотрел на Штукка.

– Быть этого не может, – тихо прошептал он.

– Вы дальше смотрите, – отозвался дознаватель, не поворачиваясь к Королеву: в этот момент он увлеченно рассматривал фотографию какой-то женщины, сидевшей на скамейке городского парка. Фотография висела справа от Штукка, поэтому он с нескрываемым удовольствием отвернул-

ся от Королева, полностью окунувшись в атмосферу парка, где, судя по тяжелым листьям, наклонявшим ветви деревьев, только что прошел дождь. Петрович увидел, как у Штукка появились складки под ушами – видно, что он ухмылялся, радуясь своей победе над ним, Королевым – простым беззащитным человеком.

Петрович перевел взгляд на экран. Камера в это время переключилась, показывая Королева, идущего издалека, и иногда машущего руками, будто он с кем-то разговаривал. Как раз в этот момент Штукк повернулся к Петровичу.

– О чем вы говорили в то время, не припомните? – ехидно заметил дознаватель.

– Не помню, – ответил Королев. – Я вообще ни с кем не разговаривал в то время.

– Ах, да! – ударил себя по лбу Штукк, – майор-то у нас – молчун! Как я мог об этом забыть?

Дальше камера переключилась на вид около входа в метро. Королев видел, как он сам подошел к стеклянной двери, и, не дотрагиваясь до ручки, открыл её.

– Стоп! – крикнул Штукк, и, вскочив с кресла, подлетел к ноутбуку. Нажав паузу, он сказал:

– Видите, здесь вы лезете в карман и что-то хотите достать. Что тогда было у вас в кармане?

– Не помню, – ответил Королев.

– А что сейчас там лежит?

Петрович полез в карман своего рабочего халата и до-

стал небольшую горсть разных предметов: пропуск от мастерской, конфету, захваченную в столовой, кусок стальной проволоки, и какую-то мятую бумажку.

– Больше ничего? – осведомился дознаватель.

– Нет, – ответил Петрович, и на всякий случай хлопнул себя по бокам.

– Ну, до этого времени, вы могли уже поменять содержимое своих карманов, так что, нет – не годится это тест.

– Какой тест?

– Проверочный, – вновь усмехнулся Штукк. – Мы могли бы провести обыск ваших личных вещей, и обязательно это сделаем, но, прежде, скажите: как скоро вы собирались бежать с острова?

Королев в удивлении поднял плечи.

– Я вообще никуда не собирался бежать.

Дознаватель молчал, позволив ему сделать маленькую передышку. Потом Петрович вскинул вдруг голову, глаза его блеснули странным огнем, и он быстро заговорил:

– Вы еще раз посмотрите на последние кадры.

– А что не так в последних кадрах? – развел руками Штукк.

– Нет, вы посмотрите, а я потом скажу.

Штукк со вздохом отмотал назад несколько секунд. Вот Королев идет по коридору – вид спереди. Камера в этот момент стоит над дверями метро. Вот Королев подходит к стеклянным дверям, и камера поворачивается вслед за ним: на

ней установлены датчики движения. Как только он оказался около двери, тут же залез в карман и... дверь открылась.

– Обратите внимание, – сказал Королев, – какое расстояние от меня до двери.

Штукк прикинул и ответил:

– Сантиметров тридцать-сорок. И что?

– Видите, я вообще не касаюсь ручки двери?

– Ну, вижу. А еще я вижу, что в кармане у вас может быть устройство, которое дистанционно открывает дверь.

– Откуда же у меня такое устройство?

– Вот мы и выясним.

– Подождите. Отмотайте еще раз назад и приблизьте тот кусок, где я стою в метре от двери.

Штукк снова тяжело вздохнул и прокрутил назад.

– Ну и что я должен здесь увидеть?

Королев молчал. Вот он в метре от двери...

– Замедлите, пожалуйста, этот фрагмент.

Штукк нажал клавишу несколько раз – видео затормозилось и медленно поползло вперед. Королев, по-прежнему, стоял в сорока сантиметрах от двери. Вдруг около щели считывателя пропусков мелькнул какой-то предмет, напоминавший тряпку, которой смахнули пыль. Едва видимая «тряпка» коснулась щели считывателя и тут же пропала.

– Видели? Нет, вы видели? – вскричал Королев.

– И что тут такого – обыкновенный блик от стеклянной двери, – невозмутимо ответил Штукк.

– Какой же это блик? Почему-то до этого никаких бликов не было, а тут, когда я подхожу к дверям, он вдруг появляется. Как это можно объяснить?

Несколько мгновений Штукк стоял, молча глядя на экран ноутбука и задумчиво потирая красный подбородок. Королев понял, что тот находится в, неожиданном для него, тупике, и не знает, как продолжить разговор. Еще через секунду Королев услышал сухое «разберёмся», произнесенное так тихо, будто это был неведомый потусторонний шепот. В груди Петровича разлилось приятное тепло, как после чашки горячего чая. Теперь молчал он, давая возможность дознавателю в полной мере осознать свою оплошность из-за торопливости, или по причине долгожданного стремления поймать предателя, или из-за еще каких-нибудь желаний, о которых можно было лишь догадываться, но Петровичу было в этот момент решительно наплевать – лишь бы поскорее отсюда убраться, и лечь на свою любимую кровать, уснув сладким сном.

До Королева, в критические минуты, доходило, как до жирафа, и он прекрасно об этом знал. Вот и сейчас, ни с того, ни с сего, он спросил о том, о чем, в принципе, и не надо было спрашивать:

– А что сказал сам Кульков? Вы же тоже его допрашивали?

Штукк пожевал нижней губу. Потом медленно ответил:

– Никто его не допрашивал – исчез ваш Кульков.

– То есть, как исчез? – Королев уставился на Штукку, и тот вдруг подавился собственной слюной. Когда он откашлялся, то сказал последнее, что должен был услышать Королев:

– Вы сейчас идите к себе. Если будет нужно, мы вас вызовем. Вы свободны.

– Но, как же так: где Кульков-то? – не сдавался Петрович.

– Я же сказал вам: позже мы вас вызовем и доложим о результатах. Свободны, – прошипел Штукк, и кивнул охранникам, всё это время стоявшим в кабинете возле дверей. Они подошли к Королеву и взяли его под руки, как в прошлый раз.

– Отпустите, я понял, – сказал Петрович, освобождаясь от цепких рук охранников. Те его отпустили, но не отошли ни на шаг, давая, тем самым, понять, что могут повторить то, что сейчас сделали.

Петрович обошел их с правой стороны и вышел из кабинета, не закрыв за собою дверь.

Он шел по коридору до своей комнаты, как в тумане, не видя перед собой ничего, кроме белых глянцевых стен. С трудом передвигая ноги, Королев все-таки дошел до комнаты отдыха, и тут же упал на свою кровать, не успев раздеться. Так он и уснул тяжелым неприятным сном.

Глава 11

Когда Королев проснулся, в комнате отдыха никого уже не было. Поняв, что проспал первый раз в жизни, он тяжело открыл глаза и посмотрел в высокий серый потолок, одно-

временно прислушиваясь к тихому шелесту лопастей кондиционера, висевшего на шестиметровой высоте – прямо над его головой. Разноцветные ленточки, привязанные к защитной решетке, болтались от искусственно создаваемого ветра, словно здесь, в комнате, была открыта маленькая, никому не заметная форточка. «И если превратиться, допустим, в муравья, – лениво рассуждал Петрович, глядя полузакрытыми глазами на никелированную решетку огромного вентилятора, – то сейчас же можно вылезти на свободу. Тогда можно будет навек забыть и о Штукке, и о Кулькове, и об этом вездесущем Наумочкине», которого он прозвал про себя гауптштурмбанфюрером. «Но если он упадет на меня, – влезла, ни с того ни с сего, неудобная мысль, когда кондиционер вдруг зажужжал громче обычного, – этот чертов секретный объект лишится ценного слесаря. Отбежать я, конечно же, не успею, поэтому... поэтому... Ладно, хватит дурака валять – пора и за работу браться». Тяжко вздохнув, он встал, застелил кровать, глотнул воды из бутылки, и неспеша побрел в столовую, машинально здороваясь с теми, кто его, торопясь, обгонял или шел тяжелым шагом навстречу со смены.

Ежедневные повторяющиеся действия называются режимом. Тот, кто соблюдает режим – соблюдает дисциплину. Сегодня Королев нарушил и то и другое. Вместо того, чтобы сразу идти в столовую, он остановился около того таинственного кабинета, в котором его вчера допрашивали. В ту же минуту какой-то сквозняк пролетел по коридору. Петрович

невольню поежился и снова втянул голову в плечи, как вчера перед начальником охраны, будто, его вытолкнули из теплой комнаты на мороз. Обычно природа закладывает в живое существо чуточку страха, и то существо сторонится тех мест, где ему однажды было плохо и страшно. Но Королеву, судя по всему, этого охранительного чувства досталось гораздо меньше, чем остальным: сейчас ему, несмотря на возродившийся секундный страх, было интересно узнать, что же, в конце концов, с ним произошло тогда, 14 – го декабря, наивно думая, что кто-то будет разговаривать с предполагаемым подозреваемым.

Петрович для чего-то слегка нагнулся вперед и постучал в дверь таинственного кабинета. На его часах в этот момент было одиннадцать утра. Ему никто не открыл. Он забарабанил сильнее – результат тот же. «Наверное, сегодня у них не приемный день», – саркастически подумал Петрович и пошел в столовую – он не ел со вчерашнего вечера.

Как только он открыл двери столовки, тут же, при входе, столкнулся с Наумочкиным.

– Надо поговорить, – шепнул Наумочкин и потянул его за рукав в коридор.

– Раз надо – поговорим, – невозмутимо ответил Петрович, выходя вслед за «гидом».

– Слышал, вчера с вами произошло необыкновенное приключение? – спросил Наумочкин, с любопытством заглядывая в глаза Королеву. Петрович равнодушно ответил:

– Ну, вы же и так всё знаете, зачем тогда спрашивать?

Наумочкин в нерешительности помялся – не ожидал такого отпора. Да, теперь было видно, как Королев изменился за прошедший месяц. Новичок стал почти своим на этом предприятии: чуть жестким, слегка упрямым, наполовину закаленным, после испытаний на себе «прелестей» мягкого допроса. С таким человеком можно попробовать иметь дело. Такое заключение читалось сейчас в глазах Наумочкина, но Королев не обратил на это внимания: ему, по-прежнему, чертовски хотелось есть, а еще больше – спать, так как вид встревоженного Наумочкина начал утомлять.

– Чего вы хотите? – спросил Королев, разворачиваясь в сторону входа, чтобы снова попытаться счастье попасть в столовую.

– Да ничего не хочу, – с улыбкой ответил Наумочкин. – Наверное, это вы хотели у меня что-то спросить, а я с удовольствием бы ответил на все вопросы.

– С чего вдруг такая щедрость? – спросил Королев, щуря один глаз, будто туда попал сигаретный дым.

– А я всегда был к вам благодушно настроен, разве это было не заметно? Вы мне нравитесь, Григорий Петрович. Вы – честный, открытый, простой человек, который не будет врать, не будет таить камня за пазухой, чтобы в критический момент ударить ближнего по башке. Таких людей нынче редко встретишь, тем более здесь, но это тема для другого разговора.

– Так что же вы от меня хотите? – вновь спросил Королев.

– Понимания, Григорий Петрович. Обычного человеческого понимания того, что другие не хотят вам плохого, а, совсем даже, наоборот. Вот, например, скажите честно, вас вчера спрашивали об офицере, с которым вы отправились на склад?

– Да, спрашивали, – ответил Королев, замедлив шаг к ближайшему столику, за которым пока было пусто.

– Что конкретно они вам сказали?

Королев почесал не бритый подбородок и отодвинул от столика ближайший стул.

– А вы уверены, что мне можно об этом рассказывать?

– Не волнуйтесь, Григорий Петрович, они сами просили меня с вами поговорить, – Наумочкин улыбнулся, что было совершенно некстати.

Королев вырвал, наконец, свой рукав из цепких пальцев Наумочкина и с раздражением выпалил:

– Да пошли вы к черту со своими просьбами: им надо – пусть меня и вызывают – вам я ничего говорить не буду.

– Григорий Петрович, давайте не будем ссориться? Я хочу вам помочь. Хочу, чтобы вы в дружеской спокойной обстановке всё мне рассказали. Бывает так, что при душевном разговоре, всплывают такие детали, которые очень потом помогают в расследованиях подобного рода.

– А вы уверены, что мы друзья? – зло спросил Королев.

Наумочкин развел руками и покачал головой.

– А как же, конечно мы – друзья, только вы еще этого не осознали. Только представьте, что мы, находясь на трехкилометровой глубине, каждый день делаем свое дело, каждый день сталкиваемся друг с другом, жмем руки, разговариваем... По-моему, налицо все признаки настоящей дружбы.

Королев иронично посмотрел на него.

– Вы уверены, что не пропустили ни одного признака, а то, знаете ли, я когда-то в детстве читал про взаимовыручку, например, или...

Наумочкин положил ему руку на плечо.

– Ну и конечно же, я всегда помогу вам в трудную минуту точно так же, как и вы поможете мне, не так ли?

Королев стряхнул руку Наумочкина со своего плеча, и, немного помолчав, задумчиво на него посмотрел, как бы взвешивая только что произнесенные им слова на своих весах правды и лжи. Он неуверенно кивнул.

– Да, в чем-то вы, может быть, и правы, только я думаю, что наш разговор мало что изменит.

– Григорий Петрович, – улыбнулся Наумочкин, – не волнуйтесь по пустякам. Ответьте мне лишь на один вопрос: что они спрашивали об офицере?

Королев на секунду задумался, вспоминая, что никаких документов о неразглашении он в том кабинете не подписывал, и никаких обещаний с него не брали, а посему можно и рассказать.

– Они сказали, что того офицера не было, и что я всё вру

– это в общих чертах.

– А поконкретнее.

– А конкретнее я им сказал, чтобы они внимательнее посмотрели записи с камер наблюдения – там что-то мелькнуло, как раз тогда, когда я входил в метро.

– И что это было? – Наумочкин весь подался вперед.

– Я-то откуда знаю. Они вообще сказали, что это блик, и что они сами потом разберутся. Короче, с тем меня и отпустили.

Наумочкин посмотрел на пустой стол, прокручивая в голове только что услышанное.

– А про Кулькова что-нибудь спрашивали?

– Нет, спросил только я: допрашивали они его или нет. Они сказали, что Кульков куда-то пропал, вот и всё.

– Странно, – задумчиво произнес Наумочкин. – Действительно, куда он мог пропасть, если везде стоят камеры наблюдения и... и вообще...

– Что – вообще? – спросил Петрович.

– Всё это странно, – ответил Наумочкин. – Я вот тут подумал: если офицера никто не видел, а Кульков пропал, то, может быть, в этом, как раз, сам Кульков и замешан?

– Вы так серьезно думаете? – с робкой надеждой в голосе спросил Королев.

– А почему бы этого и не предположить? – спросил Наумочкин с ребячьим озорством, словно для него это была лишь интересная игра, а не серьезное правонарушение

на секретном предприятии. – Давайте подумаем вот о чем. Предположим, Кульков затеял какую-то аферу со складом, а вы, как раз, ему и пригодились для этого случая.

– Получается, что это был Кульков? – спросил, ошарашенный новостью, Королев.

– Да нет же! – нервно махнул рукой Наумочкин. – Мы сейчас только предполагаем, выстраиваем свою версию, так сказать. Так вот, если Кульков затеял аферу, тогда он должен был понимать, что за ним будут следить, поэтому...

Наумочкин пожевал сухие губы.

– Ну да, – продолжил он через секунду, – всё на нем и сходится. Во-первых, он бесследно исчез – даже камеры нигде его не фиксируют. Я подозреваю, что он до сих пор прячется внизу, на том большом складе.

Королев, не перебивая Наумочкина, решил выслушать до конца своего «гида», тем более, что с заказом он вчера закончил, а новых пока не поступало, поэтому в слесарку можно и не торопиться.

– Во-вторых, – продолжал Наумочкин, – в последние дни поступают противоречивые данные о его личности: по одним документам он, например, служил в армии, по другим – нет. Где-то написано, что он имеет высшее техническое образование, а в другом месте стоит пометка о восьми классах. На счет семьи тоже не всё ясно: то ли холост, то ли вдовец, да еще и с детьми. В общем – тёмная лошадь этот ваш Кульков.

– Не наш, а ваш, – буркнул Королев, но Наумочкин, будто

его не услышал.

– Зачем ему вообще нужно было проникать на тот склад, и как он это сделал? – спросил Петрович.

– Никто пока не знает зачем, но вот КАК – это уже интересно, – задумчиво ответил Наумочкин. – Подозреваю, что он воспользовался подобием технологии стелс, как на самолетах-невидимках.

Королев насмешливо посмотрел на «гида» и добавил свою ложку дёгтя:

– Насколько я знаю, технология стелс применяется только для самолетов и кораблей.

Наумочкин сморщился: ему вдруг стал неприятен этот выпад, тем более, что он и так, рискуя положением, выложил неблагодарному Королеву половину государственных тайн. При «удачном» их обнародовании, ему лично и начальству, которое санкционировало, такого рода открытость вновь прибывавшим сотрудникам, грозит от двадцати – до пожизненного.

Не обращая внимания на реакцию Наумочкина, Петрович продолжил:

– Так можно ли подобную технологию использовать для человеческого костюма, или это из области фантастики?

Наумочкин глянул на него исподлобья:

– В наших лабораториях можно всё. Я вам больше скажу: технологии стелс, на данном предприятии, давно считаются устаревшими. Сейчас мы создаем объекты, не видимые при

оптическом наблюдении, не то что при радиолокационном. Наши технологии были добыты из древних шумерских и египетских книг, что, естественно, тоже относится к гостайне. Мы здесь работаем на стыке официальной науки и магии. Надо сказать, что магия, в конечном счете, тоже является наукой, только подход к познанию мира у нее другой. С наукой она схожа лишь в наличии необходимых атрибутов серьезного исследования: накопление информации, расчеты, опыты, секретность... Я, конечно, сильно всё упрощаю, но так оно и есть – магия здесь приравнивается к науке, и, следовательно, у нее есть свои ученые.

– Но, позвольте, – усмехнулся Королев, – почти все найденные книги, таблички, надписи на камнях давно изучены историками и лингвистами, и я что-то не припомню, чтобы кто-то говорил о применении описанных ритуалов в современной жизни, тем более, на секретном предприятии.

Наумочкин понимающе кивнул.

– Да, это распространенная «правильная» точка зрения. Только есть один нюанс – не все книги, сгоревшие, например, в основном фонде Александрийской библиотеки в третьем веке нашей эры, были уничтожены. По крайней мере, те папирусные книги-свитки, что уцелели, никогда не будут обнародованы. Необходимые любому государству супертехнологии, в большей своей части, получили подробнейшее описание именно в тех уцелевших книгах. Скажу вам вот что: в этом мире существует всё то, о чём написано в любой

сказке – от ковра-самолета, до пресловутого договора с дьяволом. В общем, вы попали в уникальное место, однако, и условия вашего дальнейшего существования предполагают некоторую, я бы сказал, уникальность. Во-первых, вы будете невыездным пожизненно...

– То есть, как? – перебил его Петрович. – Я не смогу выехать из России в Турцию или Египет, хоть они мне и даром не нужны?

– Нет, – мотнул головой Наумочкин, – Турция с Египтом здесь ни при чём – вам нельзя выезжать с этого архипелага, только и всего. И потом, по большому счету, вы никому не нужны, и вам никто не нужен. Точно такое же положение у всех, находящихся здесь.

Королев гордо вскинул голову:

– Нет, я очень даже нужен: меня ждет жена и теща!

– Ой, только давайте без истерик. Меня в Москве, например, уже не ждут ни жена, ни двое детей. Я подписал пожизненный контракт с данным предприятием, в обмен на то, что ежемесячно буду высылать своей семье полмиллиона рублей, по нынешнему курсу. И они рады, и я рад – все остаются при своем: они при деньгах, а я при работе. Любимой работе, – добавил он и, едва заметно, усмехнулся. – Вы, кстати, тоже подписали аналогичный контракт, еще там, в Москве, только вам не дали этого знать.

– Но я же прекрасно помню, что именно подписывал, – возмутился, было, Петрович.

Наумочкин вздохнул:

– Чтобы было понятнее, вы подписали документы в состоянии полусна, когда, например, угощались минералкой или чаем – таковы принятые здесь методы, если хочешь большую пожизненную зарплату.

– И крутой карьерный рост, – задумчиво произнес Петрович.

– Вот именно, – Наумочкин сочувственно улыбнулся.

Прошла минута, прежде чем Королев стал привыкать к мысли о полной своей ненужности тем, к кому он, в глубине души, стремился уехать в скором времени, хотя бы на время отпуска, если таковые существуют на этом предприятии. Теперь же он случайно узнал, что отпуск – всего лишь мечта.

– И, всё-таки, я не могу поверить, что моей семье нужны лишь деньги, а не я сам, – вновь подал голос Петрович.

Наумочкин явно устал от этого разговора и, скорее всего, уже жалел о поднятой теме своеобразного отшельничества местных сотрудников.

– Пройдет год-два и вы поверите во всё, что я говорю, и также привыкнете к такому положению вещей, и вас не будет тревожить мысль, как они там без вас обходятся. Поверьте, очень даже хорошо живут!

Королев смотрел в пол, а Наумочкин – на часы.

– У меня еще один вопрос. Как же так получается, что я видел двоих сразу – и Кулькова, и того офицера, если всё сделал один лишь Кульков?

Наумочкин пожал плечами.

– Может, гипноз, а может – галлюциноген: прыснул заранее из баллончика – и готово. Сам же, перед этим, надел противогаз.

– Но противогаза я не видел! – сказал Королев, чувствуя, что рассыпается такая хорошая версия.

– Ну, может, он принял таблетки против именно этого галлюциногена – методов, в общем-то, хватает.

Невозмутимый тон Наумочкина несколько успокоил Королева, и он понимающе закивал.

– Ничего нет невозможного, – вновь сказал Наумочкин. – Я уже говорил, что здесь немислимые технологии, похожие на магию. Но если разложить всё по полочкам, получится чистая наука.

– Вы в этом уверены? – спросил Королев, всё еще не веря, что всему можно найти объяснение.

– Абсолютно, товарищ. Но, впрочем, хватит о грустном, пора бы и работой заняться, – тут он встал из-за стола, и быстро пошел прочь от Королева.

– А как же завтрак? – крикнул Королев убежавшему Наумочкину. Тот только махнул рукой, не оборачиваясь, и скрылся с глаз.

У Петровича вдруг напрочь пропал аппетит. Он встал, грустно посмотрел на раздаточный стол, около которого собралась внушительная очередь, и пошел на выход.

Не успел он сделать и двух шагов по направлению к сле-

сарке, как его вновь окликнул Наумочкин. Подбежав к Королеву, тот запыхавшимся голосом сказал:

– Не удивляйтесь, если скоро вас опять вызовут на допрос: я буду вынужден передать наш разговор Штукку, чтобы прекратить расследование в отношении вас.

– Спасибо, – ответил Королев и вновь проводил взглядом удаляющуюся спину Наумочкина.

Глава 12

Придя в мастерскую, Королев ощутил такое сильное одиночество, что не помог даже кот, подошедший к его ногам. Он потерял о новые ботинки Петровича, пахнущие натуральной кожей, потом зевнул, и, глядя в глаза своему хозяину, несмело промяукал.

– Ну, что, опять идти тебе за едой?

Кто бы знал, как ему не хотелось снова возвращаться в столовку и набирать колбасы для вечно голодного кота без имени. Петрович посмотрел на свои токарные станки, тускло поблескивавшие холодным железом в свете такого же холодного неона. Он почувствовал, что еды ему сегодня явно не хватает: неожиданно желудок тихо булькнул и пробудил остальные органы пищеварения, заигравшие какую-то свою «голодную» мелодию, которая, очевидно, должна была пробудить совесть, чтобы та заставила человека вновь сделать первый шаг к далекому раздаточному столу. Петрович снова посмотрел на кота: тот опустил голову, облизывая переднюю лапу, готовясь умыться.

– Только гостей мне и не хватало, – произнес Королев, чувствуя, что сейчас они к нему и нагрянут. Он не хотел ни с кем встречаться и решил, что, пока будет бежать в столовку, либо, если она будет закрыта – к себе, в комнату отдыха за остатками колбасы, непрошенные «гости», тем временем, потопчутся около слесарки, а потом уйдут по своим делам. Доверившись этой мысли, Королев, побыв в мастерской, для порядка, еще три минуты, сорвался с места и побежал за колбасой. По пути ему в коридоре попала странная группа, одетая в желтые защитные костюмы с поликарбонатными шлемами, предназначенными для работы с микроорганизмами и вирусами. Королев обратил внимание, что сбоку костюмов болтаются белые гофрированные шланги для принудительной подачи воздуха. Люди из этой группы держали в руках тонкие брандспойты для распыскивания жидкостей. Королев видел, как из металлических «носов» выбрасываются мельчайшие брызги, образуя вокруг себя нечто вроде вязкого тумана, похожего на дым. Те, кто сейчас находился в коридоре, спокойно проходили сквозь облако «жидкого» тумана, и, как ни в чем ни бывало, шли дальше. Охранники, стоявшие вдоль стен, также спокойно воспринимали прохождение загадочной группы мимо них. Когда они дошли до Королева, тот инстинктивно пригнулся, что вызвало улыбки на лицах мимо идущих соседей по комнате отдыха. Один из них похлопал Петровича по плечу и сказал:

– Не надо так бояться – это запланированная процедура,

которая делается раз в месяц.

Королев устремил удивленный взгляд на соседа, маленького бородатого крепыша, вечно чихающего, когда просыпается по утрам, и кивнул, правда, не поняв важности упомянутой процедуры.

– А зачем она... – начал, было, он спрашивать, но сосед быстро пошел дальше на своих коротеньких ножках и вскоре скрылся в толпе. Многие улыбались, проходя сквозь импровизированный туман, что напомнило Королеву документальные фильмы про сектантов, где они без причины скалились на своих собраниях. Теперь он испытал похожие ощущения, и ему совсем не хотелось улыбаться, когда туман окутал его, и он закашлялся от паров с запахом концентрированной хвои.

Как и ожидалось, двери столовой были заперты: на часах было двенадцать. Обед должен был начаться в два часа, так что Петровичу пришлось идти до своей комнаты.

Открыв двери, он уже оттуда увидел на своей тумбочке два кислородных коктейля. Не желая никого отвлекать вопросами, Петрович предположил, что столовая потихоньку начала перемещаться в их комнату, и коктейли – это первая ласточка. Выпив сразу два стакана, Королев вдруг подумал, что кислород может быть выведет часть паров, попавших в его лёгкие.

В комнате, кроме Королева, было еще человек шесть, и все были заняты своими делами: кто-то, как обычно, играл

в шахматы, кто-то читал. Странно, что днем никто из этих шестерых не пошел на работу. Только потом Петрович сообразил, что эти люди были из ночной смены, и сейчас они просто испытывают приступ короткой бессонницы. За каким-нибудь простым занятием, организм расслабится и сам подскажет своему хозяину, что пора на боковую.

Королев открыл тумбочку и достал подсохшие куски вчерашней колбасы, надеясь, что они понравятся коту. Как только он захлопнул дверцу, над головой вдруг прозвучало:

– И снова, здравствуйте!

Он оглянулся – перед ним стоял Наумочкин.

– Как дела? – спросил тот, совсем некстати улыбаясь.

– Какие у меня дела? Вот, пришел еды для кота взять.

– А сами позавтракать не хотите?

Эта фраза звучала так по-дурацки, тем более, что оба, побывав в столовой час назад, ушли не солоно хлебавши из-за рассуждений о ходе расследования.

– Хочу, но никак не успеваю, – ответил Петрович.

– Ну, так, пойдемте же скорее, а то всё вкусное съедят, – Наумочкин снова некстати улыбнулся.

Петрович шагнул, было, по направлению к двери, как неожиданно что-то вспомнил:

– Так ведь, столовка была закрыта, когда я проходил мимо нее.

Наумочкин усмехнулся:

– Уже все открыли – специально для нас.

Его шутка не вызвала ответной реакции Петровича, но он решил не подавать вида.

Когда они вышли в коридор, Королев, вспомнил об утреннем «душе», и спросил:

– Вы не видели странных людей в защитных костюмах?

– С распыскивателями? Как же, конечно, видел. Можно сказать, сегодня солнечный день в наших серых трудовых буднях.

– Не понял, как это? – удивился Королев.

– Очень просто, – с улыбкой ответил Наумочкин. – Эта процедура приносит всем пользу, о чем вы скоро догадаетесь. Не буду ничего рассказывать – пусть для вас будет сюрпризом то новое знание, которое скоро откроется.

Королеву совсем не понравился такой разговор, особенно по поводу «знаний». «Точно, секта», – со злостью подумал он и, не говоря ни слова, ускорил шаг.

– Подождите, Григорий Петрович! – крикнул ему вслед Наумочкин.

Догнав Королева, он сказал, что Штулкк благополучно решил его дело: на записи с видеокамер действительно был второй человек, только он частично невидим, как и предполагал Наумочкин. И что это был именно Кульков, загадочно пропавший где-то на нижних уровнях, но не покинувший предприятия, так же подтверждается некоторыми данными.

– А почему вы думаете, что он всё еще здесь? – жестко спросил Королев, который продолжал не доверять Наумоч-

кину.

Тот закивал и сказал, что точно знает о присутствии Кулькова на объекте, потому что его пропуск сработал несколько раз именно на глубине семи километров под уровнем моря.

– А если тот пропуск заблокировать, чтобы Кульков не шастал туда-сюда? И вообще, почему ему везде есть допуск? – справедливо возмутился Петрович.

– Давайте по порядку. Мы его не блокируем, потому что не хотим потерять. Например, я знаю, что сейчас он где-то в районе лифтов: ну и пусть себе гуляет – нам же спокойнее. И потом, почему вы решили, что у него есть допуск во все кабинеты? Это совсем не так – его передвижения всё равно ограничены, так что, беспокоиться не о чем.

Тут Наумочкин нахмурился:

– Вот, только увидеть его никак не могут – украденный им костюм, по-прежнему, находится в активном состоянии. Однако, и здесь нам бояться нечего: рано или поздно, слабые дозы радиации убьют его, ведь этот костюм работает не на простых батарейках, – тут он злорадно улыбнулся, и Королева передернуло так, будто его шибануло током.

– Спокойно, Григорий Петрович, врагов жалеть не надо: он на то и враг, чтоб его ненавидеть, а не прощать – это мое личное мнение.

Помолчав мгновение, Наумочкин снова заговорил:

– Уверяю вас – мы хорошие ребята, – при этих словах он как-то грустно улыбнулся, но тут же, сделав серьезное лицо,

добавил, – однако и хорошим ребятам иногда мешают плохие парни. Вы, ведь, в курсе, что на нашу базу постоянно охотятся террористы всех мастей, спонсируемые заинтересованными частными лицами?

– Нет, я ничего об этом не слышал, – отозвался Королев.

– Ну и правильно, – сказал Наумочкин задумчиво. – Значит, всё правильно. Знаете, большинство государств, заинтересованных в мирной политике, ни за что к нам не полезут. Наоборот, они нам оказывают всяческую помощь. А те, кто нам мешает, будут убраны с дороги, выполоты, как сорняки. И вы, дорогой Григорий Петрович, сами того не замечая, уже вносите в это дело свой неоценимый вклад. Но, повторюсь, всё находится в рамках глубочайшей секретности.

Королев решил, что теперь можно спросить о том, что мучило его всё время, пока он находился на объекте.

– Ответьте откровенно, в чем заключается наша деятельность?

– А в чем, собственно, дело? Что за обостренное чувство недоверия к нашей работе? – шутливым тоном спросил Наумочкин.

Королев продолжал упрямо смотреть в его глаза, ожидая ответа. Наумочкин молчал, будто проверяя, насколько Королеву хватит терпения.

– Мне не нравятся секреты, – процедил сквозь зубы Королев, – я их с детства ненавижу. Они всегда вызывали у меня подозрения, пусть даже и были самыми невинными. Я все-

гда знал, что всякий секрет таит в себе гадость, способную навредить человеку.

– Что вы имеете в виду? – устало спросил Наумочкин.

Королев открыл, было, рот для дальнейших объяснений, но тут Наумочкин, видимо что-то для себя поняв, улыбнулся, и похлопал Петровича по плечу.

– Не о чем беспокоиться, друг мой. Вы, вероятно, слышали, что бывали в нашей истории случаи полного выздоровления?

Королев пожал плечами:

– Да так, краем уха. По-моему, что-то в фантастических романах проскальзывало, или в житиях святых, если я ничего не путаю, – ответил он.

Наумочкин понимающе улыбнулся.

– Ценю вашу иронию, но, дело в том, что на нашей базе есть суперсовременная лаборатория, где разрабатывается универсальная вакцина, способная бороться со всеми болезнями сразу. Пока еще не все задачи решены в этой области, но мы – оптимисты. Полгода назад, например, вакцина действовала всего лишь в течение тридцати пяти дней, а потом ее свойства сходили на нет, и болезни возвращались. Задача наших лабораторий – добиться устойчивого результата. И вот, на днях, мы решили эту проблему – испытания новой вакцины прошли успешно, – тут Наумочкин снова улыбнулся, – поэтому у нас и отобрали столовую: теперь там будет фармацевтический отдел.

– Да, я уже об этом слышал, – сказал Королев, – ребята даже прозвали столовку «аптекой».

– Ну, вот видите – вы даже больше моего знаете в этой области. Осталась еще одна задача – изготовление большой партии новой вакцины и отправка ее на все материки.

Королев удивленно посмотрел на Наумочкина:

– Но вы же говорили, что система отправления грузов давно налажена...

– Всё так, уважаемый Григорий Петрович, но последние события с Кульковым могут надолго задержать отправку: мы опасаемся, что он, всё же, способен проникнуть на какое-нибудь судно и устроить диверсию.

– Вы же мне сказали, что он у вас под контролем.

– Да, это так. Но появилось одно «окошко», через которое он может легко проскочить и попасть в подводный порт.

– Что за окошко?

– Понятия не имею – это головная боль службы безопасности. В конце концов, всё решается, и, как я уже говорил, у нас необычный объект.

Наумочкин замолчал, уставившись в пол.

– Я тоже надеюсь, что его скоро поймают, – сказал Королев.

– Да, мы полагали, что это будет сделано в кратчайшие сроки, но, как говорится, человек предполагает... Так вот, мы прервались. Что я еще хочу сказать по поводу новой вакцины. Наши микробиологи работают в одной связке с гене-

тиками. Возникновение любой болезни связано с одним человеческим геном. Наша вакцина воздействует на этот ген, который из-за своего «любопытства» (этот термин придумал не я) постоянно «влипает» в разные истории...

– А разве есть такой ген? – удивился Королев.

– К сожалению, да – пока еще есть, – ответил Наумочкин.

– Почему же к сожалению?

– Потому что, это единственная недоработка природы, которую и устраняют наши ученые. Гены, проявляющие, так называемое, «любопытство», возбуждают в организме рецепторы, отвечающие за проявление человеком активности там, где не надо. Так называемая, храбрость, когда, например, вопреки здравому смыслу человек лезет туда, куда его не просят, представляет собой обыкновенную «поломку» в организме, которую надо исправить.

Королев боязливо посмотрел на Наумочкина. Та уверенность, с которой он говорил о несовершенстве природы, настолько была несовместима с понятиями Королева о моральных ценностях, что у него в один момент пропало желание о чем-либо говорить с этим страшным человеком. Но Наумочкин и не думал останавливаться на пути дальнейшего разрушения устоявшихся воззрений Королева, относительно тех добродетелей, которые возвращаются в человеке с детства.

В это время они дошли до столовой. Народу было полно, но Наумочкин, спокойно пройдя без очереди, взял с раздаточного стола бутерброд с зеленью, и большой стакан апель-

синового сока. Королев же, посмотрев на аппетитные салаты из креветок с кукурузой, протянул руки, и легко подхватил пластиковую миску и стакан яблочного сока.

– Скажем так, – продолжал Наумочкин свое объяснение, сделав большой глоток сока, – интуиция – это полный антипод храбрости, и она, в данном случае, наш защитник. Прислушиваясь к интуиции, то есть, к, знакомому любому человеку, внутреннему голосу, мы обходим проблему стороной, даже еще не осознав, что это проблема, и что она уже на пороге. В то же время, «храбрый» человек, который постоянно игнорирует внутренние сигналы о возможной опасности, плюёт на предупреждения, и, почти со стопроцентной вероятностью, попадает в неприятность. Задача наших ученых состоит в том, чтобы усилить интуицию путем ослабления этой псевдохрабрости. Ну, это я так, на пальцах, пытаюсь вам объяснить суть новых решений. Знаю, звучит не очень, но именно так и обстоят дела сегодняшние. Еще вопросы есть?

Королев сидел, вылупив глаза на «гида», не смея поверить в только что услышанное.

– А как же мужество? – спросил Петрович через несколько мгновений, которых хватило для того, чтобы Наумочкин успел поставить стакан на стол и сделать первый шаг в направлении выхода. Тот театрально вздохнул, и, не останавливаясь, бросил через плечо:

– Атавизм!

– С которым вы тоже боретесь? – крикнул удалявшемуся

Наумочкину, вдруг запыхавшийся от волнения, Королев.

– Вся жизнь – борьба, товарищ! – крикнул тот в ответ и скрылся в коридоре.

Королев подумал, что это был бредовый сон, и надо срочно сделать что-нибудь полезное, например, вернуться и накормить уже кота. Выждав несколько минут, пока Наумочкин далеко уйдет, он вышел из столовой и побежал в слесарку.

Голодный кот, казалось, обрадовался его приходу, что, впрочем, не обрадовало Королева: на его станке было оставлено письмо без надписей на конверте. Он посмотрел на кота, с упоением лопавшего остатки колбасы, и вскрыл конверт. Там было написано следующее: «Господин Королев, табельный номер 3424. Ваше дело №765 было рассмотрено в порядке очереди. Сообщаем вам, что с результатами расследования вы можете ознакомиться в любое, удобное для вас время, в кабинете № 89. Все вопросы и пожелания можете отправлять в электронном виде по адресу». Дальше был написан внутренний электронный адрес. Королев скомкал письмо и бросил его в поддон под станком, где давно валялись окаменевшие окурки, когда-то оставленные Кульковым. «Самое смешное, что он за ними не придет», – промелькнула в голове озорная мысль и тут же забылась.

Сегодня он решил ничего больше не делать. Накопившаяся за день странная усталость, не давала ему сосредоточиться хоть на каком-нибудь деле. Можно было, хотя бы, резцы

поточить или сломанные сверла подправить, но ему жутко захотелось лечь в кровать и уснуть на много часов. Он так и сделал: недолго думая, развернулся и пошел к себе, не встретив по пути ни одного человека, кроме охранников.

Глава 13

Ночь прошла мгновенно. Петрович помнил, что, как только его голова коснулась подушки, так тут же прозвенел будильник, резанувший по барабанным перепонкам холодным лезвием утренней бодрости. Проснувшись и еле разлепив глаза, Королев почувствовал, будто в них сыпанули песком, да еще и потерли кулаками. Сейчас под тяжелыми горячими веками лежала крупнозернистая наждачная бумага, трущаяся о роговицу. Такой боли он не испытывал никогда в жизни. Слезы лились градом. Королев боялся встать с кровати, потому что его тут же собьют с ног и затопчут. Он не двигался с места, чтобы не потерять того ощущения, что он все еще находится под своим одеялом, на пружинящем теплом матрасе, а не ушел в дальнее плавание в пространство безграничной комнаты, ну а тем более, в закоулки бесконечного коридора. Сердце билось, как бешенное. Кровь стучала в висках гулкими молотками, причиняя боль и ломоту в черепе. Дыхание участилось. Он потянулся холодеющими пальцами к вырезу своей майки, которая никак не могла давить ему на горло, но он все равно оттянул ее как можно дальше, чтобы освободить грудную клетку от минимального давления хлопчатобумажной ткани. В голове была муть и стран-

ная зелень, будто его топят в болоте...

Однако, паника прошла также быстро, как и наступила. Как только он проморгался, что далось с большим трудом, тут же стало во сто крат легче. Он вздохнул с облегчением, когда смог, наконец, открыть глаза и посмотреть на окружающие предметы. Первое, что он увидел, была его родная тумбочка. Вот только выглядела она как-то странно: размытое поблескивающее пятно, не имеющее ни высоты, ни ширины. Надев на нос очки, Петрович с неудовольствием обнаружил, что перед глазами всё вдруг поплыло, будто со всех сторон натянули толстую пленку, через которую невозможно было ничего увидеть, кроме медленно движущихся теней. Он понял, что очки стали чересчур сильными, и надо бы их поменять. «Не плохо бы и глаза сменить заодно», – подумал в сердцах Королев, и тут же обратился к соседу по комнате:

– Вы не скажете: у меня глаза красные, или какие они вообще?

– Нормальные у вас глаза – розоватые. А в чем дело?

Петрович не знал, как бы ему поточнее обрисовать свою проблему, но в следующую секунду сообразил, что нужно говорить только правду, чтобы посторонний человек сразу понял суть этой проблемы и дал правильный совет.

– У меня глаза только что так сильно резало, будто там был песок, камни, опилки какие-то. А сейчас, надел вот очки, и всё плывет, как в тумане. Короче, не знаю, что делать.

– Успокойтесь, товарищ, с вами все в порядке. Резь в гла-

зах должна скоро пройти...

– Уже прошла, – перебил его Петрович.

– Ну вот видите, – улыбнулся сосед, хотя Королев не видел ни его самого, ни его очаровательной, а, может быть, издевательской омерзительной, улыбки: не бывает так, чтоб сразу стало хорошо – страдания надо терпеть дни или годы, чтобы наконец-то получить покой и радость...

– Вы меня слышите, уважаемый? – сосед тряс Петровича за плечо и зачем-то дул ему в ухо.

Королев инстинктивно отодвинулся подальше от странного соседа, который, опять же с улыбкой, добавил еще более необычную фразу:

– Очки вам больше не понадобятся. Снимите их и посмотрите на мир другими глазами.

– Как это не понадобятся?

– Обыкновенно. Более того, здесь, на острове, нет отдела по продаже оптики, и это не должно вас пугать. А в-третьих, вам, уважаемый Григорий Петрович, пора бы уже привыкнуть к тому, что изо дня в день талдычит вам ваш куратор: это необычное место с необычными же технологиями.

– А вы откуда знаете, о чем мы говорим с Наумочкиным? – удивленно воззрился он слепыми очами на соседа.

– Мы все через это прошли, так что – просто расслабьтесь и ничему здесь не удивляйтесь, чтобы не терять времени даром. Лучше доверьтесь внутреннему потоку энергии, который несет вас к светлому завтра...

Королев слушал и не верил: какой поток, какая энергия, какое, к чертям собачьим, доверие, когда он ничего не видит?

Сосед еще что-то говорил, но кроме словесного шума, Петрович ничего не слышал. Он вновь бесцеремонно его перебил:

– Я только одного не понимаю, как мне теперь обходиться без очков?

– Сами всё увидите, – ответил сосед, и улыбнулся своему удачному каламбуру.

Королев был в легком смятении, но словам соседа пришлось поверить, когда он снял очки и, вроде бы, увидел свою тумбочку в том самом, «нормальном» состоянии, в каком она была до его ночного сна. Как ни странно, Петрович тут же забыл об очках. Он не вспоминал о них ровно до того момента, пока в конце смены до него не дошло, что он действительно в них не нуждается, и что ему прекрасно видны любые предметы на любом расстоянии. Однако, он не стал больше ни с кем делиться этой приятной новостью, чтобы не сглазить, и чтобы не слушать всякую чушь о внутренней энергии, которая распространяет вокруг себя волны радости и счастья.

Когда вечером того же дня он окинул взглядом комнату, в которой жил почти месяц, то заметил, что на многих прикроватных тумбочках лежат очки разных форм и цветов. Тут были и квадратные очки в роговой оправе с толстыми пуза-

тыми стеклами; и золотые тонкие с узкими прямоугольными линзами. Многие были со сломанным дужками, перемотанными синей, красной, зеленой и черной изолентой. Общее в этих очках было одно – к ним никто не прикасался. Петрович вдруг вспомнил, что вот уже несколько дней, краем глаза, видит несколько десятков бликов от стекол очков: целых и битых, мутных, как стенка старого аквариума и чистых, как слеза того окулиста, который умилился бы при известии, что его пациент навеки излечился от глазной болезни... Он подошел к ближайшей тумбочке и, присмотревшись, увидел, что лежащие там очки, покрылись тонким слоем пыли. Их хозяин, швед Ольсен, заправляя в это время свою кровать, не обратил внимания, как подошел любопытный Королев. Петрович не хотел начинать разговора, тем более, что, кроме языка жестов и русского, он никакими больше не владел. Вдоволь насмотревшись на, уже никому не нужную чужую собственность, он также незаметно отошел от тумбочки шведа и направился к своей кровати.

Некоторое время Петрович прислушивался к собственному организму, полному разных изменений. Он никогда не обращался внутрь себя, никогда не доверял интуиции, и вообще не знал, что такая есть на свете. Его «глухота» к собственным ощущениям еще более усиливалась, когда он общался с такими же непробиваемыми людьми, как и он сам. Да, пусть они и остались там, в прошлой жизни, в большом пыльном городе, но, вместе с тем, они всё еще были с ним

рядом – в его воспоминаниях, со временем всё более блекнувших и превращавшихся в подобие эха, или ветра, которые доносили до него обрывки давних разговоров, чужих рассуждений, каких-то нужных и ненужных встреч... И вот, в один прекрасный день, он почувствовал, как всё это разом забылось, будто морская волна смыла лишнюю информацию, очистив его для чего-то нового и светлого. Королев легко встал с казенной кровати, и также легко, без «стрельбы» в пояснице, наклонился, чтобы надеть брюки и зашнуровать ботинки. Его приятно поразила смелая идея, что сейчас он может пробежать по длинному коридору, не ощутив при этом тяжести в ногах и болей в спине, от которых он страдал, без малого, восемь лет.

Но через мгновение Петрович спустился с небес на землю, и понял, что, конечно же, никуда он не побежит – в коридоре будет полно народу, когда все спокойно пойдут на работу, а он, озабоченный своим самочувствием, будет только мешать радостной беготней сотням людей. Единственное, что он сделал, так это несколько раз подпрыгнул на месте, чтобы окончательно убедиться, что спина больше не беспокоит, и что также не болит голова, шея и желудок... Он не заметил, как некоторые соседи понимающе улыбнулись его неуклюжим прыжкам, потому как они сами, в недавнем прошлом, были на его месте, и точно также стеснялись проявить хоть самую малую радость при появившихся вдруг новых ощущениях в теле.

Он легко дотянулся до дверцы тумбочки, не услышав при этом хруста в суставах. Позавтракал, как обычно, одним бутербродом, припрятанным с вечера, запив его горячим сладким чаем, который всем принесли заботливые работники столовой. Народ уже разошелся. В комнате остался только Степан Викентьич, нервный, как всегда, по утрам, и еще один, новенький, молодой Лешка Миронов: он прибыл несколько дней назад, и пока не привык к обстановке. К нему прикрепили того же Наумочкина, но тот редко с ним общался, по неизвестным Королеву причинам. Лешка, двадцатилетний розовощекий малый, сидел на своей кровати и читал толстенную книгу о древней Руси. Королев и сам бы сейчас с удовольствием пробежался по страницам увесистого тома, окунувшись с головой в увлекательные подробности российской истории, пусть и в художественном изложении, но сегодня ему нужно было спешить в слесарку – снова поступил заказ, который требовалось срочно выполнить. На этот раз ему приказали сделать несколько новых корпусов для считывателей на дверях. Начальству не понравилось состояние пластиковых штампованных коробок, которые, во-первых, покрылись трещинами, а, во-вторых, их кто-то пытался взломать. Теперь вся надежда была на Королева, который должен сделать, пусть и неказистые, но простые и надежные корпуса из толстых листов закаленной стали. Такая работа требовала особо твердых зубил и свёрел с алмазными наконечниками. Королев впервые за свою практику сталки-

вался с таким заказом, но, как говорится, глаза боятся, а руки делают.

Петрович открыл дверь в слесарку и, первым, кто его встретил, был кот, махнувший хвостом и облизавший свой нос. Королев достал из кармана заранее припасенную колбасу и кинул её коту.

Вторым, встретившим Петровича в слесарке, был его любимый токарный станок – тот, что стоял ближе ко входу. Королев вытащил старый резец из зажима и бросил его на соседний стол – потом заточит, если будет время. Сейчас же ему нужно было откопать в инструментальном шкафу чудо-зубило, которым он и будет работать. И как только он открыл верхний ящик с инструментами, тут же ему в руки попало хромированное плоское зубило с затупившейся кромкой. Твердость режущего края была превосходной, вот только над его исправлением нужно поработать. Петрович знал, что где-то в шкафу хранился тюбик специальной пасты, изготовленной в лабораториях этого объекта по рецепту древних майя. Паста могла размягчать металл и камень, чтобы с ними было легче работать. Вот только, чтобы найти этот тюбик, необходимо было сначала отыскать подробную схему расположения всех инструментов в шкафу. Нужная лежала где-то на столе под грудой накладных и других схем, в которых он так и не навел порядка. Кроме того, стол – любимое место кота, где была его «кровать», но сейчас он отвлекся на колбасу. Петрович полез в залежи, стараясь быть как мож-

но аккуратнее, чтобы не свалить нужную бумажку за двухсоткилограммовый стол, иначе потом придется его двигать самостоятельно. Как только Петрович приступил к разбору бумаг, ему в шею уперлось то самое хромированное зубило, которое он только что нашел.

– Медленно пошел и сел на стул, – произнес чей-то голос, хозяина которого Петрович не видел. Он повиновался и спокойно дошел до стула, стоявшего около ближайшего токарного станка.

– А теперь, отдай свой пропуск.

– Зачем? Он годится только для моего склада с железками, – убедительным тоном сказал Петрович.

Голос ответил:

– Мне, как раз и нужен твой склад.

Королеву показался ужасно знакомым голос, который он не слышал уже несколько дней.

– Кульков? – произнес он, слегка дрожа от напряжения.

– Какая теперь разница?

– Вас все ищут.

– Знаю, пусть себе ищут. Мне нужен твой пропуск – доставай, давай.

Королев полез в карман и вынул пластиковую карточку.

– Натэ, – протянул он пропуск в пустое пространство. Откуда-то слева, карточку схватили невидимые пальцы, рванули в сторону от Королева, и подняли вверх. Пропуск повис, трясась в воздухе, как игральная карта фокусника.

– Зачем он вам? – спросил Королев, чтобы хоть что-то спросить.

– Много будешь знать – скоро состаришься. Надо мне и всё, – жестко ответил невидимый Кульков.

– Но там же ничего нет, кроме железок и старых гвоздей.

– Молчи, пока не прибил тебя к стулу, – ответил Кульков.

– К стулу? Как странно, – пожал плечами Петрович и повернулся лицом к складу. Пропуск медленно полетел в воздухе и вошел в щель считывателя. На панели загорелась зеленая лампочка. Щелкнул электронный замок. Скрипнули ржавые петли – дверь открылась. В полной темноте Кульков начал возиться с железками, бросая их на пол и чертыхаясь.

– Вы, хотя бы, свет включили, а то ноги себе переломаете! – крикнул Петрович.

– Не твоя забота, заморыш! – огрызнулся в ответ Кульков и щелкнул выключателем. Внутри склада загорелась желтая стоваттная лампочка, на мгновение осветив человеческую руку, покрытую ржавой пылью и стальными опилками. Королев догадался, что костюм-невидимка, скорее всего, приобретает магнитные свойства, когда находится в активном состоянии. Он смотрел на Кулькова, все больше покрывавшегося пылью. Когда тот ушел вглубь помещения, Петрович сорвался со стула и бегом бросился к складу. Хлопнув дверью, он тяжело задышал, будто только что тащил тяжелый мешок на своих тощих плечах. За дверью послышался мат и несколько ударов в старые доски, обитые железом. Иногда

бесхозяйственность может быть полезна: внутри склада давно сломалась кнопка открывания, за что Королев несколько раз получал нагоняй от Наумочкина. Но Петрович не спешил с ремонтом, тем более, что для этого нужен был электрик, которого вечно не дождешься. Поэтому, сейчас дверь оставалась запертой, чему Петрович несказанно обрадовался, и, недолго думая, развернулся и побежал к настенному телефону. Набрав внутренний номер охраны, он крикнул в трубку:

– Алло, это пост номер три?

– Да, а в чем дело? – ответили на том конце провода.

– У меня здесь нарушитель! Сообщите господину Штукке или... не знаю, кому вы там должны сообщать, что у меня, в слесарке, сидит нарушитель – я его поймал!

– Кто это – я? – переспросил спокойный голос.

– Я, Королев Григорий Петрович! – сказал он, как можно громче.

– Назовите свой табельный номер, пожалуйста.

– Тьфу ты, черт, какой еще номер? Не помню я никакого номера! Королев я! Понятно?!

В трубке что-то шелкнуло, и на несколько долгих секунд повисла тишина.

– Понял вас. Ждите прибытия помощи, – ответил, наконец, невозмутимый металлический голос. Потом опять что-то шелкнуло, и раздались частые гудки.

Петрович посмотрел на черную трубку и тяжело выдох-

нул, будто только что сдал трудный экзамен. Слегка пошатываясь, он дошел до стула и сел, обливаясь горячим потом. В дверь, по-прежнему бился Кульков, но Петровичу было теперь плевать на угрозы, раздававшиеся со склада.

Через пять минут пришли десять охранников во главе со Штукком. Гневно сверкая глазами, Штукк резко кивнул седым ежиком волос и спросил:

– Где он?

Королев показал на дверь, хотя, по стуку, и так было понятно, куда нужно идти. Широким шагом Штукк пронесся до закрытой двери.

– И как мне теперь ее открыть?

– Не знаю, – ответил Корольев, – мой пропуск он забрал. А разве у вас нет мастер-ключа?

– Тоже мне, умник нашелся, – просипел Штукк. – Конечно же, есть, только он в моем кабинете. Скворцов! – крикнул он в толпу охранников, – быстро в мой кабинет, и принеси универсальный ключ – там, на стенде висит.

– Понял! – крикнул в ответ Скворцов и выбежал из слесарки.

Глава 14

Штукк подошел к токарному станку и хлопнул ладонью по круглому боку стального патрона.

– Да, помню и я в детстве стоял за таким же – болты для школы точил. А теперь, вряд ли смогу с первого раза фаску снять, – тут он хитро посмотрел на Петровича и улыбнулся.

– Может, хотите попробовать? – спросил Королев и тут же пожалел, что развязал свой язык.

Штукк, очевидно, уловил его внутреннее сожаление о заманчивой просьбе и ровным тоном ответил:

– Нет уж, спасибо: мне с молодыми не хочется тягаться. Да и профиль у меня другой – сами видите. – С этими словами он кивнул на дверь запертого склада, в которую уже перестали стучаться изнутри.

– Чего-то притих наш клиент, а? – сказал Штукк. – Ну да ладно, не долго ему осталось там греться: сейчас мы его за ушко – да на солнышко...

Не успел он договорить последних слов, как прибежал взмыленный Скворцов. Он протянул мастер-ключ Штукку.

– А вот и момент истины, – произнес начальник охраны и подошел к складу.

Двое охранников встали за его спиной в ожидании, пока откроется дверь.

Штукк провел «ключом» по считывателю. Загорелась зеленая лампочка.

– Теперь аккуратно, – прошептал Штукк и, открыв дверь, уступил место охранникам. Свет горел в тесном помещении, но там никого не было. Охранники удивленно оглянулись на Штукка. В свою очередь, Штукк вопросительно взглянул на Королева. Никто не двигался с места. И тут, краем глаза, Петрович заметил едва уловимое движение около ближайшего стеллажа с дюралевыми болванками. Покрытая пылью

рука Кулькова замахнулась, чтобы ударить одного из охранников. Петрович крикнул «эй» и вновь сорвался со стула.

– Смотрите! – с яростью сказал он Штукку и пальцем показал в пустоту.

– На что здесь смотреть? – усмехнулся Штукк.

Петрович понял, что запросто может сейчас оказаться в дураках, и что если он сам не предпримет каких-нибудь действий – пропало дело. Он даже думать не хотел, чем может всё закончиться, если он прошляпает Кулькова.

– Разрешите, – обратился Петрович к охранникам, и протиснулся между ними, не дожидаясь, пока те разойдутся в стороны. Как только он ворвался в эту конуру, набитую металлом, тут же схватил за руку Кулькова и попытался повалить его на пол. Сопротивление было жестоким и коротким. Больно получив по зубам, Петрович крикнул, но жертву свою не выпустил. Ему еще раз прилетело от Кулькова по черепу, и тот был вынужден несколько ослабить хватку. Штукк, очевидно, понял, в чем тут дело, хотя и не до конца верил в происходящее. Он с глупой улыбкой расставил руки и крикнул:

– Ловите невидимку! Он весь в пыли – смотрите внимательно!

Охранники вновь тупо глядели в пространство между стеллажами, но мало что понимали.

Штукк, продолжая улыбаться, словно умалишенный, подошел ближе ко входу, по-прежнему держа руки так, как

краб держит наготове свои клешни. Он стал подходить к лежащему на полу Петровичу. Всё произошло, как в замедленной съемке. Штукк обхватил руками невидимого Кулькова и мощным своим лбом ударил в пространство. Раздался крик. Охранники знали голос своего шефа, поэтому не дернулись с места: он поняли, что это взвизгнул невидимка – Штукк хорошо справлялся со своей задачей. Он еще раз дернул шеей и вновь его лоб, как мощный маленький таран, ударил по чему-то такому же твердому: раздался звук, будто пустые миски, сделанные из кости, ударились друг о друга. Петровичу показалось, что в этот момент что-то хрустнуло. Из воздуха появились какие-то капли и попали ему на руки. Он тут же их вытер: руки мгновенно покраснели. Петрович понял, что это была кровь Кулькова, которому Штукк, очевидно, раскроил кожу на черепе. Тут он услышал, как засопел Кульков, до этого молчавший, как рыба. Теперь же не было смысла ждать новых ударов, нанести которые приготовился начальник охраны. Петрович видел, как налились кровью глаза Штукка, и как глупая улыбка превратилась в идиотский жестокий оскал – Штукк готов был разорвать невидимого Кулькова на сотни клочков.

– Сдаюсь, – тихо пронеслось в воздухе.

– Как? – спросил Штукк, снова отводя голову, готовясь в третий раз боднуть своего врага.

– Сдаюсь! – громче произнес Кульков. Тут, при свете желтой лампочки, все увидели человека в сером, облегающем

тело, похожем на водолазный, costume: Кульков отключил его, не выдержав избиений Штукка. Голова Кулькова была пробита и его глаза заливала яркая кровь, вида которой Петрович не переносил. Он с трудом встал на ноги и, на всякий случай, отошел в глубь комнаты: пусть теперь охранники сами разбираются с этим сумасбродом.

Кулькова вывели со склада. Штукк, не оборачиваясь, сухо сказал «спасибо за службу», и вышел вслед за своими подчиненными.

Королев твердо решил, что на сегодня рабочий день закончен. Несмотря на то, что часы показывали двенадцать дня, он, проводив охранников и, взятого под стражу Кулькова, покрытого кое-где собственной кровью, подошел к захламленному столу и, без всякого интереса посмотрел на бумажную гору. Кот уже лег на свое законное место, рядом с пыльным рулоном схемы ленточного конвейера карамельного цеха кондитерской фабрики. Причем здесь эта фабрика, Королев никак не мог понять, но схема, однако же, была. Он постоял еще чуток, тупо глядя на многолетний хлам, потом отвернулся и пошел к выходу.

Королев брел по коридору, показавшемуся ему таким длинным, словно его специально растянули на лишних двадцать километров. Какая-то внутренняя тяжесть не проходила с того самого момента, когда Кульков приставил к его горлу тупое зубило, да еще и двинул в челюсть. Он решил, что его нервная система так перегрузилась от неожиданной

стрессовой ситуации, что теперь у него на плечах, будто, лежала стокилограммовая плита.

Еле дошел до комнаты отдыха – там никого не было. На самой дальней кровати белела, раскрытая на середине, книжка, оставленная Лёхой Мироновым. Несколько страниц поднялось, и они стояли торчком, приглашая любого читателя пригладить их и, хотя бы бегло, просмотреть глазами. Больше Королев ничего не видел: глаза закрыло черным, и он рухнул на кровать, как подкошенный, провалившись в глубокий сон.

Его разбудила сумасшедшая сирена, взревевшая среди ночи. Королев вскочил с кровати и, наскоро одевшись, огляделся по сторонам – он был, по-прежнему, один в комнате. Еще до конца не проснувшись, он постоял около своей кровати, как призрак, и снова сел. В горле пересохло. Он жадно глотнул холодной воды и, взяв с тумбочки кусок черствого хлеба, вцепился в него зубами, кровавя десны и царапая губы. Он был голоден, как никогда. Ему хотелось проглотить огромный кусок жареного мяса, но, как говорится, съесть-то он съест, да кто ж ему дать. Дожевав хлеб, он выпил до конца бутылку и, пустую, бросил ее на кровать. От сирены гудела голова – сейчас вот-вот разорвется от нестерпимо режущего звука. Он встал, шатаясь, на налитые кровью ноги и пошел к выходу. Петрович понимал, что, наверное, сейчас нужно куда-нибудь бежать спасаться, однако опасности он никакой не чувял, и, к тому же, он не знал, что нужно де-

лать в таких случаях – Наумочкин не успел его проинструктировать, как действовать в чрезвычайных обстоятельствах. Задаваться вопросами, типа, почему его никто не разбудил, и куда все подевались, было бесполезно – и так ясно, что произошло нечто из ряда вон, раз сирена орала добрых полчаса. В этот момент его желудок странно проскулил – наверное, тоже проснулся вслед за хозяином.

Королев подошел к двери, нажал кнопку открывания и хотел выйти, но кто-то удерживал дверь снаружи. Он надавил плечом сильнее, и она, с трудом, поддалась, отодвигая что-то, цеплявшееся за пол. Вышел в коридор. Повсюду мигал, в такт сиренам, красный свет. Большие лампы, по двести ватт каждая, забранные в стальные решетки, били по глазам резкими кровавыми толчками. Заломило виски и затрещал лоб. Король поморщился и вдохнул поглубже воздух. Тут ему померещилось, что кто-то лежит рядом с дверью, и не ошибся: оказалось, что дверь, пока она не была открыта, подпирали труп, одетый в окровавленный рабочий халат. Лица видно не было. Король осторожно перевернул тело и, в красном свете мигающих ламп его глаза увидели того молодого, недавно прибывшего. Леха Миронов, чья книга сейчас сиротливо лежала на кровати, так и не узнает, чем закончился исторический роман. Во рту вдруг пересохло, словно он, пять минут назад, не сделал ни глотка воды. Петрович только сейчас обратил внимание, что от трупа Миронова тянется по полу черный след, словно кто-то тащил тело. Король про-

шел дальше по десятиметровому «аппендициту» и, выйдя в общий коридор, увидел, что этот след вливается в еще более широкие, уже подсыхающие потоки крови. На полу, на стенах, на низком потолке – везде была кровь, ставшая черной в свете красных ламп. Вглядевшись в мигающее пространство коридора, Петрович увидел, что там, дальше, проход чем-то завален, перегороженный на четверть своей высоты. В обоих направлениях – к эскалаторам, шедшим наружу, и в сторону рабочих помещений, были эти странные завалы. Король сделал несколько шагов по направлению к эскалаторам, догадываясь о пугающем открытии, ожидающем его по мере приближения к тем преградам. В какой-то момент красные лампы мигнули особенно ярко, будто кто-то дал сильное напряжение в электроцепи. И тут он увидел страшный холм из разорванных человеческих тел. Руки, ноги, головы торчали из этого холма, будто росли из него. Изувеченные тела лежали и дальше по коридору. Король присмотрелся и заметил, что в человеческих останках зияли глубокие дыры, как от толстых стальных прутков. Чьи же зубы могли так «постараться», что от человека осталась лишь рваная плоть и сломанные кости? Король боялся думать о тех тварях, чьи-ми челюстями перемололись молодые сильные тела, превращенные в кровавые ошметки.

Он не знал, в какую сторону сделать следующий шаг. У него кружилась голова и, по-прежнему, было сухо во рту.

Вдруг, мимо Королева пробежал красный кролик с бир-

кой на ухе. Несмотря на то, что Королев был уже без очков, он с трудом разглядел в красном мигающем свете, черную надпись на розовой бирке – «Кот». Либо женщины его так называли, либо это была специальная отметка вместо номера, подумал Королев. Тут он вспомнил о своем коте, запертом в слесарке, и подумал, что сходит за ним позже, если будет возможность.

Сейчас он решил пойти за кроликом, который, прыгая по куче тел, перебрался на другую сторону страшного бугра, и поскакал дальше. Королев перешагивал через части тел, поскальзываясь в черной крови, пока, кролик не привел его к стальной стене, перекрывшей выход к эскалаторам. Черные следы на полу тянулись до этой стены и пропадали под нею. Королев предположил, что во время срабатывания sireны, эта стена просто опустилась, перекрывая выход, тем самым, обрекая сотни человек на гибель. По крайней мере, так ему казалось в эти страшные минуты, когда он не знал, куда идти дальше. Пришлось поворачивать обратно.

Он добрал до первой открытой двери по левую сторону коридора, и заглянул туда. Королев помнил, что это одна из лабораторий, и сейчас там было пусто, хотя весь пол также покрывали кровавые следы – видно, что людей вытаскивали из помещения и тащили в коридор. Здесь мигали такие же красные лампы, какие были в коридоре. Королеву хотелось остаться в этом кабинете и, может быть, провести какое-то время в тихом уголке: если уж убийцы тут однажды побы-

вали, то может больше не сунутся? Успокоив себя, на время, этой мыслью, Петрович сел лицом к выходу за ближайший рабочий стол, на котором стоял маленький микроскоп, и валялись какие-то бланки. Он просмотрел несколько бумажек, где, на разных языках, торопливым почерком было что-то написано. Королев забыл, что здесь работали микробиологи, и, скорее всего, всё помещение может быть покрыто болезнетворными бактериями. Кто может дать гарантию безупречной стерильности опустевшей лаборатории? Те, кто мог это гарантировать, сейчас лежали гуртом в коридоре, как отбросы медицинской помойки, куда выбрасывали ампутированные части человеческих тел. Он этой мысли локти Петровича сами собой поднялись от стола, и он отодвинулся подальше, вместе со стулом. Между тем, сирена выла, как сумасшедшая, не думая выключаться, а голова гудела вместе с этим нудным воем, и кровь пульсировала в висках. Королев подумал, что надо бы отыскать аптечку и принять пару таблеток аспирина, как вдруг ему показалось, что в дверном проеме мелькнула чья-то тень. В то же мгновение, он почувствовал, что не может оторваться от стула, чтобы скрыться в незаметном уголке где-нибудь под теми столами, что стояли дальше от двери. Свинцовая тяжесть в ногах не давала ему встать с места, как бы он ни старался. Снова внутри нарастала паника. Королеву не хватало воздуха и он, беспомощно озираясь, искал глазами любой предмет, которым можно обороняться, если настанет такой момент...

Вдруг всё смолкло – сирена прекратила выть. Над входом продолжала мигать красная лампа и Королев, видя мерцающий свет, не сразу понял, что воцарилась полная тишина. Одновременно что-то поменялось и внутри самого Королева: он смог, наконец, подняться со стула и, подойдя к полуоткрытой двери, осторожно высунуть голову в коридор. Кроме трупов здесь, по-прежнему, ничего не было, и всё же, что-то мешало ему сделать первый шаг из тихой комнаты в бесконечный мрачный коридор...

Наконец, он пересилил себя и ступил в кровавый полумрак. Он шел, попутно заглядывая в открытые двери подсобных помещений, небольших складов, и туда, куда теперь можно было войти любому человеку, если бы тот захотел. Судя по всему, электронные замки были взломаны по всему объекту, и теперь нигде не было защиты. Заглядывая в каждую открытую комнату, Королев видел одну и ту же картину – трупы, сваленные в кучу. Когда он дошел до кабинета, где располагалась лаборатория по получению аэрозолей, нужных для первоначального распространения лекарства, как говорил когда-то Наумочкин, он заглянул в распахнутую дверь, ожидая увидеть то же самое, что и в других кабинетах. Его глаз неожиданно выцепил едва уловимое движение. Он инстинктивно дернулся назад, чтобы убежать, но странным образом, сдержался, уговаривая себя, что ему это только показалось. Королев зашел в помещение, внимательно вглядываясь в мерцающий полумрак, и увидел там, лежа-

щего на полу, человека в рабочем халате, покрытом черными пятнами. Королев подошел ближе – это был китаец или кореец. Он заметил три черные дыры в его груди, словно туда мощным толчком вогнали толстые арматурные пруты, а потом резко их вытащили, оставив эти страшные следы. Он наклонился над раненым, чтобы пощупать пульс на шее, но тот открыл глаза и простонал. Королев отпрянул от неожиданности. Потом снова приблизился к нему.

– Ти джи тэн, – прошептал китаец.

– Как? – переспросил Королев.

– Монста. Ти джи тэн. Монста, – вновь отрывисто повторил тот и потерял сознание, или умер.

Королев почувствовал, что может вновь остаться один в этом ночном кошмаре, и сейчас ему нужно что-то сделать, чтобы помочь единственному уцелевшему человеку.

До медицинского кабинета – минимум полкилометра, ближе к туннелю метро. Но Петрович знал, что нести полуживого человека он не сможет, если только не найдется какой-нибудь каталки. А если его просто перевязать, так для этого нужен хоть какой-то опыт, а, кроме искусственного дыхания, виденного по телеку, он ничего делать не умел. Он снова пощупал пульс у китайца – его не было. Королев знал, что мог ошибиться и снова взялся за его холодную руку, и снова никакого пульса. Зеркальца у Петровича не было, и он поднес к носу китайца тыльную сторону ладони. Увидев, как дрожит собственная рука, Королев отдернул ее, будто обжег-

ся, и сразу же отпало всякое желание проверять, жив тот или нет: возможно, скоро ему самому придется валяться тут бездыханным.

Он отбросил все колебания и вышел в коридор. Теперь ему нужно было пройти километр-полтора, чтобы добраться до стеклянных дверей метро – скорее всего, там он найдет свое спасение, раз больше некуда идти. В полной тишине, при постоянном мигании кроваво-красных тревожных ламп, он шел, вглядываясь в далекую черноту коридора, всякую секунду ожидая нападения то спереди, то сзади, чувствуя каждой клеточкой своего тела, что опасность поджидает его повсюду.

Глава 15

Королев шел всё дальше по коридору, пока, наконец, не оказался перед дверями метро. Надпись «Вход строго по пропускам», была измазана потемневшей кровью, и некоторые буквы лишь угадывались.

Пропуск был ему не нужен – он просто взялся за железный поручень и дернул на себя: двери легко открылись. Когда же они, подтягиваемые механическим доводчиком, мелькнули в свете нервных сигнальных ламп окровавленным стеклом, закрываясь за спиной Королева, он облегченно выдохнул, будто только что прошел над бездонной пропастью без страховки.

Он на секунду задержался около дверей, всматриваясь в темнеющую даль перрона, со стоявшей около него электрич-

кой. Корольев ожидал увидеть там странные тени или бегающих тварей, но, к счастью, горизонт был чист, и можно было двигаться дальше. Петрович сделал первый шаг и вошел на перрон.

Тишина была здесь такая же, как и в коридоре, когда молчала сирена. Вот только напитана она была чем-то более опасным, чем то, что уже оставлено там, позади – в лабораториях, наполненных трупами. Внутри Королева возникло и укрепилось странное ощущение, похожее на точное знание, что в этом огромном помещении с одной широченной платформой посередине, обязательно должен кто-то караулить его, с тем намерением, чтобы напасть в неожиданный момент, когда он чуть расслабится и потеряет всякую осторожность. Мурашки на спине то рождались, то пропадали, делая из Королева полного психа, которым он никогда не был. Эти два часа, прошедшие с момента его неожиданного пробуждения, сделали для его нервов больше вреда, чем пятилетнее общение с тещей, которая всё ж таки была человеком, а не каким-то непонятным монстром, которого Петрович не хотел встречать на своем пути.

Он продолжал идти по перрону, опасливо прислушиваясь к собственным шагам и жалея, что на ногах надеты грубые ботинки с твердой подошвой, и они то шаркают, то стучат, когда не надо.

Пустая электричка, внутри которой, как чьи-то удивленные глаза, кое-где горели большие желтые плафоны, стоя-

ла с открытыми дверями, приглашая пассажиров прокатиться до горы Пико. Королев, не понимая, что находится в шоковом состоянии, сел в третий вагон с конца и стал ждать, когда закроются двери и объявят следующую остановку. Он машинально вцепился в стальной поручень, по привычке думая, что сейчас вагон дернется, когда электричка начнет движение. Прошла минута-другая: никто ничего не объявлял, а двери так и оставались открытыми. «Надо посмотреть, в чем там дело», – дошло, наконец, до него, когда разум начал потихоньку оживать. Он разжал побелевшие пальцы, отпуская поручень, бывший спасительной соломинкой скорее для его рассудка, чем для тела, и осторожно вышел из вагона. Под ботинком что-то хрустнуло, выдавая его присутствие тому, кто, может быть, сидел в мерцающем полумраке и ждал, когда человек покинет то место, где много света. Королев вышел наружу и, боясь вертеть головой, лишь одними глазами, кося ими до тошнотворной боли, посмотрел в разные стороны, надеясь, что никого не увидит. Перрон был пуст, и лишь, по-прежнему, мигал красный свет опасности. Он пошел к первому вагону, постоянно озираясь, опасаясь увидеть любое движение. Дверь кабины машиниста была распахнута настежь. Он подошел к кабине и заглянул внутрь. Вдруг подкатило к горлу – его вырвало желчью и остатками хлеба: организм устал бороться со стрессом, и дал себе волю. Кровь была повсюду: на широком пульте управления, на окнах, стенах, полу. На водительском кресле валялась формен-

ная окровавленная фуражка. Однако, Королев не увидел самого главного – владельца этой фуражки.

Он оглянулся на широкий перрон, вдруг напомнивший ему такие же перроны на новых станциях Московского метрополитена. И эта станция, большая, как ангар, с высоким, без единого столба, потолком, поддерживаемым «ребрами» выгнутых стальных балок, лежащими своими концами на толстых стенах, продолжала его пугать, держала цепкими щупальцами страха за горло, которое горело от остатков выблеванной желчи. Во рту так пересохло, словно он ходил по пустыне несколько дней. Шершавым языком он ощупывал высохшее небо и всё глотал и глотал, в надежде, что организм начнет вырабатывать необходимую влагу.

Кровавая пульсация сигнальных ламп рождала в голове, несуществующие в реальности, картины. Петровичу чудилось, что по стенам молча ползут мерзкие твари, и они обязательно нападут на него все разом, как только им даст приказ их главный монстр, ведь, должен же быть у них какой-нибудь вожак, супер-пупер альфа-самец, жрущий больше всех в этом дьявольском стаде?

Любой непросматриваемый участок, каждый темный угол таили в себе опасность, прятали неведомого зверя, угрожавшего жизни Королева. И он старался выцепить взглядом хоть одну деталь, которая доказала бы ему его пугающую правоту, что зверь – вот он, сидит прямо перед ним, оскалив слюнявую пасть, только он его пока не видит, потому что его соб-

ственные глаза берегут его же рассудок от того ужаса, который ему предстоит увидеть...

Королев, с нарастающей паникой, не переставал оглядываться по сторонам. В какой-то момент он заметил, что на стене, прямо перед его носом, висит маленькая железная коробка, с выдавленным рельефом телефонной трубки. Он снял открытый уже замок, поднял трубку и услышал гудки. Подергал рычажок и подул в микрофон – гудки продолжались. Он положил трубку и вновь посмотрел в открытую дверь кабины машиниста – там должна быть рация, или такой же телефон. Преодолевая тошноту от вида крови, он сбросил фуражку машиниста на пол и сел в кресло, жалобно скрипнувшее под весом нового хозяина. Петрович взял узкую пластмассовую трубку с болтавшимся витым проводом, и нажал кнопку вызова, расположенную тут же, под левой рукой, на панели. Где-то на другом конце радиоволны громко щелкнуло, кашлянуло, и, матернувшись по-русски, произнесло:

– Аллё!

Королев снова дунул в микрофон, будто опасался, что кровь попала и туда, и спросил:

– Аллё, кто там?

В трубке зевнуло и почавкало:

– Ты-то кто есть?

– Я – Королев.

– Поздравляю.

– У нас тут чрезвычайная ситуация.

– Не знаю о такой: сигнала не было.

– Вы, разве, не слышали сирены?

– Нет у нас никаких сирен, и, вообще, не мешайте работать.

Королев беспомощно посмотрел на рацию.

– Я вам повторяю: у нас здесь ситуация. Чрезвычайная. Никого нет – я один.

– Ну и радуйся, что ты один...

Через мгновение тот же голос спросил:

– То есть, как один? А где остальные?

– Они все убиты, а машинист пропал, – ответил Корольев упавшим голосом.

– Куда пропали, кто убит? – спросил тот. Корольев молчал.

– Послушайте, вы сейчас где находитесь? – вновь спросил голос.

– В метро – на перроне, – ответил Петрович, посмотрев в огромное зеркало заднего вида, прикрученное к кабине машиниста.

– Какой номер перрона?

– Не знаю, – ответил Корольев, – не помню. Кажется, первый.

На том конце провода зашуршала разворачиваемая бумага.

– Вы там, где лифты? – спросил голос.

– Нет, – ответил Корольев, – здесь лифтов нет.

– А, я понял – вы на другом острове.

– Наверное, на другом, – ответил Корольев.

– Скажите, вы можете управлять?.. Хотя, о чём это я...

Так, ладно, давайте, для начала, я кое-куда сметаюсь, а потом свяжусь с вами, лады?

– Да, понял вас, – ответил Корольев и бессильно откинулся на спинку кресла. Вновь, в тревожной тишине, заскрипело сиденье: теранулись друг о друга старые стальные пластины, пружины, болты. Петрович, в который уж раз, с опаской посмотрел в зеркало заднего вида, но изменений там не было.

Он ждал, когда вновь заговорит рация. Это было единственное необходимое для него ожидание, когда от простого разговора с незнакомцем, сидевшем на другом острове, зависела его жизнь. Чем скорее придет от него хоть какой-нибудь ответ, тем быстрее он успокоится. А что потом?

Корольев не успел додумать – зашуршала рация. Он нервно нажал кнопку – палец соскользнул. Он снова нажал, на этот раз, стараясь взять себя в руки.

– Аллэ, аллэ, аллэ! – затараторил он, боясь, что навсегда потерял контакт.

– Да здесь я, – ответила трубка спокойным голосом. – Значит так, Корольев, я сейчас нахожусь в комнате наблюдения, и по мониторам видно, что в вашем секторе, на моей схеме он обозначен, как «рабочий коридор», есть огромный ангар. На дверях – пометка: «№17». Сейчас я вижу, что двери открыты – очевидно, там кто-то есть, или был, не важно. Вам нуж-

но будет дойти до этого помещения и воспользоваться свободной спасательной капсулой, если она есть. На моем плане их четыре штуки – надеюсь, не все успели разобрать. Короче, как войдете, не забудьте надеть на руку часы – они там же, при входе, будут висеть в железном ящике, как ключи от дверей. В часах спрятан маяк, который нужен для вашего обнаружения. Вы меня поняли, аллэ?

– Да, я вас понял, – отозвался Королев. – Только зачем мне капсула? – он невольно улыбнулся, чувствуя себя героем фантастических фильмов.

– Чтобы смотаться с этих чертовых островов! – крикнули в рацию. Петровичу вдруг показалось, что там, откуда доносились предупреждающие слова, сидел толстяк. Он, в относительной безопасности, жевал сейчас какой-нибудь бутерброд со свежей португальской ветчиной, привезенной на подводной лодке с материка, попутно глядя в камеры наблюдения и давая инструкции. Его неожиданно потревожили таким сообщением, которого он ни разу в жизни не получал. Теперь же толстяку приходилось принимать решения, от которых зависела жизнь неизвестного ему человека – обыкновенного слесаря третьего разряда... Петрович не успел додумать своих едких мыслей, больше направленных на пробуждение жалости к себе и никак не помогавших ему мыслить здраво. Гнев застилал ему глаза: он хотел встретить этого толстяка, посмотреть на его трясущийся подбородок и сказать ему что-нибудь... что-нибудь отрезвляющее. Нет, не

так. Он бы ему сказал, что...

– ...или вы хотите посмотреть смерти в лицо? – продолжал орать возбужденный голос. – Я не шучу: у вас, там, действительно, творится не понять что!

– О, я могу тебе поверить, – ответил Королев, чувствуя, как в нем поднимается волна странной ярости на тех, кто допустил эту ситуацию. Ну и на толстяка заодно.

– ...и мои мониторы показывают, – вновь завизжал голос, вырвавший Королева из оцепенения, – что там всё в крови, и нет ни одного живого человека, кроме каких-то мелькающих теней: думаю, это очень опасные тени! Поэтому, если не хотите испытывать судьбу, лезьте в капсулу – вас потом кто-нибудь подберет! Всё, пока! – рация замолчала.

«Испугался, что ли?» – подумал Королев. Но в следующую секунду понял, что это был последний живой человек, с которым ему удалось поговорить. И тут вновь взревели сирены. Королев от неожиданности подпрыгнул на месте и закрыл уши. Его мозг лихорадочно бился о стенки черепной коробки, как сумасшедшая птица в клетке. Наконец, он решил, что больше не в силах сопротивляться желанию убраться подальше от этого места. Он посмотрел в сторону выхода из метро – мерцающий коридор за стеклянными дверями пугал его еще больше, чем полчаса назад, когда он шел по нему сюда, к электричке. Перекрестившись, и, не медля более ни секунды, Петрович вышел из кабины и быстрым шагом пошел к заветному ангару со спасательными капсулами.

Весь путь он проделал в состоянии шока, когда, кроме движения ног, кроме потоков горячей крови внутри тела и бешеных ударов сердца, он ничего не помнил. Королев не мог, например, вспомнить, как дошел до огромных дверей с номером 17; как забежал в черную пасть ангара, спотыкаясь о шланги, трубы и бруски. Не помнил, как за его спиной, в мерцающем проеме широкого входа, мелькали рваные тени, рыча по-звериному и взвизгивая от удовольствия, что добыча – вот она, через два коротких прыжка. Не видя ни одной инструкции, мозг Королева мгновенно стал ориентироваться в тупиковой ситуации, ища из неё выход, давая указания глазам, ногам, рукам и пальцам пока еще живого человека. О том, как это было, мозг убрал всю информацию, поместив ее в свою «служебную папку», запечатанную до поры, до времени. И только руки его помнили, как на запястье появились часы с маяком; как, интуитивно догадавшись, за какие ручки надо дергать, его холодные крепкие пальцы срывали какие-то пломбы и скобы, отмыкая один замок за другим, освобождая капсулу от страховочных держателей, вмонтированных в стальной пол. И, наконец, помнили его руки, как открывали они люк капсулы и подтягивали тело Королева к узкому входу внутрь аппарата, а потом с шумом захлопывали железную крышку над его головой, почти одновременно с этим нажимая кнопку «пуск»...

Сам он помнил лишь то, как очнулся на кожаном, нагретом солнцем, сиденье, в крохотной кабине надводного аппа-

рата, приспособленного для перемещения на малые расстояния, и черная гора высилась в нескольких километрах справа от него. Океанские волны раскачивали капсулу, как колыбель новорожденного. Королев услышал, как далеко внизу, где-то на большой глубине под объектом, раздался гул, похожий на работу мощных двигателей. Он подумал, что, наверное, сработала система самоуничтожения, или еще что-то. Уничтожить острова может только вулкан, который, скорее всего, будет разбужен ракетами. Королев подумал, что эти последние минуты нужно провести спокойно и с достоинством, вспоминая всю свою жизнь с хорошими и плохими делами. И, может быть, успеть покаяться, правда, он не знал, как это делается. Он закрыл глаза, мгновенно вспомнив весь прошедший день. Определенно, там, на объекте, что-то неудержимое вырвалось наружу. Скорее всего, ученые стали жертвами либо своих экспериментов, либо нелепой случайности в виде, например, не нарочно опрокинутой, на высеянную культуру смертоносных бактерий, пробирки с питательным раствором. Может быть, именно так и появились эти монстры, о которых говорил полуживой китаец...

Королев открыл глаза. «Хорошо, что ракетами не воспользовались, а то развязали бы Третью Мировую войну», – мелькнула мысль. Деревяшки под рукой не было, и Королев с опаской подумал, что не обо что постучать. Потом махнул рукой, уставившись в широкое лобовое стекло капсулы, и увидел, как в небе кружатся тысячи чаек, летящих с дальних

северных островов к Фаялу. Они кричали так громко, что Королев не услышал тонкого писка, раздавшегося под панелью управления. И только, когда он заметил, что рядом с рычагом, подписанным, как «руль», загорелась зеленая лампочка, он вскинулся и увидел, как из едва видимой щели, расположенной справа, тихонько выползает, как чек из кассы, узкая полоса бумаги с напечатанным на ней текстом.

Королев взял «чек» и, освещенные солнцем, строчки поведали о том, что данная капсула обязана прибыть на плавучий остров «Цитрон – 4», к причалу «F». Движение должно осуществляться строго на восток. Расстояние до объекта – сто семь километров от горы Пико. При себе иметь паспорт и пропуск объекта номер один.

Как только Королев прочитал это послание, в капсуле автоматически включился маломощный двигатель. На пульте загорелась стрелка электронного компаса. Тут же, рядом с компасом, высветилось сообщение: «Включите автопилот. Пожалуйста, не меняйте курс. Команда «Новый рассвет», объект номер два, ждет вас. До скорой встречи».

Королев смотрел на это сообщение, посланное, будто с того света. Он прочитал еще раз адрес своего нового назначения, и, с минуту подумав, включил автопилот.

Капсула плавно, вслед за стрелкой компаса, повернула на восток, и медленно поплыла к далекому острову, оставляя позади себя загадочный архипелаг, напичканный оружием, прорывными супертехнологиями и трупами – бывшими веч-

ными рабами секретного объекта. И только сейчас Королев вспомнил о коте, оставленном в слесарке.

– Как же я так, а? – спросил он себя.

Еще он подумал, что двери мастерской, как и все прочие, были открыты, а, значит, кот мог выбраться наружу, и где-нибудь спрятаться. Вот только теперь никто этого не узнает.

Глава 16

Королев уплыл на другой остров, уснув на теплом сиденье надводной капсулы. Он спал, не видя снов. Спокойный океан расстилался перед ним, давая воображению столь много картин о том, что там впереди, что если бы Королев не уснул так быстро, то он нафантазировал бы себе целую страну чудес, из которой потом мечтал бы поскорее убраться, как он только что сделал, покинув странный остров, чуть не погубивший его меньше часа назад. Оставленное им место, с виду, не претерпело существенных изменений, за исключением одной лишь мелочи, о которой никто не узнает. Впрочем, нет, один человек все же был в курсе, но та самая мелочь уже не вызывала рвотных позывов у того человека, и также не отражалась на его хорошем аппетите: он как ел горячий суп с куском дымящегося мяса, макая его иногда в горчицу, так и продолжал его есть без малейшего отвращения. То, что сейчас человек с хорошим аппетитом видел в камеры наблюдения, могло довести до паники несведущего робкого слюнтяя, но только не Альфреда Трясогузова – того самого толстяка, сорок минут назад дававшего по рации инструкции Короле-

ву.

Толстяк равнодушно смотрел на, поднятые морской водой, трупы, частично вымытые из подсобных помещений, не имевших прочных дверей. Эти помещения располагались чуть выше тех лабораторий и рабочих коридоров, откуда Королев искал выход. Морская вода, влитая туда искусственным образом, очевидно, попала в подсобки из-за срабатывания системы безопасности. Вот только сработала она не в ту «сторону». Скорее всего, диверсия, организованная арестованным Кульковым, имела гораздо больший объем, чем предполагалось сначала.

Трупов было гораздо меньше, чем на самом нижнем уровне острова Фаял. Если бы кто из заезжих туристов обнаружил их, плавающими возле природного заповедника, а именно, около застывшей несколько тысяч лет назад вулканической лавы, обнесенной декоративным заборчиком с небольшой табличкой о времени посещения этого чуда природы, то информация о странных делах, творящихся на острове, могла выйти за пределы Азорского архипелага. Почему начальство до сих пор не позаботилось об этой «мелочи», Трясогузов понять не мог, но, как обычно, он держал себя в руках, заранее зная, что выкрутиться можно из любой ситуации.

Альфред Семенович Трясогузов, сорока семи лет отроду, не страдал ни приступами паники, ни какой бы то ни было тревожностью; также он не испытывал отвращения ко многим вещам, происходившим на островах. Можно сказать,

что он был обычным человеком, только более сильным и выносливым, чем все остальные. Было ли это недостатком? Вряд ли. Начальство, скорее всего, видело в этом признаки должного поведения в экстренных ситуациях, достойного хорошего бонуса, который Трясогузов всегда имел. Здесь Альфреда ценили высоко. На эту работу он попал десять лет тому назад. Трясогузов был незаменимым сотрудником, выполнявшим любую задачу, поручаемую ему. Начальство во всем на него полагалось, доверяя этому человеку самые сокровенные тайны объекта. Здесь, на острове Пику, не было ни одного сотрудника, который знал бы также много, как Альфред.

«Толстяк с ветчиной в зубах», как окрестил его про себя Королев, был именно таким, каким он его себе и представлял. Что и говорить, московский слесарь был недалек от истины – поесть Трясогузов любил, и сегодня было мясо. Свежая вырезка, привезенная вчера на маленьком корабле из одного гражданского порта с соседнего острова Терсейра, была любезно приготовлена шеф-поваром Бычковым Б. Б. Молодая телятина была отменна. Альфред чавкал в свое удовольствие, тем более, что сейчас он был один в комнате с видеокамерами, называемой «пультовой», и в данный момент Трясогузов был «пультовиком», следившим за передвижениями на объекте. Сорок минут назад он сидел на телефоне и был обычным телефонистом, связывавшим остров с материком с помощью спутниковой антенны, расположенной на самой

вершине горы Пико, находившейся на высоте десяти километров над головой Трясогузова. Альфред заметно проголодался, свидетелем чего была раздатчица Надя, или Наденька дорогая, как иногда называл ее Альфред. Надя работала в славной команде поваров, специально организованной для работы на острове Пику. Та команда была не такой большой, как на Фаяле, но все же, администрация объекта собрала здесь знатоков своего дела. Трясогузов, большую часть времени думавший о еде, высоко ценил поварское искусство здешних профессионалов.

Кем был этот старина Альфред, как его иногда называл начальник местной охраны Ральф Штукк, родной брат того самого Генриха Штукка (оба из поволжских немцев), который остался на Фаяле, где произошла катастрофа? Любителя молодой телятины и просто «хорошего парня» Альфреда, не любили ни в средней школе, ни во дворе дома, где начались и продолжились его детство, отрочество и юность. Родная школа, под номером 666... Все, кто понимал, смеялись, или приходили в ужас, когда узнавали эту интересную подробность из жизни толстяка. Особенно этим грешили иностранцы, с детства знакомые с библией, а именно со страшным откровением о конце времен. Альфреду, однако, было всё равно, кто как реагирует на эту символическую цифру в его биографии, тем более, что те, кто смеялся над ним, хоть в открытую, хоть тайно – все они получали в ответ какие-нибудь гадости, вплоть до увольнения. Надо сказать, что как

таковых увольнений не практиковалось. Для этого не требовалось писать заявления, или звонить высшему начальству, и даже не нужно было затрудняться, чтобы поставить в известность коллег так называемого увольняемого – тот просто исчезал и больше о нем никто не вспоминал, кроме, разве что, иногда появлявшихся компьютерных файлов, случайно всплывавших в базе данных, которую хранили, как зеницу ока.

Итак, школа, о которой уже упоминалось два раза, наконец-то получит маленький рассказ о себе в этой части жизнеописания Альфреда. Средняя школа со своими гениями и уродами, располагалась на окраине России, в военном городке, названия которого никто, на островном объекте, не знал, да оно и не нужно было для отдела кадров. Альфреда в школе, естественно, обижали, как и всех толстяков, родившихся не в том месте и не в то время в маленьком гарнизоне на востоке необъятной страны. Трясогузов ненавидел, как малую, так и большую родину, всегда имевших в его памяти тесную связь с теми, кто хоть однажды причинил ему вред. В школе толстяка с первого класса звали «Весельчаком» за вечно грустный вид, когда его доставали одноклассники. Друзей у него не было, что компенсировалось, однако, острым умом, рассчитанным на способность выходить практически из любой ситуации.

Возвращаясь к тревожному детству Трясогузова, вспомним один случай, который кое-что поменял в жизни Альфре-

да, и, тем самым, привел его туда, где он сейчас и находился, а именно, на остров Пику, где, как говорили в народе, он сидел «на пульте, на телефоне, и на колесах».

Его родители, работающие в магазине военного гарнизона, дружили с нужными людьми, всегда готовыми помочь, когда их об этом попросят. В свою очередь, чета Трясогузовых, оказывала им ответную помощь. Вот и тогда, солнечным июньским утром 1985 года, когда Альфреду было двенадцать лет, родители подарили ему велосипед, привезенный из Венгрии теми самыми друзьями, которыми так гордились семья Трясогузовых. Мальчик уже тогда весил довольно прилично для ребенка его возраста, что, однако же, не помешало ему взобраться на тонкого стального «коня» и дать пару кругов вокруг пятиэтажки, в которой они жили. Катался он с таким удовольствием, что в эти волшебные минуты ему не нужны были никакие друзья, и только ветер, солнце и «бешенная» скорость в десять километров в час делали его самым счастливым человеком в гарнизоне. Он давно не садился за руль, поэтому перекормленному организму приходилось вспоминать о равновесии и быстроте ног, поставленных на скользкие педали. Время прошло незаметно, но зато Альфредик успел съездить до помойки, потом до магазина, затем до автобусной остановки, где было полно кожуры от семечек, по которой он с хрустом новеньких шин проехал, с гордостью глядя на старух, ожидавших своего автобуса...

Его встретили около подъезда. Он всегда натыкался на эту компанию, среди которых особенно выделялся чрезвычайно противный тип, по кличке Малыш, хотя настоящим его именем было греческое Александр, что означает победитель, вот он и «побеждал», тех, кто слабее, глупее и, самое главное, младше по возрасту.

Рот Малыша-Александра искадила гримаса отвращения, когда весь двор услышал:

– Малыш, иди кушать!

Как ни странно, мать того типа так и не привыкла к тому, что ее отморозок вырос, и продолжала звать его из окна кухни, когда еда была готова. Смешно ему не было, в отличии от пары его приятелей, таких же негодяев, как и он сам, помогавших ему в издевательствах над беззащитными младшими ребятами.

Когда у Альфреда появился злосчастный велосипед, это тут же было замечено Малышом, который, сидя на лавочке со своей компашкой, сначала зло посмотрел на кухонное окно своей квартиры, откуда его мамаша оповестила весь двор, что ее увальню пора есть, а потом, с ехидной усмешкой, проводил взглядом удаляющегося толстяка.

– Ладно, потом поговорим, – сказал он своим друзьям и пошел на обед.

Когда, наконец, Альфред вернулся с обкатки своего чудо-велика, Малыш ждал его, сидя на лавочке, зная, откуда тот вернется – дорога-то от дома была одна. Запыхавший-

ся толстяк только что выехал из-за угла дома и направился к своему подъезду. Ух, как загорелись глаза четырнадцатилетнего Малыша, давно пробовавшего кататься на велосипеде, да и тот был старый, с погнутыми ободами, «Орленок». За неимением этого прекрасного средства передвижения, он забыл, как на него вообще нужно садиться, но иметь его хотелось так сильно, что никакое расчудесное чудо сейчас бы его не взволновало.

Малыш подошел со своей компанией к юному велосипедисту и, улыбаясь, сказал:

– Дай прокатиться.

Он, продолжая улыбаться, взялся за руль велосипеда и сильно тряхнул его, давая понять, что, мол, всё – Альфредик приехал. Очевидно, велосипедисту было не понятно с первого раза, и Малыш снова тряхнул руль, только сильнее.

– Весельчак оглох, – сказал кто-то из компании. Все радостно заржали ломающимися голосами, кроме Альфреда. Он нехотя слез с велосипеда и передал руль Малышу. Тот, гневно глянув на толстяка, тут же сел на низкое сиденье, и, подогнув длинные ноги, поехал за дом. Вся компашка побежала за ним, что-то бурно обсуждая. Альфред остался во дворе один, кроме малышни, возившейся в песочнице.

Прошло, наверное, часа два – Малыш не возвращался. Альфред подумал, что теперь вот так всё и кончится – без велика и без сопутствующей радости. Он, с поникшей головой, пошел домой, представляя, какую истерику закатит

мать, а потом и отец скажет свое веское слово. Да, так оно и случилось, когда он сказал первые слова о трагическом происшествии. Мама хотела идти к родителям Малыша, но, пришедший с работы отец, отговорил ее от этой затеи, сказав, что завтра, скорее всего, велосипед вернется к законному владельцу, то есть, к Альфреду. Толстяк поверил, правда, что-то ему подсказывало, что успокоительный тон отца был лишь тонкой преградой грядущего скандала с соседкой – матерью Малыша, которого никто не хотел допускать. Его мать была начальницей матушки Альфреда, и нужно было сохранять мудрость и спокойствие, чтобы не породить гнева этой нервной стервы, воспитывавшей своего Малыша-Александра в полном достатке и таком же полном одиночестве, то есть без отца. Вообще, местные мужчины, какими бы тупицами и слепыми они ни были, боялись смотреть в сторону малышёвой матери, а уж тем более с ней разговаривать и т.д.

Как бы там ни было, остаток дня Альфред провел в своей комнате, читая книжку с приключениями, о которой потом никак не мог вспомнить, потому что мысли о нагло украденном велосипеде никак не хотели оставлять его в покое.

На следующий день велосипед нашли около мусорного контейнера: его демонстративно оставили на виду всего честного народа. Сила, с которой разорвали раму пополам, была не то что нечеловеческой, она была, поистине, неземной, будто здесь поработал какой-нибудь Супермен, ну или, Идолище Поганое – враг Ильи Муромца. Когда кто-то из

первоклашек, постоянно меняющихся, по мере взросления, друзей Альфреда, рассказал ему, где искать утерянную ценность, тот в слезах побежал на помойку и увидел, что сотворил с родительским подарком ко дню рождения извечный его враг Малыш. В тот момент он не знал, как лучше всего отомстить Малышу, да и до сих пор не нашел бы этого способа, если бы не случай на дороге, когда он возвращался в тот день домой. В расстроенных чувствах, в наступавших сумерках, он возвращался длинным путем: его ноги устроили ему успокоительную прогулку перед сном. Переходя дорогу, он не заметил быстро движущегося автомобиля, вырвавшегося из-за угла магазина, единственного в гарнизоне. Никто бы не успел затормозить при скорости в сто двадцать километров в час. Как только бампер белого «жигуля» коснулся ног Альфреда, того подбросило в воздух на несколько метров, и откинуло далеко на пыльную обочину. Водитель, не останавливаясь, помчался дальше, поднимая пыль в свете багрового заката, и, наконец, скрылся из виду. Свидетелей происшествия не было, если не считать того первоклашку, который послал Альфреда на помойку. Когда тем же вечером пострадавшего осматривал врач, он сказал, что, скорее всего, мальчику больше не придется передвигаться самостоятельно, и, стало быть, зря он тогда плакал о своем велосипеде. Сложные переломы, долгая реабилитация, поиск нужных, но бесполезных врачей – всё это «подарило» ему двухколесную мечту, отобранную тогда, на злосчастной до-

роге. Ирония судьбы заключалась в том, что теперь никто не пожелал бы отнимать у Альфреда его стального «коня»: вот уже как тридцать с лишним лет он прочно сидел на двух колесах, давя на них ста пятидесяти килограммовым телом. Теперь «велосипед» всегда был при нем. Он до сих пор сидит на единственном средстве передвижения, потому что не может без него обходиться. Десять лет назад Альфред прибыл на остров, сидя на тех же самых колесах, на которые его посадил белый «жигуль»...

На работе, то есть, на объекте №1, он передвигался быстрее, чем все остальные сотрудники. На старую коляску из прочной советской стали, поставили современный мощный электромотор. Усовершенствованный стальной «конь» служил Трясогузову верой и правдой вот уже как семь лет, и он был достойной заменой парализованных нижних конечностей, о которых Альфред частенько забывал, когда был целиком поглощен работой.

В роковой для объекта день, толстяк сидел в «пультовой» за мониторами и видел, как Королев бежит по «рабочему коридору» до ангара и садится в спасательную капсулу. Ему чудом удалось избежать когтей тех тварей, которые гнались за ним. С молниеносной, не свойственной человеку, быстротой, Королев, этот странный буйный слесарь, открыл все замки на держателях капсулы, потом буквально нырнул внутрь довольно тесного пространства аппарата (Трясогузова аж передернуло, когда он представил себя со своими же

габаритами на месте Петровича), как в долгожданную любимую ванную, и, захлопнув за собой люк в крыше, нажал кнопку отстрела из захватывающего устройства.

Камера наблюдения была установлена на внешней части ангара, погруженной в соленые воды океана. Альфред видел открывшийся огромный люк, через который сначала выскочили тысячи огромных и мелких воздушных пузырей, толкаемых, словно поршнем, крышей спасательной капсулы. Потом появилась и сама капсула, выстреливаемая реактивной катапультной. Толстяк повернул камеру наблюдения вслед за капсулой, увидев лишь ее мелькнувшее днище, загороженное, в следующую секунду, еще одной партией пузырей – это вышла часть воздуха из ангара.

Тем временем, капсула поднималась всё выше, оставляя позади себя все кошмары и ужасы секретного объекта, унося с собой настоящего счастливого, из которых Альфред помнил лишь троих, сумевших спастись из аналогичной ситуации. Фамилии их он напрочь забыл, если честно: память бережет мозг от ненужных воспоминаний, вот и стирает всякий хлам, мешающий спать по ночам. Трясогузов и правда спал, как младенец. Таких крепких снов он не знал ни в детстве, ни в молодости. И вот только в последние годы, он понял всю прелесть здорового глубокого погружения в реку забвения, смывающую все кошмарные воспоминания, случившиеся за прошедший день...

Альфред, этот «злой толстяк», как окрестил его в душе

Петрович, облегченно вздохнул, чувствуя себя сегодня настоящим героем, спасшим четвертого человека за десять лет работы. Трясогузов, напевая что-то из ранней Пугачевой, переключил свое внимание на соседние мониторы, где сейчас разворачивалось странное действо, когда непонятной формы чудовища разгуливали по всему объекту, отыскивая последних уцелевших. Уровнями ниже был слышен шум от мощных моторов, когда Трясогузов переключил двигатели для забора воды в огромное водохранилище для атомной министанции, долгие годы обслуживавшей объект. Отработанная вода автоматически выбрасывалась в океан – по широченным трубам, зарытым на дне, шедшим в южном направлении. За две недели водохранилище опустошалось, и нужно было пополнять запасы, чем сейчас и занимался Трясогузов. Два раза в месяц Альфред опустошал и заполнял водохранилище, четко следуя всем пунктам инструкции. Он выучил наизусть все кнопки; знал, с точностью до минуты, когда опускать и поднимать графитовые стержни, чтобы избежать еще более страшной, нежели сегодня, катастрофы. Никого не беспокоило состояние окружающей среды, когда радиоактивная вода попадала в океан: все документы, для отчетности предоставляемые экологами, были тщательно подготовлены, чтобы комар носу не подточил. Мало кто знал об атомной станции, кроме обслуживающего её персонала и начальства, погрязшего в темных своих делишках.

Толстяк очень хотел связаться с Королевым по радиации.

Что-то пробудилось в нем, когда он видел отчаянные попытки худого слабого человека выбраться наружу, отчаянно желавшего жить дальше. Но потом он вспомнил, что, с недавнего времени, на всех капсулах отменили переговорные устройства, кроме односторонней связи, служившей лишь на «прием» информации строго на бумажных носителях. Это делалось для того, чтобы какой-нибудь умелец не смог, до своего обнаружения компанией, собрать передающего устройства и не дать о себе знать вражеской стороне, какую представляли собой террористы, охотившиеся за технологиями «Нового рассвета».

Альфред вздохнул, отчетливо понимая, что теперь ему долгое время будет тоскливо, пока не приедут с материка разного рода «чистильщики». Они сто лет будут разбираться с последствиями катастрофы, случившейся на объекте минимум раз в год. К этому привыкли те, кто сидел на приличном расстоянии от островов, в удобных кабинетах огромного здания в столице какого-нибудь государства, принимавшего участие в многочисленных проектах, осуществляемых на данном предприятии. Сначала Альфред окрестил их мировыми преступниками, когда на его глазах развернулась первая катастрофа, которую он видел. Тогда в живых остался тоже один лишь человек, и ему потом стерли память. Самым необычным было то, что он продолжал работать на благо компании и выглядел при этом вполне нормальным сотрудником.

Со временем Альфред привык к многочисленным смертям, тем более, что ему, с самого начала занятости на объекте, прозрачно намекнули о неизбежности жертв, ибо иногда (читай – всегда) бывают форс-мажорные обстоятельства, в результате которых и случаются подобные трагедии. И если сотрудники, коим всецело доверяют (эта мысль о доверии была несколько раз повторена разными фразами, причем ясно намекалось, что именно Трясогузов играет важную роль на определенных участках этого объекта), будут в чем-либо сомневаться, касательно текущего процесса, или же попытаются каким-нибудь образом сообщить об увиденном или услышанном третьей стороне, тогда... Альфреду не нужно было долго объяснять: серого вещества в его голове находилось в нужном количестве, поэтому все намеки на его возможное предательство, или профнепригодность были излишне. Конечно же, поначалу Альфред случайно пропустил мимо ушей эти красноречивые намеки, и хотел, было, свалить в туман, куда-нибудь в далекую Австралию, или Китай, но со временем он успокоился и, наконец, внутренне смирившись с обстоятельствами, подчинился начальству. С тех пор Трясогузов относился к такого рода потерям, как к нормальным рабочим процессам опасного, но необходимого, для всего мира, производства.

Глава 17

Королев плыл по тихим спокойным водам Атлантического океана. По предварительным расчетам, ему нужно было

потратить около пяти часов для того, чтобы добраться до объекта №2, расположенного на плавучем острове «Цитрон – 4». Те расчеты произвели электронные мозги капсулы, и дали на панели управления обратный отсчет. В шутку, эту функцию работники ангара называли «для удобства пользователя». Вот только никто из этих шутников так и не воспользовался этим «удобством», оставшись лежать среди кучи растерзанных тел. На своих мониторах Трясогузов прекрасно видел, что после отстрела аппарата Королева, в семнадцатом ангаре еще оставалось три капсулы, что дополнительно подтверждалось сигналом активности механических держателей, крепко «вцепившихся» в стальные бока спасательных аппаратов.

Королев спал уже два часа, примерно таким же крепким сном, какой обыкновенно бывал у Альфреда Трясогузова, помогшего ему выбраться наружу. Петрович не знал, да и не должен был знать имени того, кто наблюдал за ним три часа назад, в тайне молясь, чтобы слесарь не попал в зубы монстров, которые сейчас кишмя кишели на объекте №1, рыская по открытым кабинетам, надеясь найти уцелевших людей.

– Вот, ведь, упорные какие твари! – в сердцах говорил толстяк, переключаясь с камеры на камеру. Если бы Королев знал, что несколько минут назад Альфред, в один из своих мониторов увидел, как монстры бегут по туннелю метро, он бы расстроился, понимая что печальная судьба вскоре постигнет работников как соседнего, ближайшего остро-

ва Пику, с главной своей достопримечательностью – горой Пико, так и других четырех островов, куда доходили ответвления от основной ветки метро Фаяла. Военные, у которых была база на Терсейре, могли, скорее всего, узнать о происшествии, хотя Альфреду строго настрого запретили оповещать их об этом рядовом, в общем-то, инциденте. Самое обидное, что на всех, сообщающихся тоннелями, островах жило, в общей сложности, около ста тысяч человек. В частности, на Пику, где и сидел «старина Альфред», местных было порядка пятнадцати тысяч, ничего не подозревавших о том, что делается у них под землей. Ходили, правда, среди них слухи, что еще в незапамятные времена в недрах островов слышали какие-то шумы, но они появились еще до прибытия сюда чужаков с материка. Впрочем, это уже история из области мистификации, о которой знал Альфред, правда, тоже, как и остальные на объекте, не веривший во все эти старинные бредни обкуренных шаманов. Конечно, в определенном смысле, можно было всё это принять за правду, тем более, что и викинги здесь были, и карфагеняне (один какой-то историк монетку даже нашел старинную), и постройка была в горах, невесть когда сооруженная. Альфред понимал, что эти «данные» вовсе и не факты: сейчас можно напридумывать всякого, чтобы испугать или тех или других, чтоб плясали под чью-то дудку. Он и сам, например, может такую статейку в Википедию тиснуть, что любой историк ахнет, но делать этого, конечно же не будет – он не идиот ка-

кой-нибудь, славой озабоченный. А уж рассказы о том, что под землей шаманы живут – это уже ни в какие ворота. Здесь, под землей, живет Альфред Трясогузов и компания – больше никаких «шаманов» он не знает, и знать не желает... Толстяк обрывал всякие разговоры, когда кто-то из сотрудников, в свободную минуту приходивший в «пультовую» потрещать, выдавал вот такие «новости с полей» Азорских островов. Не нужно было Альфреду портить свою репутацию дурацкими слухами, способными разрушить его карьеру, и так висевшую на волоске в связи с последним инцидентом.

Где-то через сорок минут, после того, как Королев всплыл на поверхность океана, Альфред вдруг спохватился и, мгновенно вспотев, чуть не поседел: он забыл закрыть входные ворота метро, а именно ту часть туннеля, которая вела сюда – на Пику! Также нужно было перекрыть все ответвления, ведущие на другие острова – всего четыре огромных воротины. Сбросив с пульта на пол открытую книжку, оставленную кем-то из приходивших недавно сотрудников, он тут же нашел спасительные четыре кнопки, горевшие раздражающим красным цветом, и нажал их одновременно, чувствуя себя сейчас пианистом, взявшим довольно неудачный аккорд, разрывавший перепонки между пальцами. Но Трясогузов терпел до конца, удерживая все кнопки, и, как только они загорелись зеленым, тут же убрал руку с пульта. Когда он, краем глаза, следил в камеру за медленным движением огромных створок, Трясогузову показалось, что в одну

из уменьшающихся щелей проскользнула серая тень. Он не мог точно сказать, куда метнулся этот призрак, но, по привычке, махнув рукой, списал случайную галлюцинацию на усталость: он плохо спал сегодня ночью, будто что-то чувствовал, пусть и называл свои внутренние подозрения сущей ерундой.

– Где же эти чертовы чистильщики? – спрашивал он себя, глядя в мониторы, забывая иногда обмакнуть мясо в стремительно подсыхавшую горчицу...

***

Капсула плыла по океану, как маленький прогулочный кораблик, почти детский, если смотреть на нее с высоты птичьего полета. Одна, случайно попавшая в это место, чайка, нагло села на люк капсулы и ухитрилась заглянуть в лобовое стекло, за которым спокойно сопел Петрович, не подозревая, что за ним уже наблюдают. Чайка просидела меньше минуты, и, не видя для себя ничего интересного и питательного, взмахнула крыльями и унеслась прочь, на Фаял, где ее товарки с удовольствием жрали трупы младших и старших сотрудников, плавающих вдоль южного берега острова.

Когда Петрович проснулся, он, после неполноценного потягивания, уперев в потолок, согнутые в локтях руки, посмотрел на маленький циферблат часов, вделанный в панель под «рулем». Стрелки показывали половину четвертого. Он уставился в лобовое стекло, в надежде разглядеть вдали пла-

вучий остров с нужным ему причалом из грубого камня и кучей веревок, чтобы привязать судно к металлической тумбе, или раме, или к чему у них там крепятся плавсредства, чтобы их не унесло в открытое море. Однако, к своему разочарованию, он всё еще пребывал в полной власти океана, и сейчас болтался, идя на малой скорости, примерно в двадцати милях от «Цитрона – 4».

Через сорок минут пути на далеком горизонте Королев увидел характерную неровность, свойственную холмистой местности далекого берега. Эта голубоватая полоска была окутана плотным туманом, поэтому Петрович предположил, что это может быть морской мираж, если такие вообще бывают в природе. Втайне он надеялся, что это и есть «Цитрон», а не восточные острова Сан-Мигел, или Санта-Мария, виденные им однажды на карте, лежавшей среди рулонов бумаги на столе в слесарке. Петрович поискал глазами какой-нибудь «секретный» ящик, или бардачок, как в машине, где лежали бы карты объекта №2 (не могла же администрация оставить спасшегося человека без простых карт или схем, чтобы можно было хоть как-то сориентироваться в здешних широтах). И действительно, когда он, еле развернувшись в этой механизированной «консервной банке», повернул голову назад, то увидел за сидением небольшой металлический сундучок. Немного повозившись с навесным замком, Петрович открыл этот кладезь информации. Внутри ящика была одна, еле видимая схема, на которой, с одной стороны листа,

по-русски, а на другой – по-английски, было написано, куда и как причаливать надводному аппарату. Королев видел, что все причала, которых было восемь штук, расположены по кругу объекта №2, и чтобы к ним пристать, необходимо было миновать что-то вроде невысоких ворот, сооруженных перед каждым причалом. «Наверно, для этого нужен код доступа, или что-то в этом роде», – подумал Королев, но в этот момент увидел, как вокруг его капсулы двигается небольшой острый треугольник. Через секунду до него дошло, что это акула. Живая, черт бы ее побрал, акула, нашедшая еду в океане! Наверное, она сама не ожидала такого сюрприза. Отчаянно наматывая круги вблизи капсулы, и постоянно задевая ее, касаясь своим твердым боком металлической поверхности аппарата, акула сильно нервировала Королева, полагавшего, что ему уже не будет нужды спасаться от очередного чудовища с огромными зубами. «Интересно, выдержит ли металл?» – опасливо думал Королев, чувствуя, как его тело снова покрывается мурашками, которые не проходили в мрачных коридорах Фаяла. Тут его взгляд снова упал на панель управления: слева была кнопка с надписью «акустика». Он, не долго думая, нажал на нее. В следующую секунду, под сиденьем раздался громкий звук мощных моторов, хотя Королев прекрасно понимал, что кроме слабенького, как у моторной лодки двигателя, на этой капсуле больше ничего нет. Он понял, что это была довольно качественная и правдоподобная аудиозапись, имитирующая звук огромных вин-

тов какого-нибудь военного крейсера, чтобы отпугивать всякую морскую живность. Низкие грохочущие звуки сотрясали кресло Петровича, и вскоре его затошнило от сильной вибрации. Но не только ему было в этот момент противно: через несколько секунд после акустической атаки, акулый плавник пропал из виду, и Королев облегченно вздохнул – одной проблемой меньше.

Он смотрел вперед и видел значительные изменения на горизонте: теперь он действительно приближался к огромному сооружению, протянувшемуся на несколько километров в длину. Скорее всего, такова же была и ширина объекта, иначе не стоило его и создавать. Он смотрел на плавучий остров, думая о том, что теперь всё вернется на круги своя, если, конечно, его возьмут обратно на работу.

Первое что он увидел, кроме темной махины секретного объекта, это черные точки, стремительно приближавшиеся к его капсуле. Прошла минута-другая, прежде чем Петрович разглядел, что это были летательные аппараты разных форм и размеров.

Бесшумные дроны кружились над плавучим островом, зорко вглядываясь стеклянными глазами-камерами в прибрежную полосу по всему периметру. Сосчитать их было невозможно, да и не нужно было этого делать, тем более, что в данный момент Королев уже насчитал где-то около пятнадцати штук крылатых «охранников», зависших над его капсулой, когда та находилась в пятистах метрах от отвесной

стены, сделанной из неизвестного материала, в которую были вмонтированы входы-причала для малых транспортных судов.

– Ну и как мне определить, где этот причал «F»? – задал самому себе вопрос Петрович, и пожалел, что здесь не было хоть плохонькой рации, чтобы связаться с береговой охраной. Он увидел, как несколько дронов, кружащихся над его капсулой, отделились от своих собратьев и полетели куда-то в глубь острова. Через минуту запищало под приборной панелью, и вновь вылез такой же «чек», как и пять часов назад. Там было написано: «Передвиньте руль на три градуса правее и нажмите кнопку «выполнить». Петрович посмотрел на электронное табло, где ярко горела шкала с градусами. Сейчас отметка находилась на цифре 5. Около цифры находились сенсорные кнопки, как на пульте от телевизора, где регулировался звук. Нужно было при помощи стрелок «добавить» три градуса, что Петрович и сделал. Потом красным цветом высветилось «выполнить». Королев нажал кнопку – она тут же стала зеленой. В следующую секунду моторы капсулы сменили тон, и скорость заметно упала. Аппарат медленно повернулся чуть правее и двинулся вперед. Оставшиеся дроны, наконец, отстали от капсулы и улетели куда-то на запад, круто огибая скалистую часть острова.

Петрович внутренне поражался, как можно было соорудить такую махину в несколько километров длиной, да чтоб она еще и передвигалась, если это было названо плавучим

островом. Да, Королев чувствовал, что ему придется еще долго удивляться всяким премудростям, на которые способен человеческий разум.

Когда капсула, наконец, прибыла к нужному причалу, Петрович увидел темно-серую пристань, будто сделанную из камня, но это был какой-то другой материал, потому что он как-то странно поблескивал в свете уходящего солнца, будто всё сооружение было отлито из металла, только тот не давал того блеска, который обычно дает, например, сталь.

Наконец, капсула подплыла к одному из причалов. Королева встречали два человека, одетые в такие же белые халаты, как и на объекте №1. На секунду Петровичу показалось, что один из них Наумочкин, но, присмотревшись, понял, что тот напоминает его куратора похожими очками в золотой оправе, только и всего.

Капсула остановилась в метре от пристани. Моторы автоматически выключились, сверху раздалось шипение – это открылся люк в крыше.

Петрович схватился обеими руками за гладкие края выхода и вылез наружу. Один из встречавших, держал в руках пульт управления: с его помощью он «подвинул» капсулу вплотную к причалу и протянул Королеву руку, когда тот занес ногу на аккуратно сделанный пирс.

– Рады вас приветствовать, коллега, – сказал тот, которого Петрович принял за Наумочкина.

– Здрасьте, – ответил Королев, присматриваясь ко второ-

му встречавшему его человеку. Тот, как ни странно тоже показался ему знакомым, только, на сей раз, он напоминал ему соседа по комнате отдыха – шведа Ольсена, правда ростом он был пониже, да и в плечах поуже.

Когда Королев поднялся на пирс, тот, который напоминал Наумочкина, приглашающим жестом и кивком головы дал понять, что можно идти вперед. Петрович, оглянувшись на покинутую капсулу, сделал первый шаг. Те двое пошли за ним следом.

Солнце садилось за холмы острова, окрашивая красным океан, мерно плескавшийся за спиной Королева. В эту секунду он подумал, что начинается шторм. И действительно, со спины вдруг подул ветер, будто подгоняя Петровича вперед.

Когда они вошли в узкий проем, Петровича остановили, положив ему руку на плечо.

– Паспорт, пожалуйста, – сказал псевдо-Ольсен.

– И пропуск с первого объекта, – добавил псеудо-Наумочкин.

Королев похлопал по боковым карманам халата, в котором был до сих пор, потом по нагрудному: слава богу, все документы были при нем. Он протянул их обоим сопровождающим, как бы дав им возможность определиться, кому взять его документы.

Вздыхнув, тот, что был «Наумочкиным», взял документы и пошел вперед.

Королева вели по точно такому же коридору, какой был на Фаяле, только здесь отсутствовала вооруженная охрана, да и был он намного короче.

Впереди – ступени вниз. Это были гранитные, сорок или пятьдесят штук, словно отлитых из камня, продолговатых бруска, прилепленных друг к другу. Щели между стыками давно забила пыль, или бурая земля. Королев обратил внимание, что это был первый признак неаккуратности, какого он не наблюдал на стерильном объекте №1.

Когда они прошли несколько сотен метров, сбоку в стене неожиданно открылась огромная дверь – снова кто-то из сопровождавших нажал пульт управления. Это была комната отдыха, схожая с фаяловской, только намного меньше. «Вероятно, здесь и людей не так много», – вновь мелькнула догадка. И еще Королев запоздало отметил, что, скорее всего, дверь будет открывать тот, у кого в руках пульт. Попахивало, честно говоря, диктаторскими замашками: может быть, этот объект обладал большей секретностью, нежели на Фаяле? Петрович чувствовал, что вопросов у него будет не намного меньше, чем в первые дни пребывания на этих островах... Ну, вопросы вопросами, а быт как-то обустроить надо.

– Кровать можно выбирать любую? – спросил Петрович, не дожидаясь, пока ему предложат присесть.

Тот, что был как бы Ольсен, молча кивнул, пожал плечами, кашлянул и вытер сухой рот. Прделал он всё это практи-

чески одновременно, что произвело на Петровича пугающее впечатление. «Нервный тик, какой-то?», – подумал Королев, и, окинув взглядом помещение, заметил в дальнем углу пустую тумбочку и аккуратно заправленную кровать. Он сразу же направился туда, не обращая внимания на своих проводников. Как только он сделал пару шагов, дверь за его спиной с шумом захлопнулась, а провожатых, как ветром сдуло.

Можно сказать, что Королев оказался в привычной для себя обстановке, только теперь не было над его головой кондиционера с разноцветными ленточками. Уснул он быстро, зная наперед, что к нему вновь приставят куратора, который, наверное, будет вводить его в курс дела и посвящать в тайны объекта.

Сон Петровича был таким же крепким, как и в капсуле, когда он болтался в океане. Теплое одеяло согрело его озябшее тело, несмотря на то, что температура воздуха была везде одинаковой: как на поверхности океана, так и на объекте №2 – стабильные двадцать пять градусов выше нуля. Ничто его не тревожило и не заставляло нервно дергаться во сне, как говорили ему еще там, на Фаяле.

Глава 18

«Наденька дорогая» несла на ужин Трясогузову новую порцию. Увесистый поднос она держала, прижав его к груди одной рукой, а другой вызывая лифт. Три этажа отделяло ее от ценного сотрудника Трясогузова, и ей, с одной стороны, было приятно сделать для него этот презент (она, ведь,

чувствовала, что он до сих пор голоден – сказался утренний стресс), а с другой... Ну кто он ей такой: брат, муж, или, чтоб мама не узнала, любовник? Нет, конечно – ни одно, ни второе, ни третье. Кстати, сейчас, на подносе, стояли все три блюда, чудом уместившиеся на этом куске алюминия, хотя, ей, дуре, Светка говорила, чтоб она взяла тележку – легче будет: и не устанет, и вид будет приятный.

– Еще чего, – с горячностью ответила Надя, – не собираюсь я тут перед всякими выглядеть на сто рублей!

Светка улыбнулась.

– Надя дорогая, сто рублей – это нынче не деньги, так что ты поосторожнее со сравнениями.

Она специально назвала ее любимым прозвищем Трясогузова, дабы намекнуть ей на предвзятое к ее особе, в хорошем смысле, отношение со стороны Альфреда Семеновича.

– Да знаю, что не деньги – так, к слову пришлось, – ответила Надя и поправила шикарные светлые волосы (на большее она и не подписывалась). Потом, со словами «и так донесу», гордо взяла поднос и пошла к лифту. Светка-подруга проводила ее завистливым взглядом, но ничего вслед не сказала, как делала это всегда, что было вроде хорошей традиции: тогда всё проходило гладко и без лишней суеты.

Надя не очень любила ездить к Альфреду, к этому странному калеке-оптимисту, во всем видевшим хорошее, а она вот, идиотка, ничего этого хорошего и не замечала, тем более, в последние дни. Их всех затаскали к Ральфу Штукку на

«беседы», как он сам выражался. Всё спрашивал их, не замечали ли они сегодня что-нибудь подозрительное, и не появилось ли среди их персонала новых людей.

– Вот, тоже мне, глупость какая! – возмущался Бычков Б. Б., возвращавшийся с «бесед» всегда красный и дерганый. – Какие новые люди, он что слепой, немчура проклятая? Есть документы, есть камеры – всё у них, скотов, есть! Только от работы отвлекают, дармоеды! Была б моя воля, я б вообще сократил к чертям эту их службу и забыл бы, как их звать!

В отличие от него, Светлане нравилось ходить на «допросы с пристрастием», как она это, в шутку, называла. Ральф Штукк был с этим полностью согласен и иногда позволял себе делать ей комплименты, на что та реагировала спокойно и с достоинством, ведь она настоящая красивая женщина, и «таких больше нет на всей планете Земля». Эти слова Ральфа она повторяла чаще, чем положено, что не на шутку сердило Бычкова Б. Б., который всегда был с ножом в руках – работа у него такая – салаты готовить, да мясо резать, а клиентов-то много, а продуктов – еще больше... В общем, крутился Бычков, как белка в колесе, не зная покоя. Да он и не нужен ему был, тот покой. Сидя в своем Тагиле без работы, он мечтал о том, чтобы в его жизни не было ни одной свободной минуты, чтобы каждое мгновение было забито какими-то делами, и чтобы за это еще и деньги платили. Короче, сбылась мечта вшивого в баню сходить: мойся теперь хоть целыми днями.

Светлана всегда очень эмоционально реагировала на точные сравнения Бычкова, и иногда так заразительно смеялась, колыхая своим шикарным бюстом, что главный повар обыкновенно терялся и забывал, как резать капустку или помидорчики. Эта обольстительница иногда, если не сказать – всегда, снилась ему в приятных снах, но он боялся об этом ей говорить, чтобы не спугнуть, так сказать, и не опростоволоситься, не унизиться. Да, много он рассуждал на тему унижения, когда, год назад впервые увидел Светлану на объекте №1. Тогда она прибыла вместе с этой «Наденькой дорогой», или «Наденькой милой» (Бычков путался в этих определениях, поэтому не мог, за глаза, полноценно подколоть Трясогузова). Скорее всего, раньше девушки жили в одном городе, потому как были лучшими подругами, но Бычков ничего, ни у кого не спрашивал. «Вот еще, унижаться я буду», – были его любимые слова в ответ на все вопросы о его какой-то болезненной скромности в отношении женщин.

Отпустив, молча, Надю, Светлана посмотрела на трудившегося Бычкова, потом вздохнула и принялась делать борщ на завтра.

У Альфреда Трясогузова был упадок сил. Ему было плохо вот уже несколько часов, как бы он себя не подбадривал и не храбрился – все равно было не по себе. Объяснить это случившейся катастрофой? Нет, не она была причиной того, что мясо не лезло в горло, а горчица превратилась в засохшую темно-зеленую корку, намертво прилипшую к та-

релке. Трясогузов отъехал от пульта с мониторами и подка-тил в своей кровати, чтобы вылезти из кресла и прилечь на часок-другой: с недавних пор это было единственным сред-ством хоть как-то обрести психологическое равновесие. Он прибежал к столь спасительному методу всего лишь три раза за этот год – можно было гордиться собой человеку, по-на-стоящему понервничавшему всего лишь три раза за триста пятьдесят дней.

Как только голова его коснулась подушки, в дверь посту-чали.

– Войдите! – буркнул он.

Вошла «Наденька дорогая».

– Добрый вечер, – сказала она мягким голосом и улыбну-лась.

Альфред ей не ответил: по-прежнему не было настроения с кем-либо разговаривать, тем более с этой чаровницей.

– Куда всё это поставить? – спросила она.

Альфред посмотрел на нее из-под руки, нависшей над бровями, и с удивлением в голосе сказал:

– Как всегда: прямо туда – на пульт, – и отвернулся к стен-ке.

Надя ничего больше не спросила. Она поставила поднос и тихо вышла, аккуратно прикрыв за собой железную дверь «пультовой».

Трясогузов всё лежал, думая о том, что это на него нашло так неожиданно. Он, тертый калач, испытавший на себе мно-

гое кошмарное в жизни, вдруг скис за одну минуту, словно кто-то его траванул или сглазил.

– Надька, сволочь, – тихо сказал он.

Потом подумал немного и слегка помотал головой.

– Нет, не Надька. Тогда Светка, скотина.

Еще чуть подумав, сказал громче, с тяжким выдохом:

– И это не она!

Пожевав губы, он начал вставать с кровати.

– Кто тогда? – спросил он себя снова.

Так и не найдя ответа, он сел в кресло, что далось ему с большим трудом, но он привык к таким трудностям, поэтому не думал о боли в натруженных руках и спине.

Как только он сел за мониторы, то заметил, как кто-то приближается к берегу его острова. Увеличив изображение, он увидел бортовой номер. Сверившись в журнале со списком, он удовлетворенно вздохнул: «чистильщики», наконец-то, приехали. «Слава богу, что не завтра, а то бы здесь такой гвалт поднялся, что мама не горюй», – подумал Альфред.

– Это они нарочно мое терпение испытывали, подлецы. Чтоб им пусто было, уродцы мелкие, – прошептал он, неотрывно глядя в монитор, направленный строго на юг от горы Пико.

Серое широкое судно с большим локатором в виде шара, неспеша двигалось к острову. Трясогузов, продолжая следить за ним, взял с подноса, оставленным Наденькой, жарен-

ную куриную ножку, и, макнув ее в, кровавого цвета, соус, цапнул зубами жареную золотистую корочку. Сок брызнул на соседний монитор и потек по цветному изображению, где сейчас были лифты третьего уровня – там располагалась кухня и склад с продуктами. Капли остановились где-то посередине лифта под номером два и стали засыхать.

Судно медленно приблизилось на расстоянии трехста метров от берега, и встало на месте. Две лебедки опустили на воду шестиместные катера, куда потом сели «чистильщики». Когда они отошли от корабля, вновь заработали лебедки, опуская новую пару катеров. И так продолжалось до тех пор, пока их количество не выросло до десяти.

– Всего, получается, шестьдесят мордovorотов, – сказал себе Трясогузов. – Они же всё здесь съедят, вечно голодные уродцы. Ах, Наденька, как вовремя ты принесла мне королевский ужин – ты же оживила меня, с одра смертного подняла, красавица ты моя, – говорил он вполголоса, щелкая кнопками, следя за передвижениями «чистильщиков».

– И кто ж вас послал-то сюда, милые? Вам ведь придется на кораблик свой возвращаться, да другой островок и посетить, твари вы безмозглые. Ох, плохо, что я не начальник!

Тут он снова откусил кусок от куриной ноги, только побольше, отхватив половину ляжки. На пульте замигала красная лампочка – кто-то вызывал его в переговорную. Вытерев руки о салфетки, лежавшие на подносе, он, не переставая жевать, включил мотор своей коляски и подъехал к двери.

Когда толстяк добрался до переговорной, там стоял человек в форме охранника. Странно, что Трясогузов не узнал Ральфа Штукка. Когда тот повернулся к Альфреду, толстяк выдавил из себя:

– Богатым будете, Ральф Георгиевич.

– Всё шутишь, Альфи?

– Нет, какие уж тут шутки. Только что, например, «чистильщиков» видел – приплыли, родненькие.

Ральф вскинул в удивлении брови, но ничего не сказал.

– Обождите секунду, – сказал толстяк, и набрал короткий номер стационарного телефона.

– Алло! Код семь, пожалуйста. Позывной «Сокол». Жду.

Он положил трубку и отъехал от стола, повернувшись к Штукку.

– Три минуты у нас есть. Что у вас ко мне? – спросил Альфред.

Штукк прошелся вдоль столов с телефонами, а потом, резко повернувшись, спросил:

– Как вы думаете, долго ли нам осталось здесь работать?

Толстяк удивленно на него посмотрел.

– Надеюсь, до конца жизни: на меньшее я не согласен.

Штукк улыбнулся, сильно напомнив сейчас своего родного брата, погибшего на Фаяле.

– Не нужно переоценивать возможности нашего начальства: оно тоже не всесильно.

Толстяку не понравилось начало этого разговора, и он ре-

шил, как мог, пресечь все попытки спровоцировать себя на ответную реакцию. Он внимательно посмотрел на Штукка, потер вспотевшие ладони о колени, и сказал:

– Я всегда думал о вас, как об очень мудром, рассудительном человеке...

Штукк поднял руку, останавливая его, и промолвил:

– Только сейчас поступил сигнал о ликвидации объекта номер один, то есть нас с вами. Понимаешь, Альфи?

Трясогузов не поверил своим ушам.

– Как? – переспросил он, улыбнувшись, боясь, что не так понял этого типа в форме.

– Повторяю. Только что, вот по этому телефону, – он указательным пальцем ткнул в красный, стоявший на правом углу стола, телефон, с треснувшим наборным диском, – мне сказали: срочно собирать всё необходимое и покинуть объект. Потом мы сядем на корабль, который стоит возле нашего острова. Вопросы есть?

Толстяк еще больше удивился: его брови взлетели так высоко, что аж лоб заболел. И тут до него дошло:

– Так это и не «чистильщики вовсе? Это они, значит, за нами приехали, что ли?

Штукк кивнул и сел на ближайший от него стул. Альфред, не отрываясь, смотрел на начальника охраны, пока тот доставал из кармана большую толстую сигару и начал ее раскуривать.

– Здесь же нельзя... – начал, было, Альфред. – А, впро-

чем, теперь-то уж...

– Так и что же нам делать, как думаете? – отозвался, наконец, Штукк, выпуская жирную струю дыма в потолок.

Альфред не знал, что и сказать: он не ожидал такого поворота в своей карьере. И ведь ни одна сволочь не предупредила. Не зря ему так плохо спалось, и неспроста весь день он чувствовал себя, как на раскаленной сковороде.

– Вот же твари какие! – только и мог он выдавить из себя.

– Именно что, – в тон ему ответил Штукк, снова выпуская дым, только теперь в виде большого косматого облака.

– А как же теперь...

– Не знаю.

Оба были, словно потерянные, кинутые родителями дети. Куда им теперь идти? Кто за них слово замолвит? Где они будут работать?

Много бесполезных вопросов крутилось сейчас в их головах, но все они оставались без ответа.

– Да, – вспомнил что-то Штукк, – они больше не перезвонят, так что, у нас с тобой больше, чем три минуты.

Трясогузов смотрел в пол, прокручивая только что сказанное Штукком, и все никак не мог поверить в то, что услышал.

– То есть, они вам сказали... А какими словами... А как они вам это...

– Альфред, успокойся, – сказал Штукк, – они уже всё за всех решили. Скорее всего, как я думаю, нас переведут на

ближайший объект, а именно на «Цитрон».

Толстяк молча кивнул, но это произошло, скорее машинально, чем осознанно.

– Чего вы говорите?

Штуக்க потушил сигару о стол и бросил ее в пустую мусорную корзину.

– Послушай, Трясогузов, нас, в любом случае, либо ликвидировать, в чем я вообще не вижу смысла, либо переведут на тот объект. Про материк я не говорю – там своих хватает. Так что, нам с тобой надо быть готовыми паковать вещи и собираться уже в дорогу. Понял меня, солдат?

Альфред снова кивнул, на этот раз кое-что соображая в своей, туго набитой мозгами, голове.

– Слушайте, – быстро заговорил Трясогузов, – если всё так, как вы говорите, то куда же денутся здешние мощности? Как они распорядятся, например, атомной станцией, или ракетами, ведь, это такое разбазаривание средств, если они их уничтожат, или... Что вообще можно сделать с такой машиной?

Штуக்க с минуту подумал, потом обреченным голосом сказал:

– Думаю, всё передадут военным, а уж они распорядятся этими мощностями по своему усмотрению.

– Вы так полагаете?

– Полагаю, – кивнул Штуக்க и встал со стула. – Ладно, на сегодня все разговоры окончены. Предлагаю идти собирать-

ся, да и поедем уже отсюда. Я за вами приду, скажем, через два часа: мне еще поварам сказать надо и еще кое-кому из obsługi. Не медли со сборами, Альфред.

Штукк ушел, оставив Трясогузова наедине с тяжкими мыслями. Он сидел, не двигаясь в своем кресле. Неизвестно, сколько прошло времени, но, после того, как ушел Штукк, Трясогузов вдруг тихо засмеялся, а потом заорал, как от дикой боли, и шарахнул кулаком по столу с такой силой, что снова, как и десять лет назад, с дальнего конца длинной столешницы упал телефон. На этот раз красный увесистый аппарат ударился об пол наборным диском, отчего тот разлетелся на маленькие кусочки, блеснув, напоследок, в свете неоновых ламп, пластиковыми осколками. Толстяк без всякого сожаления посмотрел на телефон и, чертыхнувшись, развернул кресло, направляясь к открытой двери.

Добравшись до «пультовой», он, не глядя на мониторы, где творилось что-то непонятное, нажал на спинке кровати какую-то кнопку. Кровать поднялась и встала на ребро. Альфред наклонился и поднял с пола увесистый чемодан. Щелкнув замками, толстяк проверил содержимое его коричневой «пасти», отметив про себя, что здесь не хватает самого главного – пистолета, которого ему никак не удавалось заполучить, как бы он ни старался. «На всякий случай», – говорил он и себе, и тем, кого он иногда просил достать хотя бы самый маленький револьвер. Люди всякий раз, с сожалением глядя на толстяка, говорили, что ему не понадобится ника-

кое оружие, кроме головы, которая справляется лучше всякого пистолета. Трясогузов им не верил, но те никогда не шли навстречу его просьбам достать ему что-нибудь не очень шумное, не такое тяжелое, и, желательно, подешевле.

Вот и сейчас, глядя в недра полупустого чемодана, он вновь задумался об оружии, как единственном средстве решить все проблемы разом. Не сказать, что это была идея фикс, скорее подобное решение являлось необходимым, жизненно важным пунктом, который с этой жизнью бы и покончил, если бы сложились «подходящие» обстоятельства. Сейчас, похоже, все обстоятельства так и складывались, только, как без пистолета решить уйму задач, свалившихся вдруг на его голову, Альфред не представлял.

Он закрыл лицо руками и всхлипнул. Второй раз за десять лет, когда случилось первое, в «его смену» ЧП, он почувствовал себя слабым и неспособным справиться со своим состоянием. Его опять трясло, как тогда, и ему снова понадобилось выпить валидола, припрятанного на дне чемодана, на всякий случай.

– Ох уж эти мне случаи, – сказал он вслух, рассасывая круглую желатиновую капсулу спасительного лекарства.

Когда прозрачный шарик выдал ему порцию, щиплющего язык, валидола, он тут же забросил в рот второй, и, оставив чемодан в сторону, повернулся к мониторам. То, что предстало его глазам, было, по истине, грандиозным: все камеры были отключены. Сплошная рябь на мониторах была

теперь единственной «картинкой», которую Трясогузов видел довольно редко, когда, например, меняли старые камеры на новые, или когда ловили диверсантов, напавших с моря и расстрелявших из снайперских винтовок «глаза» островитян...

Альфред пощелкал кнопками, в надежде, что хоть одна камера «оживёт» и покажет что-нибудь, вместо серых помех, но тщетно – ни одна не хотела подчиниться нервным пальцам толстяка, какими бы тумблерами они ни щелкали и с какой бы силой не нажимали на проклятые кнопки. Он вновь ударил по столу, как и там, в переговорной. На этот раз упал поднос с остатками еды.

В дверь громко постучали. Толстяк обернулся и крикнул:
– Да!

Глава 19

Королев спал, как младенец. Будильника он не ставил – не знал, в котором часу начинается рабочий день на этом объекте, да и неплохо бы сделать себе выходной. Соседи по комнате уже встали и заправили кровати. Некоторые спешили в туалет, другие столпились небольшой группкой около двери, ожидая, когда она откроется.

Петрович, разбуженный негромкими разговорами в комнате, легко приподнялся на кровати, встал на отдохнувшие ноги и, сказав в воздух «доброе утро», стал одеваться.

Через пятнадцать минут после общего подъема, дверь открылась, и в проеме показался «Наумочкин». Он вошел в

комнату, пропуская тех, кто торопился выйти наружу, и как-то сразу оказался около кровати Королева. Петрович не мог себе объяснить этого феномена, несмотря на то, что голова с утра была легкая, самочувствие отличное, и с глазами тоже всё в порядке. Очевидно, сказывались последствия вчерашнего стресса, когда он еле-еле выбрался из той кровавой каши, что заварилась на Фаяле.

– Добрый день, – сказал «Наумочкин», блеснув очками. – Как спалось?

– Нормально, – ответил Петрович, чувствуя, что ситуация повторяется один в один, как будто его преследовало дежавю, и он, оказавшись в прошлом, теперь заново проживает самый первый свой рабочий день на том самом объекте, где сейчас расхаживали монстры.

– Прекрасно, – сказал «Наумочкин», – тогда начнем, пожалуй. Ваши данные сохранились во внутренней сети компании, и рабочее место по-прежнему закреплено за табельным номером 3424, то есть, за вами, только работать вы будете не в паре, как там, на Фаяле, а в «четверке», учитывая обстоятельства, с которыми нам пришлось столкнуться на первом объекте.

– Что это значит, не понял вас?

– Это значит, что теперь вы будете ненавязчиво приглядывать друг за другом, и нам удастся избежать фаяловских эксцессов.

– А, теперь ясно, – ответил Петрович.

– Ну, вот и хорошо, – сказал «Наумочкин». – Кстати, можете звать меня Валерием Николаевичем, или, если хотите коротко – боссом.

Петрович вопросительно на него посмотрел. Тот от души засмеялся:

– Да шучу я, господи боже! Просто зовите меня Валерием, и всё. Расслабьтесь, коллега – мы здесь в одной лодке. Такое ЧП, какое пережили вы, может случиться абсолютно на любом объекте, так что, спокойно работайте и будьте ко всему готовы. Если есть ко мне вопросы, задавайте их сейчас, а то рабочий день вот-вот начнется.

Петрович вытянул шею, поправляя воротник халата, которому давно требовалась стирка, и спросил:

– А дверь только вы открываете?

– Какую дверь? – удивился Валерий. – Ах, эту? – спохватился он, – Да, здесь немножко другая система, чем была на Фаяле. Лучше, знаете ли, всё держать под контролем, чем пускать на самотек. Да и потом, этот порядок был введен буквально со вчерашнего дня, когда у вас случилось катастрофа. Начальство не хочет допустить повторения внутренней диверсии, поэтому повсюду были отключены электронные замки, и теперь все двери, что называется, открываются «ключниками». Этот термин уже закрепился на нашем объекте, так что не удивляйтесь, если кто-нибудь крикнет: «Ключник, ко мне!»

Глядя на Королева, Валерий снова рассмеялся:

– Да не скажет так никто, боже мой! Просто позовете меня или Михаила – мы вчера оба встречали вас на пирсе, помните?

– Конечно, помню, – ответил Петрович. – А как мне вас позвать, если вы находитесь по ту сторону двери, ведь у меня нет ни радики, ни телефона?

– На каждой двери, со стороны выхода из помещения, есть кнопка открывания – это же так просто, – сказал Валерий, разводя руками.

– Тогда почему люди сегодня ждали целой толпой, пока вы придете и откроете дверь, раз они могли просто нажать кнопку и выйти?

Валерий перестал улыбаться.

– Вот у них сами это и спросите, чего они кучами ходят: со мной никто эти темы обсуждать не хочет – боятся, наверное.

– Странно, – сказал Королев, – я думал, что они доверяют вам, а тут...

Валерий вздохнул:

– Григорий Петрович, людей здесь много и все они разные до такой степени, что дай им волю, они будут требовать туалетную бумагу разных оттенков, лишь бы им угодили. Иногда проще проигнорировать их странные желания и, тем самым, заставить выбросить всякую дурь из головы, чем идти на поводу у этой толпы и выворачиваться наизнанку, выполняя их прихоти.

По всему было видно, что это задело Валерия, но Королев,

не подав виду, спокойно спросил:

– Наверное, вы все-таки преувеличиваете, и желание ходить толпой, скорее всего, чем-то обусловлено, не так ли?

– Вполне возможно, – ответил Валерий с едва скрываемым раздражением в голосе, – но, повторюсь – это не мои секреты, и также не мои странности: хотите, поинтересуйтесь у них сами. Больше мне сказать нечего, к счастью.

– Почему, к счастью? – не унимался Королев.

– Потому что, – блеснул очками новый куратор, – у меня нет ни времени, ни желания обращать внимания на всякую ерунду: вы уж мне поверьте, что в том, о чем они по углам болтают, нет здравого смысла.

Он даже запыхался, разъясняя этот нюанс бестолковому слесарю.

Переведя дух, он спокойным тоном договорил то, о чем пришел сказать:

– Итак, мы прекрасно пообщались, а теперь, хватит лясы точить – пора бы уже и на работу идти. Вы готовы?

Петрович кивнул.

Валерий сорвался с места, как ужаленный, и быстрым шагом направился к выходу. Королев пошел вслед за ним.

Коридор, почти такой же, как на Фаяле. Стены, из белого мрамора, заставили Королева испытать секундную панику, когда он, случайно подняв глаза, увидел под потолком огромные лампы, забранные стальной решеткой. Вот только сейчас они не мигали, как бешеные, а горели ровным при-

ветливым светом, и сирена не орала на весь коридор, мутя разум и разрывая в клочья сердце. Однако, стоило Королеву отвернуться от ламп, как от нарастающей паники и след простыл. Правда, какая-то тень от вчерашней тревожности всё же внутри него осталась – это рождало странную пустоту в душе, поэтому сейчас его глаза, безо всякого интереса, взирали на многочисленные двери кабинетов, выстроившихся вдоль обеих стен – всё очень напоминало Королеву «потерянный нами объект», как выразился Валерий.

– А вот и ваша слесарка, – сказал Валерий, когда они дошли до места. Он сам открыл дверь, нажав кнопку на крошечном пульте.

Они вошли в довольно маленькое помещение с двумя токарными станками, только какой-то новой модели – с ними Петрович не был знаком.

На рабочих местах пока никого не было, и Королев с любопытством окинул взглядом слесарку. Кроме уже привычного набора инструментов и станков, он ничего такого не увидел, однако, его приятно поразило то, что являлось глотком свежего воздуха в тесном каменном мешке. Этим «воздухом» были огромные интерактивные окна, вмонтированные в стену. Вид зеленого океана в лучах поднимавшегося солнца; птицы, летавшие наперегонки с дронами, и высматривавшие рыбу в толще воды; несколько моторных лодок, курсировавших туда-сюда, в поисках нарушителя водной границы острова...

– Это сделано для расширения пространства, – сказал Валерий. – Здесь идет прямая трансляция, так что, можно сказать, что это почти реальность. На панели есть кнопки переключения вида, как телевизионные каналы, так что, если хотите, в любой момент можете поменять картинку. Если подумать, такое «окно» положительно влияет на психику. Когда долго находишься в изоляции, хочется вырваться наружу – это естественная человеческая потребность. Здесь, пусть и искусственно, эта потребность компенсируется примерно на восемьдесят пять процентов...

– Почему на восемьдесят пять? – перебил его Петрович.

– О, такие вопросы не ко мне, – сказал Валерий, смущенно улыбаясь, – над этими расчетами ученые головы работали не один месяц: создавались контрольные группы, составлялись сотни тестов. Оказалось, что для воссоздания сто процентной, скажем так, «реальной» обстановки, требуется еще ее звуки. Над воздухом с океана уже «поработали»: обратите внимание, какой запах стоит в коридоре и частично здесь, в вашей слесарке.

Королев принялся: действительно, в воздухе было что-то похожее на морской запах, правда, он был не таким «ярким», как на поверхности острова.

– В связи с тем, что на данных экранах есть только видимость, а настоящий морской воздух только на пирсе, то и эффективность такой «реальности» неполная, а именно столько, сколько я вам и сказал.

– Понятно, – ответил Петрович. – А если, допустим, мне захочется добавить звуки?

Валерий внимательно на него посмотрел.

– Для вашей работы и видео достаточно, а звуки будут только отвлекать, уверяю вас.

– Не думал, что шум прибора мешает работе, – сказал Петрович.

Валерий кивнул.

– Можете мне поверить – так оно и есть. Только представьте, что вы стоите за станком, внимательно следя за прохождением резца по заготовке, и вдруг в комнату врывается писк чаек, звуки бушующих волн и какой-нибудь предупреждающий гудок малого судна (крупногабаритные мы сюда не пускаем в целях безопасности). Услышав эти звуки, вы тут же перестанете сосредотачиваться на выполняемой задаче, ну и, в конце концов, запорите резец, или вообще весь заказ. Представьте, что так будет каждый день, и тогда завалится вся работа. Еще раз вам говорю – это не мои выдумки, а научные данные, подтвержденные многократно опытным путем.

– Согласен, – ответил Королев и пожал руку Валерию, который ясно намекнул, что ему пора уходить.

– Вернусь через пять минут, – сказал он и ушел.

Королев проводил его взглядом, а потом стоял еще несколько минут, глаза в окна восьмидесяти пяти процентной «реальности», постепенно свыкаясь с мыслью, что для

душевного равновесия, этого вполне достаточно.

Он смотрел на далекие волны и тут его взгляд зацепился за один из дронов, зависшим на одном месте, будто аппарат что-то там высматривал, то ли записывая информацию на свой жесткий диск, то ли передавая ее напрямую – в центр сбора данных. В какой-то момент, дрон покачнулся, будто готовясь выбрать направление дальнейшего полета, а потом стремительно понесся вниз, упав в воду. Маленький фонтанчик брызг поднялся после полного погружения дрона в соленый океан. Пузырьки воздуха на несколько секунд отметили место падения аппарата и исчезли.

Петрович увидел, как тут же прилетело пять других дронов: они зависли над тем местом, где только что был их «собратья», и, постояв так минуту-другую, разлетелись в разные стороны, будто их, как детей, позвали домой.

В слесарку вошли двое рабочих, одетых в темные халаты. С ними был и Валерий, поспешивший представить всех друг другу:

– Это Петр и Никита. Еще есть Егор и Сергей... – тут он вопросительно посмотрел на токарей.

– За материалом пошли, – сказал Никита, не напрягая голоса.

– Ну, вот видите, придется их подождать, – сказал Валерий. – Хотя, вы тут и без меня прекрасно познакомитесь. А сейчас, – обратился он к Королеву, – вы поступаете в распоряжение Петра – теперь он ваш начальник. Все вопросы, ка-

сающиеся дальнейшего обустройства, задавайте лучше мне. Договорились?

Королев кивнул. Валерий снова ушел. Тут же Петр протянул Королеву руку:

– Петр Тимохин.

– Григорий Королев, – сказал Петрович, ощутив довольно крепкое рукопожатие.

– Ну-с, начнем, пожалуй. Работы здесь не много, но сделать ее нужно за два дня. Во-первых, сначала обработайте вот эти пластины, – он пальцем показал на стопку серых пластин, лежавших на столе-наковальне, – а потом, по чертежу, просверлите в них отверстия. Дальше, нам нужно будет приготовить стальные пруты для ремонта лестницы. Видели, при входе, какие щели между ступенями?

Петрович кивнул.

– На них всегда обращают внимание новички, а у нас уже глаз замылился. Вот от этого бардака нам нужно будет избавиться. Сваркой пользоваться умеете?

– Нет, – ответил Королев.

– Жаль, – сказал Петр. – Ну, ладно, подключим Егора, если его опять не заберут, как вчера. Ждали его, понимаешь, ждали, а он только перед самым отбоем вернулся.

– А что за дела у него такие?

– Да, – махнул Петр и улыбнулся, – охрана чего-то у нас, в последнее время, нервная стала: проверяют и перепроверяют тех, кто уже сто лет здесь работает. Но вы не переживайте

– все через это проходят и довольно безболезненно.

Королев вспомнил свои вызовы к Штукку, скорее всего, не выжившему в той вчерашней мясорубке, и улыбнулся: вполне себе невинный был допрос с последующими опровержениями обвинений в свой адрес. Если здесь идет проверка, то ему, простому слесарю, бояться нечего.

Петр и Никита включили станки и начали обрабатывать болванки. Шума от станков почти не слышалось, и можно было спокойно разговаривать, только этого никто не собирался делать: внимание на столь серьезной работе здесь на первом месте.

Пройдясь резцами по заготовкам, причем сделали это токари почти синхронно, они переглянулись между собой и весело хохотнули, будто у них был какой-то тайный уговор закончить обточку одновременно.

«Хотят на меня впечатление произвести, что ли?» – подумал Королев, но ничего не сказал.

Петр, не выключая станка, подошел к Королеву.

– Если хотите, можно уже начинать обрабатывать заготовки, а то время-то идет.

– Да-да, – сказал Петрович, будто вспомнив, зачем сюда пришел. – Спасибо.

Когда токари хотели вновь вернуться к своим болванкам, Петрович решил сказать им о необычной ситуации, что случилась с дроном, упавшим в воду. И только он открыл рот, тут же в комнату влетел бледный Валерий, и, замахав рука-

ми, сказал, что всех срочно собирают в конференц-зале.

– Немедленно, – прошипел он, скрываясь за дверью, но оставив ее открытой.

Петр с Никитой переглянулись и вновь рассмеялись, словно Валерий только что удачно пошутил. Петровичу стало как-то неуютно в такой ситуации, но он, по-прежнему, старался вникать в обстановку, внимательно слушая и мало разговаривая. Он решил, что позже поговорит с Валерием, а не с этими странными парнями, у которых «смех их – друг их». Где он вычитал эту фразу, он не мог вспомнить, но она, почему-то сразу пришла на ум, когда Петрович подумал о «веселых» токарях.

Когда они вышли в коридор, там было столпотворение. Никто ничего не знал, зачем их вызывают. Рабочие вперемешку с лаборантами, ученые рядом с поварами – все шли в одном направлении, туда же, как тут же вспомнилось Королеву, где находилось метро на старом объекте.

Идти пришлось долго. За это время, наступая друг другу на ноги, многие либо матерились, либо тихо ойкали, но никто никому не грубил, понимая, что ситуация серьезная и надо... надо, в конце концов, добраться до этого чертового конференц-зала.

По дороге Петровича обогнала какая-то маленькая женщина с темными волосами. Она сказала ему «извините», хотя никак его не потревожила.

– Ничего, ничего, мне даже приятно, – сказал Королев,

сам не ожидая от себя такого ответа.

Женщина строго посмотрела на наглеца, видимо, что-то для себя отметив, и понеслась вперед, всё также извиняясь перед теми, кого действительно задевала крепкими своими локтями. Петрович с улыбкой проводил прекрасную незнакомку, втайне надеясь увидеть ее еще раз в зале. Но тут его настиг Петр, его начальник по слесарке.

– Ну что, торопишься?

– Да вот, пытаюсь, – сказал Королев, стараясь держаться ближе к стене, чтоб его не затоптали.

– Давай, давай, а то пропустишь самое интересное!

И пошел, так же, как так маленькая женщина, расталкивая всех локтями. Петрович смотрел на лихо прокладывающего себе путь Петра, и подумал, что, скорее всего, это рядовое событие, типа партийного собрания, или дня рождения босса. Тут он некстати засмеялся, но никто даже не обернулся – все торопились в тот зал, как на пожар.

Пройдя, наверное, километра два, Петрович почувствовал, что сильно натер себе мозоли, хоть ботинки были ношенными и удобными. Тем не менее, он стал заметно прихрамывать, когда показались, наконец, огромные двери, в открытую пасть которых вливалась вся, говорящая на разных языках, толпа. «Что же у них всё-таки стряслось?», – думал Петрович, стараясь не сильно наступать на натертую ступню.

Наконец, ему удалось войти в зал, где не было ни одного ряда кресел, как в кинотеатре, или, хотя бы, стула – все сто-

яли, как в переполненном автобусе, шикая друг на друга, в ожидании оратора, или что у них там было запланировано.

Глава 20

Утреннее солнце освещало берег с такой интенсивностью, что ослепило сразу всех, кто вышел из горы Пико. Первыми шли Ральф Штукк и Альфред Трясогузов, который, трясясь от неровностей на лавовом песке, молча ехал за начальником охраны. Они остановились недалеко от выхода из горы. За ними кучковалась команда поваров, десять человек охраны и заведующий складом с самого нижнего уровня. Вся группа сотрудников острова Пику смотрела на катера, которые выстроились вдоль берега: штурманы развернули их носами к, видневшемуся вдаль, кораблю. Люди, которых Трясогузов поначалу принял за «чистильщиков», разбежались по всему острову, в поисках чего-то. Часть из них зашла внутрь горы, держа в руках большие пластиковые чемоданы для укладки аппаратуры, «или взрывчатки», – равнодушно подумал Трясогузов. Спустя секунду ему даже захотелось, чтобы там была какая-нибудь С-4, или маленькая атомная бомба, чтобы она сравняла эту гору вместе с ее лифтами, и чтоб о ней больше никто не вспоминал.

Сотрудники объекта №1/2 (сектор Пику), таково было официальное название «острова с лифтами», не шли дальше: по предписанию, полученному Штукком с самого «верха», они ждали прихода официального лица с корабля, и, продолжая стоять на месте, переминались с ноги на ногу, пока

от «чистильщиков» не отделился человек в морской форме. Примерно сто метров отделяло его от тех, с кем он должен был поговорить. Шел он от самого дальнего катера, неспеша, поэтому те, кто сейчас его ждал, могли еще несколько раз прокрутить свою жизнь от начала до настоящего момента.

Штукк стоял рядом с Альфредом. Он заметил, что толстяк сильно нервничает, видя, как тот краснеет и дергает парализованной ногой. Такое Ральф видел не в первый раз. Однажды, поразившись «чудесному исцелению», он сказал об этом Трясогузову, на тот случай, если толстяк вдруг «пропустил» этот волшебный момент. На что Альфред ответил, что у него, как ни странно, есть очень редкий вид мышечного спазма, который никакого отношения к выздоровлению не имеет.

– Всё равно не понимаю, как такое может быть? – вновь удивлялся Ральф, отводя глаза от дрыгающейся ноги толстяка и глядя, как медленно поднимается солнце, превращая далекий корабль в черную тень, словно его вырезали из плотной бумаги. – По-моему, если мышца работает, то она уже не парализована, ведь так?

– Так, – кивал Альфред. – Я уже тебе говорил, что у моего мозга есть очень редкая способность: когда я нервничаю, он, каким-то макаром, подключается к мышцам ног и заставляет их сокращаться, что, однако же, не избавляет от паралича. Мне это тоже долго объясняли, и я сам не всё понял, но, тем не менее, взял на веру, что это ерунда, и, в конце концов,

успокоился.

– Успокоился, значит, – тихо проговорил Ральф. – А, может, есть какое-нибудь средство...

– Ральф, – сказал толстяк, осуждающе глянув на него, – я десять лет проработал на этом объекте с его суперскими технологиями, и всё равно ничего не вышло, к каким бы здешним спецам я ни обращался... Всё, давай замнём эту тему – надоело. Тем более, что вон к нам идет уже, начальничек чертовых работничков.

Человек в морской форме подошел к сотрудникам объекта. В руках он держал оранжевую папку.

– Моя фамилия Пушкин.

Тут он взял явно провоцирующую паузу, ожидая аплодисментов, наверное, или смех, но ничего такого не последовало: умудренные работники острова Пику прекрасно знали, чем заканчиваются насмешки или бурные восторги тем, чем восторгаться не следует. Альфреду тоже не хотелось шутить, глядя на загорелого широкоплечего человека, спокойно постукивавшего папкой по широкой ладони.

– Мы должны переместить всех вас на корабль в течение часа, или раньше, если погода позволит, – сказал он и посмотрел на чистое голубое небо, где не было ни одного облачка.

Толпа, взирающая на оратора всеми своими сорока глазами, ждала продолжения пушкинской мысли.

– Значит так, – сказал он, – сейчас мы проведем переключ-

ку.

С этими словами, Пушкин открыл папку и, перелистнув несколько страниц, начал зачитывать фамилии.

Когда очередь дошла до Трясогузова, он откликнулся не сразу: все мысли его были где-то в районе Альфа-Центавра или еще дальше. Пушкину пришлось повторить фамилию Альфреда, только сказал он ее гораздо громче, чем в первый раз.

– Здесь я, – ответил Альфред и бросил взгляд на «Наденьку дорогую», которая в этот момент засмотрелась на матроса, протиравшего тряпкой штурвал катера. Трясогузов не видел его лица, ведь катер стоял кормой к берегу, но, тем не менее, он с сожалением вздохнул и отвернулся.

Переключка, наконец, кончилась. Список Пушкина был составлен не в алфавитном порядке, поэтому фамилию Наденьки офицер произнес самой последней.

– Изгибова! – громко сказал Пушкин, захлопывая папку.

– Я! – также громко ответила Наденька, глядя на матроса, продолжавшего работу на катере.

В толпе засмеялись, а Трясогузов, наморщив лоб, силился представить себе деревеньку с одноименным названием, где-нибудь в средней полосе России. Матрос вдруг обернулся и Наденька, вспыхнувшая было, и Трясогузов, потрясенный и одновременно обрадованный, увидели такую страшную рожу, что Наденьке в тот же момент стало неудобно за свои тайные надежды, отчего она покраснела и стала еще прекраснее

в лучах поднимавшегося солнца.

Трясогузов с облегчением выдохнул и потер свою толстую грудь, по которой разлилось приятное тепло от хорошего настроения: на душе было прекрасно – он чувствовал себя победителем, хотя не принимал открытого участия в невидимом поединке за женское сердце, да и матроса стало вдруг жалко.

– Теперь будем осуществлять погрузку! – прокричал Пушкин, хотя его и так прекрасно было слышно.

Первыми погрузили поваров – им выделили отдельный катер. Наденька и Светлана встали позади того самого матроса, страшного своим видом: обожженное лицо, кривой нос, да и одного глаза, вроде бы, не было – издали Трясогузов не разобрал. Зато девушки вдоволь насмотрелись и на матроса, и на его руль, который он отдраил до зеркального блеска, и на океан, блиставший под солнцем мириадами маленьких волн. Надя молчала, а Светлана смеялась всё то время, пока катер не добрался до корабля.

Вторая партия, состоявшая из охранников и Ральфа Штукка, заняла два катера. К ним прибавили завсклада и еще пять человек из команды корабля – тех самых «чистильщиков». Эти пятеро несли битком набитые пластиковые чемоданы: два из них были настолько тяжелы, что их несли по двое. Остальной груз, оставшийся на берегу, сторожил шестой «чистильщик». Погрузка материальных ценностей заняла в три раза больше времени, чем, если бы это были жи-

вые люди в количестве пятидесяти человек, или трое таких крупногабаритных, как Альфред.

– Чего везете? – спросил один из юных охранников того «чистильщика», который всё никак не мог пристроить чемодан на корме катера.

Тот хмуро посмотрел на любопытного молодого паренька и, ничего не сказав, втиснул, наконец, свою поклажу между двумя другими чемоданами, стоявшими косо из-за наваленных по бокам катера, канатов, шлангов, и всякого мусора, в виде дырявых ведер, воронок и масленок. Штука, оказавшийся в этой партии перевозимых на корабль, удивленно смотрел на это безобразие и поражался, как вообще столько барахла влезло в довольно миниатюрный грузовой отдел катера.

Когда очередь дошла, наконец, до Альфреда, у Пушкина вдруг зашипела рация. Ему что-то сказали, а он что-то ответил. Диалог получился не очень содержательный, как сначала показалось Альфреду, но он почувствовал, что говорят про него. Толстяк никогда не страдал дефицитом внимания, иногда его было даже с избытком, но сейчас его интуиция подсказала, что нужно внутренне приготовиться к чему-то, что потребует от него повышенного внимания.

Катер со штурманом стоял в ожидании последнего пассажира – толстяка Альфреда. Он уже включил мотор коляски, чтобы подъехать ближе к берегу, как вдруг Пушкин, движением руки, приказал ему остановиться.

– Мы должны приготовить для вас трап, а уж потом...

– Хорошо, жду, – невозмутимо ответил Альфред и стал спокойно смотреть на красоты острова, которых он никогда не видел. Сидя на глубине в несколько километров и занимаясь монотонной работой, он видел кусочек острова лишь в мониторы. Теперь, выехав на берег, он, подняв голову, разглядывал черную гору Пико, высившуюся над всем островом.

Время прошло быстро: Альфред даже не успел посмотреть в сторону Фаяла, который частично скрывался за высоким берегом острова Пику.

– Всё готово, господин Трясогузников, – сказал Пушкин.

«Ведь, нарочно исковеркал мою фамилию, скот», – зло подумал Альфред, но ничего не сказал. Он лишь кивнул, вздохнул, бросил прощальный взгляд на черную гору, и вновь включил моторчик на коляске.

Катера, один за другим, подплывали к кораблю. Альфред, развернувшись в пол-оборота на ребристой стальной палубе, видел, что остальные семь катеров продолжают стоять у берега, дожидаясь ценного груза, собираемый «чистильщиками». Было, конечно, жаль такого места, где всё было знакомо от первой до последней кнопки на пультах, где прошла лучшая часть его жизни (и он ни перед кем не скрывал того восторга, который испытывал все эти годы, понимая свою нужность на объекте). Он смотрел на удаляющуюся гору до самого прибытия на корабль, и несколько раз вытер мокрые

от слез глаза.

Когда, наконец, подплыли к серой громадине корабля, с высоких бортов спустили веревочные лестницы, по которым ловко вскарабкались все, включая женщин. Трясогузов сидел в кресле, не представляя, как ему попасть наверх. Да он об этом и не думал: есть умные головы – вот пусть они и решают.

– Будем вас поднимать на лебедке! – громко сказала умная голова Пушкина.

– На чем? – крикнул Альфред в ответ, подняв глаза, старясь разглядеть того загорелого офицера. Его голос он теперь из тысячи узнает: с легкой хрипотцой, крепкий такой голосище – сразу видно – морской волк. Другому бы природа ни в жисть не дала бы такого голоса, но вот ему... Одним словом, Пушкин – есть Пушкин.

Обладатель прекрасного голоса показал рукой на конструкцию из железных труб и тросов.

– А если я высоты боюсь? – пропищал снизу Трясогузов.

Тут же ослепительная улыбка, обнажившая будто сотню белых зубов, блеснувших на солнце, украсила и без того хорошее доброе лицо морского волка.

– Тогда останетесь сидеть в катере до вечера, хотите? – спросил «волк», заранее зная, какой ответ получит от беспомощного калеки.

– Нет, не хочу, – буркнул толстяк и опустил голову, внутренне готовясь к подъему.

С лебедки спустили три троса. Коляску подцепили большими крюками за подлокотники и ось под сиденьем. Неизвестно было, выдержат ли эти элементы коляски вес Трясогузова, но он уже настроился на долгое путешествие в отдельной каюте корабля, и как-то подзабыл о предстоящем подъеме. «Вот – человечеще!» – восхитились бы многие и даже загорелый морской волк, если бы только они могли влезть в голову Альфреда. Толстяк мог отключаться тогда, когда ему это было необходимо, и потом спокойно заниматься своими делами хоть до конца света. Но и тогда, те, кто видел бы изнутри мозг Трясогузова, были бы уверены, что и во время последних дней человечества, Альфред не сидел бы просто так, мотая сопли на кулак, а выполнял бы полезную и нужную всем работу.

Заскрипели блоки лебедки. Медленно поднималось инвалидное кресло. На борту толстяка ждали все те, кто еще сегодня был с ним на острове. Светлана помахала ему рукой, а он ответил ей кивком головы, потому что руки его были заняты – он крепко держался за маслянистые липкие тросы, боясь, что кресло сильно наклонится вперед и он кувыркнется, как акробат, только падать ему придется либо на катер, либо в океан. «Наденька дорогая», в свою очередь, не хотела смотреть на этого смелого человека, пересилившего свой страх и летящего сейчас ввысь подобно Икару.

Его подняли довольно быстро. Альфред не успел даже испугаться, как его уже похлопывал по плечу Ральф Штукк, а

все остальные разошлись по каютам, в сопровождении матросов. Альфред улыбался и тёр руку об руку, надеясь очистить их от приставшей грязи, но ничего не получалось.

– Сейчас приедем в каюту – там, говорят, есть горячая вода, – сказал Штукк.

– Да неужели? – удивился Альфред.

– Представь себе.

– Интересненько, коллега. А вечер перестает быть томным, да? – сказал Альфред и включил двигатель на коляске.

– Вообще-то, пока еще утро, – ответил, улыбаясь Ральф, – но кому какая разница, правда?

Толстяк удовлетворенно кивнул.

Тут Ральф хлопнул его по плечу.

– Слушай, я сейчас сбегаяю, узнаю, куда тебя разместили, иначе, засунут куда-нибудь в трюм или на верхотуру, а тебе, ведь, хочется на «первом этаже», да?

– Глупый вопрос, коллега: ну, конечно же, я хочу остаться здесь – на уровне своей любимой лебедки! – отозвался толстяк, надеясь, что его не будут подвергать еще и таким испытаниям, связанным с трапами, узкими площадками и скользкими полами.

– Чувство юмора никогда тебя не покидает, Альфи. Ну, всё – жди.

Ральф побежал вперед, спрашивая, попадавших по пути, матросов, где ему найти Пушкина. Обрывки вопросов долетели до ушей Альфреда и он грустно сказал: «В библиоте-

ке, сынок».

Как только Штукк скрылся из виду, Альфред остался совсем один. Он передвинулся подальше от прохода, встав в тень от нависшей над ним стальной башни, и стал ждать своего товарища. Рядом с креслом толстяка, чуть ли не под самыми колесами, валялись канаты, тросы, а чуть дальше виднелись стальные люки: одни открытые, другие – нет.

– Чего-то тут всё стальное, как я посмотрю, – сказал Альфред сам себе и увидел Светлану, которая шла по верхней палубе.

– И этой место уже нашли, – снова сказал вслух толстяк. – А где же Надька, красавица моя: они ж, со Светкой, верные подружки, или тут любовь, все-таки вмешалась, и старик Пушкин, скорее всего, попадет в обольстительные надеждыны пути? Да, была Надежда, а стала сеть, и это только за одно утро.

Альфред никак не мог успокоиться по поводу этой молодой женщины, хотя прекрасно понимал, что ему ничегошеньки не светит, как бы он ни старался, и ни ревновал – эта пташка не для него летает. Однако, благодаря способности мгновенно переключаться с одной темы на другую, Альфред вдруг задумался о другом. Теперь ему не давал покоя один вопрос: что там, на берегу, говорили по рации Пушкину, и что тот ответил? Альфреду показалось, что тогда промелькнуло слово, вернее, его обрывок «...гузов». Вполне возможно, что, кроме фамилии «Трясогузов» это могло быть

также слово «грузов», что означало, например, «не забудьте прихватить с собой ценных грузов...». Нет, не так – звучит как-то не по-русски. Тогда, допустим, Пушкину сказали, э-э, «погрузив», или «загрузив», а, может быть, «как только вы загрузитесь, то сделайте вот что...»? Нет, слишком длинно получается, а там было всё быстро: вопрос с того конца «провода», и ответ Пушкина, такой же короткий – буквально три-четыре слова. «Да, загадка века. Паршивый из меня Шерлок Холмс, не скрою!» – подумал он.

Альфред почесал голову, обеспечивая себе дополнительный приток крови к мозгу, но ценных мыслей больше не приходило.

Тут его кресло сильно мотнуло в сторону, будто корабль резко остановился, или дал крен в какую-нибудь сторону, уклоняясь от другого корабля, шедшего лоб в лоб, или от надводной мины. «Ничему уже не удивлюсь», – промелькнуло в голове Альфреда.

Его снова тряхнуло и он, как будто, отъехал назад, хотя ставил коляску на тормоз – привычка, выработанная годами.

Он не заметил, как кто-то сзади подкрался: толстяк услышал лишь странный вопрос:

– Ну, что, Весельчак, дашь покататься?

Глава 21

В конференц-зале было шумно и душно. Королев, растегнув халат, ожидал, что ему станет чуть-чуть прохладнее, но, спустя несколько минут, всё равно не чувствовал ника-

ких изменений – как стояла невыносимая духота, так и продолжала стоять.

Прекрасную незнакомку, с черными волосами, он так и не увидел, хоть и очень старался, прикладывая для этого все мыслимые усилия. Что конкретно он делал? Да, многое: головой в разные стороны вертел; на цыпочки вставал; один раз даже подпрыгнул, чего никак от себя не ожидал, да и другие не ждали такой прыти от незнакомца, назвав его «козлом», «бараном», и еще каким-то животным, поскольку не знали его настоящего имени. Так и не разглядев в толпе ту черноволосую красавицу, он, немного успокоившись, стал разглядывать зал. Он успел только посмотреть на высокий потолок, на котором виднелись исполинские швеллеры с цепями, и от одного к другому были перекинuty железные решетчатые мосты. Для чего такая конструкция нужна была в конференц-зале, Королев понять не мог. Он не успел домыслить нескольких вопросов, начавших формироваться в его голове – внезапно в зале погас свет. Толпа притихла. Далеко впереди, в глубине стены, загорелся маленький огонек. Зоркоглазому Королеву трудно было рассмотреть источник этого света, но ему показалось, что это была обычна керосиновая лампа – приблизительно такая же, что стояла у его бабки в деревенском доме. Колеблющийся огонек, словно подтверждал нелепую гипотезу Королева насчет лампы, а в толпе прошептали:

– Свеча, что-ли?

– Нет, это какой-то световой эффект, – раздалось в ответ.

– Заткнитесь вы оба! – яростно шептал третий, но его куда-то послали, и он обиделся, произнеся странные слова, из которых Королев услышал только: «доложу, куда надо».

Тем временем, огонь впереди разгорался всё сильнее. Он увеличивался в размерах, будто лампу приближали к нескольким сотням зрителей. И вот, перед людьми высветилась высокая сцена, на которой горело настоящее огромное пламя. Было не по себе: у Королева сложилось впечатление, что этот огонь может перекинуться на впереди стоящих людей, а там и на всю толпу – тогда им точно не выбраться.

Он, конечно, понимал, что здесь, на объекте, находится полно удивительных вещей, но чтобы дойти до такого зверства, какое показывали, например, в фильмах про войну, где целую деревню немцы сжигали в огромном амбаре, в это он поверить не мог.

Вся толпа сделала шаг назад, чуть ли не давя своих соседей, стоявших за ними. Еще чуть-чуть и начнется паника, а потом настоящая давка, в которой Королев был, в последний раз, в московском метро, когда ехал в электричке до своей работы, еще той «настоящей», как он ее называл, работы, где был прикреплен к кондитерской фабрике, в качестве помощника наладчика оберточных машин.

Королев, скорее умом, чем сердцем, понимал, что это, наверное, искусная работа здешних декораторов, или кто там занимается подобными штучками. Но именно сейчас он по-

чувствовал, что от этого фальшивого огня исходит самый настоящий жар. Причем, он ясно осознавал, что не было никакой промежуточной ступени, когда сначала появляется тепло, а уж потом печет, как на костре – нет, здесь было по-другому. Воздух, нагретый сотнями людей, вдруг раскалился, и Королева прошиб пот. Мокрое его лицо не спасало от жара, и он находился словно в настоящей парилке, из которой не было выхода. Вернее, выход был, но чтобы его достигнуть, надо протолкнуться сквозь массу людей, стоявших у гигантских дверей, а потом сломать эти двери, что вообще не представлялось возможным. Две стальные воротины, как в каком-нибудь депо, где «отдыхает» паровоз, были закрыты на магнитный замок, и доступ к нему был у того, у кого есть пульт.

– У кого есть пульт? – спросил он себя тихо вслух, будто пробуя эту мысль на вкус. – А пульт только у Валерия, или еще кого-нибудь, – ответил Король на свой же вопрос. «Вот и первое несовершенство такой системы», – подумал он.

Огонь горел еще минуту, и когда он достиг поистине гигантских размеров в половину стены, то сразу же стал бледнеть, и, наконец, исчез. В зале загорелся свет – толпа облегченно вздохнула. Король увидел усталые бледные лица, будто обреченных на муки, людей, вынужденных, пусть и за большие деньги, находиться здесь в полной изоляции и работать целыми днями без выходных. Также Петрович видел, что для людей, только что исчезнувший огонь был настоя-

щим нервным потрясением, а не просто невинной неожиданностью, которая не имеет последствий. Если это было частью шоу, чтобы привлечь внимание, тогда организаторам можно было гордиться своей работой: многие были шокированы настолько, что готовы были написать заявление по собственному желанию. У других же, как, например, у Королева, этот испуг вызвал неприятную резь в животе.

Когда на сцену вышел человек, Королев с удивлением обнаружил, что это был Валерий. «Черт бы побрал этого Валерия», – только и успел подумать Петрович, но продолжения мысли не последовало.

– Друзья! – гаркнуло из динамиков, вмонтированных в стены. – Прошу минуточку вашего внимания!

Толпа перестала гудеть, а потом повисла гробовая тишина. Королев не был на сто процентов уверен, что именно такой уровень тишины присутствует в братской могиле, но, до сих пор он ощущал себя именно там, пока настоящий огонь на сцене не оказался бутафорским.

– Товарищи, нас хакнули! – вновь раздался знакомый голос из стен. Толпа ахнула, как один человек.

– Что, опять? – крикнул кто-то из полумрака.

– Да, опять! – тут же из динамиков ответил Валерий, прекрасно понимая, что звук он врубил на полную мощность, и не собирается его убавлять. – Враг не дремлет, товарищи, и мы должны...

Люди заткнули уши. Кто-то крикнул:

– Потише сделайте!

Валерий, будто не слыша яростных пожеланий, всем своим видом демонстрировал, что громкий звук – это не та проблема, с которой следовало бы бороться...

– Да он издевается! – вновь раздалось уже несколько голосов.

– Ты сюда спустись и послушай, чудак! – не сдержался большой бородач, живо напомнивший Петровичу Курта Люттэ, микробиолога с Фаяла. Королев мгновенно, про себя, отметил, и тут же поморщился от новой странной мысли, что многие люди, стоявшие здесь в зале, напоминают ему тех, кого он оставил там, на первом объекте, среди кучи разорванных тел. Ему вдруг представилось, что он попал в место, наполненное призраками, и он – единственный живой человек, которому предстоит... Предстоит что? Почему он решил, что он живой, а не такой же призрак, как и все остальные, здесь находящиеся? Неожиданно заболела голова. Всё завертелось перед глазами. Стало не хватать воздуха и Королев, потянувшись к вороту рубашки, рванул его, что есть силы. Отлетевшие пуговицы упали на пол.

Тем временем, толпа услышала, как Валерий откашлялся, убавляя, попутно, звук в колонках. В наступившей тишине Королеву послышался хруст – кто-то раздавил его пластмассовую пуговицу.

– Ну, слава Богу! – крикнули откуда-то сбоку.

– При чем тут Бог? – взвился, стоявший по соседству с Ко-

ролевым, тощий старик.

– Заткнись, дурак! – не сдержался его идейный враг.

Старик хотел было, возразить, но сдержался, лишь задрожав от злости, не в силах подойти сейчас к обидчику и поколотить его за неправильное восприятие мира.

Валерий снова дунул в свой невидимый микрофон и продолжил разговор с народом:

– В общем, не буду ходить вокруг, да около, а перейду к сути проблемы. Два часа назад была частично нарушена наша система безопасности, а именно, около сорока дронов были выведены их строя и затоплены в океане – теперь этим занимаются поисковики: вы знаете, какое нынче дорогое оборудование, так что приходится всеми силами спасать наши аппараты.

Толпа тихо загудела. Послышались возмущенные голоса электронщиков:

– А нам за это в деньгах прибавят, или как?

– И кто будет софтом заниматься: у нас программистов увезли к черту на куличики – военным помогать?

Валерий вновь прибавил звук в колонках. На весь зал запищало и захрипело, раздался треск, как от разрядов молнии.

– Так, заткнулись все! – заорал Валерий. На шее его вдруг вздулись жилы, что весьма удивило Петровича: никогда он не думал, что у худого человека может так, в одну секунду, раздуть шею до бычьих размеров. Он проморгался, чтобы,

на всякий случай убрать это наваждение, прибавившееся ко всё неотстающим мыслям о сотне призраков, которые сейчас его окружали.

– Итак, я продолжаю! – снова крикнул Валерий и резко убрал звук. В зале вновь воцарилось молчание.

– На этом атаки не кончились. Только что мне поступило сообщение, что на северном берегу острова произошло возгорание одного из ангаров с запчастями, то есть, атака идет масштабная, и мы не можем вычислить, кто может за всем этим стоять. Если они отрежут спутниковую связь, то нам, товарищи, будет хана. Поэтому, я обязан вам сообщить, что на некоторое время на нашем, и на других объектах, прекращаются все работы, кроме текущего мелкого ремонта, который, как и частые поломки, всегда сопровождает непрерывный рабочий процесс. На этом всё! Попрошу очистить помещение!

– И это всё? – спросил старик, который только что хотел ударить или задушить своего оппонента, за то, что тот поблагодарил Бога за убавление звука в громкоговорителях.

– А что вы еще хотели? – спросил Корольев.

– Не ваше дело! – взвизгнул старик, и Петрович пожалел, что связался с ним. «Хотя, если подумать, – тут же рассудил Корольев, – чего мне жалеть-то: я никого не оскорбил, не унижил – просто задал вопрос». Он вдохнул поглубже, понимая, что прёт сейчас напропалую, и спокойно сказал:

– Почему это вдруг не мое? Очень даже мое, как и ваше

– мы единый коллектив.

Старик с удивлением воззрился на Петровича стальными своими глазищами, нос его шумно втянул воздух, словно он собрался надуться, как воздушный шар и взлететь к самому потолку.

– А вы... А у вас...

Королев продолжал смотреть на старика, и даже попытался выдавить улыбку презрения, правда, ничего из этого не вышло. Старик, в свою очередь, ждал, что к нему придет достойный, мощный такой ответ, который сотворил бы с Королевым нечто невообразимое, или что он там вообще думал в эту секунду.

Короткая молчаливая дуэль взглядами прервалась новым шумом, на который оба обернулись: огромные двери зала с лязгом отодвинулись в стороны. Королев сразу ощутил приток свежего воздуха, нагоняемого кондиционерами, установленными в коридоре. «Странно, почему их нет здесь, в зале?» – подумал он, моментально забыв о взбалмошном старике. Его уже толкали вперед, как и всех остальных, торопясь выйти наружу. Он даже не успевал оглядываться назад, чтобы сказать, чтоб не напирали так, но никакой возможности повернуть голову у него не было, и он продолжал идти вперед, сцепив зубы в бессильной злобе, родившейся вдруг снова, как и во время вчерашней катастрофы.

Выходили из зала быстро, будто опасаясь, что их снова там закроют и подожгут, только, на сей раз огонь будет на-

стоящим.

Королева вытолкнуло наружу. Старик врезался ему в спину. Оба чертыхнулись, но, не обращая внимания друг на друга, ринулись по узкому коридору. Королев удивился, что людей не стало меньше, хоть четверть из них уже разошлась по боковым кабинетам. О красотке с длинными волосами Петрович и думать забыл: теперь ему предстоит работать не покладая рук в своей слесарке, если ремонт – это вечная каторга, что и имел в виду Валерий.

Как только Королев дошел до слесарки, тут же ему пришлось ждать, пока придет человек с пультом. «И не факт, что это будет Валерий – ему и так выпала участь стать гонцом, приносящим плохие вести», – подумал Королев. Эта глупость с «дистанционным» открыванием дверей, раздражала его всё больше. Ограничение свободы в этом плане, ни к чему хорошему не приведет. Ясное тому доказательство – эффективная атака хакеров-диверсантов: им эти запертые двери все равно, что танку стена из картона.

Пока он ждал, мимо прошла его черноволосая красавица. Она даже не взглянула на Королева, а он постеснялся ее окликнуть. Ну как бы это выглядело со стороны, если б он гаркнул ей вслед что-нибудь, вроде «Эй, привет!», или «Подождите, пожалуйста, я вас искал, чего же боле»? Нет, такое продолжение знакомства его не устраивало, а другого пути, когда и как, хотя бы, имя её спросить, он не видел. Да и, честно говоря, не об этом сейчас он думал: дверь ведь так и

оставалась закрытой.

Мимо прошли еще люди, знакомые по комнате соседи – тот бородач, типа покойного микробиолога, и старик – богорец. «Чего он так подзадержался, – подумал Королев, – вместе, ведь, выходили?» Старик, будто бы его и не заметил, пройдя мимо, гордо задрал клин седой бороды в низкий потолок коридора. А вот «микробиолог» улыбнулся своей широкой улыбкой и кивнул Петровичу, как старому знакомому, хотя видел его второй раз в жизни.

Наконец, подошел Валерий с пультом. Он молча открыл дверь Королеву и собрался уже уходить.

– Постойте секунду, – сказал Королев.

– Ну, что еще? – раздраженно бросил Валерий, брызнув слюной в лицо слесаря. Тот демонстративно утерся, показав, что раздражение куратора перешло некую грань, но сдержанно сказал:

– А вам не кажется, что все пульты от дверей – это уже не актуально? Диверсанты, ведь, не придурки какие-нибудь: они не будут обнаруживать себя в маленьких коллективах, чтоб вот так о них открыто доложили службе безопасности.

Валерий смерил его взглядом, как таракана, и ответил, в свойственной ему высокомерной манере:

– У вас есть конкретные предложения?

– Ну, я не знаю... – начал, было, Петрович.

– Вот то-то и оно, что не знаете! И вообще, займитесь уже делом – ваши станки зря простаивают, а время, между про-

чим, идет!

Королев пожал плечами, как бы говоря, что он хотел как лучше, но его никто не слушает, а зря.

Валерий фыркнул и пошел прочь.

Королев зашел в слерсаку и, не глядя больше в интерактивное окно, сразу принялся за обработку пластин, которые ему доверил непосредственный начальник. Впечатление на Королева он произвел положительное: простой парень, без апломба. Поможет в трудную минуту, как показалось Петровичу в первый момент, а там, конечно, неизвестно – всем в голову не влезешь. Кульков, бывший его начальничек, тоже вроде простым был, да открытым, а вишь, как дело обернулось – настоящий диверсант: до сих пор расхлебывают.

Королев понял, что это непрерывная цепь атак на все объекты, которая закончится только тогда, когда... закончатся все объекты. Скорее всего, организованы они теми самыми террористами, о которых когда-то говорил Наумочкин. Теперь же атаки направлены на все объекты компании «Новый рассвет», о количестве которых, скорее всего, никому не известно. Агенты, судя по всему, работают внутри компании, и, может быть, это даже те, к кому есть расположение. И та самая красавица, например, о которой грезил Королев вот уж как полтора часа, тоже могла быть тем самым агентом. Но все эти догадки Петрович решил держать при себе, тем более, что начальство, скорее всего, об этом давно знает, да и не нуждается оно во мнении каких-то слесарей, охранников,

и прочего обслуживающего персонала. Даже если судить по тому, как людей сегодня согнали в конференц-зал – с ними поступили, как со скотом, который стоял на месте и что-то там мычал, пока не пугнули фальшивым огнем. Ну и в какой серьезной компании так делают?

Петрович, пока голова была занята этими мыслями о внутренних шпионах, сделал почти всю работу, обработав пластины напильником и просверлив половину из них. Когда он поднял взгляд, чтобы посмотреть в интерактивное окно, то увидел, как вдалеке показалось огромное судно, шедшее прямо к острову. «А как же заверения Валерия о том, что крупногабаритные суда они не пропускают?» – подумал Королев, но, тут же, потеряв эту мысль, вернулся к своим заготовкам.

Глава 22

Трясогузов услышал незнакомый голос, который, однако же, произнес до боли знакомые слова. Его не называли Весельчаком вот уже, как лет тридцать пять или больше. А тут, здрасьте – приехали...

Он хотел посмотреть на обидчика и всем телом постарался обернуться назад, но ему не дали крутануть даже шейей: кто-то грубо схватился за уши толстяка и, с такой силой, отвернул голову обратно, что Альфред понял – сопротивление бесполезно. Кресло, ловко снятое чужаком с тормоза, поехало куда-то на правый борт, где не было ни одного матроса, по крайней мере, толстяк никого не видел. Чьи-то сильные

руки толкали, отключенное от мотора, кресло, легко перепрыгивавшее через тросы и канаты. Альфред подпрыгивал на своем сидении, как маленький мальчик, которого везли в детской коляске. Сто пятьдесят килограмм живого веса было не проблемой для чужака: ему, похоже, доставляло удовольствие преодолевать препятствия, лежавшие на их пути, и наверное, чем больше их было набросано на не прибранной палубе, тем интереснее было тому, кого даже не одолевала одышка, во время такого странного марш-броска. «Наверное, этот скот и не курит, и не пьет», – подумал Альфред, вжимаясь в спинку кресла, мокрую от пота.

Кричать было бесполезно – шум моторов машинного отделения, над которым сейчас проезжал Альфред со своим невидимым врагом, вряд ли бы позволил прорваться его голосу до чьих-нибудь ушей, кроме, конечно же, того, кто вёз его в неизвестном направлении.

Быстро обогнув стальную башню, Альфреда завезли в первую открытую дверь. Он понимал, что это всего лишь один человек, и с ним можно справиться, но только не физически, а увещеваниями. И потом, этого человека, он, скорее всего, знал в детстве, только не мог понять, кому принадлежал этот голос. Перебрать в памяти всех обидчиков он бы не успел, если только здесь не прослеживалась тесная связь с его утерянным велосипедом. Да, наверно, это касается того старого велика, привезенного из Венгрии знакомыми его родителей. Черт, как бы посмотреть на этого урода?

– Послушайте, – сказал Альфред, – вы не могли бы гнать потише, а то у меня желудок растрясется?

Втайне Альфред рассчитывал узнать этот голос, если его обладатель, черт бы его побрал, еще раз заговорит. Но тот, кто его вёз, только хмыкнул и процедил сквозь зубы:

– Не растрясется, помалкивай, давай!

Альфред понял, что так просто ему не выкрутиться и придется досмотреть до конца эту «пьесу». Он уже внутренне приготовился, что его ожидает самое, что ни на есть, худшее, что может случиться с человеком в его положении, когда одна половина тела не двигается, а другая внутренне вопит от бессилия что-либо сделать. Жаль, что он не может хоть как-то приостановить эту чудовищную гонку, жаль, что все мысли сбились в кучу, такую же, по сути, бесформенную, какой он сам сейчас был, сидя, как огромный мешок картошки, и глаза на скачущие мимо толстые пруты ограждения, сделанные по всему борту. Как же узнать, кто там за спиной? Как бы спровоцировать подонка открыть свою личность?

Его завезли в темную комнату. Он видел, как в свете полу-прикрытого шторкой иллюминатора, где-то в глубине комнаты блестел стол. Может, это кухня? Нет, вряд ли – команда должна есть, минимум три раза в день, и повар обязан готовить еду, практически не отходя от рабочего места. А здесь, похоже, было заброшенное помещение, или кладовка.

Ему не дали додумать. Кресло резко развернулось спинкой к иллюминатору, и перед толстяком, в неверном свете

через пыльное стекло, возникла та самая обожженная рожка матроса. Альфред, почему-то, не удивился такому открытию: тот сразу ему не понравился, еще там, на берегу, и зря он тогда его пожалел...

– Ну, что, узнал, заморыш? – спросил ходячий «монстр» толстяка.

– Кого? – начал тупить Альфред, стараясь хоть как-то не показать вида, что он испугался того, чего, в принципе пугаться не следует: обожженное, одноглазое, говорящее, в матросской форме, существо... По телу пробежали мурашки – краткий аутотренинг не помог.

– Меня, бестолочь, – ухмыльнулся «монстр» и щелкнул Трягузова по носу.

Альфред поморщился, явно не рассчитывая на пытки такого рода.

– Прошу прощения, но в темноте вас никак не узнать. – Он старался говорить, как можно спокойнее, и, насколько правдоподобно это у него получилось, сможет ответить лишь «монстр», когда откроет свою личину.

– Да ладно, Весельчак: ты забыл своего старого приятеля? – деланно удивился тот.

– У меня никогда не было таких приятелей, – старался, как можно равнодушнее, ответить Альфред, вцепившись пальцами в подлокотники, что помогало ему сохранить психологическое равновесие.

– А если подумать? – не отставал тот.

– Послушайте, – выдохнул толстяк, – я не играю в дурацкие игры уже довольно давно. Говорите, кто вы есть, и что вам от меня нужно, и я поеду искать себе каюту: мне еще вещи разбирать.

Альфред, как мог, старался сохранять невозмутимый буднично-тон, давая понять, что его мало интересует сиюминутное приключение, на которое он не настроен.

– А если я скажу, что ты меня очень хорошо знаешь?

Альфред снова вздохнул, чувствуя, что имеет дело с каким-то идиотом, и только полное игнорирование его стараний заинтриговать испуганного жирдяя, годится лишь для таких же полудурков, как и он сам. Трясогузов с удовольствием высказал бы вслух это умозаключение недоноску в матросской форме, но, честно говоря, опасался, что у того может быть нож в кармане, который тот мог пустить в ход, когда ему заблагорассудится.

– Еще раз вам повторяю, если вы меня не отпустите, у вас будут большие проблемы.

– Это какие же? – нагло спросил тот, улыбаясь во всю ширь своего рта.

«Ведь у него должны же быть гнилые зубы, а? У таких придурков всегда полон рот гнилушек, и просто не может быть иначе», – бешено вертелись мысли в голове бывшего «пультовика».

– Тебя спишут на берег, – выдохнул Альфред и покачал головой.

«Монстр» перестал улыбаться и внимательно посмотрел на толстяка единственным глазом.

– Тебя, наверное, и так с трудом взяли на эту работу? – спросил Альфред, прикрыв один глаз рукой. – А с таким-то фортелем, какой ты сейчас выкинул, и подавно вышвырнут на берег, где ты сдохнешь на первой же помойке. «Ох, не перегнуть бы палку с такими угрозами», – с беспокойством подумал толстяк, уставившись на «монстра» немигающим взглядом.

«Монстр» молчал. Потом, отвернувшись, глухо проговорил:

– Меня нельзя списать – я никому ничего плохо не сделал. Альфред пожал плечами.

– Да мне плевать, знаешь ли: спишут тебя или нет. Главное, что ты сейчас делаешь, и как потом капитан расценит твой поступок, сечёшь?

Одноглазый повернулся к толстяку.

– Я никому не причинил вреда – меня нельзя списывать, – повторил тот, как будто это был неписанный закон корабля: «одноглазого не трогать».

Альфред мотнул головой.

– Слушай, отпусти меня, и я всё забуду, будто ты ничего не делал, лады?

Тот молчал, словно потерял всякую уверенность в себе, и Альфред очень остро это почувствовал. «Ну, вот и нашлось твое слабое место, урод». Он уже торжествовал победу, когда

тот, наконец, решил открыть свое имя.

– Меня зовут Александр. Иногда называли Малышом, помнишь?

«Так я думал», – кивнул Альфред, но решил держать «хвост пистолетом».

– Нет, не могу вспомнить: друга по имени Малыш у меня никогда не было.

– Я у тебя взял велосипед, но не вернул, помнишь?

– Нет, – жестко ответил Альфред, не давая уроду порадоваться той давней боли, которую он принес толстяку своим поступком, в конце концов, приведшим Альфреда туда, где он сейчас находился.

– Нет, – повторил он, – не помню я никакого велосипеда, потому что у меня его никогда не было.

Монстр-Малыш, казалось, опешил, уставясь единственным глазом на странного толстяка, который забыл самый лучший и, одновременно, трагический день в своей жизни.

– Ты не мог этого забыть. Ты никогда ничего не забывал, – Малыш ударил кулаком по столу. – Как твоя фамилия, жирдяй? – взревел он.

– Иванов-Петров-Сидоров. Видишь, какой винегрет?

Малыш вращал единственным глазом, будто туда попал стальной опилочек, и он силился вытащить его с помощью слезы. Но спасительной слезы не было, как не было и сочувствия толстяка к обезумевшему матросу, которое проявилось бы в, болезненно ожидаемом, узнавании.

Альфред только сейчас понял – вот она, единственно правильная тактика против этого чудовища – полная потеря памяти, ноль реакции на его желание громко захохотать при виде удивленного взгляда толстяка, узнавшего, кто перед ним стоит. Но нет, Альфред не реагировал – он просто смотрел на это прыгающее, вокруг него, чудовище, своего давнего противника, на его вытекший глаз, на обожженное лицо, сломанный нос, оторванное ухо. Трясогузов уже не жалел себя – ему было жаль вот этого нечастного, полоумного неудачника, так бездарно прожившего свою жизнь. Альфреду даже не были интересны подробности его биографии – он и так прекрасно видел, чем она заканчивалась. Скорее всего, ему и жить-то осталось не так уж долго – он чувствовал, что те миллион разочарований, которые Малыш испытал на своем жизненном пути, вряд ли поднимут его выше той степени развития, на которой он сейчас находится.

– Слушай, – вздохнул Альфред, – давай я уже поеду, и мы забудем этот странный разговор. Я не помню ни тебя, ни велосипеда, и меня мало интересует твоя жизнь – не буду я тебе ее ломать. Всё, я поехал.

Он попытался развернуться на своем кресле, но Малыш подскочил к нему и, взяв за ворот футболки, притянул к себе:

– Слушай сюда, сопляк, я не для того притащил тебя сюда, чтобы вот так просто отпустить. Мне нужны ответы на вопросы. Если я их услышу – отпущу. Если нет – пойдешь

рыб кормить, а они в этих местах ох какие голодные, дошло?

Альфред понял, что этот невменяемый не уймется, пока, не случится чуда. Он закрыл глаза, и, в общем-то, ни на что не надеясь, произнес про себя: «Господи, вытащи меня отсюда». Такие простые молитвы были у него всегда наготове, когда он не знал, как поступить в безвыходной ситуации. Точно также он молился, когда слесарь Королев бежал от фаяловских чудовищ и чудом спасся от их зубов и когтей. И тогда было их общее чудо – Королев спас свою жизнь, а Трясогузов, попросил, чтобы это было возможно, и оно сбылось...

– Чего ты там бормочешь, жирный? – спросил Малыш.

– Ты не поймешь, – ответил Альфред.

Малыш отошел от него и сел на стол. Альфред знал, что скоро его начнет искать Ральф Штукк, если уже не ищет. Кричать, конечно же, бессмысленно – всё еще неясно, есть ли у Малыша нож или ствол. Но, вот, сидеть спокойно и не подавать виду, что боишься – это хоть какая-то возможность потянуть время и спасти свою жизнь, если Ральф, конечно, успеет.

– Итак, ответь мне на вопрос. Когда я взял у тебя велосипед, кому ты об этом рассказал? – спросил одноглазый.

Альфред смотрел на иллюминатор, мечтая, чтобы шторка хоть на один сантиметр отодвинулась, и он увидел бы кусочек чистого дневного неба. Может быть, кроме неба, он заметил бы мелькнувшую тень своего спасителя, тогда бы он точно заорал «помогите», что было бы, конечно, его послед-

ним криком в жизни...

Он отвернулся от грязной шторки, закрывавшей Альфреда от всего мира в этой тесной мрачной комнате.

– Повтори вопрос? – сказал он, надеясь, что все на этом и кончится.

– Кому ты сказал обо мне, когда я взял твой чертов велосипед?

– Никому я ничего не говорил, – спокойно ответил Альфред. – Какой-то нездоровый у тебя интерес к моему велосипеду. Что вообще за чушь творится?

– Ага! – радостно подпрыгнул одноглазый. – Вот ты и признал, что велик был твоим!

– Ну и что? – спокойно спросил Альфред. – Ну, признал, ну, мой он, да, и что дальше?

– Кому ты сказал... – снова стал повторять одноглазый.

– Никому я ничего не говорил, – пожал плечами толстяк, уже не опасаясь перебивать этого рычащего придурка. – Мне некому было говорить – я не успел. Хотя нет, папаше с мамашей все-таки успел, но они не хотели устраивать скандал с твоей полоумной...

– Заткнись! – прошипел Малыш. – Еще хоть одно слово... Попробуй только...

Альфред не стал злить дурачка, и, сложив руки на толстом своем животе, снова уставился на одноглазого, пытаясь внушить ему бесполезность его театральных прыжков и стремления запугать единственным вытарашенным глазом.

Малыш молча походил вокруг Альфреда, иногда задевая его кресло грубыми башмаками, отчего то неприятно дергалось в стороны. Потом, словно что-то обдумывая, он сказал:

– Если это не твои родители, и не твои дружки, которых у тебя, как ты говоришь, никогда не было, тогда кто плеснул в меня бензином и поджог, а?

– Ну, откуда же я знаю? – ответил Альфред, которому явно надоело это нытье Малыша, и он хотел лишь выехать отсюда на свежий воздух.

Малыш вопросительно смотрел на толстяка и не знал, что делать дальше.

Что-то шевельнулось в душе Альфреда, и он спросил:

– В каком году это было?

Одноглазый удивленно на него посмотрел:

– В восемьдесят шестом.

– Ага, ясненько! А мой велик ты отнял в восемьдесят пятом, сечешь?

– Ну?

– Что, ну? Год целый прошел! Какой, к черту, велик? Это ты не мне, а кому-то еще дорогу перешел.

– Кому? – обалдело спросил Малыш.

– Ну а мне почему знать. Вспоминай, кто от тебя страдал да плакал. – Альфред чувствовал, что вот и подошел к концу их чудненький диалог, и можно, раскланявшись, произнести последнее «прощай».

– Нет, не может быть, – потерянно просипел одноглазый,

мотая головой. – Я знаю, что это ты, или твои родители... Я знаю, что это из-за той поганой железяки на колесах...

– Да, ты точно свихнулся от своей одержимости, – сказал Альфред, кусая губы, понимая, что дело затягивается, и надо как-то рубить этот гордиев узел. «Может быть, надуть дурачка? Почему бы и нет, если оно стоит моей жизни?» – подумал Альфред. В уставшей от духоты и ненужных переживаний голове тут же возник простенький план.

– Слушай, я тут связан, по своей работе, со всеми (ого, как я круто взял – удивился про себя Альфред таким множеством неожиданных знакомств), да, да, – продолжал он, – со всеми службами безопасности целого архипелага, а их девять, между прочим. Плюс – их собственные связи, плюс – техника, транспорт (надо дурить голову этому дебилу, пока он окончательно не поверит в мои «сказки»), еще у них есть вертолеты... Короче, я могу их попросить... нет, уговорить... или даже так – заставить их начать вести расследование. Они свяжутся с теми, кто сейчас на материке, а именно с теми, кто сидит в нашем гарнизоне... Кстати, городок-то наш на месте?

– Да, – кивнул ошарашенный неожиданным поворотом, Малыш, – вроде стоит там же, где и был.

– Так вот, – продолжал Трясогузов, – помнишь фамилию тамошнего участкового... Хотя, нет, участковый нам не нужен: мы пойдем выше – до начальника милиции...

– Полиции, – перебил его Малыш.

– Как? – спросил Альфред, сморщившись от этого киношного слова, будто пришедшего из какого-нибудь старого американского детектива, где все ходили в шляпах с сигарами во рту, а кругом револьверы, кастеты, ограбленные банки...

– Полиции. Теперь в России полиция, а не милиция.

– Да ладно, правда, что ли? – спросил Альфред и расхохотался так громко, что звук его голоса отразился от, погруженных во тьму, стен и, может быть, проник даже наружу, потому что через полминуты, когда толстяк еще не успел отсмеяться, дверь с шумом открылась – на пороге стоял Ральф.

– Ты здесь, Альфи?

– Да! – крикнул Трясогузов, резко обернувшись и ойкнув при этом – больно потянуло в шее.

– Ты здесь чего делаешь, дружище?

– Тебя жду, мать твою! – закричал толстяк. – И не я, а мы! – добавил он, задыхаясь от, пришедшей вдруг, радости, поворачивая голову в сторону Малыша. Но того и след простыл.

– Где он? – крикнул Альфред.

– Кто?

– Да тот урод – моряк с катера! – в отчаянии вскричал Трясогузов.

– Никакого моряка я не вижу, – пожал плечами Ральф. – Ладно, поехали ужинать – а то там девчонки такого наготовили – пальчики оближешь.

Альфред напряженно всматривался в полумрак комнаты,

но ничего не видел. Наверно, в каком-нибудь малоприметном закутке была потайная дверь, куда этот идиот и смылся.

– Поехали, – вздохнул Ральф Штукк и включил мотор на инвалидном кресле.

– Подожди! – снова крикнул толстяк. – Ищи его! Не мог он далеко уйти!

– Да кого искать-то, Альфи? – добродушно улыбнулся Ральф, – говорю, остывает уже всё.

– Чёрт! – крикнул Альфред, не двигаясь с места и продолжая смотреть то на стол, на котором только что сидел Малыш, то в пространство темного угла комнаты, куда тот смылся.

Ральф, не обращая больше внимания на странные протесты своего друга не трогать его, а продолжать искать какого-то Малыша, развернул кресло, помогая колесам мелкими, но сильными толчками крутиться по направлению к порогу. Преодолев железный порожек при выезде из комнаты, и стараясь шагать рядом с Альфредом, Штукк говорил о том, как ловко он всё устроил. Каюту он нашел на этом же уровне; с поварами договорился, чтобы Альфреду не ездить в столовку, а чтобы еду ему приносили прямо туда, где он будет жить. Продлится, правда, такая сладкая жизнь всего не долго – до соседнего объекта они доберутся за семь часов тихого хода.

– И, кстати, да, нас перевели в другое место. – с гордостью сказал Ральф. – Я был прав – это «Цитрон – 4», плавучий

остров.

– Плавучий? – переспросил толстяк, поворачивая голову и вновь ойкнув от заболевшей шеи.

Пока Ральф еще что-то рассказывал, Альфред внимательно смотрел по сторонам, стараясь заметить одноглазого, если тот вдруг попытается прошмыгнуть мимо них. Но все его старания были тщетны – ни одного признака присутствия Малыша на этой палубе не было. Альфред понял, что эти несколько часов ожидания прибытия на другой объект, могут прибавить ему седых волос.

Глава 23

Королев еще раз посмотрел на приближающийся корабль. У него сложилось впечатление, что тот вообще не двигается – так медленно он шел, что любая черепаха обогнала бы его.

– Петрович! – окликнул его начальник, – Ты чего всё в окошко тарачишься?

Королев повернул голову.

– Какой-то корабль к нам идет.

Петр ухмыльнулся:

– Эка невидаль: таких к нам штук по десять за день навевывается – и ничего.

– Но он такой здоровый...

– И что теперь: будто бы ты таких не видал?

Королев вновь посмотрел в «окно».

– Нет, дело не в этом. Мне Валерий сказал, что крупногабаритные суда они не пропускают.

Петр покачал головой.

– Слушай, Королев: вот тебе-то какая разница – крупногабаритный он или нет? Какой надо, такой они и пустят, и нас с тобой не спросят, понял?

– Ну, да, понял.

– Вот и отлично. А теперь давай – принимайся за работу.

– Так я ж, практически всё сделал.

– А мы сейчас проверим.

С этими словами Петр подошел к столу Королева, вынул из нагрудного кармана штангенциркуль, и стал измерять расстояния между просверленными отверстиями.

– Ну, с этим всё в порядке. Так, теперь скажи мне, ты пруты железные для лестницы нашел?

– Нет еще – не успел, – ответил Королев.

– Тогда давай, бегом – ищи.

– Куда бежать-то?

– На склад: соседняя, с нашей дверью, каморка – как выйдешь, сразу налево поворачивай. И да, рукавицы взять не забудь.

– А сколько прутов брать надо?

– Не помню точно – считать нужно. Возьми, пока пятнадцать-двадцать, если унесешь.

– Понял. Пошел, – сказал Королев и, найдя грубые рабочие рукавицы, вышел в коридор.

«Черт, забыл!» – вспомнил он, и вернулся назад. Дверь захлопнулась. Ну и кого теперь ждать с пультом, чтобы за-

мок открыть? Он, что есть силы, забарабанил в дверь. Петр, матерно отозвавшись из недр мастерской, шаркая, подошел ближе.

– Чего забыл-то? – спросил он, не открывая замка.

– Как открыть склад?

Петр молчал. Потом просунул под дверь пластиковую карточку.

– Попробуй вот этим.

Королев растерянно посмотрел на ключ-карту.

– Так ведь считыватели все сняты.

Тимохин приложился губами к щели двери и тихо сказал:

– Ты коснись карточкой там, где должен быть обычный механический замок – туда помещено запирающее устройство.

Королев дошел до склада, и так и сделал. Дверь тут же открылась. Вот только почему этот секрет до сих пор скрывался от Петровича, если всё оказывается так просто? «Наверное, дело в доверии», – подумал Королев, и включил свет.

Помещение склада было, в общем-то, ничем не примечательной комнатой с такими же, как на Фаяле, стеллажами вдоль стен, и с тем же набором необходимых материалов.

Он отыскал под разобранными моторами от станков, несколько толстых прутков. Вытянув один, он прикинул, примерно, как он ляжет в щель между ступенями лестницы – вроде бы подходило. Он вытащил еще один такой же прут, только был он намного корче.

– Ладно, и этот сгодится, наверное, – проговорил он.

На других стеллажах он отыскал еще несколько – получилось только семь прутков разной длины – этого явно не хватало.

Петрович, с прутками на руках, как будто с длинными поленьями дров, вышел из кладовки, и, забыв погасить свет, захлопнул дверь ногой.

Подойдя к слесарке и попутно здороваясь с теми, кто шел по коридору, он несколько раз пнул дверь. Снова слышался приглушенный мат, но замок открыли быстро. В слесарке, кроме Петра был Егор-сварщик.

– Явился – не запылится! – сказал Петр. – Ну-ка, давай посмотрим, что там у нас?

Королев бросил пруты на пол, боясь, по привычке, нагнуться, чтобы не сорвать спину. Поднялась бурая пыль.

– Ты их откуда откопал, таких чумазных? – спросил Петр.

– Со стеллажей.

– Понятно, что не со дна океана. Где конкретно ты их нашел?

– Под моторами. Ну и еще под чем-то.

Петр кивнул.

– Тогда понятно. Короче, на складе у нас пусто. Мне, конечно, надо еще раз самому туда сбегать, но, как там Валера говорит: «оказывать недоверие коллеге мы не будем».

Егор хмыкнул и взял самый длинный прут.

– Вот этот сгодится, а остальные придется пилить, подго-

няя под нужную длину, и потом, на месте, сваривать.

– Вот Королев этим и займется. Да, коллега? – Петр подмигнул Королеву и дал ему какую-то бумажку.

– Егор принес размеры, так что, давай – занимайся. «Болгарку» найдешь в шкафу. Времени у тебя три часа – потом пойдем варить. Справишься?

– Постараюсь, – ответил Королев.

– Старайся, старайся, – сказал Петр, – а то, как раз к тому времени, перекроют тот вход, чтобы нам никто не мешал.

– А как же люди пройдут?

– Через другие проходные, – ответил Петр. – Ты и этого не знаешь? Ну, ты даешь!

Он отвернулся и продолжил, прерванный с Егором, разговор.

Когда Королев пошел к шкафу, его глаза случайно снова глянули в окно. Огромный корабль медленно, но верно, шел к острову, однако до линии защиты было еще далеко. Петрович прикинул, что при такой скорости он будет идти, минимум три часа, или больше. Дронов в небе он не видел. «Наверное их всех отправили на профилактику», – подумал Петрович и вернулся к своим прямым обязанностям.

Не прошло и получаса с того времени, как он занялся обрезкой прутков, как дверь слераски распахнулась – на пороге стоял Валерий.

– Всем здравствуйте, – сказал он.

– Привет, Валер, – отозвался Петр, не поднимая глаз от

резца, которым он снимал блестящую желтую стружку с латунной заготовки.

– Я к вам, Григорий Петрович, – сказал Валерий с самого порога и направился к нему.

Королев вытер руки о халат и пожал протянутую ему теплую и слабую ладонь.

– У меня к вам только два вопроса, – начал с ходу Валерий. – Скажите, сколько раз вы сегодня покидали помещение?

Королев задумался.

– По-моему, два: первый раз, когда в конференц-зал пошел, а второй, когда отправили на склад.

Валерий придиричиво на него посмотрел, и произнеся вопросительное «да?», ушел.

Петровичу стало вновь не по себе – повторялась история с каким-то необоснованным недоверием. «А потом что будет – снова допрос? Как же это все достает», – подумал Корольев и продолжил пилить пруты.

– О, смотрите – он курс меняет! – сказал Егор.

Королев снова оторвался от работы и уставился на океан.

– Должно быть, причалит к соседнему пирсу, – отозвался Петр.

И будто, в подтверждении его слов, корабль плавно повернул вправо и, набрав скорость, через минуту скрылся из виду.

В который раз щелкнул замок двери слесарки – на пороге

опять стоял Валерий, а рядом с ним... Королев не мог поверить своим глазам – черноволосая красotka, у которой он так и не спросил имени.

– Григорий Петрович! – позвал его Валерий, – подойдите, пожалуйста, сюда.

Петрович отложил «болгарку», разогнул затекшую спину и, стараясь не задеть ногами пруты, лежавшие на его пути, подошел к Валерию.

– Разрешите вас представить: Маргарита Павловна Кондрашкина.

Егор с Петром хмыкнули. Валерий грозно блеснул очками в их сторону, однако это не возымело должного успеха: те, как ухмылялись по-дурацки, так и продолжали ухмыляться. Валерий бессильно промолчал.

– Григорий Петрович Королев, – в свою очередь, представил он Королева. Петрович, зачем-то поклонился.

– Ручку не забудь поцеловать, – заботливым тоном сказал Егор.

– Не забудет – не переживайте, – отозвался Валерий. Потом он снова обратился к Королеву:

– Маргарита Павловна – наш врач. Вернее, одна из врачей. Вам нужно пройти с ней на осмотр. Потом сразу ко мне.

– Куда это, к вам? – удивился Королев.

– Ну, сюда – в слесарку, – ответил Валерий, некстати улыбнувшись и почему-то нервничая, стоя рядом с Маргаритой.

Королев кивнул и поспешил за Кондрашкиной.

Как только они вышли из слесарки, она коротко сказала:

– Налево и прямо.

Он послушно повернулся и вновь пошел по тому же маршруту, по которому шел три или четыре часа назад в конференц-зал. «Какой длинный сегодня день» – подумал он, идя за, уже успевшей его обогнать, Маргаритой, торопившейся провести медосмотр. Королев хихикнул при этой забавной мысли.

Маргарита оглянулась.

– Что вас так рассмешило, молодой человек?

Королев неожиданно весь напрягся, но старался не подавать виду, что слегка растерялся.

– Мою жену зовут Маргарита, – ляпнул он первое, что пришло в голову.

– М-м, какие интересные сведения. И что? – спросила она, отворачиваясь и ускоряя шаг.

– Ничего – просто забавное совпадение, – ответил Королев, глядя на ее широкие бедра, спрятанные под белым халатом.

– Ничего забавного в этом не вижу, – сказала она, уже не оборачиваясь.

– Не обращайтесь внимания, – сказал он тихим голосом – это так, воспоминания о прошлой жизни.

Она остановилась и, повернувшись к Петровичу, глядя на него снизу вверх, проговорила:

– Ваши шутки и неуместные замечания никому здесь не нужны, в том числе и вам. Это понятно?

Королев кивнул, не ожидая такой реакции. Тут Маргарита отвернулась, сделала несколько шагов вперед, достала из кармана такой же пульт, какой Королев видел у Валерия, и нажала кнопку. Вдруг стена справа разъехалась в стороны, и обнаружился еще один коридор – такой же бесконечно длинный, по которому шел сейчас Петрович.

– Ну, прошу, – сказала она, пропуская Петровича впереди себя. Он молча повиновался. На сей раз, они сделали буквально несколько шагов, пока не оказались около белой двери, которую Маргарита открыла обычным железным ключом. Королев про себя отметил, что не видел таких ключей с Москвы, то есть, примерно, два месяца. «Женщины такие удивительные создания, – подумал вдруг Петрович, – у них даже ключи есть там, где их заменяют пластиковые карточки, а теперь и пульта». К чему он свалил в одну кучу женщин, железо и пластик, не было понятно, однако одно было ясно – в голове Королева сейчас творился такой бардак, что только Маргарита Павловна Кондрашкина была способна навести там порядок.

Они вошли в маленький кабинет.

– Присаживайтесь, – показала он пальцем на стул, стоявший в метре от ее письменного стола.

Королев сел, наблюдая, как Маргарита достает из небольшого шкафчика какие-то инструменты, прежде им никогда

не виданные ни в Москве, ни на этих секретных объектах. Она уложила их на дальнем столике, и, с задумчивым видом, выбирала, что ей может сейчас понадобится. Наконец, она выбрала. Подойдя к Королеву, она перебрала из руки в руку какой-то серебристый кубик, с цифрами на всех гранях. Вытащив из кармана халата обычный пинцет, она сказала холодным деловым голосом:

– Поверните голову влево, – сказала она.

Король повернул к ней свое правое ухо. Она заглянула туда, потрогав мочку пинцетом и прислонив кубик к ушному отверстию. Неожиданно ухо пронзила такая боль, что Король, было, вскрикнул, но рука Маргариты, тут же положенная ему на плечо, как-то мгновенно его успокоила. А, может, она сняла этим жестом боль? Король не мог разобраться, что от чего произошло, и было ли оно так на самом деле.

– Поверните голову направо, – сказала Маргарита. Петрович повернулся к ней левым ухом. Произошла та же самая процедура, и так же ее рука не дала ему вскрикнуть от повторившейся боли, будто в ухо сунули раскаленный штырь. После этой минутной процедуры он почувствовал себя так, будто только что проснулся от короткого, но глубокого сна.

– Можете одеваться, – сказала Кондрашкина.

Король с удивлением обнаружил, что сидит в одних трусах. Когда успел раздеться, он, естественно, не помнил, да и она не говорила ему ничего такого, кроме «поверните голову направо, налево». Он взял со спинки стула, на котором

сидел, брюки, рубашку и халат. Надев все это в ускоренном темпе, он, все-таки решил всё выяснить.

– Вы меня извините, конечно, но что здесь происходит?

– В каком смысле, не понимаю вас? – как ни в чем ни бывало, отозвалась она, отрывая голову от бумаг, лежавших на ее столе.

– Почему я, например, разделся, когда не слышал этой команды от вас?

Она с сожалением на него посмотрела:

– Потому что я вас попросила – только и всего.

– Но я этого не помню, – сказал он, чувствуя, что краснеет.

– Вы и не должны помнить – это не записано в ваших настройках.

Королев не то, чтобы не удивился – он просто ошалел:

– Какие еще настройки?

Она внимательно на него посмотрела, потом вздохнула и сказала:

– Если вас это утешит – вам не нужно знать всего, что происходит в медкабинете.

– То есть как?

– Вот так. Вам уже говорили, что здесь, в некотором роде, ограниченная свобода?

– Это я уже понял. Вы мне про меня скажите: почему я не должен знать, когда я успел раздеться, если не слышал этой просьбы?

Кондрашкина встала из-за стола.

– Григорий Петрович, вам не нужно волноваться по пустякам: вы делаете свою работу, а мы – свою. Если мы все будем выспрашивать друг у друга о тонкостях наших специальностей, интересоваться профессиональными секретами, то жизнь станет скучна, вы не находите?

Петрович не ожидал услышать такое из уст милой женщины.

– Чего вы мне голову морочите? Какие секреты? Послушайте, Маргарита Павловна, я просто хочу знать, почему мои штаны были не на мне?

Она улыбнулась без тени смущения:

– Можно подумать, вы ни разу не снимали брюк перед дамой.

– То есть, как... я вас не понимаю? – он снова удивился такому странному подходу к общению с пациентами.

– Идите, уважаемый Григорий Петрович, до своего рабочего места: в свое время мы вас оповестим о результатах.

– Результатах чего? – не выдержал он, повысив голос.

– Результатах обследования, конечно же, – спокойно ответила она. А сейчас идите – я вас больше не задерживаю.

С этими словами она открыла дверь, за которой стояло двое охранников. Петровича тут же вывели из комнаты, не дав ему опомниться.

– Вас проводят! До свидания! – сказала Маргарита, и захлопнула дверь за его спиной.

Его повели назад, к выходу, и доведя до невидимой две-

ри в стене, выпроводили Петровича наружу. Королев стоял в «своем» уже коридоре, не зная, что и думать. Что это было, и с ним ли всё это произошло?

Он тихо пошел до слесарки, чувствуя, что над ним провели то ли эксперимент, то ли, запрещенное всеми законами, исследование, подобные тем, что проводят инопланетяне, когда похищают людей, а те потом ни черта не помнят. И только когда они всем рассказывают об этих «исследованиях», их принимают за дурачков и больше с ними не общаются, как раньше. Нечто похожее сейчас испытывал и Королев, чувствуя, что никому в этом месте нельзя ничего рассказывать, чтобы совсем не прослыть идиотом, или, в лучшем случае, человеком с богатой фантазией, вредной и опасной, для него же самого.

Он дошел, наконец, до слесарки. Путь до нее показался ему бесконечно долгим и каким-то запутанным. Иногда ему казалось, что он вообще свернул не туда, а, может, и вовсе забрел на другой этаж, если здесь таковые существовали.

– Как есть заплутал: можешь в этом не сомневаться, – сказал он сам себе. Проходивший мимо сотрудник, обернулся, но, покачав головой, пошел дальше. Петрович заметил эту мелочь, и ему стало еще противнее, что теперь будут появляться многочисленные свидетели его странных разговоров с самим собой.

– Да, похоже, меня и впрямь могут определить в комнату с мягкими стенами.

Он, спохватившись, боязливо оглянулся, но никого больше не увидел.

Дверь слесарки была открыта, когда он случайно дернул за ручку. Трое его коллег: Петр, Никита и Егор разбирали, принесенные ими, пруты, укладывая их по длине в порядке возрастания.

– А вот и наш потеряшка пожаловал! – весело сказал Петр. – Ты чего так долго: медосмотр понравился?

В комнате все засмеялись, кроме Петровича: он только помотал головой, дав понять, что вот никак ему не хочется говорить на эту скользкую тему.

– Хорошо, что ты вовремя пришел – тут, как раз, работы тебе прибавилось. Давай, хватай «болгарку» и вперед: коридор будет перекрыт еще четыре, ну, может, пять часов, а потом, извините – подвиньтесь.

Королев подошел к прутам. Слесаря разошлись в разные стороны, освобождая ему рабочее место. Никита вернулся к своему станку, а Егор присел около сварочного аппарата, проверяя его готовность к работе. Это был электрический аппарат, для питания которого использовались миниаккумуляторы – примерно такую же модель Королев видел у ремонтников на Фаяле, когда они шли чинить лифты.

Петрович работал, не отрывая глаз от схемы на грязной бумажке и прутов, меряя железной линейкой арматуру и отпиливая от нее лишние куски. Весь процесс походил на движения какого-то зомби, заботившегося лишь о том, чтобы

ровнее положить готовые арматурины друг к другу, и не обращая внимания на то, что сейчас в интерактивном окне появился другой огромный корабль, окруженный со всех сторон дронами. Егор оторвался от своей «Искры-5» и устоял на стальную махину, медленно подплывавшую, будто к самой камере видеонаблюдения, транслировавшей в режиме онлайн прибытие корабля.

Глава 24

За семь часов до прибытия на «Цитрон-4».

Ральф помог Альфреду вывезти кресло на другой борт. Он медленно шел с Трясогузовым до его каюты.

– Спасибо, дружище: без тебя бы я не справился, – благодарил Альфред своего давнего товарища, до сих пор не веря, что так легко отделался от того полоумного.

– О чем речь, Альфи: поверь – так было всегда, так будет и впредь. И вообще, спасать – моя профессия.

Штука смотрел на чистое небо, жмурясь от солнца, и было ясно, что в пятьдесят три жизнь все еще бьет ключом, и можно быть сильным и полезным. Ральф хотел еще о чем-то подумать: обычно, подобные легкие мысли приходили мгновенно, но сегодня шло туговато – наверное, тому было причиной – внезапный перевод на другой объект. Честно говоря, для него этот перевод был сюрпризом. Когда ему сообщили о ликвидации объекта, он сразу же подумал о физическом уничтожении всех сотрудников, включая и его самого. Он тогда же внутренне приготовился к неизбежной смер-

ти и даже написал завещание, лежавшее сейчас в его чемодане в книжке о каких-то оживших мертвецах. Он с улыбкой вспомнил о, среднего пошиба, ужастике, где люди спасались от мертвецов в старом доме. Не так давно, а именно, несколько часов назад, он чувствовал себя вот таким же мертвецом, только еще ходившим и дышавшим; мертвецом, который уговаривал своего товарища Альфреда Трясогузова не волноваться, когда приедут «чистильщики»... Теперь же, когда всё благополучно разрешилось, нужно было еще добраться до нового места назначения, потом привыкнуть к внутреннему распорядку, затем выполнить кучу всяких, как продуманных, так и не предусмотренных мелочей, способных испортить жизнь любому целеустремленному, храброму, полному сил человеку...

– Да, – задумчиво повторил Штукк, – так было, и так будет.

– Ох, не зарекайся Ральф: неизвестно, что нас ждет на этом «Цитроне»! – раздраженно ответил Альфред. Он никак не мог поверить, что преступник вот так легко ускользнул из его рук. Обожженное лицо с кривым носом по-прежнему стояло перед глазами Трясогузова. Угрозы, расточаемые Малышом, неприятно его поразили: он был готов поверить, что именно он, Альфред, виновен во всех его бедах. Но...

– Но, с какой стати?! – вскричал вдруг толстяк. Ральф, зная своего товарища несколько лет, ни о чем его не спрашивал, понимая, какой ужас тот испытал, оказавшись один

на один с каким-то неадекватом, не имея возможности сообщить о своем бедственном положении.

– Знаешь, что я думаю? – спросил он Альфреда, когда они проделали половину пути до его нового места жительства.

– Ну? – нервно отозвался Трясогузов.

– Только ты сразу не отказывайся, хорошо? Думаю, было бы неплохо снабдить тебя тревожной кнопкой. Как думаешь, а?

Альфред посмотрел на него, как на, действительно, полезного, в трудную минуту, человека, иногда опережающего в скорости мозг толстяка, затуманенного сейчас остатками страха, смешанного с гневом и досадой, что акула так легко вырвалась на свободу.

– Да, – отозвался Альфред, грызя последние ногти, – кнопка была бы кстати.

– Я подберу тебе такой вариант, чтобы было незаметно для чужих глаз, и удобно для тебя.

Альфред кивнул, одобряя предложение Штукка.

– Ну вот и прекрасно: на берегу об этом и подумаем, – ответил Штукк. – А теперь – стоп машина! Вот и твоя «квартира».

Они остановились около стальной двери с иллюминатором посередине. Штукк открыл дверь каюты Трясогузова.

Раздражение Альфреда тут же сменилось на глубокую задумчивость, когда он понял, что теперь останется один в этой каюте, и этот его задумчивый вид мог сейчас растрогать

кого угодно, вот только на палубе, кроме матросов, занимавшихся своими ежедневными делами, никого не было.

Дверь еще полностью не открылась, а толстяк уже увидел большую часть маленькой, довольно уютной комнаты.

– Твой чемодан лежит вон в том углу, – Ральф показал пальцем туда, где стоял торшер с зеленым абажуром. Толстяк кивнул, шмыгнув носом.

– Тебя уже где-то просифонило? – спросил Штукк.

– Не знаю, – ответил Альфред, – мне не до этого.

– Понимаю, – кивнул Штукк, и помог перетащить кресло через металлический порожек.

***

За три часа до прибытия на «Цитрон-4».

Трясогузов проснулся от тяжелого предчувствия, словно ему вновь предстояло пройти через неизвестные испытания. Как обычно, интуиция его не подвела: в дверь с силой постучали три раза.

– Входи! – крикнул Альфред, заранее зная, что это был Штукк.

Ральф вошел. Толстяк увидел бледное лицо своего друга.

– С тобой-то что приключилось, а? – тут же спросил он, не оттягивая тяжелого разговора: такова уж была его натура – знать сразу обо всем.

– Случилось, – тихим голосом отозвался Штукк. – Светка наша пропала.

– Как пропала? – удивился толстяк.

– Да так – нет ее нигде. Они вместе с Надькой в одной каюте поселились. Надежду кто-то запер в туалете на швабру. По ее словам, в каюте вдруг заорал какой-то мужик, а Светка что-то ему ответила. Надежда не поняла, о чем они говорили, вот только слышала она Светкины крики, стуки о стены, о дверь туалета, но ничего сделать не могла... Потом, где-то через час, дверь открыли матросы и выпустили Надежду. А Светки нигде не было. Уже весь корабль обыскали – нет ее. Думаю, убили нашу Светку и выбросили за борт.

У Трясогузова побелели губы.

– Я даже знаю, кто это сделал! – его пальцы вновь вцепились в подлокотники, когда также, при «дружеской» встрече с Малышом он не знал, как будет убит: ножом, пистолетом или голыми волосатыми руками его вечного врага.

– Нет, Альфред, этого ты знать не можешь. Одно дело, знаешь ли, призрак, которого я, лично не видел, а другое...

Трясогузов с удивлением посмотрел на Штукка.

– То есть, как не видел? Ты же прибежал мне на помощь, когда этот урод стоял прямо передо мной...

– Альфи, – перебил его Штукк, – успокойся. Я говорю только то, в чем уверен на сто процентов. А уверен я в том, что никого, кроме тебя, там не видел. Может быть, тот, кого ты считаешь своим врагом, и был там, но, дружище, в той комнате даже маленькой дверки нет, не то, чтобы настоящего прохода какого-нибудь. Ты же не веришь в то, что он мог

пролезть в вентиляцию?

– Мог, черт возьми, мог! – закричал толстяк. – В том то и дело, что эта мразь, когда его прижмут, способен и в крысиновую нору пролезть, не то что в вентиляцию!

– Ну, прекрати, Альфи: будь уже взрослым, трезвомыслящим...

– Как?! – взвился вдруг толстяк. – И это говоришь мне ты, мой друг и товарищ? Ты мне до сих пор не веришь?

Штукк с сожалением покачал головой.

– Извини, Альфи, но факты – упрямая вещь.

– Я тоже упрямый! – крикнул вдруг Трясогузов. – Я докажу тебе, что я видел Малыша!

– Кого? – наклонил ухо Ральф.

– Малыша! – снова крикнул Альфред прямо в ухо Штукку. – У этого уroda в детстве кликуха была «Малыш». А по-человечьи его звали Александром! Или ты и в это не веришь?

– Ну, в это я как раз верю, но, вот, во всё остальное... Как-то слабовато с доказательной базой, знаешь ли, – он развел руками.

Трясогузов был вне себя от ярости. И ему даже не нужен был валидол – он был просто оболганным человеком, которому нужно найти все доказательства преступления, пока корабль не прибыл на место своего назначения.

– Альфи, будь серьезнее, – сказал Штукк, когда толстяк, в краткой форме, изложил ему ход своих мыслей про поиск

доказательств существования Малыша. – Никто не будет заниматься твоим псевдодрагом, пока не решено, где и как будут искать Светлану. Пропажа человека – дело первостепенной важности. А твой призрак пока останется, уж прости, призраком.

– И это говорит мне мой друг?! И ты только что говорил, что будешь меня всегда защищать? К черту тебя и твою тревожную кнопку! Засунь ее себе, знаешь куда?

– Знаю, – ответил Штукк, видя, как расстроен его товарищ. Он понимал, что пройдет не мало времени, пока все встанет на свои места. Ральф отвернулся и пошел в свою каюту, чтобы постепенно готовиться к высадке: он не любил делать всё в последнюю минуту. С молодости приученный готовиться ко всему заблаговременно, он, экономя время и нервы, приходил на любые встречи вовремя, и выглядел всегда спокойным, уверенным в себе человеком, от которого приятно пахло, а не несло за версту, как от взмыленного коня. Штукк всегда был аккуратистом, поэтому нож, пистолет и светозумовую гранату, размером со спелую черешню, он всегда держал в полном порядке. Можно сказать, что именно порядок не раз спасал ему жизнь, оттого он и дожил относительно благополучно до пятидесяти трех лет, не имея, практически ни одного седого волоса. Альфред не редко, в открытую, восхищался его безупречным внешним видом, на что Ральф лишь молча улыбался и всякий раз переводил тему – это было для него всегда само собой разумеющимся, как

и для любого здравомыслящего человека, в его понимании.

***

За двадцать минут до прибытия на «Цитрон-4».

Эти три часа дались Альфреду нелегко. Он не знал, как успокоить свои нервы: Штукк ушел, обидевшись на него, пусть и не подав виду. Поехать проведать Надежду было невозможно по нескольким причинам. Во-первых, жила она на второй палубе, а туда вела длинная узкая лестница – это безусловное препятствие для инвалида-колясочника. Во-вторых, скорее всего, ей вообще было не до разговоров: внезапная потеря лучшей и единственной на острове подруги, было для нее таким ударом, после которого не всякий придет в себя. Альфред с горечью подумал, что теперь ее могут вообще выкинуть с работы, и это напрямую зависело от сопротивления ее психики такому стрессу.

Штукк так и не вернулся во все это тяжелое для Альфреда время. Трясогузов с трудом выехал из своей каюты, когда, открыв дверь, крикнул мимо проходящему матросу, чтобы тот помог ему с дурацким порожком.

Когда он, наконец, оказался на палубе, высокие борта корабля его не смутили: в них были проделаны отверстия для... Черт его знает, для чего они были нужны, но Альфред сказал себе, что сделаны они были специально для него, чтобы он мог беспрепятственно обозревать красоты пустого океана. Можно было смотреть как с борта корабля – на вод-

ную пустынь, так и, глянув вперед, увидеть, как приближаются искусственные горы и холмы плавучего острова. Трясогузов видел и то и другое, и надо сказать, что ни то и ни это его не поразило – другие мысли занимали человека, два с половиной часа назад узнавшего о трагедии с одной из его любимых поварих. Он отвернулся от надоевшего пейзажа: надо было собрать вещи – его никто ждать не будет, а если корабль и сделает паузу в расписании ради него одного, то это будет считаться не очень приличным. Трясогузов старался дорожить своей репутацией, пусть даже это и проявлялось бы в мелочах. И неважно, что ему сейчас плохо и одиноко, главное, что он должен делать работу, которую ему поручат, в чем он не сомневался. Им двигало понимание того, что без дела он не жилец на этом свете, а пустая, никому не нужная развалина. С этими мыслями он и поехал в свою каюту, где его ждал, так и не раскрытый чемодан.

Всё ближе и ближе они подплывали к «Цитрону». В пятистах метрах от берега корабль окружили дроны: они лениво летали между металлическими мачтами и радарными, не боясь задеть ни одного троса, ни одной тоненькой антеннки: за пультами управления сидели, надо полагать, опытные сотрудники. Эту деталь Альфред про себя отметил, надеясь, что в недалеком будущем, а именно – завтра, ему дадут «поручить» этими дронами. Он надеялся на то, что, как гостеприимные хозяева, администрация «Цитрона» даст им отдохнуть с дороги сутки или около того.

Один из дронов вдруг отделился от общего роя и двинулся к Трясогузову, будто намеренно выбрав человека на инвалидной коляске для того, чтобы лучше его рассмотреть. Кружился он ровно минуту, неспеша подлетая то слева, то справа, то чуть ли не садясь на голову. Потом дрон застыл на месте («На «дистанционке» сидит явно профи», – еще раз с удовольствием отметил Трясогузов), и устоял на толстяка стеклянным черным глазом. Трясогузов вдруг подумал, что, кроме видео в дроне должна быть и аудио трансляция.

– Ну, что ты на меня устоялся? Разве не видишь, что перед тобой сидит ха-ро-ший чи-ла-век?! – весело крикнул Альфред, намеренно коверкая слова, будто играл с летающей машиной. Эта короткая забава была сейчас ему необходима, как воздух: навалившееся за день напряжение грозило дать свои неутешительные плоды человеку с такой внушительной массой тела и кучей, приобретенных за жизнь, болячек. Он, для достоверности намерений «защититься» от ненужного внимания, подался вперед всем телом, пугая летающего «охранника» нарочно напускной яростью. Дрон, по-прежнему, стоял на месте, жужжа моторчиками. Прошла еще минута демонстративного опознания по методу «свой-чужой», или как там у них называются такие проверки. Альфред хотел уже подобрать с палубы какую-нибудь железяку, чтобы швырнуть в назойливого дрона, но тот, словно почуяв, что его хотят сбить, плавно развернулся на месте и улетел в сторону причала номер три, где огромная цифра виднелась

даже отсюда: Альфреду не пришлось присматриваться к месту швартовки корабля – всё и так было прекрасно видно в ярких лучах солнца.

Альфред уже держал чемодан на коленях, когда увидел свою «Наденьку дорогую». Она была в глубоком шоке: ее нельзя было трогать и нельзя разговаривать – ей были показаны только молчаливые манипуляции опытных рук в медицинских перчатках, тем более, после успокоительного укола, сделанным корабельным врачом. Решено было позвать медиков с «Цитрона». Пока их ждали, Трясогузов успел рассмотреть огромный остров, пока была еще такая возможность, прежде, чем его снова засунут в душный тесный кабинет. Несколько километров основания или «фундамента», сделанного из непонятного материала, покоились на поверхности океана. Чудо инженерной мысли с насыпными берегами, искусственно выращенными лесами, сделанными вручную горами и прочими «природными» прелестями, на которые способна человеческая фантазия, радовали глаз Трясогузова, с придыханием взиравшего на это великолепие, снабженное гигантской системой подводных двигателей, способных переместить этот остров куда только заблагорассудится начальству...

Прибыли, наконец, медики. Трясогузову показалось, что он смотрел на остров всего лишь несколько волшебных мгновений, а прошло, ведь, ровно сорок минут, но ему и их было достаточно. Надежду отнесли на носилках, прикрыв ее

до подбородка белой простыней. Трясогузов с сочувствием смотрел на спокойное лицо своего «милого повара», как он ее называл в минуты обостренного чувства голода, и думал о еде, о пропавшей Светлане, а также о своем бывшем друге Штукке, и делал это всё одновременно. Разные, по характеру, мысли еще больше успокаивали Альфреда, чем «игра» с дроном, вот только он никак не мог понять, куда исчез Малыш: он не появлялся все эти семь часов, которые они проплыли на корабле. «Забился в свою нору, крысеныш, и виду теперь не подаст, что он вообще жив», – со злостью думал толстяк. Он прекрасно понимал, что его команду с первого объекта оставят здесь, на плавучем острове, а корабль уйдет дальше по своим делам. След Малыша затеряется где-нибудь на другом объекте, если он вообще не поменяет работу.

Да, уплыла такая прекрасная возможность расквитаться с давними обидами, не прошедшими до сих пор. «А, ведь, это вредно для здоровья – не отмщенные обиды», – успел подумать Альфред, но его отвлекли от сокровенных мыслей знакомым шлепком по плечу.

– Пора ехать, – сказал Штукк.

– Уйди от меня – видеть тебя не желаю, – ответил толстяк, не поворачивая головы.

– Ну, ладно дурить-то: кому ты еще нужен, как не своему старому товарищу? – спросил Ральф, широко улыбаясь.

– Не товарищ ты мне после этого, – не сдавался Альфред.

– Перестань, успокойся, Трясогузов. Найдем мы твоего

обоженного, не переживай: я начинаю верить, что ты, скорее всего, прав – этого уroda и впрямь нигде нет на корабле. И, кстати, пропала одна моторная лодка.

– Очень кстати, кстати, – не унимался толстяк, передразнив Ральфа.

Штукк не обратил внимания на колкость – ему и так было паршиво на душе. Если учесть, что у него были едва зарождавшиеся чувства к Светлане, то, можно сказать, что сегодня он потерял потенциальную невесту. А, ведь, он втайне надеялся, что главный повар Бычков Б. Б. уйдет с этой романтической дорожки, видя, кто положил на Светлану глаз (Штукк имел в ввиду, конечно же, себя).

Наконец, в рупор было объявлено, что корабль пристал к причалу номер три, и все должны покинуть палубу. Никто из команды бывшего объекта№1 не хотел торопиться сойти на берег, однако Пушкин, этот загорелый офицер, помог Трясогузову снести чемодан на пирс, очевидно полагая, что толстяк непременно задержит отход корабля. Альфред даже не стал благодарить его за столь неожиданную помощь – но Пушкин всё выдержит, даже такую мелочь, как пропавший одноглазый матрос, не правда ли? Толстяк проводил загорелого широкоплечего здоровяка в белой форме таким взглядом, будто записывал сейчас все его «параметры», включавшие рост, возраст и массу тела. «Да, месть – великое дело», – продолжал рассуждать Альфред, так и не сумевший выбросить мысль о сгинувшем Малыше-Александре.

Глава 25

Королев видел в интерактивное окно, как Валерий говорил с каким-то высоким человеком. Наружная камера зацепила краешек пирса, и было хорошо видно, как два человека в белых халатах о чем-то говорят, размахивая руками. Королев бросил взгляд на панель управления и заметил кнопку с, нарисованной на ней лупой. Он приблизил картинку: люди, ожесточенно спорившие на пирсе, оба покраснели – это было видно Королеву даже без приближения камеры – просто он хотел лишний раз убедиться в этой своей догадке, промелькнувшей несколько секунд назад. Сейчас оба человека кричали – это тоже заметил бы и слепой, если бы здесь был звук. На мгновение Королеву показалось, что на шее Валерия вновь, как давеча в конференц-зале, вздулись жилы. Жаль, что не было слышно их разговора, но, к счастью, поблизости от них оказался сварщик Егор, в тот момент осматривавший площадку перед проходной: Петр Тимохин распорядился выявить все недостатки, которые, возможно, не были учтены после приезда ответственной комиссии, случившегося месяц назад. Тогда проверяющие обратили внимание на эти досадные недоразумения, и этот «долг» с привидением в порядок всей поверхности от пирса до лестницы, ведущей в коридор, висел на шее у слесарки. Самое странное, что вплоть до того момента, пока на «Цитроне» не появился Королев, никто не двигался с места, будто об этой «мелочи» благополучно забыли. Когда Королев понял, что этот ремонт

как-то связан с его приездом на объект, он по-другому отнесся к, якобы, шуточным словам, сказанным в первый день его прихода в слесарку. «Только тебя и ждали», – произнес тогда Петр, видимо, решив, что им прислали засланного казачка, который будет теперь вести активную деятельность по выявлению шпионов и диверсантов. Еще он тогда же, с нескрываемой иронией, добавил, что теперь дела точно пойдут на лад, коль к ним в бригаду прислали такого молодца. Королев сразу почувствовал неприятие к себе, как к человеку, будто совершившему страшное преступление, и не ответивший за него по всей строгости закона. Как ему намекнул Валерий, вроде бы, невзначай, что скорость распространения слухов на «Цитроне» была ровно такой же, как и в обычной деревне. Сразу, по прибытии Королева на объект, все узнали, что это, тот самый единственный, оставшийся в живых, и что к нему нужен особый подход. «Помягче и посердечнее», – говорил тогда Валерий всему коллективу слесарки, оповестив их о новом работнике.

Егор, осматривавший тогда площадку между пирсом и проходной, услышал, как тот высокий сказал Валерию, что, мол, на третий причал сегодня прибыло два корабля. Один, с бортовым номером 100 – с острова Терсейра, на котором распоряжаются военные, доставил необходимый груз на «Цитрон-4». А другой, с номером 404, с острова Пику, где тоже вскоре разместятся только военные, привез нескольких работников, в количестве двадцати человек, как сказано в

документах, которых надо будет где-то разместить, а потом поскорее предоставить им рабочие места. Валерий только кивал и молча слушал. Когда же речь зашла о том, что неплохо бы поговорить о будущем переводе самого Валерия на любой из этих военных объектов, где он будет выполнять...

– Какие-нибудь другие функции, – произнес Егор, так искусно скривившись, передразнивая высокого, что даже Королев, со своим убитым настроением, не смог сдержать улыбки.

– Наш Валера, – продолжал Егор, – покраснел и говорит: я, мол, три года назад мечтал перевестись на Терсейру, но потом отозвал свое заявление и дело забылось. А тот высокий ему и отвечает, что, нет, дескать, шалишь, брат, – у нас ничего не забывается, и теперь, мол, твоя просьба удовлетворена. И будешь ты теперь, дорогой наш Валерик, ходить со всех сторон удовлетворенный. Наш, конечно, парниша, побледнел, потом покраснел, подпрыгнул даже и говорит, что нет, черт возьми, никуда я отсюда не уйду – тут мой дом, моя крепость... Какая крепость, я так и не понял, – сказал Егор, разведя руки в разные стороны, – но на том, похоже, разговор и кончился, да и мне работать надо было, а то у меня, к тому моменту, и конь не валялся.

Петр посмотрел на часы и сказал:

– Да, ребята, заболтались мы с вами: вон как Королев, заслушался. Ты же понял, что твои сослуживцы прибыли на том втором корабле?

– Ну, да, понял я, – ответил тот, сделав замер на последней арматурине.

Петр, похоже, не хотел останавливаться на первом вопросе, и, наверное, желал что-то для себя прояснить.

– Вот смотри, Королев...

– Смотрю, – перебил его, совсем некстати, Петрович.

Тимохин неодобрительно глянул на него, но продолжил:

– Так вот, твои дружки прибыли с Пико, или Пику, не важно, и теперь они могут занять наши места, так ведь?

Королев пожал плечами.

– Откуда мне знать, кого там привезли. Я только одно скажу: слесарка была лишь на нашем острове, Фаяле. А там, откуда прибыли те товарищи, были лифты с ракетными установками, куча складов и, может быть, подводные порты. Больше ничего сказать не могу.

– А он говорливый, – сказал Егор, все это время внимательно слушавший Королева и глядевший на него, как на трепача.

– Ну, вы же хотели знать правду – вот я вам и сказал, – спокойно ответил Королев, прекрасно понимая, что его вряд ли можно схватить за язык и отвести сейчас к дознавателям: объекты, как он понял, объединены между собой общими секретами, которыми можно делиться только внутри этой замкнутой системы. Если же он не прав...

– Да, – сказал Петр, – ничего такого он не сболтнул: мы же сами хотели узнать, как всё будет. Хотя бы приблизительно.

Вот нам товарищ и попытался выдать исходные данные. Так ведь, товарищ? – он хлопнул Королева по плечу, хотя тот не почувствовал ничего, похожего на дружеский хлопок – скорее, это был акт некоего устрашения, что ли, или же предупреждение, что теперь нужно ждать страшной неизвестности. Королев снова внутренне сжался, будто его опять вызвали на допрос с уже готовыми обвинениями.

Тут Егор вскинул голову и, с, едва скрываемым раздражением, сказал Тимохину:

– Это ты хотел узнать... это тебя беспокоит твоя собственная шкура...

– Чего, чего? – тут же отозвался Петр, видимо, не ожидая такого поворота событий. – Я, что ли, один должен переживать о наших рабочих местах, если нас вдруг выбросят отсюда? Или ты и так всё уже знаешь, и поэтому абсолютно спокоен за свое будущее? Я, вот, например, не знаю, кто сюда завтра придет, и чьё займет место – мое или твое...

– Ничего я не знаю, – рубанул ладонью воздух Егор. – Я просто говорю, что на объекте слишком много развелось болтунов, а у нас, между прочим, диверсанты шастают по всей территории. И как, скажи ты мне, в таких условиях сохранять секретность?

Петр с улыбкой на него посмотрел.

– Ах ты, радетель ты наш, за общее дело он беспокоится. А то, что сюда неизвестных чужаков привезли... Вот ты, Королев, кого-нибудь знаешь с того острова, или нет?

Королев вновь пожал плечами.

– Да, вроде бы и нет, кроме рабочего со склада, который мне материал выдавал. Но больше я никого не помню.

– Вот видишь, – крикнул Петр, – не знает он никого! Может быть, среди них тоже есть шпионы, а мы их приютим в нашей теплой компании, и места они наши займут...

– Хотя, нет, – прервал его Королев, – похоже, я знаю еще одного: я с ним в последний день по рации говорил – он-то меня и вывел наружу. А потом я сюда приплыл на капсуле.

Петр удивленно на него посмотрел.

– То есть, ты его вживую не видел?

– Нет, – ответил Королев.

– Ну а хотя бы, как звать его, знаешь?

– Без понятия.

– Отлично, – ответил Тимохин и хлопнул себя по бокам, – ничего мы, выходит, не знаем об этих новичках.

– Стоп! – перебил его Егор, – а нам зачем об этом знать, когда есть служба безопасности – вот пусть они ими и занимаются.

– Да, да, – закивал Тимохин, – а они, тем временем, уже на наши места нацелились.

– Что ты пристал с этими рабочими местами? С чего ты решил, что нас отсюда выкинут? Какие-то паникерские у тебя мысли, знаешь ли. Я считаю так: пока с новоприбывшими не разобрались наши службы, не надо забивать себе голову всякими измышлениями.

Петр кивнул. Остальные ребята тоже неуверенно кивнули, а Королев внутренне обрадовался, что пока его доставать не будут. Откуда в нем родилась такая уверенность, трудно было сказать, но теперь он начал прислушиваться к своим внутренним ощущениям, как ему советовал покойный Наумочкин на Фаяле.

Королев отпил кусок от отмерянного прута и, выпрямившись, сказал:

– Готово!

Тимохин смерил Королева удивленным взглядом и, нетерпящим возражения, тоном ответил:

– Я скажу «готово», когда мы приварим всю эту красоту к ступеням.

При этом он даже не взглянул на работу Королева. А и правильно – чего там смотреть на обрезки арматуры, раскиданные в разные стороны, как бы Королев ни старался их укладывать поаккуратнее. Но не это, по-настоящему, занимало ум Петровича. Тот медосмотр, подобного которому он никогда в жизни не проходил, заставил его вновь вернуться к облику Маргариты Кондрашкиной. «Ну и фамилию ей дали, – усмехнулся Королев. – Может люди, изначально давшие прозвище ее предкам, были не так уж и не правы?» Вот что она делала с ним в том кабинете? Какие анализы брала? Он точно знал, что никто ему не скажет всей правды, если только, окольным путем, например, у Валерия, не прозондировать этот вопрос и не узнать часть правды, которую, может

быть, со временем удастся вытащить из разговоров с другими сотрудниками. Пока этот план витал в голове Королева, Тимохин и слесаря, тем временем, собрались идти к проходной, чтобы там начать восстановительные работы.

– Так, мы уже пойдем, – сказал Петр, – а ты, Королев, оставайся здесь на всякий случай.

– Какой еще случай?

– Ну, мало ли какой: я еще и сам не знаю. Согласись, полюбому сейчас от тебя не будет никакой пользы: «варить» ты не умеешь, а стоять просто так и глазеть на чайк – не самое полезное занятие на этом объекте. Дам-ка я лучше тебе задание вот какого свойства. Узнай, пожалуйста, у Валерия, сколько точно людей прибыло на том втором корабле, и как скоро они приступят к своим обязанностям. Но, самое главное, расспроси у него, есть ли среди них люди наших специальностей. Вот это будет настоящая польза от твоего сидения здесь. И да, могу дать тебе карту-ключ от слесарки, пока мы будем там заделывать ступеньки. Времени у тебя примерно часа три-четыре: мы, как раз, все успеем сделать и вернуться, и лучше тебе быть на месте. Ну как, договорились?

Королев несмело кивнул, не представляя себе, как будет выпытывать сведения у Валерия, когда тот будет злым, наверное, как черт, после такой перспективы покинуть «Цитрон». Да, задал задачку Тимохин, думающий, что Королев какой-то секретный агент, или, шпион местного разлива. Однако, в этой ситуации ничего не поделаешь: слишком уж ма-

ло он проработал в этом коллективе, чтобы ему начали доверять. Он чувствовал, что ему суждено быть на побегушках, пока что-нибудь не изменится в его жизни, и не случиться что-нибудь такое, что заставило бы посмотреть на него по-другому. Он сам до конца не понимал, чего он хочет от этой работы. Если раньше его волновали только деньги, то теперь ему этого было мало и ему нужно было почувствовать свою нужность для этого маленького коллектива. Хотя, при здравом рассуждении, он и здесь себя обманывал: на кой черт ему нужно это ощущение, когда здесь все сами по себе, и никто не будет вступаться друг за друга, если случится очередная диверсия или что там вообще может случиться. В подтверждение этих мыслей, удачно укладывалось странное задание, данное Тимохиным – оно еще больше заставило его почувствовать, что он здесь лишний, что его работа никому не нужна, и что ему, того и гляди, могут указать на дверь.

Тимохин протянул ему пластиковую карточку.

– Если придет Валерий, скажи, что мы ушли на пирс. Когда вернемся – ты не знаешь, а самое главное, ты понял, что нужно узнать, да?

– Да, – ответил Королев.

Тимохин одобрительно похлопал его по плечу.

– Так, мужики, берем всю эту красоту с собой, – он показал пальцем на разрезанные пруты, – вплоть до мельчайшего обрезка; «сварку», молотки, и... Никит, возьми, на всякий случай, ящик с инструментами, чтобы сто раз сюда не бегать.

Никита кивнул и пошел к шкафу, где всё и хранилось.

Не прошло и пяти минут, как все были готовы уходить. Странное чувство испытывал сейчас Королев, глядя на этих молодых ребят, словно видел их в последний раз. Он никогда прежде не доверял своим внутренним ощущениям, ни разу в жизни не прислушивался к случайным мыслям о чем-то важном, что должно было произойти, как в его, так и в чужих жизнях – он верил лишь тому, что видели его собственные глаза. Но сейчас он вдруг ясно почувствовал, что глядит, например, на Егора, и понимает, что вот этим смеющимся карим глазам осталось недолго, в общем-то, «смеяться». Откуда в его голове, до сих пор не отдохнувшей от тех недавних потрясений на Фаяле, появилось это стойкое убеждение, он не в силах был объяснить, но зародившаяся вера в то, что произойдет что-то необычное, укреплялась в нем с каждой минутой. Ему было неудобно хотя бы намекнуть о своих ощущениях Тимохину, опять же мало его знавшего, но он только сказал, чтобы они были поосторожнее.

Кто-то хмыкнул в ответ, как и ожидал Королев, но Тимохин, уже стоя в дверях, вдруг сделал серьезное лицо и сказал: – Всегда готовы, товарищ Королев.

Потом, как полный придурок, заржал на весь коридор и, хлопнув дверью, пошел за своими подчиненными.

– Не удивлюсь, если вы приползете назад пьяными, – сказал сам себе Королев, на этот раз не боясь, что его кто-то услышит, кроме чайки, севшей на камеру наблюдения и сту-

чавшей своим крепким клювом по стеклу объектива. Интерактивное окно больше ничего не показывало, кроме спокойного океана и розовых лап чайки, которая хотела сесть на камере поудобнее и вытащить то, что попало в зазор между корпусом и держателем: иначе Петрович не мог себе объяснить действий чайки, никак не желавшей покинуть этот интересный для нее участок.

Ему не дали досмотреть до конца фильм из жизни птиц: щелкнул замок двери, и в слесарку вошел Валерий.

– Ваши уже ушли? – спросил он.

– Да, только что, – ответил Королев, видя, что Валерий до сих пор не отошел от того разговора на пирсе, хотя прошел уже час, как минимум.

– Вот что мне нужно он вас знать, Григорий Петрович. По вашим заверениям, вы открывали картой-ключом только двери склада и слесарки, так? – задал он тот же самый вопрос, что и несколько часов назад.

– Ну да, а что случилось-то? – спросил Королев, чувствуя, как в нем закипает волна негодования на Валерия, который не понял его с первого раза.

Валерий прокашлялся, и, обернувшись на дверь, шепотом сказал:

– Творится что-то странное. Не могу сказать вам всех деталей, но кто-то проник в отдел сбора информации, что находится уровнем ниже.

Королев спокойно смотрел на вспотевшие очки Валерия

и снова ответил в той же манере, как он обычно отвечал тем, кто не внимательно его слушал:

– Повторяю еще раз: я не был сегодня, да и вчера тоже, нигде, кроме конференц-зала, слесарки, склада и медкабинета. Я даже не знаю, как попасть на нижний уровень: у вас здесь столько хитрых ходов, что мне ни за что не догадаться, какой куда ведет.

Валерий кивнул, очевидно, удовлетворенный таким ответом. Но в следующую секунду задал похожий вопрос:

– А что, если я вам скажу, что на камерах наблюдения видно, как именно вы проходите на нижний уровень; как именно вы открываете дверь информационного отдела, и как, опять же, вы крутитесь вокруг главного компьютера, не обращая внимания на то, что тамошние сотрудники оттаскивают вас от рабочего стола, а вы сопротивляетесь, подобно дикому зверю. Что вы на это скажете?

Королев закрыл глаза и представил, что будет, если он даст в рожу Валерию, этому лгуну и зануде, и как ему потом предъявят обвинения в оскорблении чести и достоинства...

– Послушайте, – сказа Королев, – это всё очень интересно, но мне, честно говоря, не до ваших фантастических грёз. Почему вы не верите мне, я не знаю, но вот, что я вам скажу: я здесь всего лишь сутки, за которые ни один человек не смог бы узнать, где находится этот ваш информационный центр, а также ни за что бы за несколько секунд не догадался, где находится главный компьютер...

Валерий был похож на человека, терпеливо выслушивающего оправдания того, кто, действительно, мог не иметь никакого касательства к тому, в чем только что его обвинили, но, странным образом, был виновен по всем статьям. Он смотрел поверх головы Королева с таким интересом, будто за спиной слесаря третьего разряда разыгрывалась настоящая драма на океане: к чайке, сидевшей около камеры, прилетела вторая, и они стали драться за добычу, которая так быстро мелькала на экране, что невозможно было разобрать за что, собственно, идет такая ожесточенная битва.

Валерий, не дослушав Королева, спокойно сказал:

– Да, мне было очень интересно услышать именно вашу версию, но теперь послушайте и мою. Вы, не понятным мне образом, притащили с Фаяла какой-то чудо-аппарат, и, спокойно пройдя через нашу охрану, воспользовались им, чтобы...

– Чтобы что? – спросил Корольев, чувствуя, что Валерий зашел в тупик. – Что мне было нужно в вашем главном компьютере?

– Не знаю, – ответил, вдруг погрузневший Валерий, и, не прощаясь, моментально вылетел из слесарки.

Корольев, вытерев вспотевший лоб, не мог поверить в то, что сейчас с ним произошло. Он будто смотрел бредовый сон, в котором ему была отведена роль главного героя, и где он всегда был в чем-то виновен. Какие ему надо найти доказательства, чтобы к нему больше никто не цеплялся,

а дал уже спокойно поработать! Он вдруг так захотел вернуться домой, в Москву, что даже готов был терпеть все тещины подколки и странное поведение Ритки, которая была всегда на стороне мамочки. Ему больше не нужна была огромная зарплата, если ценой за это была его честь и свобода. Что еще придумает этот Валерий, поведение которого было очень схоже с тем, как вел себя когда-то покойный Штукк, бросивший ему аналогичные обвинения в преступлении, которого он не совершал. Замкнутый круг повторяющихся событий давал повод для долговременной тревоги, которую Королев не готов был переносить еще раз. Он прекрасно понимал, что нужно бороться за себя, найдя доказательства своей невиновности. Но как это сделать, если никого не было на его стороне: ни слесарей, ни медички, ни Валерия. Он чувствовал себя настолько обессиленным за последние часы, что готов был уже признаться во всех грехах. Нет, он, конечно же, не побежит прямо сейчас сдаваться местным властям, но он чувствовал, что находится именно на такой грани, когда можно плюнуть на всё и отдаться в руки несправедливого суда.

С тяжелым сердцем он смотрел на чаек, поделивших, наконец-то, своего червяка, или что они там нашли около камеры. Глянув машинально на часы, он, с удивлением обнаружил, что прошло два часа, как бригада ушла на пирс. Он не мог себе объяснить, как так быстро могло пролететь время, но факт оставался фактом – двух часов, как не бывало.

И только сейчас он вспомнил, что не узнал от Валерия того, о чем просил его Тимохин, так дрожавший за свое рабочее место.

– Тьфу ты, черт, – сказал Королев и прислушался к быстрым шагам в коридоре. «Это идут сюда, – мгновенно мелькнула догадка. – Мимо идут, или сюда – арестовывать?» Как бы он ни уговаривал себя не паниковать, ничего не получалось. Он хотел было отбежать, на всякий случай, подальше от двери, но не успел: громко щелкнул замок.

Глава 26

Корабли под бортовыми номерами 100 и 404 подошли к третьему причалу, который располагался на северной стороне острова, то есть, противоположной той, где сейчас, на благо компании, трудилась бригада слесарей, латавших лестницу.

Первым пристал к берегу 100-й корабль. В некотором отдалении от него стоял 404-й и ждал, когда освободится место. С 100-го начали выгружать огромные зеленые ящики. Что в них лежало, можно было только предполагать, но, судя по опытному взгляду Штукка, он догадывался, чем они напичканы. Альфред хотел спросить Ральфа об их содержимом, но подумал, что не стоит пока задаваться такими вопросами: меньше знаешь – крепче спишь. Ральф, тем временем, продолжал, не отрываясь, следить за разгрузкой корабля, иногда поглядывая на многокилометровый берег плавающего острова, что, впрочем, занимало его гораздо меньше,

чем то, что происходило сейчас на пирсе. Во время выгрузки ящиков, на берег ступило человек сорок или пятьдесят в военной форме, уверенным шагом направившихся к проходной, где их уже встречали несколько человек в белых халатах.

– Эти ребята здесь надолго останутся, – озвучил свою догадку Штукк.

– Я тоже так думаю, – отозвался Трясогузов. – То есть, они хотят и тут разместить военных, чтоб, так сказать, жизнь медом не казалась?

– Похоже на то, – кивнул Ральф, – и, мне кажется, что вытесняют они нас отовсюду планомерно и методично.

Альфред с тревогой смотрел на эту процессию в военной форме, отмечая про себя, что сейчас эти пятьдесят человек чем-то похожи на движущийся забор, который вот-вот исчезнет в недрах проходной.

На 100-м корабле с разгрузкой явно не торопились, давая себе полную волю распорядиться чужим временем. Это чувствовали все, кто был сейчас на гражданском судне 404, на носу которого сидел в своем кресле Альфред Трясогузов, а позади него стоял Ральф Штукк. Альфред нетерпеливо смотрел на медленную разгрузку и снова его нога стала дергаться, будто здоровая. Штукк уже не обращал внимания на такие мелочи, тем более, что ему было чем занять свои мозги. Он понял, что неторопливое перемещение предметов из пункта А в пункт В может затянуться на несколько часов,

поэтому спокойно перевел взгляд на остров, стараясь определить, что здесь есть интересного, пока их еще держат на открытом пространстве. Он, как и Альфред, долгие годы не покидал своего поста, находясь глубоко под землей и неустанно неся свою службу. Так же, как и Альфред, сейчас он наслаждался красотами, пусть и искусственного, но до умопомрачения реалистично сделанного ландшафта, над созданием которого потрудились настоящие профессионалы.

Плавучий остров имел такое же разделение, как и объект №1. Здесь даже была своя маленькая гора, именовавшаяся «Эверестом», правда высота ее была чуть больше полукилометра. На ней стоял мощный ретранслятор в виде огромной серой тарелки, смотрящей в голубое небо. Штукк также заметил на самой вершине горы два огромных куба, что привело его к мысли о лифтовых помещениях. Хотя, вполне возможно, что они имели другое назначение... Тут размышления Штукка перебил Альфред.

– Слышь, друже, – сказал Трясогузов, – не кажется ли тебе, что мы здесь надолго застрянем?

Штукк кивнул и улыбнулся.

– А разве не об этом ты мечтал Альфи: работать, не покладая рук на таком же острове, а?

Альфред вздохнул:

– Да, тут ты прав – мечты иногда сбываются. Но что-то мне подсказывает, что придется нам здесь не сладко. Ты морально готов к, такого рода, переменам?

– Я еще не знаю, какие перемены нас ждут, но, знаешь, Альфи, я готов ко всему и всегда, как морально, так и физически. И тебе советую поступить также: настройся на позитивный лад и тебе повезет.

– Вот легко же тебе говорить, Ральф, – прошипел Альфред. – Терпеть тебя за это не могу. А если у меня ничего не выйдет, и меня выкинут вместе с моей коляской в океан, тогда как?

Штукк снова спокойно улыбнулся.

– Не переживай, Трясогузов: если бы им было надо, они бы и тебя, и меня расстреляли еще там, на Пику, ну, или сбросили б с корабля на корм акулам – делов-то. А так, привезли нас сюда, как белых людей, кормили всю дорогу, каюты нам отдельные дали, правда, не обошлось без приключений, но я бы, на твоём месте, смотрел бы на ситуацию именно под таким углом. Понимаешь меня, дружище?

– Понимаю, – вздохнул Альфред и стал внимательнее осматривать видимую часть острова.

Он так же, как и Штукк, видел низкую гору, больше похожую на холм. Потом разглядел ретранслятор, лифтовые кубы. Толстяк даже заметил что-то вроде водопада и сказал об этом Штукку. Тот, приглядевшись, подтвердил догадку Трясогузова и снова они оба восхитились работой неизвестных дизайнеров.

На горе рос лес – это уже были настоящие деревья. Кроме далеких маленьких сосен, бросающихся в глаза под лучами

уходящего солнца, было еще несколько пород деревьев, но с такого расстояния, на котором находишь Ральф и Альфред, этого разглядеть было нельзя.

Рядом с горой виднелось обширное поле, на которое садился грузовой вертолет. Что он нес на борту, можно было лишь догадываться, но Трясогузов тут же предположил, что там были свежие овощи и мясо с ближайших островов. В его желудке предательски пискнуло, а потом заурчало. Штукк услышал позывные голодного организма своего приятеля и сказал, что их непременно сейчас же накормят, если только они вежливо об этом попросят.

– Да ты издеваешься, Ральф, – поморщился Трясогузов. – Неужели ты думаешь, что я буду унижаться неизвестно перед кем, в надежде, что мне принесут тарелочку супа?

– Жрать захочешь – попросишь, – добродушно ответил Штукк и добавил:

– Я слышал, что именно здесь, на этой плавучей «умной» механике, делают превосходные котлеты.

Трясогузов удивленно посмотрел на него.

– А что может быть необычного в тех котлетах? И вообще, ты мне сейчас на больной мозоль наступаешь что ли? А то, ведь, у меня тоже есть, чем тебя и удивить и обрадовать.

Штукк, будто не обратив внимания на едкое замечание своего друга, невозмутимо продолжил:

– Так вот, мне также сказали, что эти котлеты делают из разных сортов рыбы, в том числе из электрических скатов,

мясо которых обладает лечебными свойствами.

Альфред вспыхнул:

– Ну, вот наговорят же всякой ерунды, а другие дураки им верят! Ральф, не будь таким наивным: еда, она везде – еда. И я согласен есть только из рук наших поваров, а не вот из этих со скатинным мясом. Тьфу, прости Господи, как это жрут вообще?

– Ничего, ничего, привыкнешь, – улыбнулся Штукк и показал пальцем на 100-й корабль.

– Похоже, разгрузка закончилась. Сейчас и мы пристанем к берегу. Готов к прибытию на новую Землю?

– Готов, – пробурчал Трясогузов и с, еле скрываемой ненавистью, проводил взглядом 100-й, вспенивший воду всеми своими гребными винтами, отходя от причала.

На какое-то время все забыли о пропавшей Светлане, и Альфред вспомнил о ней только тогда, когда Штукк спускал его коляску вниз по гладкому трапу, специально выставленному для инвалида-колясочника. Альфред внутренне с благодарностью оценил этот жест Пушкина, который распорядился насчет такого удобства. Как только колеса его коляски коснулись берега, Трясогузов вдруг обернулся и крикнул:

– А как же наша Светлана?

Пушкин, стоявший на борту, деланно приложил ладонь к уху, будто плохо слышит, и в следующую секунду помахал рукой, как бы прощаясь со всем дружным коллективом острова Пику.

Альфред что-то прошипел вслед удалявшемуся Пушкину, которому нечего было больше делать на корме корабля, и через несколько минут, взревев двигателями, 404-й медленно отчалил от пристани.

– Ну как так, а? – спросил Альфред Штукка.

– В чем дело? – участливо поинтересовался Ральф.

– Как же наша Светлана? Кто теперь ее будет искать?

– Не знаю, Альфи, пусть этим занимается команда корабля или полиция, которая встретит их по прибытии.

– Ты думаешь, будет серьезное расследование? – без всякой надежды в голосе спросил Трясогузов.

Штукк неуверенно кивнул, потом сказал, что попытается по своим каналам узнать, как движется дело. И вообще, он будет, насколько это возможно, держать ситуацию под контролем.

Альфред кивнул, зная наперед, что не такой уж Штукк упрямый человек, чтобы дойти до истины во что бы то ни стало. Он понимал, что если ему будет угрожать какая-нибудь опасность, то Ральф, скорее всего, будет спасать сначала свою шкуру, а потом уже всех остальных. Трясогузов мотнул головой, отгоняя пришедшие к нему совершенно несвойственные ему мысли о Ральфе, как о человеке, способном заботиться лишь о своем спокойствии. Наоборот, Альфред знал Штукка только с положительной стороны, который броситься в огонь и воду за близких ему людей. И ему, как раз дороже шкура Альфреда, чем своя собственная.

Трясогузов вновь мотнул головой, отгоняя и эти мысли: он вообще мало думал о Штукке, как о настоящем друге. Он чувствовал, что кто-то в данную минуту его порядком запутал, будто предлагая совершенно противоположные суждения о его давнем товарище.

– Черт возьми, неужели ретранслятор так на меня действует? – спросил себя вслух Трясогузов, с подозрением посмотрев на огромную антенну, стоявшую на горе.

– Что случилось, Альфи? – тут же поинтересовался Штукк.

– Да, ерунда какая-то лезет в голову: наверное, переутотмился от всех этих событий, гори они огнем, – махнул рукой Трясогузов, не желая посвящать своего товарища в тот бред, который только что сделал из друга врага и наоборот.

– Ничего, ничего: сейчас нам отведут комнату отдыха – там и отоспишься.

– Ну да, я теперь глаз не сомкну, пока не разберусь, что к чему, – сказал Альфред, кусая губы.

– А я тебе говорю – не переживай: всё само собой устаканится, – спокойно ответил Штукк.

– Хотел бы я в это верить, – мрачным голосом отозвался Трясогузов, и, насупившись, продолжал смотреть на злоеущий ретранслятор.

Какое-то время вся команда объекта №1 стояла на пустынном берегу, ожидая, что их встретят. Уже давно ушли грузчики, унося с собой последние ящики с обоих кораблей;

ушли также те, кто принимал корабль с военными, проводив прибывших внутрь здания, расположенного недалеко от берега. Время шло, но никто не выходил навстречу новым гостям.

– Да в чем дело-то? – спросил Альфред, не на шутку сердясь на столь недружественный прием. – Про нас забыли, что ли? Может, крикнуть им, Ральф, что, типа мы здесь стоим, ждем, и оголодали уже совсем. Эй! – крикнул Трясогузов, – есть ли кто живой на этом плавучем чудовище?

– Не ори, Альфи, – тихо сказал Штукк, – это может плохо кончиться.

– Я тебя умоляю! – вскричал Трясогузов. – Мы здесь что, по своей воле, что ли? На экскурсию к ним приехали? Мы, между прочим, такие же полноправные работники, как и все находящиеся здесь...

В этот момент открылись двери проходной. Стекло блистало в лучах заходящего солнца. Навстречу новоприбывшим вышел человек, одетый в серый костюм. Он был похож на концертного ведущего, сбежавшего со своего мероприятия лет эдак пятьдесят назад. Дежурная улыбка и выпученные глаза не понравились ни Трясогузову, ни Штукку. Остальные, прибывшие с ними, были настолько поглощены видом острова, что не обратили на «сбежавшего конферансье» никакого внимания.

– Добрый день! – представился он. – Меня зовут Евстафий Элефантович.

Штукк и Альфред чуть со смеху не покатались, но, внезапно отвернувшись, ценой невероятных усилий подавили этот смех и продолжили слушать «слоновье дитя».

– Мы предлагаем вам пройти внутрь, чтобы отдохнуть и побыть нашими гостями некоторое время.

Штукк с Альфредом удивленно переглянулись. Гостями? На некоторое время? Как это? Вслух, правда, они решили не задавать этих острых вопросов, надеясь, что проблема как-то решится в их пользу. «Конферансье», очевидно, заметил недоумение на лицах новоприбывших, но виду не подал. Он протянул руку, как бы приглашая всех пройти вперед и, дождавшись, когда все пройдут мимо него, неторопливо пошел вслед за «гостями». На ходу он закурил сигарету, выпуская кольца синеватого дыма и зачем-то поглядывая в сторону уходящего солнца.

Когда люди подошли к проходной, их остановила охрана, видимо, ожидавшая, пока Элефантович накурится и проведет новых товарищей внутрь по своему пропуску. Действительно, через минуту-другую, тот бросил окурки на землю и, не затушив его ногой, протиснулся сквозь толпу. Мелькнув своим пропуском перед носом охранника, он махнул рукой, и люди послушно поплелись за провожатым.

Идти им пришлось по такому же длинному коридору, по которому несколько часов назад, только с другой стороны острова, шел их коллега Королев. Их отвели в комнату отдыха, которая, для тех, кто работал на северной стороне «Цит-

рона», была по-особому оборудована. Здесь, кроме обычных кроватей и тумбочек, находились также компьютерные столы с неизвестными приборами, не похожими на те, которые стояли в лабораториях объекта №1. Неизвестные инструменты, лежавшие на столах, невольно притягивали взгляды новоприбывших, но они боялись задавать лишние вопросы, надеясь, что со временем им всё объяснят, или они догадаются сами, если это будет им необходимо. Все видели одно и то же: ромбики зеленого цвета, будто сделанные из изумруда; кружочки из золота, словно рассыпанные древние монеты; кубики из темного материала, похожего на свинец, только легкие, как пушинка. Никто не мешал «гостям» брать загадочные предметы в руки и спокойно рассматривать эти странные вещи, чувствуя, что скоро ими придется воспользоваться. Вот, только, кто и когда им будет всё объяснять, никому не было известно.

Альфреду досталась кровать, стоявшая рядом с одним из таких столов. Он осторожно объехал пластиковую громадину с компьютером посередине, и подкатился к прикроватной тумбочке. Штукк помог ему впихнуть чемодан между ней и кроватью. Расположившись по соседству, Штукк тут же решил спросить старожил о столовой. Те, без особой радости отвечали, что им все скажет их сопровождающий – Евстафий, свет, Элефантович, и что все вопросы нужно адресовывать исключительно ему. Странное поведение сотрудников объекта не понравилось Штукку, но он и виду не по-

дал, что это как-то его задело. Спокойно уложив свои вещи в тумбочку, Ральф пошел в туалет, оставив своего товарища без присмотра, в котором тот, в общем-то, и не нуждался. Тем более что все остальные его сослуживцы были рядом и, в случае чего, не дали бы толстяка в обиду. Трясогузов еще раз оглядел своих коллег и не увидел «Наденьки дорогой»: ей, скорее всего, дали отдельную комнату, как было и на том, оставленном ими, объекте.

Альфред еще немного подождал Штукка. Он подъехал к компьютерному столу, взял в руки темный кубик и подбросил его к потолку. На секунду ему показалось, что кубик завис в воздухе и не спешил вернуться в ладонь Альфреда. Трясогузов тут же списал это случайное недоразумение на усталость после путешествия по волнам и сразу забыл о загадочном предмете, когда рядом с ним оказался Штукк. Когда тот пришел, Альфред попросил его вновь достать чемодан.

– Ральф, помоги еще раз, пожалуйста: вещи-то я забыл разложить, – виновато сказал он Штукку.

– Ничего страшного – бывает, – отозвался Штукк, не поворачиваясь к Альфреду. Трясогузов отметил про себя, что в голосе его приятеля было легкое раздражение, будто за то короткое время, что он был в туалете, произошло какое-то событие.

– Что случилось, Ральф? – участливо спросил Альфред.

– Ты о чем? – вопросом на вопрос ответил Штукк, по-прежнему, стоя спиной к толстяку.

– О том самом, – сказал Альфред. – Тебя кто-то достал, что ли?

Штукк помолчал, потом медленно повернулся, и Трясогузов увидел, как побледнело его лицо. Штукк смотрел на Альфреда потемневшими стеклянными глазами. Его губы медленно разлепились, и он сказал чужим сиплым голосом:

– Я только что видел в туалете своего покойного брата.

Глава 27

Замок щелкнул неожиданно громко. Королев, не успевший вовремя отскочить от двери, так и остался стоять на месте, будто его прибили аршинными гвоздями к полу. Дверь приоткрылась на один сантиметр и он услышал голоса, ворвавшиеся в узкую щель вместе со сквозняком из коридора. Противно дуло в левый глаз и нос, но Петрович не мог отойти от двери, опасаясь, что как только услышат произведенный им шум, то они сразу же сюда ворвутся и скрутят его.

– А я вам говорю, что не надо! – громко сказал один голос, которого Петрович не мог узнать.

– Давайте еще подождем немного, – взмолился второй, очень похожий на голос Валерия.

– Но мы же всё с вами решили! – отозвался третий.

Конец дискуссии положил четвертый голос, который очень четко и громко произнес:

– Всем назад: на северной стороне опять ЧП!

Дверь тут же захлопнулась, и Королев почувствовал, как у него заныла спина, не болевшая ровно две недели. Теперь

же он еле стоял на ногах, по-прежнему не в силах двинуться хоть на миллиметр. Он облокотился плечом о закрытую дверь. Сердце билось, как бешенное, голова гудела, как пустой медный чан, в который били колотушками. Ему было плохо настолько, что он, того и гляди, рухнет на пол, и тогда... А что тогда? Ну, унесут его в медкабинет, или куда там намеревались его отправить.

Тут он услышал, что вся процессия чудесным образом прекратила все разговоры и, развернувшись на месте, о чем ясно дали понять звуки чиркнувших об пол подошв не менее десятка ботинок, удалилась по коридору, бубня что-то нечленораздельное на разные голоса. Королев не мог различить ни одного слова, но он понял, что его оставили в покое на довольно короткое время. Почему они вдруг поменяли свое решение не вламываться в слесарку? Неужели из-за того ЧП они прекратили за ним охоту? Петрович не понимал и, честно говоря, отказывался верить в то, что только что произошло: такого в жизни не бывает в принципе – раз уж пришли за тобой, то обязательно должны или арестовать, или, хотя бы, провести серьезную беседу. Но чтобы вот так – развернуться прямо перед дверью, даже не заглянув в помещение... Нет, здесь творится что-то странное, что не подчиняется никакому логическому объяснению.

Королев еще стоял некоторое время, прислонившись к двери и невольно прислушиваясь к шумам снаружи, но там было тихо, как в школьном коридоре, когда все дети мирно

сидят в своих классах, и внимательно слушают учителя.

Когда он тихонько отошел от двери, то услышал, как вновь в коридоре возник странный шум. По его спине, в который уже раз, пробежал холодок и он почувствовал, как слабеют ноги. Снова кто-то подошел к слесарке. Королеву показалось, что в дверь постучали. Он, затаив дыхание, ждал, когда повторится этот стук. И он повторился. Король на цыпочках подошел к двери.

– Петрович, – раздался бас Тимохина, – ты там уснул, что ли? Открывай, давай!

Король с облегчением выдохнул и нажал кнопку открывания двери.

– Ты чего такой бледный, а? – весело спросил его вошедший Тимохин.

– Да, приходили тут пять минут назад, да входить не стали – передумали, наверное.

– И кто бы это мог быть? – поднял в удивлении бровь Тимохин.

– Без понятия, – ответил Король. – Только, странно всё это.

– Странно, странно, – передразнил его Тимохин. – Ты мне лучше скажи: Валерий, дружок наш странный, приходил, или как?

– Да, – ответил Король, – приходил часа полтора назад.

– Ну и?

– Да, ничего особенного. Наговорил только какой-то ерун-

ды и убежал.

– А что за ерунда такая? – не отставал Тимохин.

– Да, по-мелочи... – начал было мямлить Королев

Тут Тимохин его перебил, очевидно поняв, что ничего путного тот ему сам не скажет.

– Ты узнал от Валеры, кто придет на наши места?

– Нет, – помотал головой Королев.

– Ну, а ты, хотя бы, намекнул ему, что мы здесь все обеспокоены, и находимся в подвешенном состоянии?

– Ничего я ему такого не говорил.

Тимохин хлопнул себя по бокам.

– Зачем он тогда приходил, чудо ты в перьях?

– Я же говорю, по мелочам был разговор, считай, ни о чем, – уклончиво ответил Королев, явно не удовлетворив любопытства Тимохина. Он, хотел, было, задать еще несколько наводящих вопросов, но тут в слесарку вошел Егор, а, следом за ним и остальные ребята.

– Ну, чо, как дела, Королев? – с ходу спросил Егор, зачем-то протягивая ему руку.

– Нормально, – ответил тот, пожимая крепкую грязную ладонь в ответ.

– И у нас нормально: все щели заделали, почти всю площадку поправили. Завтра снова пойдем – доделать кое-что надо.

– Понятно, – тихо отозвался Королев.

– Так, – сказал Тимохин, – считаю рабочий день закончен-

ным, можете расходиться кто куда хочет. И да, завтра приходите на час раньше – будем заказ один делать: нужны все рабочие руки. Это всем понятно?

– Да, – отозвался весь коллектив, и бригада стала потихоньку расходиться.

– Ты сейчас куда? – спросил Егор Королева.

– В столовку, наверное.

– И мне туда надо.

– Ну, надо, так надо – пошли, – отозвался Королев и открыл дверь слесарки. – Пока, ребят, – сказал он.

– Пока, пока, – ответил за всех Тимохин.

Петрович вышел в коридор. Холодный воздух, нагоняемый кондиционерами, приятно освежил вспотевшую голову, и Королев, закрыв глаза, прошел так несколько метров, пока не уперся носом в стену.

– Ты смотри, куда идешь-то, – весело сказал Егор, – а то, наскочишь на какого-нибудь «кренделя», и будет тебе потом премия!

– Да ладно, устал я что-то сегодня.

– От чего это ты устал, интересно мне знать? – удился Егор.

– Сам не понимаю, – пожал плечами Королев. – Еще несколько дней назад чувствовал себя бодрячком, а сегодня чего-то расклеился – погода, наверное.

– Какая еще погода? На улице – благодать: солнце жарит, как бешенное, на небе ни облачка, птички летают – мошек

всяких ловят, будто тут и впрямь настоящие джунгли растут. Что ты? Сейчас только жить, да радоваться! – он подмигнул Королеву. – Ладно, я вперед пойду, а то всё вкусное съедят. Ты там давай, не отставай! – и он побежал вперед, словно опаздывал не в столовую, а на свидание.

Королеву не хотелось спешить: он и впрямь чувствовал себя не на высоте. Ломило спину, и глаза видели не так хорошо, как вчера. Было впечатление, что всего лишь за одни сутки ему на плечи повесили лишних двадцать килограммов свинца и при этом заставили идти быстрее и бодрее. Но никакой радости, а тем более бодрости он не ощущал, мечтая лишь об одном: лечь в кровать и забыться крепким сном. Он даже готов был пожертвовать ради этого ужином, но понимал, что если не поест, то протянет ноги.

До столовки он шел так долго, что ему показалось, будто прошло полдня, прежде чем он добрался до заветной двери.

Он подошел к раздаточному столу. Взяв картошки-пюре, небольшой кусок жареной рыбы, несколько кусков помидора и пять перьев зеленого лука, Корольев прошел со своим подносом поближе к тому столу, над которым висело маленькое интерактивное окно. Оттуда была видна восточная часть острова, та самая, на которой был распложен местный «Эверест». Петрович, поставив поднос на стол, уперся взглядом в искусственную гору, на которой виднелась огромная «тарелка» ретранслятора. Рядом с ней были два бетонных куба, назначения которых Корольев не знал, да и предположить не

мог, что это могло быть: с воображением в последнее время что-то у него не ладилось. Он пожевал суховатую рыбу, заел ее картошкой, попробовал кусок помидора, кислого, как лимон, и, наконец, закончил свою трапезу перышками зеленого лука, запив это все холодным компотом. Ему было не радостно на душе: нелепые подозрения Валерия, обвинившего его, черт знает в чем, сегодняшней приход неизвестно кого, и, так и не открывшего двери слесарки, что испугало его больше, чем, если бы за ним действительно пришли. Страх неизвестности пугал его похлеще тех беспочвенных обвинений, которые ему бросили в лицо, не удосужившись сначала всё проверить, а уж потом делать из него преступника. Настроение было препаршивейшее, если не сказать хуже. Он посмотрел на «Эверест», заметив там какое-то движение: люди в зеленой форме, с автоматами наперевес, группой в десять-двенадцать человек, ходили по вершине горы-холма и что-то осматривали среди деревьев и кустов. Один человек отделился от группы и направился к «тарелке», стоявшей на огромных железных подпорках. Он смотрел в сторону ближайшего берега, расположенного к северу, и, наконец, приложился к биноклю, висевшему на его шее. Что-то подозрительное он заметил в бескрайних просторах Атлантики, но что, можно было лишь догадываться. Смотрел он долго, практически не отрываясь от окуляров, потом, повернувшись к своим товарищам, что-то им крикнул. К сожалению, на панели управления интерактивного окна не было кноп-

ки приближения изображения. Королев подумал, что такой экран был выбран не случайно – чтобы посторонние люди не рассматривали детали этого объекта. Наверняка, эта гора хранила свои секреты, и лучше бы о них не знать простому смертному.

Петрович перевел взгляд на кусочек океана, видневшегося в маленький экран. Он заметил, что в некотором отдалении от острова стоят несколько кораблей. Наверное, охраняют базу от внезапного вторжения, или чего-то ждут: может, за продукцией приплыли, или еще по какой надобности...

Королев вздохнул, снова вспомнив неприятный разговор с Валерием и, доел, наконец, свою остывшую картошку. Тарелку он оставил на столе, хотя здесь было самообслуживание. Народу в столовке практически не осталось, кроме, разве что какого-то инвалида-колясочника и здорового рыжего человека в черной форме охранника. Те разговаривали о чем-то своем. Человек, сидевший в коляске, был невероятно толст и весил, скорее всего, не менее ста тридцати килограммов, но, похоже, ему не было это в тягость: он был настолько увлечен разговором со своим товарищем, так легко размахивал руками и раскачивался в стороны во время этой беседы, что Королеву показалось, что этот человек вовсе и не инвалид, а просто присел на свободное место в виде инвалидного кресла, и после еды спокойно встанет и уйдет на своих ногах. Тут толстяк чему-то весело рассмеялся, в отличие от своего приятеля, который был серьезен, как человек,

которому поручено ответственное задание, и он ни в коем случае не должен расслабляться ни на минуту.

Королев засмотрелся на этот интересный тандем, на который ему, почему-то было приятнее смотреть, чем на полусекретную гору со снующими по ней людьми с автоматами.

Он, кряхтя, встал из-за стола и пошел к ближайшему банкомату, стоявшему около выхода, чтобы проверить свой счет. Вставив карточку в щель приемника, он дал команду показать баланс. Через секунду вышла такая информация: «На вашем счете 15 рублей 00 копеек. Спасибо, что пользуетесь услугами Сбера».

Он, разинув рот, стоял возле аппарата, не веря своим глазам: за то время, пока он последний раз проверял баланс, прошло около полутора месяцев. На карточке должно было быть, минимум четыреста, или пятьсот тысяч, а тут пятнадцать рублей! Да как так-то?

Он обернулся, в надежде прояснить ситуацию хоть у кого-нибудь, наивно полагая, что ему всё сейчас внятно объяснят те, кто сами являются всего лишь рядовыми сотрудниками на этом объекте. Петрович снова повернулся к аппарату и повторил все свои действия с проверкой баланса. Через секунду он получил другой ответ: «На вашем счете миллион четыреста тысяч рублей, ноль ноль копеек. Спасибо, что...»

Королев вытер вдруг вспотевший лоб. Это что сейчас было, а? Что за ерунда здесь творится? Может, еще раз всё проверить, или пойти уже спать, чтобы посмотреть баланс зав-

тра, на свежую голову? Вопросы мелькали в голове Петровича, как велосипедные спицы. Он никак не мог решиться отойти уже от аппарата и покинуть эту странную столовую.

– Вам помочь чем-нибудь, уважаемый? – спросил его рыжий охранник, тот, что сидел за одним столом с инвалидом.

Королев, обернувшись, ответил:

– Нет, спасибо, я разберусь.

Охранник, однако, не спешил переводить свой взгляд на какой-нибудь другой объект для созерцания, а продолжал упрямо смотреть на Королева, будто сделал для себя уже какие-то выводы, и теперь будет действовать, согласно внутреннему распорядку.

– А если еще раз подумать? – вновь обратился он к Петровичу.

Было похоже на угрозу, и Королев, чувствуя, что этот козел просто так от него не отстанет, вжал голову в плечи, и, не выдержав больше взгляда охранника, выбежал из столовки. За спиной хлопнула дверь. Он бежал по коридору, оглядываясь каждую секунду, опасаясь, что охранник бросился за ним вдогонку, и если он его настигнет... А что будет дальше, одному Богу известно. Петрович бежал, не останавливаясь, до самой комнаты отдыха. Когда он, наконец, до нее добежал, то, похлопав себя по карманам, вспомнил, что дверь ему просто так не открыть: придется искать Валерия с его чертовым пультом. Да, эти нововведения с отменой личных пропусков давали дополнительный повод нервничать по пу-

стякам. Он постучал в дверь, в надежде, что его кто-нибудь пустит, но ответа не было. Королев, не зная, куда теперь идти, просто сел на пол, прислонившись в стене, и стал ждать, пока хоть кто-нибудь придет, ну, или откроет дверь изнутри, если там вдруг проснутся. Надо же так попасть с этим дурацким ужином. Конечно, ему одному никто не откроет просто так эту проклятую дверь и, по-хорошему, нужно было идти вместе с бригадой до комнаты отдыха, а там бы ее уже открыл Валерий, или кому сегодня поручена эта суперответственная миссия.

От пришедшей внезапно скуки, в голове Петровича неожиданно возникло одна мысль. Он никак не мог вспомнить, что хотя бы раз видел инвалида в комнате отдыха, если тот, конечно, не работал в другую смену. А может быть, он работает в другой части острова? Или... Или, что? Ни к какому выводу Королев так и не пришел, но вопрос остался неразрешенным. А у него всегда так: если он что-то для себя до конца не проясняет, значит дело стоит того, чтобы им заняться, ну, или хотя бы, не забывать об этой, якобы, мелочи. Однако, Петрович, все-таки о ней благополучно забыл, когда увидел в дальнем конце коридора гигантскую фигуру того, кто жутко напоминал Королеву микробиолога Люттэ. Тот шел неспеша, вразвалку. Королев, по-прежнему сидя на полу, помахал ему рукой – Люттэ не ответил: видимо был занят своими мыслями. Петрович не стал больше предпринимать попыток обратить на себя внимания и стал спокойно

дождаться прихода здоровяка.

Тот шел довольно долго. Петровичу показалось, что он вообще не торопится дойти до комнаты. Всё это напоминало дурной сон, в котором был, собственно, не тот самый здоровяк, а его призрак. Королев зажмурил глаза и «подержал» их в таком состоянии минуту, как давно ему советовал психолог на его предприятии, когда он в молодости стоял у станка. Тогда психолог говорил, что зажмурив глаза, в мозгу происходят своеобразные реакции, которые способствуют его «пробуждению», если вдруг произошел какой-то легкий сбой, или посетили странные галлюцинации, не испытываемые раньше человеком. Петрович подождал, на всякий случай, еще одну, дополнительную, минуту и открыл глаза: никакого Люттэ в коридоре не было! Вот это сюрприз от собственной головы! Петрович не на шутку испугался. Всё тело вмиг покрылось испариной, и он подумал, что неплохо бы сейчас обратиться к Маргарите Кондрашкиной: пусть она и подвергла его странному осмотру, но она, всё же, врач, который может дать ценный совет по этому инциденту. Черт возьми, что же с ним все-таки происходит?

Позади него щелкнул замок. Дверь открылась и несколько человек вышли из комнаты отдыха. Королев поднялся на затекшие, от неудобного сидения, ноги, и вошел в комнату. Он бросился на ждущую его целый день кровать, и провалился в бездонную тьму.

– Кого ты там увидел? – переспросил Трясогузов.

– Брата своего, – повторил Ральф и снова отвернулся.

Трясогузов пожевал в раздумье губы и сказал:

– Ты знаешь, обычно после любого переезда, у человека в мозгу...

– Заткнись, Альфи, без тебя тошно, – сказал Штукк.

– Понял тебя, брателло – затухаю, – ответил толстяк. – А без меня и впрямь иногда тошно бывает, правда?

Штукк ничего не ответил. Он достал из своего чемодана маленький фальшивый сейф со встроенной, в одном из его металлических углов, миниатюрной видеокамерой, и положил его в тумбочку, где уже лежала часть его личных вещей.

Трясогузов, отметив про себя эти мелочи, вновь вернулся к загадочному кубику. Он, как ребенок, увлекшийся своей игрушкой, никак не мог поверить в то, что сейчас перед ним предстало. Как только он вновь подбросил кубик, тот также, как до разговора с Ральфом, завис на короткое время под потолком, едва не касаясь кондиционера. Это было ему уже знакомо. Но потом началось что-то, действительно, из ряда вон выходящее. Кубик, повисев в воздухе, вдруг поплыл в сторону от Трясогузова и оказался в руке какого-то товарища, которого Альфред уже где-то видел. Он напряг память, на минуту забыв о кубике. Где он мог встречать это лицо: на корабле, на Пику, или же здесь, на берегу «Цитрона»? Нет, определенно, он видел его очень давно, и, может быть, даже не на архипелаге. Но то, что лицо человека, державшего в

руке его кубик, было Альфреду знакомо, в этом не было никаких сомнений.

Тут его внимание вновь вернулось к кубику.

– Как вам это удалось? – крикнул через всю комнату Трясогузов. Незнакомец приложил указательный палец к губам, хотя все, кто находился сейчас в комнате, прекрасно видели весь этот эпизод из жизни загадочного предмета.

– Потом как-нибудь расскажу. А теперь идите в столовую – ужин стынет.

– А как же поспать? – спросил его Трясогузов, улыбаясь так, будто с ним затеяли какую-то забавную игру и он с удовольствием принимает ее не озвученные правила – лишь бы весело было, и без вреда для окружающей среды.

– Спать будете после еды – качественный сон зависит от вовремя принятой пищи, – сказал незнакомец.

– Первый раз о таком слышу, – ответил Трясогузов, явно не понимая, почему ему нельзя прилечь хотя бы на часок.

Ральф подошел к нему и, похлопав по плечу, сказал:

– Давай, Альфи, не спорь: видишь, люди тоже собираются идти. Не надо нам отделяться от коллектива на первых порах, а то, знаешь, как бывает с незнакомыми людьми?

– Ну и как же?

– Очень просто – не примут и всё. Будешь изгоем на всю оставшуюся жизнь: нужно людям сразу понравиться, иначе будет поздно.

– Вот только не надо всякой ерунды говорить! – вскипел

Трясогузов. – Если уж ты не понравишься людям, то ничто здесь не поможет. А знаешь почему? Человеческое нутро очень чувствительно к чужакам вроде нас. И если они нам сразу же выкажут свои симпатии, то так оно и будет, пока сами всё не испортим.

Тут к ним подошел тот самый, кто «перехватил» кубик.

– О чем спорите, друзья мои? – спросил он, улыбнувшись. Его улыбка тот час напомнило Альфреду улыбку Пушкина, офицера с 404-го корабля. И, вроде бы, даже загар такой же, и, может быть, заряжен он оптимизмом ровно настолько, что и впрямь под стать Пушкину.

– Да, вот спорим, есть в столовой пироги с капустой или нет, – сказал Трясогузов первое, что пришло в голову.

– У нас там всё есть... – начал, было, незнакомец.

– Как в Греции? – перебил его Трясогузов, по-прежнему старясь показать себя простым веселым парнем.

– Вот именно, товарищ, как в ней.

– Прекрасно. Тогда мы едем, правда, Ральф?

– Правда, – кивнул Штукк и рассмеялся, не в силах больше сдерживать горьких эмоций по поводу увиденного в туалете призрака, моментально поменяв при этом «минус» на «плюс». Его способность мгновенно превращать испуг и удивление в спасительный смех, поражали Трясогузова всякий раз, как только он это видел. Вот и сейчас толстяк внутренне восхитился выдержкой Штукка, который ни единым лицевым мускулом не выдал своего недавнего смятения.

Незнакомец засмеялся в ответ и протянул широкую ладонь Штукку:

– Меня зовут Семен Павлович Полозов. Я психолог широкого профиля, ну и немножко фокусник. – При этих словах он показал кубик, до этой минуты лежавший в его ладони. Как только он раскрыл свою ладонь, в следующую секунду кубик просто испарился, как кусок льда. Трясогузову даже показалось, что от ладони психолога поднялось маленькое облачко то ли дыма, то ли пара. Никакого запаха толстяк при этом не почувствовал, значит, это был всё-таки пар. На этом его маленькое расследование закончилось.

– Ничего себе! – удивился Трясогузов. – Такого я точно еще не видел!

– И не увидите – это очень энергозатратная, как бы поточнее выразиться, демонстрация. Обычно я делаю всё гораздо проще, но сегодня мне захотелось хоть кого-нибудь по-настоящему удивить.

– И это вам удалось, черт побери! – вскрикнул Трясогузов, – Bravo, маэстро! – он захлопал в ладоши, как ребенок в цирке. Люди, наблюдавшие эту картину, молча улыбались и старались не мешать Полозову делать свое дело.

– Ну что, вы готовы идти в столовую, или так и будете аппетит нагуливать? – с улыбкой спросил Полозов Штукка.

Тот кивнул и помог Альфреду повернуть его коляску к выходу.

Они шли втроем по длинному коридору – строго на юг.

На «Цитроне» была одна общая столовая, до которой добрались приблизительно одинаковое время, как с южной, так и с северной стороны. Альфред за веселым приятным разговором и не заметил, как они добрались до столовой. Помещение было битком набито людьми, но около раздаточного стола стояла лишь короткая очередь, так что ждать пришлось недолго.

Когда веселая тройка сотрудников приблизилась к салатам, стоявшими перед всеми остальными блюдами, Трясогузов сразу взял себе тарелку «советского салата», как было указано на этикетке, прислоненной к похожей тарелке, стоявшей чуть дальше. Салат представлял собой обычную нарезку из помидоров и лука колечками. Вся эта красота была слегка припорошена свежим укропом и полита подсолнечным маслом.

– Соль по вкусу, – сказал Альфред, поставив салат на поднос, и тут же протягивая руку за мягким черным хлебом.

Раздатчица, услышав его слова как-то странно отреагировала на его размышления вслух:

– Здесь соли достаточно, товарищ. А если вас что-то не устраивает, для этого есть «Книга жалоб и предложений».

Альфред открыл рот, но через секунду сообразил, что это дело нельзя так оставлять, и внутренне приготовился к ответу.

Сотрудница столовой бросила им в пустые тарелки какую-то жижу, которую, на такой же бирке, как на салатах,

назвали овсяной кашей, но Альфред знал толк в кашах и понял что это совсем не овсянка, а нечто другое. Он сразу же отреагировал и на эту подделку, и на возмущивший его жест работницы, небрежно швырнувшей им маленькую порцию неизвестного продукта.

– Ей все должны, что ли? – возмутился Трясогузов, нарочно сказав это громко, чтобы все слышали. – Или муж скот и дети уроды, да?

Раздатчица зло на него посмотрела и продолжила с ожесточением раздавать еду «гостям», которых, в общем-то, не ждали и не хотели здесь видеть.

– Уймись уже, Альфи, – сказал Штукк, готовый и сам ответить взбалмошной сотруднице, никак не желавшей понять, что люди устали и хотят просто поесть в спокойной обстановке.

– Да шас! – вскричал он. – Какое-то мурло, извините, будет мне тупые замечания делать, а я должен молчать? Харя не треснет?

Всё это он сказал, не отрывая своего гневного взгляда от свиных глазок раздатчицы, очевидно, стремясь довести ее до белого каленья. Ему даже понравилась эта схватка, в которых он был мастер, благо жизнь научила его общаться с подобными хамоватыми особами. Он продолжал с вызовом смотреть на притихшую раздатчицу. У той шевелились посиневшие губы, но вслух она ничего не говорила. Альфред победно глянул на Штукку, но тот отвернулся от своего дру-

га, терпеливо ожидая, пока люди, стоявшие перед ним, закончат наполнять свои подносы.

– Компот не забудьте! – вновь крикнул Альфред, явно надеясь на новую схватку. Раздатчица плеснула в стакан желтоватой жижи с тремя мятыми черными ягодами, и поставила его перед Трясогузовым. Тот не стал говорить спасибо, хотя краешком мозга, понимал, что можно было, таким образом, попытаться сгладить острый угол. «А, впрочем, черт с ней», – подумал толстяк и, положив поднос на рукоятки кресла, поехал вслед за Штукком, который уже нацелился на свободный столик.

– А ты скандальный малый, как я погляжу, – сказал Штукк, откусив половину свежего огурца, заедая его черным хлебом.

– Да, я такой, – тут же отозвался Альфред. – Ты же знаешь – я редко молчу, когда меня достают. Это ты у нас, как скала – крепкий и нерушимый. А я не такой: мне нужно сразу ответить, иначе я замкнусь на проблеме и начну комплексовать, а я очень этого не люблю. Поэтому, только вперед, товарищ, на мины – без всяких отступлений и долгих раздумий.

– Но я всегда видел в тебе человека разумного, умеющего огибать острые углы, – сказал Штукк, поднимая на него глаза.

Альфред вздохнул, очищая зеленоватый банан.

– Не всегда, знаешь ли, получается их огибать: иногда приходится идти напролом, если, конечно же, нет риска сло-

мать себе шею.

– Ну, с этой-то особой ты явно ничего не боялся, так ведь? – Штукк кивнул в сторону раздаточного стола.

– Конечно же нет. Это вообще мелочь, – спокойно сказал Трясогузов, дожевывая банан и приготавливаясь отвезти «советский салат». – У меня с такими разговор короткий.

– С какими такими? – никак не унимался Штукк.

– С теми, кто лезет в бутылку, Ральф. Слушай, не перебивай себе аппетит – давай, лучше вон, набивай себе пузо, пока опять куда-нибудь не позвали. Чует мое сердце, что мы здесь спокойно сидеть не будем.

– У меня тоже такое ощущение, – отозвался Штукк, – причем тот самый Полозов намекнул мне, что здесь стряслось что-то серьезное, и теперь все, как на иголках.

– Да, а что такое? – спросил Альфред нахмурясь, отчего его лоб покрылся глубокими морщинами.

– Не знаю пока, но Полозов сказал, чтобы мы были ко всему готовы, иначе можно попасть под раздачу.

Альфред откинулся на спинку кресла.

– Ты знаешь, вот сейчас я вообще ничего не понял. Ты можешь мне поточнее объяснить, что здесь произошло?

– Нет, не могу я тебе ничего сказать определенного: мне как сообщили, так я тебе и передаю – ни больше, ни меньше.

– Да? Ну, ладно – будем тогда есть, что дают, как говорила моя бабка.

– И то верно, – ответил Штукк, наворачивая салат, и глядя лишь в свою тарелку, словно боясь пронести мимо рта хоть мельчайший кусочек.

Трясогузов тоже, уставясь в стол, съел последовательно кашу, салат, подъял весь хлеб, выпил компот. Как только он сделал последний глоток, сразу же рассмеялся, словно вспомнил забавный анекдот.

– Ты чего это, а? – спросил Штукк, невольно отрываясь от салата.

– Да так – нервы, наверное, пошаливают.

– Смотри, поаккуратнее с этим.

– Спасибо за предупреждение, – ответил Альфред и снова некстати рассмеялся, раскачиваясь из стороны в сторону. Этот момент как раз и наблюдал издаലെка слесарь Королев, стоявший рядом со своим столиком, собираясь идти к банкомату. Трясогузов не видел, как тот сделал первые шаги к аппарату, но Штукк, будучи чрезвычайно внимательным, обратил внимание на этого гражданина. Народа в столовой, к тому времени, почти не осталось, и поэтому Королев был, как на ладони. Штукк, не отрываясь, следил за его нервными манипуляциями около банкомата, а потом предложил свою помощь. Королев странно отреагировал на это добродушное обращение и после повторного предложения, сорвался с места и выбежал из столовки. Штукк удивленно смотрел ему в след.

– Да, ну и кадры у них тут работают, – сказал он, доедая

последние колечки репчатого лука.

Альфред молча пережевывал остатки хлеба – ему явно хотелось что-то сказать, но он либо сдерживался, либо что-то вспоминал, отчего морщины на его лбу стали еще резче и глубже.

– Ты чего, дружище, притих? – спросил Штукк.

Альфред поднял на него вопросительный взгляд, но через мгновение, будто стряхнул с себя оцепенение, странно при этом дернувшись всем телом, отчего кресло слегка закачалось.

– Ты знаешь, – сказал он тихо, – по-моему, я где-то видел этого чувака.

– Да, и где же?

– Вот, хоть убей, не могу вспомнить. Но его «физия» мне определенно знакома. Черт, где я видел этого невротика?

Ральф доел, наконец, свой лук и, неспеша потягивая холодный компот, откинулся на спинку стула.

– Ты знаешь, Трясогузов, мне кажется, этот тип был на нашем острове, и, по-моему...

– Точно! – выкрикнул Трясогузов, – он это!

– Блин, да кто он-то?

– Тот самый, что сбежал с острова! Ну, тот, которого я «вел» до ангара с капсулами. Как же его... Царьков? Корольков? Не помню. Но это точно тот самый «кекс», единственный оставшийся в живых!

– А ты, прям, точно в этом уверен? – спросил Штукк, по-

казывая полное равнодушие к вдруг проснувшейся памяти Трясогузова.

Альфред переменялся в лице: оно вмиг стало посеревшим и каким-то скучным.

– Вот ты сейчас спросил, и я чего-то вдруг засомневался. может это и не он вовсе. – У толстяка был такой потерянный вид, словно он упустил что-то важное в своей жизни, и чтобы это вернуть, потребуется истратить вторую половину этой жизни. Штуку стало жалко своего товарища и он, улыбнувшись, сказал:

– Не расстраивайся так, Альфи, пусть даже это и тот самый Корольков-Царьков, это уже не так важно. Главное, что ты выполнил свою задачу и спас человека, а всё остальное – мелочи жизни. Ты со мной согласен?

– На все сто, – тут же отозвался Трясогузов, и улыбнулся ему в ответ.

– Ну, вот и прекрасно. А теперь, давай-ка, собираться до дома, до хаты.

– Давай, – ответил Альфред и включил моторчик на своей коляске.

До комнаты отдыха они добирались дольше, чем когда ехали в столовую. Их новый товарищ, Полозов, ушел раньше них, поэтому им пришлось вспоминать дорогу самостоятельно, путаясь в лабиринте коридоров, на стенах которых не везде были развешаны указатели. И только благодаря случайным прохожим, им удалось, наконец-таки добраться до

своей комнаты и заснуть крепким сном.

Альфреду снились беспокойные сны, где по океану плавали акулы, киты, электрические скаты со своим очень полезным мясом: они весь сон норовили ударить Трясогузова током, но тот ловко от них уворачивался, как большой вёрткий угорь. А в одном из фрагментов ему привиделась пропавшая Светлана, которая что-то ему говорила, но он ее не слышал...

Ральф же спал, как здоровый младенец, которому всё ни почем. Его сон был самым крепким в этом беспокойном мире. Человеку с чистой совестью нечего бояться: у него нет никаких поводов для бесконечных неврозов, никто не может выбить у него почву из-под ног – одним словом – скала, а не человек. Его мощная грудь спокойно вздымалась при каждом вдохе, приподнимая тонкое верблюжье одеяло, и его огромные легкие, забиравшие чуть ли не весь воздух в комнате, отдавали потом приличную порцию углекислого газа, с чем, впрочем, удачно справлялись мощные кондиционеры, гнавшие свежий морской воздух.

В то время, пока все спали, кто-то, на дальней восточной стороне острова, решил поиграть с гравитацией, нажав ради развлечения соответствующую кнопку. В комнате отдыха, в которой спали Трясогузов, Штуக்க, Полозов и другие, со всех столов поднялись те самые загадочные предметы, аккуратно сложенные кучками. У многих поднялись одеяла, а те, кто любил спать в одежде, сами приподнялись в воздухе, прав-

да, это не было никому не видно – вся комната спала, как убитая. Кому понадобилась эта шутка с отключением гравитационного поля, можно было только догадываться. Но вопросы здесь стояли другие – зачем это нужно было делать, и каким будет наказание для шутника? Этот кто-то давал повод для лишних разбирательств, которые собирались устроить те, кто наблюдал эту забавную картину – это были охранники, всю ночь дежурившие в коридорах и почувствовавшие на себе, как отрывались от пола их стулья, на которых они сидели, дав отдых натруженным за день ногам.

Пока спало все северное крыло, испытывая на себе все прелести антигравитационного шутовства, в южном тоже происходили кое-какие «шалости». Медик Кондрашкина, оставшись в своем кабинете на ночь, вдруг почувствовала, что за ней кто-то следит. Она оторвалась от своих бумаг и тревожно оглянулась, боясь кого-нибудь там увидеть. Никого не было. Она выдохнула, но вслед за этим послышался еще один выдох – где-то в глубине кабинета, ближе к шкафам, где хранились лекарства и инструменты. До шкафов было несколько метров – пять или шесть, не больше. Кондрашкина хотела, было, вскочить с места и броситься к выходу, но тут она подумала, что вряд ли успеет, поэтому надо сидеть, как ни в чем не бывало. Она спокойно открыла ящик своего стола, на дне которого лежал маленький блестящий пистолет, бывший всегда при ней после одного памятного трагического случая. Подумав еще раз, она сосре-

доточилась на посторонних звуках, надеясь вновь услышать чужой вздох. Иногда, правда, бывало, что так работала вентиляция, но сегодня ее звуки очень уж напоминали человеческие, и Кондрашкиной это, ух как, не понравилось. Она сидела, не шевелясь, несколько долгих минут, однако, тех звуков больше не повторилось. Маргарита задвинула ящик, медленно встала из-за стола, и, сняв свой рабочий халат, пошла к выходу, заранее протянув руку к выключателю.

Как только она открыла дверь, то сразу же нажала клавишу на стене, погасив свет. Захлопнув дверь, она посмотрела на охранника, сидевшего на стуле недалеко от ее кабинета, и увидевшего, наверное, десятый сон о мирной жизни на материке.

Она осторожно тронула его за плечо – охранник вздрогнул и выронил книжку в мягкой обложке. Он открыл глаза, потом зажмурился, потом снова их открыл.

– Рит, ты что ли? – спросил он, зевая.

– Да, – тихо ответила она. – Протокол номер три – быстро.

– Ты в своем уме – ночь на дворе? – удивленно спросил охранник, потягиваясь ото сна.

– Я сказала – быстро! – вновь повторила она.

– Ну, хорошо, хорошо, чего орать-то?

Охранник подошел к двери ее кабинета. Проверил закрыта она или нет. Потом достал из кармана две толстые таблетки, своим размером похожих на крышки от трехлитровых банок. Он приляпал «таблетки» по разным сторонам двери

и поочередно ударил по ним кулаком. Те мгновенно начали плавиться и растекаться вдоль щелей, бывших между дверью и косяком. Процедура эта заняла не больше пятнадцати секунд. Когда все щели были заделаны герметичным составом, охранник нажал какую-то кнопку, расположенную рядом с дверью.

– Ну, вот и всё, – сказал он, – через пятнадцать минут можете пользоваться своим любимым кабинетом, – сказал он и вновь сел на стул, закрыв глаза.

– Спасибо, – прошипела Маргарита, – хорошо, что долго уговаривать не пришлось.

– Всегда пожалуйста, – пожал плечами охранник, не открывая при этом своих глаз. – А что там было-то?

– Не твое дело: дезинфекция мне нужна, вот и всё.

– Тогда понятно, – ответил он, зевая и отворачиваясь в другую сторону от навязчивой медички.

Она еще походила по коридору, поглядывая на часы, а потом, открыв дверь, смело зашла в кабинет, надеясь там обнаружить бездыханный труп непрошенного гостя. Воздух из коридора с шумом вошел в кабинет, подняв при этом длинные волосы Маргариты и бросив их ей на лицо. Она тут же откинула растрепанные волосы, включила свет и впи-лась взглядом в пространство кабинета: по третьему протоколу, выкачав из помещения весь кислород, мгновенно образовавшийся вакуум должен был умертвить любое живое существо, которое сюда проникло.

Осмотрев все «закоулки» и мертвые зоны, Кондрашкина никого не обнаружила. Пожав в недоумении плечами, Маргарита вновь села за свои бумаги и погрузилась в работу: завтра нужно отчитываться перед начальством.

Глава 29

Королев проснулся раньше всех. Несмотря на то, что он вчера вымотался, как последняя скотина, он довольно бодро встал на ноги, и, приняв в туалете водные процедуры, собрался идти в слесарку, тем более, что времени уже оставалось не так много – Петрович помнил наказ начальства явиться на час раньше. Столовая «пролетала» мимо. Да и потом, есть ему не хотелось – аппетита никакого не было, и лучше он позже сходит на обед, если не будет никаких изменений в его рабочем графике.

Королев шел по коридору и вспоминал, как вчера Тимохин говорил о каком-то важном заказе, и о том, что сегодня потребуются все рабочие руки. «В том числе и мои», – усмехнулся Петрович, не веря в то, что он, наконец-то, вольется в их дружный коллектив. По дороге он встретил Валерия. Тот был красный, как рак. Не поздоровавшись с Королевым, он прошел мимо быстрым шагом, бубня что-то себе под нос. Королев оглянулся, в надежде, что Валерий тоже оглянется и хотя бы кивнет ему. Но тот шел, не сбавляя ходу, в сторону комнаты отдыха, явно не замечая проходивших мимо людей, так же в удивлении смотревших на спешащего человека, забывшего о манерах. «А еще очки надел», – по-

думал Королев и улыбнулся древней шутке.

Он пришел в слесарку раньше всех. Комната была открыта, что было нарушением внутреннего распорядка, и кто-то понесет за это ответственность. Слава Богу, что Королев ушел вчера первым из слесарки, торопясь в столовую.

Интерактивное окно работало в прежнем режиме: его никто не выключал на ночь – пусть атмосфера искусственно расширенного пространства сохраняется целыми сутками – таково было странное решение начальства, о чем еще в первый день прибытия Королева на «Цитрон» вскользь упомянул Валерий. Но какая муха его сегодня укусила? Неужели он все-таки подозревает его, Королева, в том, что тот проник в информационный центр, и пока всё не разрешится, так и будет держаться от него на безопасном расстоянии? Всё может быть на таком объекте, но это так угнетает. Королев вздохнул, зная, что ему придется еще долго смиряться с таким положением. Он вновь посмотрел на экран: спокойный океан застыл зеленоватым монолитом, словно его остудили за ночь, превратив в, немыслимый по размерам, кусок льда, иногда поблескивавший в лучах восходящего солнца. Чистый горизонт рождал в голове фантазии, что там, далеко отсюда, есть спокойное место, где, кроме молчаливой природы, непуганых животных и вечно растущих съедобных плодов, ничего больше нет. Наверное, там и есть рай, до которого не доплыть ни на каком корабле. Королев с тяжелым сердцем отвел взгляд от экрана, когда открылась дверь сле-

сарки. В щель просунулась нечесаная голова Егора.

– А ты как здесь оказался? – спросил он Петровича.

– Так же, как и ты – просто вошел.

– Как это ты вошел – без пропуска?

– Дверь была открыта, – спокойно ответил Королев.

– Да ладно, быть того не может? – возмущенно сказал Егор и подозрительно посмотрел на Петровича. – Чего-то ты мутный какой-то, Королев.

– Чего ты хочешь? – спросил Петрович. – Я тебе говорю: дверь была открыта. Хочешь, скажем потом Валере, и пусть он по камерам посмотрит, кто отсюда уходил последним?

– Скажем, непременно скажем, – ответил Егор, – только сначала, ответь мне: ты вчера был в столовой?

– Ну да, мы же вместе туда шли, только ты вперед убежал.

– Это я помню, – сказал Егор, резко кивнув, – но я, почему-то, тебя там не видел.

Королев пожал плечами.

– Вот этого я точно не знаю, почему ты меня не видел. Хочешь, мы и этот факт установим посредством камер?

Егор помолчал. Потом, взяв в руки маслянистую тряпку, начал протирать ею патрон токарного станка. Он молчал, словно ему нечего было сказать, или он, будто затаил зло на Королева, который вел себя настолько уверенно и смело, что ему боязно было что-то предъявлять. Егор оглянулся через плечо.

– А ты знаешь, Королев, я, ведь, сначала принял тебя за

очередного стукача, которого к нам Валера приставил, чтобы высматривать, да вынюхивать.

Королев посмотрел на него, как на мальчишку, только что понявшего, что дважды два – это, действительно, четыре.

– И что же тебя убедило в обратном? – спросил он, ожидая услышать любой ответ от этого наивного работяги.

– Даже и не знаю, – пожал плечами Егор, – чуйка, что ли, подсказывает, или еще что. Не могу, короче, этого объяснить.

– Понятно, – ответил Королев.

Вновь открылась дверь слесарки. Точно также в щель просунулась голова Никиты.

– Ох ты, а чего это вы тут делаете? – весело спросил он.

– Работать пришли, не видишь что ли? – буркнул в ответ Егор.

– Да уж вижу, работнички. А где начальство наше, родное?

– Спит, наверное, – ответил Егор, не отворачиваясь от металлического барабана, который он, очевидно, старался натереть до зеркального блеска.

– Ну, спит, так спит, – сказал Никита, и достал электронный планшет, чтобы посмотреть последние новости, или почту проверить, хотя Королеву еще там, на Фаяле, сказали, что все гаджеты на объекте находятся под запретом. Он посмотрел на Никиту, увлеченно листавшего электронные страницы своего устройства, но ничего не сказал: в конце

концов, это дело начальства, которое, как известно, всех мудрее на свете.

Долго им ждать не пришлось. После того, как Никита включил свой планшет, спустя три минуты появился Петр Тимохин.

– Ну, что, орлы, приступим к нашему заданию?

– Ага, – отозвались все трое.

– А где Серега?

– Да кто ж его знает? Мы думали, он с вами придет, – отозвался Никита, по-прежнему не отрываясь от экрана планшета.

– Так, все лишние предметы – с глаз долой! – подчеркнуто громко сказал Тимохин. Никита нехотя отключил планшет и засунул его в свою сумку, стоявшую рядом с токарным станком.

– Теперь слушайте задание, – сказал Тимохин. – Сегодня нам нужно сварганить болты из меди для лопастей гребных винтов нашего «Цитрона».

На лицах слесарей появилось такое изумление, что Тимохин не выдержал:

– Ну, да, они больше, чем стандартные болты, а что поделаешь – никто за нас этого делать не будет!

Королев, внимательно наблюдавший за реакцией рабочих, осмелился спросить, насколько они отличаются от обычных болтов.

– Скажем так, – ответил Тимохин, – в отверстие для та-

кого болта поместится твоя рука. Для тебя это достаточно большой размер или как?

Королев молча кивнул и приготовился слушать дальше.

– На складе остались медные болванки, только их придется доставлять на тележке. Сейчас Королев и Никита пойдут туда. Ищите там всё, что соответствует данным размерам, – с этими словами он вынул из кармана промасленную бумажку и отдал ее Никите. – Потом, грузите материал на телегу и везите сюда. А дальше уже наша работа: распиловка, обработка, нарезание резьбы, ну и, конечно же, транспортировка – эту миссию также возложили на наши плечи. Угадайте, кто пойдет к ремонтникам?

Все дружно ткнули пальцами в сторону Королева.

– Совершенно верно, товарищи, – сказал Тимохин. – Ты, ведь, не против прогуляться по объекту, Королев?

– Нет, – ответил тот, понимая, что ему никуда не уйти от этого ответственного задания.

– Вот и прекрасно! А теперь – за работу. На нее нам отвели четырнадцать часов, так что придется пахать, как папа Карло.

– Пошли, – тихо сказал Никита, и Королев поплелся за ним на склад.

Они пришли в соседнее помещение. Там было по-прежнему пыльно и скучно, так же, как и в прошлый раз, когда Королев набирал там пруты для лестницы. Недолго повозившись около дальних стеллажей, Никита, наконец, крикнул:

– Нашел! Давай, подгребай сюда.

Королев подошел с телегой к Никите и увидел толстенные медные болванки, покрытые пылью и слегка позеленевшие от окисления морским воздухом, нагоняемым сюда вентиляцией.

– Так, берем осторожно одну «дуру» вдвоем. Только надо действовать с умом – у меня спина болит.

– У меня тоже, – сказал Королев.

– Вот видишь: послали двух калек на тяжелые работы. Ладно, справимся – ерунда всё это. Вот как они будут их резать и обрабатывать – это уже другой вопрос. Меня точно туда не поставят, я уже знаю.

– Почему, ты же опытный токарь? – удивился Королев.

– Кто тебе сказал, что я опытный? Ты в курсе, что я здесь всего три месяца работаю, так что никакого опыта у меня нет. Я вообще, по жизни, программист, и надеялся здесь получить должность по своему профилю. А мне сказали, что им и так своих гениев хватает, и что иди, мол, друг сердешный, туда, куда тебя направят, иначе вернут тебя в твой родной Барнаул и будешь ты мыкаться в поисках работы до конца своих дней.

– А разве там не нужны программисты? – спросил Королев.

– Где, в Барнауле? Ты смеешься, что ли: мне там сразу сказали, что моя узкая специальность годится только для двух столиц, а чтобы там жить, нужны деньги, а денег у меня

отродясь не было, вот и пришлось идти сюда. Хорошо, что хоть не отказали... Так, ладно, чего-то мы с тобой заболтались, а дело стоит. Давай-ка, поднимем аккуратно это бревнышко и перенесем его на нашу тележку.

Они вдвоем подхватили довольно увесистую болванку, и осторожно положили ее на дно телеги. Потом Королев нашел еще несколько таких же болванок. Работа спорилась. За каких-нибудь полтора часа они нашли сорок заготовок. Телега была полна цветным металлом, и сдвинуть ее с места было не так легко, как казалось сначала.

Довезли весь материал до слесарки. Под дружные аплодисменты своих товарищей, Королев с Никитой вкатили тележку внутрь. Тимохин похлопал по плечу Королева, отметив его высокие заслуги перед Отчеством, и пообещал, что Сергей выточит ему медную медаль и приколет ему на грудь, когда тот будет спать.

– Спасибо, – сказал Королев.

– Всегда пожалуйста. Обращайся еще! – ответил Тимохин и вернулся к делам насущным.

– Так, значит: Сергей, Егор, и я – к станкам. Никита будет на подхвате, а Королев... Тебе поручается распиловка болванок. Тисков такой ширины у нас нет, так что придется пилить на столе – Никита тебе поможет. Ты сегодня нарасхват, – Тимохин хлопнул Никиту по плечу и тот напряженно улыбнулся: было заметно, что ему это неприятно, но он сдерживается, как может.

Королеву пришлось работать в поте лица, ворочая эту проклятую медь и еле справляясь с вязким металлом. Полотно ножовки постоянно застревало в узкой щели распила, и он чуть ли не матерился всякий раз, когда оно грозило сломаться. Наконец, с помощью Никиты, который поддерживал болванку, ему удалось справиться с первой заготовкой. Ребята закрепили ее в токарном станке и начали обрабатывать, делая из нее огромный болт. Когда работа шла полным ходом, Тимохин объяснил Королеву, что этих болтов нужно сорок восемь штук – по восемь на каждую лопасть. Лопастей в гребном винте – шесть штук, и при помощи этих болтов они крепятся к ступице. Такие винты называются гребными винтами с переменным углом наклона лопастей, это нужно для регулирования тяги, не меняя скорости вращения винта. Здесь экономится и топливо и идет меньший износ электрооборудования.

– На этом острове несколько типов таких винтов! – сказал Тимохин, стараясь перекричать шум станков, визжавших сегодня не по-детски, хотя до этого они работали без посторонних звуков. – То, что мы сейчас делаем, так это для винтов больших размеров: в поперечнике они достигают десяти метров, и каждая лопасть примерно четыре с половиной или четыре семьдесят, плюс диаметр ступицы. Короче – монстры, а не винты!

Тут Тимохин отвернулся от Королева и пошел к Сергею проверять надежность крепления болванки в патроне. И

вновь закипела работа. Скрежет, дым, опилки – необходимые сопутствующие «явления» при такой работе. Королев иногда посматривал в сторону токарей, у которых частенько «летели» резцы из-за резкого соприкосновения с вязким металлом. Никита постоянно бегал от одного станка к другому, забирая резцы и подправляя их на точильном камне.

Работа продолжалась уже десять часов, когда в слесарку позвонили по внутреннему телефону. Тимохин подбежал к аппарату.

– Алло! – крикнул он сквозь шум обрабатываемого металла. – Да, заканчиваем! Еще десять осталось! Хорошо, принято!

Он бросил трубку и сказал Королеву, что им дали еще два часа, за которые им надо доделать всю работу.

– А вдруг не успеем? – спросил Королев.

– Надо успеть, иначе придется переносить всё на завтра, а там другие дела запланированы.

– Понял, будем стараться, – ответил Королев.

– Правильно, – ответил Тимохин, – тебе деваться-то некуда: не будешь стараться – никто держать здесь не будет: закон джунглей, понимаешь ли. И потом, никто, кроме нас, этого делать не будет.

Королев кивнул и вернулся к своим недопиленным болванкам. Никита уже ждал его около рабочего места, уложив заготовку на толстую тряпку, чтобы было минимум скольжения меди по поверхности стола.

Справившись, наконец, с очередной заготовкой, Королев сел передохнуть, с нескрываемым удовольствием наблюдая, как работают другие люди. Медные стружки и опилки сыпались в поддоны токарных станков, иногда падая мимо. Да, придется кому-то, в конце рабочего дня, подметать полы в слесарке, но только не Королеву – он теперь очень занятой человек, которому поручена доставка ценного груза. Странно, что именно ему Тимохин доверил это ответственное задание, учитывая, в чем подозревал его Валерий. Или Тимохин не в курсе того, что наговорил Королеву его куратор? А и черт с ними со всеми: если надо делать дело, значит надо – поздно оказываться. Да и как откажешься, когда все на тебя смотрят, и одновременно кивают, подтверждая правильность решения начальства? И вообще, мужик он или кто? Королев инстинктивно расправил плечи, как бы демонстрируя их необъятную ширину, правда, никто из коллег не обратил на это внимания и не восхитился внушительными размерами цыплячьего тела Королева.

Прошло еще полчаса, когда всё, наконец, было готово. Болты, блестящие под светом неоновых ламп, погрузили на ту же тележку, на которой они были привезены со склада. Королев взялся, было за ручку тележки, но Тимохин остановил его:

- Ты как собираешься добираться до места назначения?
- Ну, пойду коридором, а там спрошу у кого-нибудь...
- Чудак-человек – спросит он. Нет, товарищ, здесь рабо-

тает другая метода. Сейчас отойди с телегой подальше от интерактивного ока, в которое ты любишь пялиться, и посмотри, что будет дальше.

С этими словами, Тимохин достал из кармана маленький пульт управления, почти такой же, какой был у Валерия, и нажал кнопку. В ту же секунду дрогнул пол и в разные стороны разъехались огромные металлические пластины, прежде не замечаемые Королевым. Искусно пригнанные друг к другу пластины, скрывали платформу, стоявшую чуть ниже пола. Тимохин нажал еще одну кнопку, и платформа задрожала, приподнимаясь на несколько сантиметров, чтобы четко дойти до уровня пола.

– Теперь вставай на платформу вместе с телегой. На тебе каску с фонарем, – сказал Тимохин, подавая пластиковую оранжевую каску. – Кнопка фонаря у тебя на затылке – помни об этом. Батарейки новые, так что трать, сколько хочешь. Всё – пошел!

С этими словами, Королев встал на платформу. В этот момент боковые панели поднялись, превратившись в довольно надежные, на вид, поручни. Королев схватился за них и платформа, снова дрогнув, неспеша поехала вниз. Королев смотрел на своих товарищей, по мере его погружения вниз, становившихся всё выше и выше, пока их ноги не скрылись из виду. Королев погрузился в полную тьму, наполненную таинственными звуками работы многочисленных механизмов, спрятанных в недрах плавучего острова. Он надел кас-

ку и включил фонарь, чтобы было хоть что-нибудь видно. Но кроме неровных стен, больше напоминавших земляные, чем металлические, он ничего не видел. Пару раз он, правда, заметил пробежавших мимо больших пауков, но те, скорее всего, испугались неожиданного света, ворвавшегося в их спокойную жизнь.

Спускаясь по глубокому темному колодцу, Королев прикинул, что едет уже минут двадцать. У него затекли ноги, и вновь стала побаливать спина, а ему еще тележку толкать. Ну и угораздило же его согласиться на эту поездку, будь она неладна. В следующий раз надо быть более настойчивым и требовательным, и не соглашаться просто так на сомнительные...

Тут его мысли перебила резкая остановка платформы.

– Приехал, наконец-то! – сказал кто-то из темноты, попыхая красным огоньком сигареты.

– Здравьете, – сказал Королев и осторожно вывез ценный груз с платформы.

Глава 30

Трясогузов проснулся без будильника. Штукк уже ушел принимать водные процедуры. Людей встало не так много – большинство еще спали, как суслики, закутавшись в свои одеяла, хотя в комнате было жарковато. Альфред приподнялся на кровати, потянулся, сделал коротенькую зарядку для верхней части туловища и, дотянувшись до кресла, привычным способом перелез в него. Толстяк подъехал к ком-

пьютерному столу.

– А компом можно здесь пользоваться? – спросил он тех, кто проснулся.

– Вот только вопрос – зачем? – ответил ему кто-то, лица которого он не разглядел, потому что не всматривался, да и не надо ему это было.

– Поиграть хочу, – сказал Альфред, тут же найдя кнопку включения системного блока.

– Играть нужно в другом месте, товарищ, а здесь исключительно серьезная работа, – ответил тот же голос и хихикнул. Это привлекло внимание Трясогузова и он, наконец, оглянулся: говоривший с ним человек был вчерашний фокусник-психолог Полозов.

– Здравсьте-пожалуйста! – обрадовался Трясогузов. Полозов подошел к нему и пожал толстяку руку, когда тот протянул свою пухлую теплую ладонь.

– Ну чё, поиграть-то можно, али как? – вновь спросил Альфред.

– Конечно можно, – ответил Полозов, – они для этого тут и стоят, только к ним давно никто не подходит: на рабочих местах насмотрелись, знаете ли, глаза ломаючи, – он похлопал рукой по пыльному монитору, за которым давно никто не следил.

– Вот и прекрасно! Сейчас мы и посмотрим, что тут у нас стоит, – сказал Альфред и, увидев знакомое меню старого Уиндоуса, удовлетворенно хрустнул пальцами.

– Давненько я не брал в руки шашек, – сказал он, забыв, на секунду, что Полозов по-прежнему стоит у него за спиной.

– Да уж знаем, знаем, как вы их не брали, – промолвил он, наблюдая, как ловкие пальцы Трясогузова ищут подходящую программу на панели управления.

– Ага, вот оно! – крикнул толстяк, отыскав древнюю игрушку середины нулевых годов, где какой-то человечек убежал от круглых уродцев, стрелявших в него красными шариками.

– И для этого компьютер просто необходим, – сказал Полозов, усмехнувшись.

– А вы что думали, конечно! – ответил Альфред, заставив человечка преодолеть первое препятствие в виде движущейся плиты, на которую тот ловко запрыгнул и побежал дальше.

– Вы завтракать не хотите? – вновь обратился к нему психолог.

– Как же не хочу – очень даже хочу, – ответил Трясогузов, – вот только пройду первый уровень, и сразу же бегом – к тарелке утреннего счастья!

Сделав несколько ходов, и поняв, что без практики не так уж легко справиться с этой простой, на первый взгляд, игрушкой, он, без всякого сожаления, выключил компьютер, и поехал за Полозовым.

– Ах ты, черт, мне же нужно Ральфа дожидаться! – воскликнул Трясогузов, как только оказался у самого выхода.

– А где он?

– Был в туалете, – ответил толстяк. – Да мне и самому тоже не мешало бы сходить: спасибо, кстати, что напомнили.

– Но я, ведь, ни единым словом... Впрочем, да – причинно-следственная связь: ваш товарищ, туалет, проснувшаяся, вместе с вами, нужда...

«Какой же ты зануда», – подумал про себя Трясогузов, но ни единым движением своего тела не дал этого понять Полозову.

– Как вы всё четко по полочкам разложили-то! – деланно восхитился Трясогузов.

Психолог одобряюще кивнул толстяку, мол, всегда рад помочь, и пошел к выходу. Потом остановился на полпути и обернулся.

– Надеюсь, дорогу вы сами найдете? – спросил он Альфреда.

– Конечно, найдем, не переживайте, – ответил тот, заезжая в туалет.

То, что он увидел, въехав в довольно тесное помещение, было, как в какой-нибудь мелодраме. Ральф, этот огромный сильный человек, стоял в углу и плакал, как ребенок.

– Ральф! – окликнул его Трясогузов. – Ты чего ревешь, как девочка?

Штукак шмыгнул носом, крякнул, потом подошел к раковине и высморкался.

– Болен я, Альфи. Сильно болен, – сказал он, шумно выдыхая воздух из своих легких. Трясогузову показалось, что

он услышал едва уловимый хрип, но, боясь сказать об этом Штукку, решил тонким намеком помочь ему ненужным советом:

– Может, к врачу сходить, а?

– Может и сходить, – повторил за ним Штукк. – Думаешь, ты один такой умный? Раз они тебе здесь не помогли, почему ты вдруг решил, что они могут помочь мне: я, что, по-твоему, из другого теста сделан?

– Ну, не знаю – разные случаи бывают, – отозвался толстяк. – И, потом, у меня же необратимые процессы, так что...

– Какие еще случаи, Альфи? – спросил Штукк, оборачиваясь к нему. Трясогузов увидел темные круги под глазами Штукка и красный, с полопавшимися сосудами, нос. Он так переменялся за каких-нибудь пятнадцать минут отсутствия в комнате отдыха, что Трясогузову показалось, что он ошибся дверью, и что это вообще не Ральф, а кто-то другой, прикинувшийся им, на время, человек. Он продолжал на него с удивлением смотреть, пока Штукк, наконец, не вывел его из состояния оцепенения.

– Да, ладно, Альфи, разберемся. Скорее всего, я простыл от сквозняка: у меня, ведь, там, на Пику, не было в комнате ни одного кондиционера. Я еще тогда распорядился, чтобы их у меня сняли.

– А как же ты дышал без вентиляции? – удивленно спросил толстяк.

Штукк на секунду задумался, будто что-то вспоминая, хо-

тя и так было понятно, что ему просто не хотелось об этом говорить даже такому надежному человеку, как Альфред. Потом, решил, что всё равно тайна, рано или поздно, откроется.

– Я горстями глотал кислородные таблетки – они-то и восполняли нехватку кислорода в моем организме.

– Но зачем ты это делал?

– Потому что кондиционеры убили бы меня через месяц, а может и раньше. В детстве я очень тяжело перенес пневмонию и с тех пор, малейший сквозняк, или случайный ветерок, может сильно мне навредить. Короче, слаб я легкими, вот и все. Подозреваю, что мне недолго осталось: вон опять кашлять стал и сопливать.

– А если это обычная простуда и ты на себя наговариваешь? – никак не унимался толстяк.

– Нет, не наговариваю. Я чувствую, что мой организм не справится с этими чертовыми кондиционерами, а их тут полным полно.

– А если тебе выпросить отдельную комнату? – спросил Трясогузов, мысленно прокручивая варианты, как это можно устроить.

– Не реально, – ответил Штуцк, и вытер руки об полотенце, висевшее рядом с раковиной. – Мы только прибыли сюда, и вдруг мне отдельную комнату? Не смешно, Трясогузов – не бывает такого.

Тут толстяк неожиданно вскипел:

– То есть, как не бывает? Еще как бывает! Так, короче, я

займусь твоей проблемой, пока она не занялась тобой, а ты, тем временем, старайся поменьше попадать под сквозняки: как это у тебя получится, не знаю, но будь аккуратен. Лады?

Штукк неуверенно пожал мощными плечами, как бы говоря, что эта авантюра никогда не удастся новичку, тем более такому скандалисту, как Трясогузов.

Толстяк же, сделав все свои дела в туалете, больше не стал тратить время на разговоры со Штукком, и, тут же, после выхода в коридор, помчался в столовую, забыв про Ральфа, который остался в комнате отдыха. Теперь у толстяка была задача номер один: найти свободную комнату для Штукка, или отыскать здесь хорошего врача, который бы решил проблему с легкими Ральфа.

Когда он доехал до столовой по нужному маршруту, которой легко вспомнили его руки, поворачивавшие кресло в нужных направлениях, он тут же отыскал Полозова.

– Здравсьте еще раз, – кивнул он психологу.

– Привет, – отозвался тот, насаживая на вилку морскую капусту. – Очень, кстати, рекомендую этот продукт: богат йодом и прочими полезными металлами...

– Спасибо, непременно воспользуюсь вашим советом, – перебил его Трясогузов. – Тут вот какое дело. Мой товарищ, ну вы его видели, уверяет, что болен неизлечимой болезнью, а именно тяжелыми осложнениями после давно перенесенной пневмонии.

– Так, так, – заинтересованно сказал Полозов, откладывая

уже пустую вилку в тарелку, где была целая гора этой морской капусты.

– Дело в том, что ему очень вредят кондиционеры, от которых идет сквозняк, и он, когда попадает в область, так сказать, этого воздействия, начинает сильно простужаться, и, в конце концов, сильно заболевает. Он мне говорит, что скоро может умереть от легкого ветерка, и что ему нужно отдельную комнату без кондиционеров. И да, еще момент – он горстями глотал кислородные таблетки. От них могут быть побочные эффекты, как вы думаете?

Полозов откинулся на спинку стула.

– Побочные эффекты могут быть от чего угодно, даже от долгой медитации. Читали недавние статьи, что некоторые люди с ума сходили, когда сидели по нескольку часов в позе лотоса? Там же тоже нужно определенное время, чтобы только дать необходимый толчок организму для запуска необходимых процессов расслабляющего действия, а потом он сам найдет нужные пути для восстановления...

– Всё это очень интересно, доктор, – перебил его Трясогузов, – но я хочу вас спросить: можно ли помочь Штукку с его проблемой?

Полозов удивленно на него посмотрел.

– Как, вы сказали, его фамилия? – спросил он.

– Штукк. Ральф Штукк, – ответил Трясогузов, не вполне понимая, что, собственно, заинтересовало Полозова.

– Скажите, а не тот ли это Штукк, который на Фаяле был

главным...

– Нет, – махнул рукой Альфред, перебивая Полозова, – это его родной брат. А тот, скорее всего, погиб, как и все остальные после того инцидента.

– Понимаю, – закивал Полозов и снова отправил вилку капусты в рот.

– А что, собственно, вас смущает? – спросил Альфред, совершенно не представляя, как теперь действовать дальше.

– Нет, нет, дорогой друг, меня ничего не смущает. Просто, когда я работал еще на первом объекте, лет эдак пять тому назад, мне довелось встретиться с его братом в, не очень, я бы сказал, благоприятных условиях.

– Произошло что-то серьезное?

– И да, и нет, – ответил Полозов, вновь подхватывая капусту и отправляя ее вслед за предыдущей порцией.

Он долго жевал пищу, богатую разыми металлами и минералами, и, похоже, не спешил с ответом, которого с нетерпением ждал толстяк.

Тут он прожевал, наконец, свою капусту, и внимательно посмотрев на Трясогузова, вдруг спросил:

– А у вас со здоровьем всё в порядке?

Альфред выдохнул, чувствуя, что тот хочет соскочить с темы.

– А вы разве не видите – у меня чудная крепкая коляска, которая послужит еще ни одному поколению. И после этого вы думаете, что у меня проблемы со здоровьем? Да я силен,

как бык, и быстр, как Аполлон.

Психолог, не отрывая от него своих серых глаз, спокойно сказал:

– Понимаю ваше негодование, но, думаю, что смогу помочь вашему товарищу, только будет это не бесплатно.

Трясогузов с подозрением окинул мешковатую фигуру Полозова.

– Что вы имеете в виду? И если вы говорите о деньгах, то за этим дело не станет: у меня оклад на Пику был полмиллиона, и это в худшие дни...

Полозов поднял руку, останавливая Трясогузова на полуслове.

– Не нужны мне ваши деньги. Есть вещи, которые дороже любых денег, и мне нужна ваша помощь.

– Что вы имеете в...

– Давайте поговорим об этом позже и не здесь: очень много, знаете ли, ушей в последнее время, развелось на этом острове. И, скажу вам заранее, ничего странного и опасного я от вас не попрошу. Так что, идите спокойно к раздатчице, которой вы, кстати, вчера успели нахамить, и попробуйте взять у нее еды. А вдруг получится? – сказал он и рассмеялся.

Трясогузов не ожидал такого необычного разговора, но, тем не менее, спокойно развернул свое кресло и с виноватой рожей поехал к раздаточному столу. Он, еще издали, смотрел на толстуху в белом халате так, словно ему было и плохо, и противно, и тошно. Всем своим видом, он показывал, что

готов был провалиться сквозь землю, лишь бы она облагодетельствовала его тарелочкой дымящегося супа с небольшим кусочком мяса, размером с синицу или воробья – не больше, и что-нибудь из вторых блюд, типа рисовой каши с во-о-он той жареной утиной ногою, как написано в вашем прейскуранте. А все остальное – на ваше усмотрение.

Она видела, как толстяк подъехал к столу с высокими железными полками, на которых стояли салаты, десерты, разные соки с компотами. Раздатчица разок окинула равнодушным взглядом жалкого толстяка. Через минуту она посмотрела на него еще раз: толстяк чуть не плакал, взирая на нее красными глазами. И когда она в третий раз глянула на это жалкое подобие человека, сердце ее не выдержало и она рывкнула:

– Ну и чего стоим, смотрим? Набирайте уже, чего вы там хотели!

– Я много чего хотел, только мне туда не дотянуться, – жалобным голосом сказал Трясогузов.

– Что, руки коротки? – сказала она громко, явно празднуя победу.

Губы толстяка побледнели, и он, еле сдерживаясь, постарался спросить как можно спокойнее:

– Скажите, «Книга жалоб и предложений» по-прежнему висит на своем месте?

Раздатчица устало посмотрела в потолок.

– Куда же ей деться-то: висит, родная, справа от вас – в

конце очереди.

Трясогузов с тоской оглянулся: за ним тянулся такой огромный «хвост», что разойдется он только к обеду.

– Ладно, уговорили, – сказал он, вытирая губы. – Рис, утку, борщ, компот и, пожалуй, всё. Нет, еще хлеба восемь кусков.

Она посмотрела на него наглым взглядом, ожидая, что толстяк еще чего-нибудь выкинет, но тот молчал, вновь вернувшись мыслями к Штуக்கு.

Раздатчица ухмыльнулась, но дала всё, что он заказывал. К своему удивлению, работница услышала тихое «спасибо» от Трясогузова, однако, переспрашивать не стала, дабы вновь не нарваться, а то вчера пришлось валидол глотать пачками, и этот противный запах до сих пор стоял у нее в носу.

Трясогузов привычным жестом поставил поднос на ручки кресла и поехал к столу, где до сих пор сидел Полозов.

– А вот и я! – воскликнул Трясогузов, ставя поднос напротив тарелок психолога.

– Вижу, что вы, – улыбнувшись ответил Полозов. – Что взяли на этот раз?

– Смотрите сами и любуйтесь, – ответил Трясогузов, готовясь, для начала, проверить на зуб степень прожарки утиной ножки.

– А вы гурман, как я погляжу, – сказал Полозов, и Альфред отметил про себя, что у того в глазах мелькнуло что-то

вроде едва заметной зависти.

– Вам, наверное, нельзя жаренное? – тут же спросил Трясогузов, нисколько не скрывая своих способностей мгновенно реагировать на то, на что реагировать необходимо, чтобы любой человек чувствовал, что он слаб и недолговечен. И потом, Альфреду не понравились «некие» условия, заранее поставленные ему Полозовым.

– Да, вы правы, – ответил психолог, – мне, к сожалению, уже не испытать радости от того, что лежит сейчас на вашей тарелке: печень, знаете ли, не в очень хорошем состоянии.

Трясогузов мысленно поаплодировал своей наблюдательности, и, не давая передышки психологу, как бы, между прочим, намекнул:

– Вы знаете, я тут читал в одной книжке, что путем гипноза можно лечить многие болезни. Так ли это, или опять всё врут?

Полозов снова откинулся на спинку стула.

– Товарищ Трясогузов, вы же не это хотели меня спросить, правда? – его глаза сверлили толстяка так, будто пытались залезть в самую его душу, открыв, тем самым, все тайны.

– Как не это? Нет, я, как раз и хотел вас спросить о пользе гипноза, если она, конечно, есть.

Полозов закивал, будто соглашаясь ответить на этот вопрос, но в следующую секунду сказал:

– Если думаете, что способны поглумиться над стариком,

так вы жестоко ошибаетесь. Вы думаете, что так просто можете уйти от сделки, которую я вам хочу предложить? Не выйдет, дорогой товарищ: слишком многое стоит на кону, а именно, здоровье вашего приятеля. Я еще вчера, как только вы оба вошли в комнату отдыха, сразу заметил, что у него, да и у вас, огромные проблемы со здоровьем. Так что, не советую вам менять своего решения, которое вы, несомненно, уже приняли, только боитесь в этом признаться...

– Какое еще решение? – начал было Трясогузов.

Полозов вновь поднял руку в останавливающем жесте:

– Давайте не будем валять дурака: нам здесь всем не долго, в сущности, осталось. Через месяц-другой от этого объекта камня на камне не останется, а вы, понимаешь ли, как мальчишка, игры со мной затеяли. Не дальновидно поступаете, товарищ Трясогузов. Лучше подумайте вот о чем: когда здесь всё развалится, кто спасется от разрушительной силы, которая... Впрочем, я забежал далеко вперед, но вот вам мой совет: лучше не тяните со сделкой – ведь, на самом деле, она такой пустяк, о котором и говорить-то не стоит.

– Да что за сделка-то? – спросил Трясогузов, чуть повысив голос.

– Вы еще погромче скажите, чтобы ваша любимая раздатчица услышала, и побежала докладывать, кому не надо.

Трясогузов виновато закричал.

– Прошу прощения, не сдержался.

– В этом, как раз, и есть ваша основная ошибка – несдер-

жанность. И проистекает она от вашей внутренней злобы на весь мир из-за вашего, как бы помягче, увечья. Я прав?

Трясогузов не ожидал, что его могут кольнуть в болезненное место, хотя, он и сам не лучше, когда несколько минут назад намекнул о проблеме со здоровьем у Полозова. «Да, что посеешь, как говорится», – подумал Трясогузов.

– А вы проницательный человек, как я погляжу, – сказал Трясогузов.

– Нет, ну что вы: я всего лишь психолог-теоретик, не более того. Но вы, однако ж, не забывайте о нашем разговоре. Я сейчас убегаю на одну консультацию, а вечером мы вернемся к нашему разговору, лады? – спросил он, легко вставая из-за стола и взяв поднос с тарелками в руки. – Ну, до вечера, – улыбнулся Полозов, но Трясогузова передернуло от этого не вполне дружеского оскала. Толстяк лишь кивнул в ответ, провожая мрачным взглядом того, кому посмел так неосмотрительно открыться. Еще ему не понравилось одна мелочь, а именно то, что Полозов повторил его любимое словечко «лады», которое на объекте употреблял только он один, и очень этим гордился. Очевидно, психолог хотел «забрать» у него это ощущение собственной неповторимости, пусть и проявлявшейся в такой мелочи, как это словечко, давая, тем самым понять, что отныне толстяк находится в его власти. А может быть он хотел что-то еще этим сказать, чего никак не мог понять Трясогузов? Вот же зараза такая: что за человек попался ему на жизненном пути? Поди разберись,

как теперь действовать.

С тяжелым сердцем Трясогузов доел остатки еды, которые уже не лезли в горло, потом взял поднос и отвез его в дальний конец столовой, где на переполненных столах громоздились такие же подносы, до которых у работников никак не доходили руки.

Глава 31

– Ну, привет, коли не шутишь, – отозвался человек с сигаретой. – Тебя как по батюшке звать-величать?

– Григорий я, Петрович, – ответил Королев и толкнул тележку вперед, полностью спустив ее с платформы.

– Очень приятно. А меня звать Иваном Петровичем. Так что, мы с тобой тезки, в некотором роде.

– В некотором роде – да, – согласно кивнул Королев.

Человек постоял еще минуту, делая последние затяжки, потом швырнул тлеющий окурок куда-то в глубину огромного помещения, больше напоминавшего бездонную пещеру. На стенах этой пещеры висели маленькие фонари, не дававшие света в достаточном количестве, чтобы увидеть, что находилось под ногами. Королеву приходилось толкать телегу, постоянно натыкавшуюся на разбросанные мелкие камни, что затрудняло движение. Иван Петрович не собирался помогать Королеву: это было, очевидно, его серьезным испытанием, конечной целью которого являлось воспитание характера и силы воли...

Королев потрянул головой, выбрасывая тот бред, который

только что его посетил.

– Вы тут никакими газами не отравляетесь? – спросил он, шагавшего позади Ивана Петровича.

Тот только усмехнулся и сказал:

– Ну, почему же не отравляемся: мы что, не люди, что ли? Конечно, здесь есть много чего вредного: и метан, и сероводород, и еще какая-то дрянь, названия которой я и не вспомню. Ты это спросил, потому что впервые здесь, так ведь?

– Да, – ответил Королев, и остановился, чтобы передохнуть.

– Устал, поди? – спросил Иван Петрович, по-прежнему держась на расстоянии от Королева и не предлагая ему никакой помощи.

– Есть немного, – ответил Королев, переводя дыхание, как после бега на пять километров.

– Так и должно быть, а иначе – ты просто не человек, а робот, – тут Иван Петрович рассмеялся и Королев тоже вынужденно улыбнулся, глядя на темное старое лицо своего проводника.

– Нам долго еще идти? – спросил Королев, не надеясь, впрочем, на ответ.

– А мы уже пришли: вон, видишь огни? – человек показал пальцем куда-то далеко вправо, куда поворачивал широкий туннель.

– Да, что-то, вроде, вижу.

– Так вот – это и есть наше депо.

– Депо?

– Да. Мы его, по привычке так называем, потому что здесь основная тягловая сила, только вместо старинных паровозов – огромные винты, которые и есть наши рабочие лошади.

– Понятно, – ответил Королев, налегая на ручку тележки. она будто прибавила в весе и стала практически несдвигаемой.

– Может, поможете? – спросил Королев, чувствуя, что не справляется с таким грузом.

– Может и помогу, – ответил Иван Петрович, – а может и нет. – Он улыбнулся в темноте, что было совсем некстати.

«Да он издевается, что ли?» – подумал Королев.

– Ладно, чего уж там: давай, подвинься уже, – сказал старик.

Королев сделал шаг в сторону, освобождая пространство, чтобы его проводник мог схватиться за ручку тележки.

– Ладно, пойдем уже, а то заждались там работнички твоего груза.

Они толкнули тележку одновременно. Та, скрипнув, сдвинулась на несколько сантиметров и встала на месте.

– Странно, – сказал Королев, – я еще понимаю, когда один ее не можешь сдвинуть, но чтобы двое мужиков ее толкали, и такая оказия.

– Да уж, – почесал в затылке Иван Петрович, – действительно, непонятно. А ну-ка, давай еще раз попробуем.

Они снова толкнули тележку. Та, очевидно, съехав, с ме-

шающего ей, камня, поехала, наконец, вперед.

Прошло много времени, пока они, больше не говоря друг другу ни слова, толкали свою ношу вперед. Корольев, в конце концов, не выдержал и спросил:

– Долго нам еще пилить?

– Ты куда-то торопишься, молодой человек?

– Да, в общем-то, нет, просто, как бы меня там не хватились.

Тут Иван Петрович засмеялся во весь голос.

– Кому ты нужен, бедолага? Ты знаешь, кого сюда посылают? Тех, кто менее всего ценен там, наверху. Они вообще сюда не спускаются: наверх ездят сами ремонтники, и им за это платят хорошие деньги. А тебя, дурака, спустили сюда бесплатно, чтобы сделать, втайне от тебя, свои делишки.

– Какие еще делишки? – не понял Корольев.

– А какая теперь разница: всё равно тебе никто ничего не скажет – не приняли они тебя в свою компанию, – он снова рассмеялся, и это очень не понравилось Королеву. Его сердце дрогнуло, как будто предчувствуя что-то необычное, что должно было вот-вот произойти.

– Откуда вы знаете, что меня не хотят принимать? – спросил он, мгновенно взмокнув.

Иван Петрович остановился, распрямился, кашлянул в кулак.

– Давай-ка, чуток передохнем, – сказал он, снова достав сигарету. Он закурил что-то невероятно вонючее и душное.

Королев закашлялся, отвыкнув от сигаретного дыма.

– Вот что я тебе скажу, малой. Те ребята, наверху которые, они тебе совсем не друзья. Ты знаешь, как я сам сюда попал? Да вот так же, как ты. Меня спустили вниз на этой чертовой платформе пятнадцать лет назад, а когда я провел здесь неделю, или больше, то попросился наверх. Мне тогда ремонтники сказали, что меня сослали на каторгу, из которой нет выхода.

– Не понимаю, о чем вы говорите, – пробубнил Королев, – похоже на бред какой-то, извините.

– Извиняю, – сказал Иван Петрович, и снова закашлялся, поперхнувшись дымом. – На моей памяти, ты уже двадцатый или двадцать пятый изгой, которого сюда присылают, чтобы якобы привезти заказанные детали. На самом же деле, от тебя, как и от предыдущих ребят, просто избавились, как от ненужного груза. Вот ты мне скажи, – Иван Петрович уставился на него, блестящими в полумраке, глазами, – кто-нибудь из тех, верхних, говорил о сокращении рабочих мест, об увольнении?

Королев с подозрением посмотрел на старика:

– Не знаю, откуда вам это известно, но такой разговор, действительно состоялся, не далее, как вчера.

– Вот, я об этом и говорю: они от тебя просто избавились, как от ненужного груза, только и всего. И даже не их в этом вина, но администрации, которой плевать на всех на этом и других объектах архипелага.

Иван Петрович сплюнул в темноту и выкинул тлеющий бычок.

– Ну, ладно, поехали уже, а то я чего-то разболтался.

Они толкнули телегу и она плавно тронулась вперед, не застревая теперь ни на одном камне. Королев, сказав себе, что это всего лишь случайное совпадение, забыл о мелких препятствиях, мешавших ему сдвинуть груз в первые минуты по прибытии сюда.

Они двигались по туннелю и Королев слышал, как все громче и громче раздается гул работающих механизмов.

– Это наши винты крутятся, – сказал Иван Петрович, когда шум стал заметно нарастать. – Профилактику им, значит, устроили. Еще чуть-чуть и приедем в наше машинное отделение.

Однако же прошло не меньше часа, пока они въехали в огромный зал: здесь звуки гребных винтов перекрывали все остальные. Ну и как здесь разговаривать друг с другом, когда абсолютно ничего не слышно, кроме грохота огромных лопастей, погруженных в воду. Королев не ожидал, что люди вынуждены работать в таких условиях и, заметно погрузнев, понял, какая судьба ждет его теперь, если верить словам Ивана Петровича.

Как только они докатили телегу до первой решетки, лежавшей на мощных перекрытиях, Королев увидел зеленоватую воду, мерно плескавшуюся под ячейками черной решетки, своей площадью занимавшей четверть зала. Чуть вдале-

ке сидели на скамейках ремонтники, в количестве двадцати человек.

Иван Петрович показал Королеву на два узких швеллера, похожих на рельсы и, кивнув на телегу, сказал, что колеса нужно направить к этим швеллерам, и дальше уже по ним ехать до места. Королев вместе со своим проводником так и сделали. Как только они поставили телегу на швеллера, Иван Петрович вдруг схватился за голову, постучал по своим наручным часам, как бы говоря, что ему некогда, и торопливым шагом умчался вглубь туннеля. Королев, не ожидая такого скорого расставания с интересным человеком, один, с невероятной легкостью, дотолкал телегу до того места, где сидели ремонтники и махнул им рукой. Те махнули ему в ответ. Никто из них не курил, видимо, они давно ждали Королева, и этот вынужденный перерыв кончился с его приходом.

К Королеву подошел широкоплечий человек в черном комбинезоне и, протянув руку, поздоровался со слесарем. Потом, взявшись за поручень телеги, толкнул ее дальше, подвозя к большому открытому проему в решетке.

Королев смотрел на работу ремонтников, которым было, в принципе, все равно, смотрит он на них, или нет. Он понимал их равнодушие: еще бы, несколько лет работать, не видя белого света, в постоянном шуме, будто находишься рядом с водопадом. Удивительно, как они, до сих пор, не сошли, с ума. «Вот на этой мысли, лучше бы мне и остановиться», – неожиданно для себя подумал Королев. – Кто сказал, что ре-

монтники психически здоровы; кто может дать такие гарантии?»»

Как только телега оказалась рядом со скамейками, один из рабочих нажал кнопку, расположенную на металлическом столбе: шум тут же ослаб – это остановился один из винтов. Сколько их здесь было, Королеву никто докладывать не собирался, но по его прикидкам, в видимой ему части этого огромного зала, их могло быть штук шесть или семь. А дальше, кто знает, сколько их вообще разбросано по днищу плавающего острова.

Тот же ремонтник, стоявший у столба с кнопками, нажал еще одну: откуда-то с потолка спустились толстые цепи мощной лебедки. Огромные черные крюки болтались из стороны в сторону, опускаясь в воду. Рядом с ремонтником, управлявшим процессом, несколько человек переодевались в водолазные костюмы. Когда один из них надевал на себя кислородные баллоны, тот ремонтник что-то крикнул ему на ухо и водолаз засмеялся, почему-то взглянув при этом на Королева. Петровичу стало неуютно, и он уже захотел пойти назад, к своей платформе, несмотря на странные слова сбежавшего от него проводника о том, что теперь его место здесь. Однако, ему было настолько интересно, чем кончится дело, что его ноги буквально приросли к решетке, и он, не двигаясь с места, смотрел, как замороженный на то, что сейчас происходило возле открытого участка.

Водолазы спустились под воду. Пузыри кислорода бульк-

нули на поверхности подсвеченной воды. Через пятнадцать минут томительного ожидания, запищал какой-то сигнал. Ремонтник крикнул что-то своим напарникам и те разошлись, встав по краям открытого в решетке прямоугольного «окна».

На скамейке сидел еще один ремонтник: на его коленях лежал маленький ноутбук. Пальцы молодого парня быстро бегали по клавиатуре, очевидно, настраивая какую-то аппаратуру под водой. Он всякий раз поднимал голову, и его вопросительный взгляд на того, кто вел радиопереговоры с водолазами, задерживался на несколько секунд. Не дождавшись от «переговорщика» нужного сигнала, он вновь возвращался к ноутбуку и продолжал стучать по клавишам. Наконец, «переговорщик» крикнул молодому ремонтнику «Отсоединяй!» и тот оторвался от слабо светящегося экрана ноута. «Переговорщик» замахал ему рукой и молодой демонстративно нажал одну клавишу, с облегчением при этом, выдохнув. Потом он посмотрел в сторону Королева, напряженно вглядывавшегося все это время в лица ремонтников, и улыбнулся простой улыбкой рабочего парня, который выполнил, наконец, свою задачу. Королев предположил, что этот молодой парнишка отсоединил при помощи своего ноутбука стонный винт от гребного вала. И он снова поразился, до каких технических подвигов может дойти человек.

Через тридцать-сорок минут, водолазы стали появляться на поверхности – им помогали вылезти. Ремонтник, стояв-

ший около столба с кнопками, вновь нажал кнопку, и тут же внизу, под решеткой, раздался шум, отличный от шума работы тех винтов, которые работали в этом огромном помещении, только чуть дальше. Они продолжали работать на малых оборотах, при которых движение плавучего острова было минимальным. Королев понимал, что этот ремонт, скорее, профилактический, как и сказал ему сбежавший куда-то Иван Петрович, нежели срочный, так как остров никуда не собирался «отправиться», по крайней мере, никаких разговоров на эту тему он не слышал.

Прошло еще несколько минут и Королев увидел, как изпод воды появился край лопасти, с каждой секундой поднимавшейся всё выше и выше. Пока не показался весь десятиметровый двигатель, Королев не сводил глаз с медленно поднимавшейся махины. С огромных лопастей стекала морская вода, и Королеву на мгновение показалось, что движется она, как в замедленной съемке. Он видел, как отделяется капля за каплей, образуя вокруг себя более мелкие брызги, и даже будто звук двигателей замедлился и Королев подумал, что это происходит во сне, который будет продолжаться столько, сколько он пожелает. Наконец, перед Королевым вырос железный трехэтажный дом, сделанный из шести блестящих лопастей. Он медленно раскачивался на цепях из стороны в сторону, завораживая, как маятник гипнотизера, и заставляя смотреть на него, не отрывая глаз. Ремонтники закрепили эту махину тросами и, растянув их как

можно сильнее, сделали винт абсолютно неподвижным. Королев понял, что сейчас важно не дать коснуться лопастям до железной решетки, иначе их можно сломать, или погнуть, из какого бы суперпрочного материала они ни были сделаны – стотонная махина всё ж таки, это не игрушка. Несколько человек, которых Королев сразу и не приметил, подъехали к винту на установках, достигавших пять метров в высоту. Эти установки выехали из глубокой темной ниши машинного отделения. Толстенные трубы гидравлических торцевых ключей торчали из носовых частей этих передвижных установок. Неторопясь, очень осторожно, ремонтники начали откручивать по одному болту с каждой стороны лопасти, и тут же меняли их на новые. Срок годности заменяемых болтов давно вышел, о чем свидетельствовала ржавчина на резьбе и головках болтов.

Да, вовремя Королев подоспел со своим ценным грузом, хотя, если здесь всё рассчитано, то можно было и не торопиться. Странное состояние Королева, не отошедшего от медленного движения морской воды, постепенно проходило.

– Вижу тебе здесь всё интересно? – спросил у Королева тот ремонтник, который вел радиопереговоры с водолазами. Сейчас, похоже, у него освободилось время для короткого перерыва.

Королев ответил «да».

– Эти стальные, – кивнул ремонтник на болты, лежавшие рядом с телегой Королева, – ненадежные! Теперь попробуем

медные: они, говорят, намного лучше, по крайней мере, такие стояли раньше, а потом их, зачем-то заменили на стальные! Тогда еще говорили, что это какая-то усовершенствованная сталь, но ты же видишь, что это за дерьмо?

Королев кивнул, глядя, на покрытые коричневым толстым налетом выкручиваемые болты.

Работа спорилась. Где-то за час или меньше, ремонтники справились с первой лопастью. Потом, с помощью лебедок, повернув винт на одну шестую оборота, они принялись за обслуживание второй лопасти.

– Ну, ладно, пора тебе домой ехать! – крикнул ремонтник Королеву.

– А я разве здесь не останусь? – спросил Корольев.

Тот удивленно на него посмотрел.

– Ты лучше сплунь, прежде чем так шутить!

– Но мне Иван Петрович...

– Кто? – крикнул в ответ ремонтник.

– Я говорю, ваш Иван Петрович мне сказал...

– Нет у нас никакого Ивана Петровича, и никогда не было! – ответил ремонтник.

Корольев помолчал, осознав, что дальнейшие расспросы не будут иметь смысла. Он лишь кивнул и собрался, было, уходить.

– Стой, мил человек! – крикнул рабочий. – А телегу, кто забирать будет?

– Ой, простите, забыл! – крикнул в ответ Корольев.

– Ты погоди, не спеши: сейчас ребята ее загрузят этим хламом и тогда уже повезешь ее наверх, понял? Вам металлолом тоже нужен!

Королев снова кивнул, не представляя себе, как он один повезет такую махину. Тут он снова решил спросить о своем проводнике.

– Вы говорили, – вновь он крикнул на ухо ремонтнику, – что Иван Петрович у вас не работает.

– Ну, да! – ответил тот.

– Так, а кто же мне тогда помог телегу сюда довести? Один бы я не справился!

– Не знаю. Может, кто из твоих товарищей?

Королев усмехнулся.

– Все мои товарищи наверху остались – я здесь один!

Тот удивленно на него посмотрел.

– Вы же все время по двое ездили! Или я что-то путаю? – спросил ремонтник.

– Я вам говорю, что со мной никого не было – я здесь один! Меня встретил Иван Петрович и помог докатить сюда эту телегу: одному не справиться, вы же понимаете?

Рабочий смотрел на него, как на сумасшедшего, потом замотал головой.

– Короче так, дружище, здесь, кроме нас, никого нет, понимаешь? И кто там тебе помогал – этого я не знаю. И никаких Иванов Петровичей у нас здесь не работает, ясно тебе?

Королев неуверенно сказал «да», которое ремонтник не

услышал, зато увидел открывающийся рот Королева, и кивнул в ответ.

– Ладно, сейчас ребята закончат с погрузкой, и иди уже до своей слесарки! Спасибо тебе!

Корольев остался ждать, пока, наконец, его телегу забьют доверху ржавым хламом, после чего он повез уже совсем не ценный груз до своей платформы.

Как только он въехал в мрачный туннель, тут же увидел оранжевый огонек сигареты. Он хотел было всё бросить и побежать назад к ремонтникам, но в следующую секунду к нему вдруг пришло такое спокойствие, что он забыл о своих страхах и, толкнув телегу, пошел навстречу искрам, рассыпавшимся от удара окурка о железную стену туннеля.

Глава 32

Трясогузов ехал в комнату отдыха. На пути ему попадались опоздавшие на ужин сотрудники. Его мысли были о Полозове и его странном задании, которое тот для него приготовил. Толстяк не мог решить, отказаться ему от услуг психолога, или же, ничего не страшась, продолжить помогать Штукку. Может быть, и впрямь, не так страшен черт, как его малюют, но было все-таки не по себе от этой тайны.

– Угораздило же меня с ним связаться, – сказал вслух Трясогузов. – А если найти доктора и всё ему выложить, минуя этого дурацкого психолога?

Он продолжал ехать в полном погружении в себя. Толстяк терпеть не мог, когда его загоняют в угол. А кто, собственно

это любит? Да, ситуация!

Он добрался, наконец, до комнаты отдыха и сразу же прилег на свою кровать. Штука не было: наверное, уже получил назначение, и сейчас несет где-нибудь дежурство, забыв, на время, о своей болячке.

Трясогузов перевернулся на другой бок и закрыл глаза. Сон одолел его мгновенно. Ему снова привиделась Светлана. «Пришла» она к нему почти сразу, как только он сомкнул веки, по крайней мере, он так думал, когда проснулся, но это было намного позже. Спал он сегодня долго -десять часов, не меньше. Некоторые стали беспокоиться за толстяка: не остановилось ли у него сердце – уж очень он плохо выглядел сегодня: мешки под глазами, синюшные губы, цвет лица такой, будто его только что выкопали из чернозема, а потом заставили обсыхать, не умываясь...

Светлана снова разговаривала с Альфредом, но он, как ни старался, никак не мог расслышать ее голоса. Вот только однажды ему показалось, будто ее губы произносят слово «остров». И что это ему дает? В архипелаге девять крупных островов, не считая плавучего «Цитрона». Как эта информация может ему помочь? Если только она сама не находится на каком-нибудь из островов, ну, или, она предупреждает его, что здесь, на «Цитроне», может произойти что-то ужасное. Короче, сон, полный загадок.

Альфред проснулся от того, что кто-то прыскал ему в лицо холодной водой.

Он открыл глаза. Новая порция брызг попала ему на самую радужку – он даже веки не успел прикрыть.

– Да вы очумели, что ли? – вскричал он, вскакивая на кровати.

– О, покойничек проснулся! – сказал кто-то справа и хихикнул.

– Это кто здесь покойничек? – оглянулся Трясогузов, но шутник спрятался за плотной стеной, окруживших толстяка, людей. Поняв, что всё в порядке, народ стал расходиться, возвращаясь к своим делам.

Подошел Полозов, бывший всё это время в стороне: он прекрасно знал, что у Трясогузова нервное перенапряжение, как из-за Штукка, так и из-за того предложения психолога, которое до сих пор сознательно оставалось не озвучено. Полозов знал, что неведение больше всего расстраивает нервную систему, ослабляя и подтачивая ее каждый последующий час. Могут пройти всего лишь сутки, и человек потеряет столько сил, что восстанавливать их придется месяц, и это зависит от того, насколько это связано с личными переживаниями... пациента. Полозов всех своих знакомых и потенциальных клиентов называл пациентами, что, впрочем, никому не было известно.

Полозов присел на кровать Трясогузова и, как бы, по-приятельски, заглянул ему в глаза:

– Ну, как мы себя чувствуем? – спросил он, зачем-то щупая пульс на пухлой руке толстяка.

– Хреноватенько мы себя чувствуем, – ответил Трясогузов, с силой вырывая свою кисть из цепких пальцев психолога.

– Ух ты, несдержанный какой пациент мне попался.

– Никакой я вам не пациент, – прошипел Альфред, зло глядя в глаза Полозова, прячущиеся за толстыми линзами старомодных очков.

– Ну, этого вы знать не можете – вы же не пророк какой-нибудь? И кто знает, сколько вам осталось до, скажем так, моего приема? Вы ведь не будете утверждать, что полностью здоровы, не так ли?

Толстяк мотнул головой, словно отбрасывая слова Полозова в сторону, и чем сильнее трясти головой, тем дальше они отбросятся.

Полозов провел рукой перед лицом Альфреда и у того закрылись глаза, чего толстяк совсем не хотел: ему уже надо было вставать и ехать до туалета, а этот придурок вновь исполняет свои фокусы. Но, как ни старался Альфред произнести хотя бы слово, у него это никак не получалось. Наконец, в голове вспыхнул желтый свет, будто разорвалась маленькая бомбочка, похожая на те, бумажные, которые он бросал в далеком детстве на прохожих с балкона. Теперь одна из таких бомбочек, только наполненная горячими солнечными лучами, прилетела ему в голову, словно к нему пришло возмездие от тех сотен прохожих, на которых вылилась добрая тонная водопроводной воды.

Он открыл глаза. Ползова рядом не было. Он полежал немного на кровати и посмотрел налево, где стояла кровать Штукка – там тоже никого не было. Толстяк повернул голову направо – ни единого человека. «Куда все умотали разом?» – задался вопросом толстяк. На обед, что ли, ушли, или на ужин?» Он посмотрел на часы: время было семь вечера.

– Значит, на ужин, – сказал он вслух и, сделав привычную легкую зарядку, приподнялся на кровати, чтобы потом перелезть в кресло. Далось ему сейчас это нелегко: ослабли руки, да и спина разваливалась, несмотря на то, что он вообще ее не чувствовал вот уже, как тридцать с лишком лет. Он, не обратив внимания на этот нюанс, с кряхтением перелез в кресло и, громко ойкнув, плюхнулся на сиденье.

Съездив в туалет, и едва не наделав в штаны от долгой отключки, он, с облегчением выдохнув, дотянулся до крана и умылся холодной, слегка солоноватой, водой.

– Что за черт, – возмущенно спросил он неведомо кого, – только вчера она была пресной?

Потом, вытерев руки о полотенце, направился к выходу.

Привычным маршрутом он добрался до столовой, где его «любимая» раздатчица скучала, сидя на стуле. Трясогузов видел только ее колпак, съехавший на бок. «Наверное, кроссворды разгадывает, тупица эдакая», – со злостью подумал он и подъехал к раздаточному столу.

– Аллё, есть кто? – спросил он требовательным голосом.

– Может и есть, – буркнула в ответ раздатчица.

– Мне бы заказ сделать, а то некогда прохладиться! – сказал он, чувствуя, как в нем снова поднимется волна негодования, готовая вылиться через край на голову бедной работницы-энциклопедистки.

– Еще не все кроссворды разгадали? – спросил толстяк ехидно, приготовясь тут же ответить, если она ему нахамит.

– Это не кроссворды – терпеть их не могу, – отозвалась та, не поднимаясь со стула.

– Да мне всё равно, что у вас там: меня интересует мой заказ, – сказал он равнодушным тоном.

– А мне плевать, что вас интересует, – ответила она, по-прежнему занимаясь посторонними делами на рабочем месте.

Как только Трясогузов открыл снова рот, чтобы вправить ей мозги, она тут же встала со своего стула и, положив на раздаточный стол какую-то книжку в мягкой обложке, и упершись руками в железную столешницу, спросила:

– Ну, и что же вы желайте?

Альфред чуть не подавился от ее спокойного тона и, несколько смутившись, начал сбивчиво перечислять, что бы ему хотелось.

– Мне, э-э, котлеты – три, нет, пять штук. Они же совсем малюсенькие у вас, правда?

Раздатчица молчала, глядя сквозь Трясогузова, словно перед ней был не человек, а кусок огромного, на сто пятьдесят килограммов веса, стекла. Говорящего, требующего сквер-

ного куска стекла, сквозь которое можно смотреть, не цепляясь ни за что взглядом. Толстяку это не понравилось, но он старался не подавать виду.

– Итак, – продолжил он, – еще я хочу, – он подчеркнул это слово «хочу», которое, в любом случае, было мягче чем «требую, но всё же дававшее понять, что перед какой-то раздатчицей, этой любительницей макулатуры в мягкой обложке, сидит хозяин своих желаний, повелитель своего тела, который берет всё, что оно хочет, и...

– Да, и еще мне нужен большой, да нет, просто, огромный стакан сметаны, и огурцы. Три штуки. Свежих. Резать их не надо – так съем.

Он выдохнул, и этот не совсем спокойный выдох она заметила, усмехнувшись последней части заказа.

– А что такого я сказал? – в удивлении поднял бровь Трясогузов.

Она бросила на него короткий ехидный взгляд.

– От огурцов и сметаны может быть понос, товарищ, – последнее слово она произнесла, делая особый упор на шипящих, давая толстяку понять, что она змея, а не женщина, и что его дальнейшие подколки или что-нибудь в этом роде, могут ему вернуться в виде ее змеиного яда.

Он сделал вид, что не услышал этого замечания и вновь повторил:

– Сметану, в большом стакане, нет, в огромном стакане, и три огурца.

С этими словами он отвернулся, дав понять, что дискуссия окончена. И только сейчас он возблагодарил Бога за то, что в эту минуту в столовой не было ни одного человека, кроме, конечно него и этой энциклопедистки-макулатурщицы. Он вдруг представил себе, как люди, только что услышавшие его требования, потом обсуждали бы его хамское поведение, и как ему потом было бы противно сюда ездить и голодать из-за этого несколько дней, пока собственный организм не заставил бы его крутить колеса в направлении столовой.

Он закрыл глаза и ощутил, какими горячими, от стыда, стали его веки. Он посидел так несколько минут, пока раздатчица не окликнула его, сказав, что всё готово. Он повернул свое кресло, и, взяв поднос, нагрузил его тарелками и стаканами. Про себя толстяк отметил, что раздатчица, без напоминания, поставила ему стакан с компотом, в котором плавали не мятые, а целые абрикосы, или еще какие-то, неизвестные ему ягоды. Он выдавил из себя сухое «спасибо» и поехал к столу, который располагался под интерактивным окном.

Трясогузов посмотрел на экран: одиноко стоявшая гора была покрыта белой пеленой – снаружи шел дождь, которого Альфред не видел уже несколько месяцев, и это только по камерам. В живую он не наслаждался дождем несколько лет, о чем уже и вспоминать перестал. А тут вдруг такой сюрприз – дождь на острове, да еще такой сильный, словно в океане разыгралась буря, и ее остатки долетели сюда, омыв го-

ру пресной водой. Трясогузов вздохнул и принялся за свой обильный «скромный» ужин.

Как только он приступил к сметане и огурцам, вспомнив усмешку раздатчицы, в столовую вошел Полозов. Толстяк невольно оглянулся на скрип дверей и увидел психолога, улыбавшегося раздатчице во всю ширь своих тридцати двух зубов. «Принес же черт», – подумал Трясогузов. – Ты еще ручку ей поцелуй. Хоть бы он не подходил ко мне сегодня!» – взмолился Трясогузов, глядя на гору, которая стала светлеть: дождь заканчивался. Но его ждало жестокое разочарование: психолог подошел к столу и, имея наглость, спросил:

– У вас не занято?

Трясогузов не хотел сдерживаться и, в свойственном ему духе, ответил:

– Посмотрите внимательно еще раз: разве вы не видите десятерых человек, сидящих рядом со мной?

Полозов терпеливо улыбнулся.

– Вижу, вы пошли на поправку: чувство юмора – есть верный признак того, что человек пока еще в своем уме, и это, несомненно, радует.

«Ах ты, сволочь, – подумал Трясогузов, не глядя на психолога, – еще намекаешь мне тут, крыса!»

– Понимаю ваше негодование, товарищ, но вы, действительно, теперь полностью здоровы, только пока еще не знаете об этом.

Трясогузов тяжело вздохнул, как от надоевшего фильма, от которого просто так не отделаешься: зал в кинотеатре переполнен, а ты сидишь в самом центре, и чтоб оттуда выбраться, придется преодолеть пару десятков чужих коленей, упёршихся в спинки передних кресел.

– Как я должен расценивать ваши слова? – спросил толстяк, совсем не желавший ни о чем его спрашивать, но какая-то неведомая сила вырвала из его уст этот дурацкий вопрос.

– Я говорю вам чистейшую правду...

– Ага, как депутаты любой страны, когда у них зад подгорает, а дело идет к выборам, – ответил Альфред, вытирая рот носовым платком.

Полозов положил свою ладонь на руку толстяка, но тот резко ее отдернул, приготовясь взять свой поднос и уехать уже из столовки. Он даже рад был бы запустить этим увесистым куском мятого алюминия в голову психолога, но тот, скорее всего, обладает неограниченными медицинскими полномочиями, и после подобной выходки мог бы запросто упрятать Трясогузова подальше от людей – в одинокую комнату с, оббитыми матрасами, стенами.

– Нет, нет, уважаемый Альфред, не знаю вас по бабушке...

– Семенович, – зло ответил Трясогузов. – Папу моего так звали, Семен, или Симеон по-старорусски.

Полозов внимательно смотрел на толстяка и было похоже,

что его ничем не пронять.

– Вижу, что вы еще не до конца отошли от нашего разговора, но ничего, я вам помогу.

– Вы мне уже помогли! – ответил Трясогузов, и губы его затряслись от гнева, или от обиды – сам он не мог определить, какие реакции сейчас блуждали в его перевозбужденном организме.

– Я вам еще ничем не успел помочь, товарищ. Но вот вы себя элементарно вымотали непониманием того, что от вас требуют, правда? – он смотрел на Трясогузова, как кобра какая-нибудь, пытавшаяся его загипнотизировать и превратить в орудие его преступления.

– Так вот, если вы расслабитесь и послушайте меня внимательно, то поймете, что вам нечего бояться, что нет никакой грозы, что мир распахнут перед вами, и он, то есть, мир, желает вам только добра, если вы, конечно же, не настроены к нему враждебно. Раз, – сказал он и хлопнул в ладоши. – Теперь попрошу вас поднять левую ногу настолько, насколько сможете.

Нога Трясогузова дернулась и поднялась: он видел это собственными глазами, но сам не мог пошевелить ни единым суставом.

– Прекрасно, – сказал Полозов, видя, как нога Трясогузова уперлась снизу в столешницу, и если бы чуть-чуть можно было отодвинуть кресло назад, то нога поднялась бы до уровня лба толстяка, только Полозов не хотел, чтобы свиде-

телем сего чуда была раздатчица.

– Два, – сказал Полозов и снова тихо хлопнул в ладоши. – А теперь ваша спина начинает чувствовать сильно жжение, будто вас бросили в кипящий котел. Ну, вспомните, например, «Конька-горбунка», когда царь бросился в кипяток и там сварился. И вот теперь вы тот самый царь, который возжелал молодую девицу, и готов ради ее любви прыгнуть в котел, надеясь, впрочем, на чудесное омоложение. Итак, вы в котле. Три, – он снова хлопнул и Трясогузов вскрикнул от пронзившей его боли в пояснице.

– Всё, закончили сеанс! – громко сказал Полозов и Альфред тут же почувствовал, как жжение прекратилось, а его поднятая нога, рухнула вниз, ударившись ботинком о подножку кресла. Раздатчица подняла голову и сонными глазами посмотрела на доедающих свой ужин, двоих мужчин.

– Мальчики, у вас там всё в порядке? – спросила она, явно не помня, к кому обращается: уж Трясогузова назвать мальчиком у нее бы язык не повернулся, да и Полозов, честно говоря, в свои семьдесят не был похож на пацана, а тут, зд-расьте-пожалуйста, нашла мальчиков.

Альфред хмыкнул и, вновь глянув на экран интерактивного окна, увидел, как красные лучи заходящего солнца окрасили «Эверест», превратив его в нечто прекрасное, а именно в то, по поверхности чего хотелось бы сейчас пробежаться босыми ногами, пиная футбольный мячик, или просто бежать, набирая с каждой секундой скорость, чтобы по-

том споткнуться на ухабе и полететь вниз лицом, стучаясь плечами, руками, головой о землю, покрытую зеленой сочной травой...

– Вы снова куда-то уплыли, Альфред Семенович, – сказал, улыбаясь, Полозов.

– Надо же, вы даже отчество мое запомнили, – сказал толстяк.

– А как же: я всегда запоминаю важную информацию о своих пациентах.

Тут Трясогузова передернуло, как будто он коснулся оголенного провода.

– Как вы сказали?

– Па-ци-ен-та! – ответил Полозов нарочито громко и по слогам, чтобы Трясогузов не списывал это на бред после легкого гипноза.

– Какого еще пациента?

– Обыкновенного – потенциального, – улыбнулся Полозов. – Но я уверен, что до этого не дойдет, если, конечно же, вы будете себя хорошо вести.

Альфред почувствовал, как по плечам пробежал холодок.

– Хорошо вести? – повторил он.

– А что здесь такого? – развел руками Полозов, – Хорошее поведение всегда говорит в пользу потенциальных пациентов, которые, со временем, перестают быть таковыми и вновь становятся обычными здоровыми людьми.

Трясогузов молчал, подавленный и неспособный как-ли-

бо спорить с этим страшным человеком.

– Впрочем, я могу вам с уверенностью сказать, что вы уже неплохо справляетесь со своими эмоциями, и вам остается только следовать правильным курсом. Вы меня понимаете, Альфред Семенович?

– Очень хорошо понимаю, – ответил Трясогузов. Его бил внутренняя дрожь, но он не мог показать этого Полозову, чтобы тот не сделал еще каких-нибудь выводов, свидетельствующих не в пользу Альфреда.

– Так значит, на том и порешим: ведем себя хорошо, воспринимаем любую ситуацию спокойно, и никому, с этого момента, не грубим, понятно?

Трясогузов молча кивнул. Полозов, словно ждавший этого подтверждения, тут же встал и мгновенно вышел их столовки. Альфред даже не успел увидеть его спины, когда тут же оглянулся, чтобы бросить ему в след какое-нибудь проклятие.

Глава 33

Королев шел на, мелькнувший в темноте, свет искр, совершенно не страшась за свою судьбу. Не пройдя и ста метров, увидел фигуру Ивана Петровича, прислонившегося к стене туннеля: ждал, чтобы... «Чтобы мне помочь?» – спросил себя Королев, и не найдя ответа, невольно прислушался к гулким ударам своего сердца, которые стали слышны по мере удаления от грохота работавших гребных винтов.

Дойдя до недавнего своего проводника, Королев остано-

вился и в упор посмотрел на Ивана Петровича. Тот глядел на него в ответ. На секунду Королеву показалось, что из глаз проводника льются слезы, едва заметные в такой темноте. Они стояли друг напротив друга, не решаясь двинуться вперед или назад. Королев не мог понять, кто сейчас перед ним подпирает стену: пробравшийся на объект диверсант, или призрак, что вообще невозможно? Как теперь поступить, зная, что в любую минуту можно получить нож под ребро или пулю в лоб, а, может быть, накинется старое привидение на человека, да и придушит его невидимыми руками? Более чудовищных преступлений Королев выдумать больше не мог, поэтому, перекрестившись, толкнул тележку дальше и прошел мимо Ивана Петровича. Тот стоял, не двигаясь с места, и лишь голова его, с блестящими от слез глазами, медленно поворачивалась вслед за уходившим от него слесарем. Королев боялся смотреть в сторону проводника, а, тем более заговаривать – уж лучше так, молча пройти – авось отстанет. Пусть это и смотрелось наивно, но для Королева это было единственным выходом – не реагировать на диверсанта-призрака, а идти только вперед. Он так и шел мимо, ни разу не оглянувшись. Проводник-призрак даже не кашлянул и, кажется, больше не курил. Королев знал, что Иван Петрович всё еще смотрит, не отрываясь, ему в спину, и хочет только одного: разговора, ну или еще чего, о чем приходилось лишь догадываться.

Как только слесарь дошел до платформы, начал загонять

туда телегу. Напрягая последние силы, при помощи мелких толчков, вкатил телегу на металлический лист платформы и, взявшись за выдвигаемые перила, нажал кнопку вызова, расположенную на дальней правой стойке. Платформа поехала вверх. Если бы в тот момент он оглянулся назад, чего ему не хотелось делать, дабы не сталкиваться взглядом с Иваном Петровичем, Королев увидел бы, что, как только платформа оторвалась от пола, тут же, позади него, мелькнула тень. Тот, кто был недавним его проводником, вцепился сильными пальцами в край металлического бортика платформы, и так и поехал вместе со слесарем, повиснув на руках под железным полом, иногда задевая грубыми ботинками за неровные стены черного колодца. Тот, кто был добродушным стариком с вонючей сигаретой, сейчас, как бы играючи, чиркал старыми окаменевшими подошвами по бугристым стенам, вылитым из чугуна, и Королев слышал странные звуки, исходившие снизу, будто и по дну платформы, и по всему колодцу скребли железными ножами. Это продолжалось всю дорогу, но Королеву было плевать на посторонние шумы: он просто закрыл глаза и, облокотившись локтями на ручку телеги, позволил себе задремать.

Платформа выехала, наконец, на поверхность, остановившись на уровне пола слесарки. Резкая остановка встряхнула Королева, но он не проснулся – разбудили его толчки в плечо. Он открыл глаза и увидел лохматую голову Егора. Тот несколько раз мотнул Королева из стороны в сторону. Петро-

вич машинально кивнул, намекая, что он уже здесь, и неплохо бы Егору от него отстать.

Король, слегка шатаясь, встал на ноги, еще не вполне отойдя ото сна. Он взялся за ручку телеги, и толкнул ее с платформы. Ничего не получилось: короткий сон не дал ему сил, и он жестом попросил Егора помочь сдвинуть телегу с места. Егор помог, не произнеся ни слова.

Когда они откатали телегу, в тот же миг Петрович почувствовал запах сигаретного дыма. Он подумал, что это, наверное, его халат провонял, когда курил провожатый. Но потом, случайно оглянувшись, и зацепив взглядом интерактивное окно, Петрович вновь увидел в нем чайку, обследующую видеокамеру. Он тут же забыл и об этом дыме, и о призраке-диверсанта, и вообще, весь нижний уровень с его машинным отделением были теперь так далеко, и так давно, что можно, наконец, вздохнуть спокойно, помечтав о кровати и безмятежном сне.

Птица, суетливо копошившаяся возле камеры, интересовала его несколько секунд. Резкий тычок в бок вывел Королева из полудремы.

– Ну, ты как? – спросил Егор.

– Нормально, – ответил Король, отворачиваясь от «окна». – А где все? – спросил он, заметив, наконец, что в слесарке, кроме них двоих, никого нет.

– Ужинать ушли, а потом – на боковую. Долго же тебя не было – заблудился, что ли?

Королев ничего не ответил, и лишь спросил:

– Куда теперь ее везти?

– Наверное, на склад. Тимохин, на этот счет, никаких распоряжений не давал, но думаю, здесь ей не место, во всяком случае, лучше, если этот хлам не будет мозолить глаза, согласен? И еще, Тимохин просил передать: как только вернешься, опустить тебя до комнаты отдыха, пусть, говорит, сил набирается.

– Заботливый, значит, – кивнул Королев, думая о чем-то своем.

– Да, он у нас такой, – ответил Егор, и уже намылился, было, залезть в свою сумку. Королев смекнул, что парень собирается достать планшет и погрузиться в виртуальный мир.

– Ладно, тогда я поехал, – сказал Петрович. – Есть у тебя пропуск от склада?

– Ну, да – Тимохин оставил, на всякий случай.

– Похоже, именно этот случай он и предвидел, – глухо отозвался Королев, подгоняя телегу к выходу. – Открой дверь, чтобы не задерживаться.

Егор, аккуратно поставив сумку на пол, открыл дверь слесарки, и, выбежав в коридор, дошел до склада, по пути доставая другую пластиковую карточку из верхнего кармана халата. Как только его рука начала подносить пропуск к считывателю, тут же, за спиной, раздался визгливый голос Валерия:

– Стоять на месте!

Егор резко отдернул руку. Королев, едва подкативший те-

легу к двери слесарки, не узнал голоса Валерия, и подумал, что это очередная шутка Тимохина, который в последнее время вел себя так, будто находится на грани нервного срыва, или же настроил себя на то, что ему нечего терять, кроме работы, которую у него непременно отнимут. Вот и сейчас Королев подумал, что Тимохин, мастерски поменяв голос, опять кривляется, пытаясь себя развеселить, к явному неудовольствию окружающих, на которых бригадиру было плевать. Несколько человек шли в этот момент по коридору, но, заметив издали неприятную сцену, тихо, по стеночке обошли это странное место.

Выглянув в проход, Королев увидел, что это верещал Валерий. В руке он держал что-то вроде тонкой резиновой дубинки, которые Королев видел только по телевизору. Он явно угрожал Егору ударить этой дубинкой, если тот не отойдет от склада. «Да, что на него нашло?» – подумал Королев. – Вы что от него хотите? – крикнул он Валерию.

Тот, не реагируя на слова Петровича, продолжал бешеными глазами смотреть на Егора и, кажется, приготовился уже ударить.

Королев подбежал к Валерию и выхватил дубинку из его побелевших рук. Тот, очевидно, не ожидал такого резкого поворота, когда подчиненный взбунтуется и будет проявлять к нему, официально назначенному куратору новичков, агрессивные действия, каковыми он не считал свои собственные, когда размахивал дубинкой перед лицом Егора.

Королев отошел подальше от взбешенного Валерия и, посмотрев на внушительный инструмент, необходимый для примирения и согласия, отбросил дубинку подальше в противоположную от Валерия сторону.

– Что вы от него хотите? – вновь выкрикнул Королев.

Валерий вдруг из красного превратился в бледного. Его губы мелко задрожали и он, пытаясь что-то сказать, рухнул на пол. Он не двигался. Королев, не ожидавший такой развязки, бросился в слесарку, и пробежав глазами список телефонов, висевший на стене, набрал номер медицинской службы. Когда ему сонным голосом сказали «аллё», он крикнул в трубку:

– Тут человеку плохо! Он без сознания! Или умер, не знаю!

– Вы где, и с кем плохо? – спросили на том конце провода.

– Я в слесарной мастерской!

– Сколько лет пострадавшему? – раздался в трубке спокойный голос, будто речь шла о чем-то отвлеченном, что требует долгих томных раздумий.

– Да какая разница? – вскричал Королев, – не знаю я, сколько! Приходите немедленно – может он при смерти!

– Ах, так это мужчина! – сказали вновь, по-прежнему, сонным голосом.

– Вы там совсем, что ли, мышей не ловите? Я вам русским языком говорю: человек при смерти, или без сознания – я не врач, поэтому не знаю... Да какого вообще черта? Вы при-

дете, или нет?

– Конечно, приду, куда мне деваться? – ответил голос. Королев так и не понял, кто с ним говорил: мужчина, женщина или робот, которому в электронную башку впихнули специальную программу, когда он на срочный вызов должен отвечать вот таким дурацким, полным спокойствия, голосом.

Королев бросил трубку и вновь подбежал к Валерию. Егор присел, наклонившись над ним.

– Ты знаешь, по-моему, он не дышит.

– А ты откуда знаешь?

– Руку поднес – тыльной стороной: никакого тепла я не почувствовал.

– А, может, пульс пощупать? – предложил Королев.

– Может и пощупать, – кивнул Егор и приложил два пальца к шее Валерия. – Не-а, ничего не пульсирует. Наверное, он всё-таки, гикнулся. – он поднял на Королева растрерянный взгляд, а потом посмотрел куда-то далеко за его спину. – Вон, бежит уже, – сказал Егор.

Королев оглянулся. В самом деле, по коридору мчался маленький толстый человечек с большим портфелем под мышкой. На шее у него болтался стетоскоп, что вмиг напомнило Королеву эпизод из какого-то старого советского фильма, где все врачи именно так и выглядели.

– Где больной? – спросил, запыхавшимся голосом, подбежавший медработник.

– Вот он лежит, – удивленным голосом ответил Королев,

не понимая, почему тот не видит очевидных вещей: человек, во весь свой рост лежит на полу, не двигая ни рукой, ни ногой.

– А, прекрасно! – ответил медик. – Сейчас мы вас послушаем, – сказал он и вставил в своих уши «оливы» стетоскопа.

– Ну, что ж, – сказал он через минуту, – сердце в пределах нормы. Я хотел сказать, в пределах его, то есть больного, нормы. Бьется с частотой сорок ударов в минуту – ослаб, наверное. Вы не видели, в каком состоянии он был до того, как очутился на полу?

Королев не знал, что и сказать. Но тут на выручку пришел Егор:

– Да в нервном он был состоянии. Я бы даже сказал, в бешеном.

– Ах, вон оно как! – закивал медработник. – Ну, в таком случае, всё ясно: нервное потрясение, которое и привело к глубокому обмороку. Так, – обратился он к Королеву, – вы сейчас наберите номер 333-222 и попросите, только вежливо, пожалуйста, пусть пришлют двух санитаров с носилками: будем откачивать.

Королев рванул в слесарку, набрал нужный номер, рявкнул в телефон, чтобы срочно выслали двух дармоедов с носилками и, бросив трубку, вернулся к медику.

– Ну и как скоро они придут? – спросил Королев, чувствуя, что уйдет на это минимум полчаса.

– Думаю, скоро: мы же здесь – за углом находимся, – улыб-

нулся медик и вновь стал слушать сердце Валерия.

– За каким еще углом: тут, в оба конца – прямая дорога?..

– Не забивайте себе голову, уважаемый: это такое наше выражение, сугубо медицинское, – тут он хихикнул, отчего у Королева пробежали мурашки, как от осознания того, что перед ним находится какой-то шизик, а не врач.

– Доктор, вы-то сами в порядке? – спросил Королев, надеясь на адекватный ответ, а не на дурацкий смешок. Но он ошибся: медработник вновь ощерился, однако, ничего не сказал. Королев мысленно поблагодарил Гиппократата, который придержал язык своего ярого служителя.

– Конечно, я в порядке, – через несколько секунд ответил доктор, и пошевелил губами, очевидно, убедившись в том, что это и в самом деле так. Королеву всё не понравилось в этом человеке, а именно какая-то ненужная легкость, когда необходимо сосредоточить все свои силы на спасении вот этого придурка, лежавшего на полу с высунутым языком и повернувшем голову так, будто ему профессионально, одним ловким движением, свернули шею.

Прошло три-четыре минуты, когда подошли, наконец, санитары с носилками. Они молча уложили полуживое тело Валерия на грязный брезент, годный, разве что, для переноски покойников, и, не оглядываясь, унесли его туда, откуда пришли.

– С вами свяжутся в ближайшие часы: не отходите от телефона, – сказал медработник и опять улыбнулся. До Коро-

лева вдруг дошло, что это, наверно, у него нервный тик, а не выражение радости. Успокоившись на этой мысли, он вернулся к общему, с Егором, делу, грубо прерванному его куратором.

Он прошли на склад, поставили телегу ближе к левому стеллажу, чтобы не загораживать проход дальше, вглубь помещения.

– Вот пусть здесь она и стоит, – сказал Егор и выдохнул. Королев прекрасно понял человека, на которого неожиданно напали из-за угла, сыпя угрозами и обещаниями расправиться с ним физически, пусть это и был не просто какой-нибудь работяга, а человек, близкий к начальству.

Королев повернулся и пошел в слесарку. Егор поплелся за ним.

– Ну, что, пойду я, пожалуй, отдохну. Как думаешь? – спросил Королев.

– Конечно, как договаривались, – ответил Егор, – а я пока тут останусь, до восьми.

– Зачем до такого времени здесь сидеть? Почему в столовую не пойдешь? – спросил Королев, впрочем, мало уже интересуясь, как Егор проведет этот вечер: он сам устал, как собака, и ему хотелось только вытянуть ноги на своей любимой кровати и уснуть сном младенца.

– У меня аппетит пропал, если честно, – улыбнулся Егор, но Королев чувствовал, что тот что-то скрывает.

– Ну, ладно – не хочешь есть, значит, не хочешь. Я тогда

уже пойду.

– Ага, пока! – ответил Егор и открыл свою сумку.

Королев шел по коридору, как в тумане: глаза видели настолько паршиво, что он, того и гляди, втемяшится в стену, и будет потом ходить с разбитой башкой, пока ему не наложит повязку тот самый придурковатый медик со стетоскопом на шее. Он замедлил шаг, стараясь держаться поближе к стене, слегка касаясь ее рукой – все-таки, какая-никакая, а гарантия того, что он не хряпнется посередине коридора.

Так он и дошел до комнаты отдыха. В следующую минуту Королев дрых, как суслик без задних ног. Сон? Какой сон: просто черная яма, в которую он провалился и остался там на долгие восемь с половиной часов, не шевеля ни ногой, ни рукой. Кто-то в комнате даже подумал, что теперь у них здесь покойник, и не вызвать ли того очаровашку медработника, в полтора метра ростом, с идиотской улыбкой до ушей. Но потом, очевидно, заметив, как слегка поднимается грудная клетка насмерть уставшего сотрудника, заботливые граждане, наконец, от него отцепились и занялись своими делами: шахматами, картами, кроссвордами и интересной болтовней перед сном.

Егор, оставшись один в слесарке, добрался, наконец, до своего планшета. Он пользовался им вопреки строжайшему запрету, распространенному на всех объектах архипелага, вплоть до тюремного заключения. Но люди – есть люди: многие обходили этот запрет на свой страх и риск, надеясь,

что их никто не выдаст. Этим пользовались и те, кто был нечист на руку, правда, таких быстро вычисляли и, согласно тринадцатому пункту инструкции, увольняли. Но, как уже когда-то упоминалось, увольняемых больше никто никогда не видел. Егор, скорее всего, не представлял никакой опасности: обычный молодой человек, интересующийся мировыми новостями, которому скучно сидеть на одном месте, изолированном от интересной жизни больших городов. Вот и сейчас, он сидел на рабочем столе Королева и, болтая ногами, читал, что на Кубе, ближайшем их соседе, если плыть напрямки по океану, никуда не сворачивая, снова восстание – имя лидера предусмотрительно не указывалось, но говорилось, лишь, что главным в этом восстании является народ. Расплывчатое «имя» лидера вызывало только улыбку, но внимание Егора тут же переключается на Америку, где творились очень странные дела.

– Опять зомбаки лютуют, – усмехнулся Егор, листая свежие фотографии, на которых, словно из фильмов-ужасов, грязные, все в крови, зомби нападают на людей, разрывая их на части. Он верил в эти новости и одновременно сомневался: не могут мертвецы нападать на людей – они же давно умерли, и всякая неживая плоть должна быть неподвижна. Он махнул рукой и снова перелистнул страницу: теперь кратко освещались события в Европе. В полуголодной Франции осталось лишь полмиллиона человек, и то они все собираются переселяться в Ирак, но самолеты уже давно не летают,

а поезда не ходят...

– Короче, кирдык вам всем настал, – пробубнил себе под нос Егор. – Так, что там у нас творится? – он снова пролистнул новостную ленту. Россия, как закрытая страна, новостей о себе не давала. Иностранные журналисты, которым было уже не интересно следить за новостями соседей, сосредоточились лишь на своих странах, где творился такой бардак, что Америка, по-сравнению с ними, была детским садом, где наступил тихий час...

Глаза Егора слипались от долгого сидения за планшетом: дорвался, называется, до дорогой сердцу игрушки. Его голова склонилась на грудь, а ноги перестали весело болтаться, как это делают подростки или маленькие дети. Он не мог сейчас заметить, как в слесарке появился густой дым. Помещение наполнилось запахом дешевых вонючих сигарет. Из-под железных пластин, скрывавших платформу, вслед за дымом, в слесарку просочилось что-то серое и большое.

Глава 34

Маргарита Кондрашкина спокойно доработала ночь в своем кабинете. После необходимой процедуры с выкачиваем кислорода, она больше не слышала ни единого постороннего шума, кроме, как за дверью своего кабинета, когда несколько раз на пол падала книга из рук спящего охранника. Ох, и устроит же она ему головомойку, как только взойдет солнце! Она посмотрела на часы – было уже пять утра. Письмо с просьбой проверить состояние ее кабинета, еще отправлять

рано и надо, как-то своими силами решить эту проблему, как им много раз советовали заместители начальника объекта. Этим заместителям очень не хотелось получать нагоняй всякий раз, когда происходило ЧП. «Что за люди такие? – постоянно возмущалась Кондрашкина, когда слышала новости от других сотрудников, что там или сям произошла очередная катастрофа. Их было так много, что она со счета сбилась. Предпоследняя, на ее памяти, которая привела сюда слесаря Королева, в буквальном смысле, «за ручку», заставила ее думать, что так будет постоянно, пока что-то не изменить в этом бардаке. И вот, на днях, всему дружному коллективу сообщили, что на их острове произошло очередное происшествие, только пока никого из нарушителей не нашли, а слухи-то уже поползли. Она сама слышала, как Валерий, куратор всех новичков, с кем-то говорил по телефону. Это было пару дней назад – тогда он обвинял того самого Королева, в том, что тот проник на нижний уровень, что, в принципе, невозможно без спецдопуска. Плюс ко всему, Королев, якобы, ворвался в информационный центр, чтобы полазить в главном компьютере! На кой черт простому слесарю нужен главный компьютер, который, во-первых, просто так не включить; во-вторых, нужно знать на память сотни паролей и расположение необходимых файлов. И, в-третьих, горе-куратор – ни следователь, ни дознаватель, ни полицейский, и даже не охранник, у которого, в плане доступа к различным кабинетам, и то полномочий больше, чем у этого истерично-

го Валерия. Короче, не понятно, что он там затеял, но так тоже нельзя! Отстал бы уже от слесаря: ну, работает себе человек, и пусть работает: не трогайте его – он и так чудом спасся от каких-то чудовищ, которые, как говорят, наводнили весь Фаял. То есть получается, что целый остров вышел из-под контроля, хоть и говорят, что он теперь под властью военных, но там еще нужно порядок навести, а это не так просто. А теперь еще и их «Цитрон» подвергся нападению! Красота, ничего не скажешь.

Маргарита еще некоторое время подумала обо всех этих неприятностях и решила, что в семь утра, когда, наконец, проснется главный над объектом, она тут же отправит ему электронное письмо-требование, чтоб он разобрался в ночном инциденте в ее кабинете.

Она откинулась на спинку стула и решила принять душ, который находился прямо за дверью, чуть отстоящей от шкафов с лекарствами. Создание совмещенного санузла в ее кабинете, было очень удачным решением, за которое она была благодарна начальнику. Он, в свою очередь, благоволил к Маргарите, относясь к ней, как к дочери. Его родная дочь погибла несколько лет назад в авиакатастрофе. Ходили слухи, что это было кем-то подстроено, и начальник пребывал в полной уверенности, что ему хотели отомстить за ряд проектов, которые он воплотил в жизнь.

Она открыла дверь санузла. Там же быстренько разделась и включила горячую воду. Напор был хороший: все еще спа-

ли, и никто не пользовался горячей водой. Имея возможность зайти в индивидуальную душевую; стоять вот так под огненными струями воды, смывая с себя всю тяжесть дня, и все страхи, накопившиеся за последний час – чего еще желать? Да, всё-таки через два часа она пошлет письмо тому, от кого зависела жизнь многих на этом объекте. Маргарита мысленно сочинила текст послания, и когда она во второй раз мыла голову, подумала о том, что неплохо бы выпросить себе несколько аппаратов для работы. Ну, например, ей нужен был электронный микроскоп, которого у нее отродясь не было. Тот, что стоял сейчас в шкафу, был такой древностью. К тому же, однажды какой-то буйный пациент, фамилии которого она не помнила, да и вообще не любила вспоминать покойников, бросил аппарат об пол. Конечно, он его испортил, но Маргарита тогда не видела в нем особой необходимости. И только когда она взяла анализы у Королева, ей показалось, что без хорошего мощного электронного микроскопа, она просто не сможет справиться с той задачей, которую перед собой поставила. Ей ужасно хотелось разобраться в том, что происходит с человеком, который уже больше трёх недель не получал «счастливого душа», или «душа радости», как, на разные лады, называли эту процедуру опрыскивания, в последний раз проводившуюся как раз около месяца назад. Это на Фаяле боролись за право его применения до последнего, но здесь, на «Цитроне», начальство категорически запретило его использование. Она знала, какие побоч-

ные эффекты возникают после длительного перерыва между «сеансами», поэтому хотела еще раз всё проверить, благо, что нужный пациент был у нее теперь «под рукой».

Она вылезла из душа, вытерлась насухо полотенцем, оценивая свое отдохнувшее лицо в большое зеркало, и, когда, наконец, переделалась во все чистое, вышла из санузла, прислушиваясь к тем звукам, которые могли запросто повториться. Постояв примерно две минуты около двери санузла, мысленно себя ругая за то, что не прихватила с собой пистолет, она, так ничего и не услышав, кроме биения собственного сердца, с облегчением выдохнула, и вновь села за рабочий стол.

Как только она написала первую строчку в журнале дежурств, в котором значилось, что ее смена, растянувшаяся на двое суток, подошла к концу, тут же затрещал внутренний телефон, висевший на стене.

– Алло, парикмахерская, – сказала она, заранее зная, кто может звонить в такую рань.

– Марго, – прозвучал на том конце провода голос пожилого человека. – Ты не могла бы подняться ко мне?

– А что случилось, Семен Павлович?

– Ничего особенного, просто мне нужен твой совет, – ответил Полозов. – И да, по телефону я не могу об этом говорить. Всё, жду. – В трубке раздались частые гудки.

Маргарита вздохнула: не такого утра она ожидала, тем более, что через час сорок придет ее замена, Рыльский – зануда

и скучнейший человек на планете. Он, как всегда, поздоровался бы с ней, назвав по имени-отчеству, потом обязательно спросил бы о ее здоровье, о происшествиях за ночь, о том, что там у нас новенького. Вот, кто бы знал, как ей не хотелось сегодня с ним об этом разговаривать: у нее было очень важное дело к начальству, а тут этот плешивый долговязый нудяга Рыльский, которому неудобно было наговорить грубостей – она, ведь, воспитанная очень, в старых добрых традициях скромной советской семьи интеллигентов. Черт, как же бесило, что она не могла слова сказать в свою защиту, когда это было необходимо!

Кондрашкина окинула взглядом стол, будто что-то пытается на нем найти, или, наоборот, спрятать подальше от глаз Рыльского, чтобы не было пустых ненужных вопросов, но, так ничего и не обнаружив, надела медицинский халат, и, выключив свет, вышла из кабинета. Она нарочно хлопнула дверь, чтобы охранник, наконец уже проснулся. И, что интересно, ей не было его жалко. Кто ее пожалел хоть раз на этом объекте? Никто, ни один человек: все только пользуются ее добротой, ничего не отдавая взамен – обидно, что и говорить.

Охранник проснулся, зевнул, кивнул, поднял с пола книжку и встал со стула, чтобы размять ноги.

– Ну, как дела, Ритуль? – спросил он, наклоняясь из стороны в сторону так, что аж спина хрустела.

– Как сажа бела, – ответила она. – Буду не скоро, – бросила

она через плечо и вышла из медицинского крыла в общий коридор.

Кондрашкина шла по пустому коридору, пока все спали. Изредка встречались ей по пути охранники: кто дремал, кто бодрствовал. Они встречали и провожали ее скучными взглядами: «Не спится же в такую рань молодой красивой женщине», – витало в воздухе никем не озвученное непонимание.

Маргарита спешила на встречу с Полозовым, ее учителем и наставником еще по медицинскому университету. Он, заведующий кафедрой психологии, дал ей, в свое время, рекомендацию на работу сюда, на «Цитрон», в качестве высокооплачиваемого медработника широкого профиля.

Сейчас он вызвал ее по довольно интересному, как это у него всегда бывало, делу.

Она преодолела километровое расстояние, дойдя до северной стороны острова, и, поднявшись по темной лестнице на второй уровень, постучала в первый же кабинет. Ей открыл сам Полозов. Его медсестра еще не пришла, да он в ней особо и не нуждался – она была приставлена так, на всякий случай, как сказал ему некто из администрации. Полозов, поговорил в тот же день с медсестрой, прекрасно понимая, в каком звании был этот персонаж, но, будучи всегда осторожным, всегда следил за своими словами. Он не привык быть под пристальным взглядом соглядатаев, но работа на данном объекте не могла выстраиваться по-другому. И, всё-

таки, здесь было что-то еще, чего Полозов никак не мог уловить, несмотря на свой богатый опыт общения с довольно разными людьми...

Кондрашкина вошла в кабинет. Полозов поклонился ей и поцеловал руку. Маргарита не возражала.

– Вы сегодня прекрасно выглядите, Марго: как утренний цветок, едва проснувшийся под первыми лучами солнца, он тянется своими нежными лепестками...

– Может, хватит издеваться, Семен Павлович: мне еще письмо писать и ответа ждать, – сказала Кондрашкина нетерпеливым тоном.

– Не любишь издевательств? Привыкай, дорогуша, скоро нам им всем придется испытать на собственной шкуре.

– Опять вы за свое? Несколько лет эта странная мысль о грядущей катастрофе буравит вам голову.

– А в чем я не прав? Вон, не далее, как на прошлой неделе, на Фаяле...

Маргарита вздохнула:

– Вы путаете, уважаемый коллега, катастрофу с рядовым несчастным случаем, когда некоторые явления оказались не под нашим контролем.

– А под чьим тогда? – спросил он, хитро на нее взглянув.

– С этим пока еще разбираются наши деятели. Однако, есть у меня кое-какие предположения, но об этом после. Чего вам от меня понадобилось в такую-то рань?

– Ну, вы прямо хотите всё и сразу! Какая вы нетерпеливая,

однако. Давайте, сначала вы мне расскажете о своих проблемах, а потом я, договорились?

Маргарита посмотрела на него, как на несерьезного человека, которому в без пятнадцати шесть утра совершенно нечем заняться.

– Ну, хорошо, хотите поболтать – значит поболтаем. Значит так, у меня остался всего час с небольшим, когда мне нужно будет кинуть на внутреннюю почту письмишко нашему боссу. И если я не успею этого сделать, то буду опять не спать всю следующую смену.

Полозов с удивлением посмотрел на нее.

– А по вашему виду и не скажешь, что вы не спали. По моему, вы так очень даже выспались и набрались сил.

– Вы не поверите, но иногда горячая вода творит чудеса, особенно, когда все спят и в кране хороший напор.

– Охотно вам верю. Так что вы там говорили о бессонной ночи?

Маргарита смотрела куда-то мимо него и не сразу ответила.

– У вас было когда-нибудь ощущение, что за вами следят?

Полозов засмеялся.

– С этим ощущением я родился, милая вы моя! Мания преследования, знаете ли, это именно то, что определило мою специальность. Можно сказать, что именно ощущение постоянного преследования кардинально повлияло на мою жизнь, и если бы не оно, то я бы здесь не оказался! Но это

все, конечно, лирика – давайте, выкладывайте уже, что там у вас стряслось.

– В общем, вчера я снова услышала, как кто-то дышал в моем кабинете, когда я работала над своими бумагами. Сначала хотела списать всё на вентиляцию, но потом страх перевесил и я вынуждена была прибегнуть к антикислородному методу решения проблемы.

– Оригинально вышли из ситуации, ничего не скажешь! – Полозов захлопал в ладоши. – Ну, и чем дело кончилось?

– Да, ничем – никого в комнате не было: наверное, действительно, вентиляция живет своей жизнью.

Полозов кивнул, потом встал с дивана, на котором они сидели, и подошел к рабочему столу.

– Вот тут у меня завалялся один старинный документ – ему уже месяца два, наверное, так вот, здесь сказано, что на «Цитроне» удачно завершен проект, под общим названием «Проникновение». Вам не кажется, что название это несколько вульгарно? – он ухмыльнулся, глядя озорным взглядом на Кондрашкину.

– Вы опять за свое, Семен Павлович, а ведь я вам говорила, что развод – тяжелая штука, – ответила она, глядя прямо на него. Он отвернулся, слегка покраснев.

– Как же, как же, прекрасно помню ваш совет, и, тем не менее, не жалею, что расстался с той фурией...

– Но с той фурией вы прожили двадцать пять лет, – никак не унималась Маргарита.

– Так всё, хватит – мне эта тема неприятна! – крикнул он, и Маргарита поняла, что, действительно, пора остановиться.

Помолчав минуту, Кондрашкина вновь спросила:

– Что за «Проникновение» такое?

Полозов, не глядя на нее, включил настольную лампу, хотя в кабинете было светло, как днем, и тут же ее выключил. Потом опять включил и выключил. Маргарита не отрывала профессионального психолога от этого важного ритуала, который, очевидно, успокаивал Полозова. Дождавшись, пока он в десятый или пятнадцатый раз щелкнет выключателем, она, наконец, встала и прошла по кабинету.

Полозов кашлянул и сухо произнес «извините». Потом, снова повертев в руке бумагу, осипшим голосом сказал:

– Проект под этим чудным названием, можно сказать, мечта всех исследователей, как в области оптики, так и в сфере шпионских технологий, как бы грубо это ни звучало.

– Да профессор, сейчас вы были очень грубы, – шутливо отозвалась Маргарита.

– Прошу прощения еще раз – больше этого не повторится, уверяю вас, – сказал Полозов на всякий случай, вполне допуская, что мог сказать или сделать, незаметно для себя то, что не понравилось его ученице.

– Только при определенных условиях, так ведь? – спросила она.

– Вы опять начинаете? – сдерживаясь, сказал он.

– И вы меня простите, – отозвалась она, запутав его еще

больше. – Продолжайте, пожалуйста.

– Значит так, на чем это я... Ах, да, технологии в шпионской сфере... Они, знаете ли, не стоят на месте, и, как бы сказать, находятся в постоянном развитии. Вот и два месяца назад, например, как я уже упомянул выше, они создали нечто такое, что может привести к настоящей катастрофе, если не предпринять соответствующие меры. Ими, в местных лабораториях, были созданы, во-первых, невидимые костюмы, работающие исключительно на атомной энергии, а другой у них просто нет. Один из таких костюмов, кстати, украли там, на Фаяле, с чего, собственно, всё и началось...

– А вы можете рассказать подробнее, что там вообще произошло? – спросила Маргарита, как бы между прочим.

Полозов вздохнул.

– Зачем забивать такую прелестную головку всякими ужасами, тем более, что оно вам и не нужно.

– Откуда вы знаете? – вновь спросила она, не глядя на своего учителя.

– Ну, потому что... потому, что... даже и не знаю, как сказать.

– Скажите, как есть, а я уж разберусь.

Полозов чуть помялся и проговорил:

– Я только могу в двух словах. Некий человек украл костюм-невидимку. С помощью него совершил ряд каких-то диверсий, одной из которых было освобождение из-под замка неких тварей, которые сожрали весь дружный коллектив

половины первого объекта, то есть, острова Фаяла. Вот, собственно, всё, что я знаю. А за подробностями можете обратиться к вашему покровителю, хотя, вряд ли он вам поможет, – Полозов как-то нехорошо усмехнулся, но Кондрашкина сделала вид, что не поняла его подколки.

– Ладно, коллега, что там дальше насчет их проекта? – спросила она, уставшим голосом: прошло почти сорок минут, как она сидела на его жестком диване, и хотелось поскорее отсюда уйти.

– Ну, в общем, так. Второе гениальное изобретение заключается в том, что наши выдумщики могут теперь проходить сквозь стены практически любой толщины. Ну, конечно, здесь тоже есть свою нюансы: качество материала, толщина стен – всё это требует колоссальных энергозатрат, но такого количества радиации не выдержит ни один человек. Так что, если к вам в кабинет придет кто-нибудь из подопытных проекта «Проникновение», извините, можно на девяносто девять и девять быть уверенным, что того субъекта уже нет в живых, если, только они не выдумали средства от мгновенного избавления от чудовищных доз радиации.

Маргарита сидела, как прибитая к кожаному дивану. Она и представить себе не могла, что к ней проберется кто-то ночью, чтобы... Чтобы что: шпионить за ней, или проверить, как работает суперкостюм? Она подняла глаза на Полозова.

– Что вы мне порекомендуете? – спросила она, заранее зная, что он ответит.

– Вы умная женщина... – начал он.

– Спасибо, я знаю.

– Пожалуйста. Так вот, вы настолько умны и проницательны, что сразу же решили послать письмо тому, кто, в конечном счете, всё это, и затеял.

– То есть, вы хотите сказать, что наш «король»...

– Вот именно, дорогая моя, «король» наш, оказывается, ведет какие-то грязные игры со своими же сотрудниками. И с вами, в том числе. Мы, естественно, не может влезть в его голову, но то, что он дал санкции на разработку этого проекта, и что он был прекрасно осведомлен, где будут проводиться первые испытания, а именно, на этом объекте... А вы еще смеялись за моей спиной, говоря, что я жертва «теорий заговора».

– Я и сейчас над вами смеюсь, правда, глубоко в душе, – сказала она, еле сдерживая улыбку.

– И не стыдно вам так обижать старика.

– Нет, не стыдно, тем более, вы еще не старик...

– Так, хватит, я сказал, мне эти темы не приятны! – он снова покраснел, как рак и чем-то ударил по столу: Маргарита не успела разглядеть, что стукнулось о стекло на столешнице, но оно треснуло пополам.

– Вот видите, до чего вы меня довели? – вскричал Полозов. – Где я теперь возьму такое же?

– Закажете органическое, или пуленепробиваемое, – спокойно ответила она.

– Издевайтесь? Я люблю наши, отечественные, «натуральные» стекла, чтобы они были холодные, чтобы о них стучать можно было обратной стороной карандаша, и они при этом издавали бы характерный дробный звук, а не этот полумягкий, противный – фу!

– Ну, вот, опять я вас расстроила. Простите меня, пожалуйста, – сказала Кондрашкина.

– Вы всегда меня расстраиваете – не заметили разве? – спросил Полозов с едва заметной дрожью в голосе. Он выдохнул три раза, приводя давление в норму и, чуть подождав, спросил:

– У вас есть ко мне еще вопросы?

– Да, – ответила Маргарита, – зачем вы мне звонили?

Полозов встал из-за стола и прошелся по кабинету.

– Есть у меня здесь, на объекте, любопытный экземпляр. Он калека на все сто процентов. Самое удивительно, что он в это безоговорочно верит и не надеется на чудо – вот таких я люблю больше всего на свете: обожаю сопротивление, которое надо ломать, и всегда жду того удивленного взгляда, когда всё получается. Тьфу, тьфу, тьфу, – Полозов постучал по деревянной ножке стола.

– Да уж, вы знатный «ломатель», – сказал она, явно что-то вспомнив из прошлой жизни.

– Нет такого слова, Марго. Есть слово «разрушитель», или, хотя бы, «вредитель». Нет, опять не то. Ладно, короче, есть такой пациент, который уверен, что ему большое не

встать на ноги.

– А кто это?

– Вы пока его не знаете. Не перебиваете меня, а то я что-то сегодня с утра никак собраться не могу. Значит так, этот человек, будем так его называть...

Маргарита хихикнула, но быстро накинула на себя маску серьезности.

– ... он полагает, я это твердо знаю, что ему ничего не поможет. Самое удивительное, что он, при этом, хлопочет за своего товарища, который тоже уверен, что неизлечимо болен. Вы понимаете, как им обоим, на Пику, промыли мозги?

– Они оба с Пику? – удивилась Кондрашкина.

– Ну, да – это те самые, которых на днях Пушкин привез.

– Ах да, старина Пушкин! – вспомнила что-то Маргарита. – Давненько я о нем не слышала.

– А что вы должны были слышать? Бороздит моря и океаны, помощник капитана, и, по-прежнему, не женат, без детей, силен, бодр, энергичен. И, потом, вам тоже надо устраивать личную жизнь...

– Теперь вы начинаете меня доставать? – спросила она, метнув в него молнии.

– Как говорится, что посеешь, моя милая, то и пожнешь. Да, чего-то мы сегодня долго болтаем, и всё не по делу, правда? – он посмотрел на часы.

– Так что там с вашим пациентом? – вновь спросила Маргарита, тоже мельком взглянув на свой циферблат.

– Ну, в общем, вчера был первый сеанс, неофициальный, правда.

– Как всегда, – понимающе кивнула Кондрашкина.

– Да. Так вот, результатом я доволен – реакция есть, правда, он сам еще этого не понял. А так, я уверен, что если приложить максимум усилий, то можно сдвинуть камень с места.

– Только сами не двиньтесь при этом, пожалуйста, – она слегка покачала головой.

– Марго, вас так прочно держит прошлое: отпустите же вы его – пусть уходит далеко и надолго.

– Стараюсь, Семен Павлович, стараюсь. Так и что же требуется от меня?

– Я бы хотел, чтобы вы провели некоторые анализы. Человечка я вам отправлю, скажем, сегодня, ближе к полудню. Ну и вы там, своими методами, проведите полную диагностику, насколько это, конечно возможно. И, еще раз повторюсь, можете спокойно плевать на местные законы – они же именно так с вами и поступили, правда?

Маргарита откинулась на спинку дивана и устало посмотрела на Полозова.

– Во-первых, моя смена на сегодня закончена. Во-вторых, вы знаете, как это опасно, и, тем более, если они взялись за мной следить, во что я с трудом могу поверить, тогда, не знаю...

– Зато я знаю, чем заканчиваются подобные вещи! – гру-

бо ответил Полозов. – Так, Марго, я устал и хочу спать, до свидания! И да, ждите клиента в свою смену, и можете не благодарить.

– Ну, до свидания, – ответила она. – Провожать не надо.

– И не стану заниматься такой ерундой! – крикнул ей Полозов, когда она закрывала дверь, и вновь сел за стол.

Маргарита вышла из кабинета. Теперь она понимала, что чуть не совершила ошибку, заранее настроившись на то, что сообщит о происшествии в медкабинете начальнику объекта, пусть тот и видел в ней свою покойную дочь. «Бред какой-то» – прошептала она, теперь понимая, что это была элементарная уловка, чтобы она ничего не вздумала затевать против него, если вдруг решит от него отступить. Только почему вдруг ему пришла в голову такая мысль, ведь, она ни единым своим поступком не дала понять, что настроена против его деятельности? Ей всегда нравилось здесь работать. Она чувствовала, что нужна людям и люди нужны ей. Но теперь, похоже, всё катится в пропасть, и надо постараться, хотя бы теоретически, удержаться за ее края. Как же это противно, осознавать, что теперь ты под прицелом, и в любую минуту они могут сделать всё, что им взбредет в голову. Есть, правда, одно оправдание в пользу начальника: испытуемый мог элементарно перепутать кабинеты и, тем самым, попасть к ней. А начальник, получается, ни при чем. Но это еще надо доказать, а для этого нужно время и внимание, которое ей не хотелось уделять тому, что не касалось её работы.

Маргарита вздохнула, оказавшись в интеллектуальном тупике, не зная, как теперь себя вести с человеком, которому она, до сегодняшнего дня всецело доверяла.

Она медленно шла по коридору, вдыхая прохладный воздух, пахнувший утренним морем: кондиционеры с «умной» подачей воздуха, сохраняли все запахи, которые содержались в окружающей среде, и передавали их внутрь объекта.

Маргарита успокоилась в плане ненаписанного письма: теперь не нужно никому ничего докладывать. Единственная проблема, которая оставалась нерешенной, это рапорт охранника о ночном происшествии, если, конечно же, у них была заведена подобная практика, о чем Маргарита как-то не задумывалась. «Надо узнать у этого сони, что он успел передать своему старшему» – подумала она и пошла быстрее, чтобы успеть до общего пересменка, когда вместе с ней, менялся и тот охранник.

Глава 35

Серое огромное облако, просочившись сквозь едва видимые щели стального пола, вылезло наружу и, окутав собой задремавшего молодого человека, начало душить его невидимыми руками. Егор кашлял, но никак не мог проснуться, а серое подобие чужеродных рук все сильнее и сильнее смыкалось на его горле, вдавливая кадык все глубже, и, наконец, с громким хрустом сломало шейные позвонки. Тело Егора вмиг обмякло и завалилось на стол. Серое нечто аккуратно поддержало еще теплое тело, не дав упасть ему на пол, что-

бы никто не услышал, что здесь творится. Бережно уложив труп на стол, облако тихо поднялось вверх и «посмотрело» на свою работу от уровня верхней стороны интерактивного окна, словно проверяя, как сделано дело. Потом оно, еще раз, обогнув стол, вернулось туда, откуда вылезло – к железным пластинам, закрывавшим платформу. Облако, медленно, заталкивая свое «тело», уползало обратно, в черный колодец – пора было возвращаться туда, где оно впервые «родилось», на нижний уровень, где работали гребные винты, и было много живых людей, только доступ к ним был затруднен – среди них работал бывший священник, знавший кое-что об этом и других призраках.

Тело Егора пролежало всю ночь нетронутым. Никто так и не появился в слесарке до самого утра. Когда, с первыми лучами солнца, появившимися в интерактивном окне, дверь слесарки открылась, на пороге стоял Тимохин, о чем-то думавший по дороге сюда. Новый заказ, поступивший вчера днем, когда Королев был в то время на нижнем уровне с полусотней медных болтов, снова предусматривал участие всего коллектива в его выполнении.

Тимохин открыл дверь. Глядя себе под ноги, он не сразу заметил, что лежит на рабочем столе, за которым вчера Королев пилил медные болванки. Задумчивость Тимохина поразила бы любого человека, окажись он в тот миг в слесарке. Бригадир, постояв на месте минуту, оглянулся на входную дверь, и, хотел было, выйти из помещения, как вдруг, с того

самого рабочего стола на пол упала сумка Егора. Планшет, охваченный матерчатым ремнем, пополз вслед за сумкой, и, не удержавшись на столе, упал на пол, стукнувшись пластиковым углом о бетонные плиты, выстилавшие всю поверхность. Лопнул экран планшета, раздробился пластик – кончилась виртуальная жизнь... И только тут Тимохин обернулся и увидел, что лежало на столе. Его глаза становились всё больше и больше. Он хотел закричать, но горло вдруг чем-то сдавило, и из давно нечищеного рта донесся лишь беспомощный хрип, будто его душили точно так же, как несколько часов назад душили Егора. Он только мог схватиться за голову и присесть...

Так он и сидел, пока не подошла остальная бригада. Пришли все, кто был приписан к слесарной мастерской. Первым вошел Сергей, потом Никита, а последним пришел, Королев. Он не выспался за сегодняшнюю ночь: его будто кто-то толкал в бок с десяти вечера до шести утра, и тряс за плечо, как вчера это делал Егор, когда Королев поднялся из черного колодца.

Все увидели сидящего на полу Тимохина. Сергей, поначалу, улыбнулся, но, как только его глаза поднялись чуть выше, он увидел рабочий стол. Потом этот стол заметили и все остальные. Сергей молча смотрел на тело, и беспомощно открывал свой рот. Остальные работники просто оцепенели, не имея сил сделать хотя бы шаг к страшной утренней находке.

Королев был самым «живым» из всей этой группы. Он по-

дошел к телу, приложил пальцы к шее Егора, хотя и так, по синюшному лицу, было ясно, что перед ним труп, и, спокойно отойдя назад, направился к телефону. Набрав вчерашний номер санитаров, он, заодно, позвонил в медслужбу, у которой был другой телефон. Опыт звонков на этом объекте, похоже у него был самым большим, учитывая его срочные разговоры на Фаяле, когда происходили те или иные события. В другом коллективе, в мирной спокойной обстановке, его бы прозвали человек-ЧП, или еще как-нибудь, и он бы не обиделся. Но здесь, на «Цитроне», в данный момент ему не было замены.

Через пять минут после звонка, пришли все, кого он вызывал.

– Доброго вам дня, – пробубнили санитары, и не дожидаясь ответа, протиснулись сквозь плотно сгрудившихся, возле мертвого Егора, слесарей.

Они молча уложили тело на носилки и, хотели было, уже уходить, но тут в слесарку забежал запыхавшийся полутораметровый медработник, с неизменной улыбкой до ушей, со вчерашнего дня так и блуждавшей по полному сытому лицу.

– Так, где больной? – спросил он, оглядывая всех.

Тимохин обернулся к Королеву и вполголоса спросил:

– Ты ему не сказал, что ли?

Королев посмотрел на него каким-то мутным взором, и неуверенно пожав плечами, сказал:

– Не помню.

Медработник, больше никого не спрашивая, заметил, наконец, санитаров, и радостно кивнув, подошел к ним.

– Ох, ты! – воскликнул он. – А почему мне об этом не сообщили? Я-то, грешным делом, подумал, что опять у кого-нибудь нервный срыв.

Ему никто не ответил.

Медработник покрутился возле тела Егора, сделал необходимый осмотр, потом взял какую-то бумажку, и, почиркав в ней ручкой, вопросительно посмотрел на бригаду:

– Кто здесь старший?

– Я, – тут же отозвался Тимохин и взял, протянутое ему, свидетельство о смерти. – А подробности будут? – спросил он медработника, собиравшего уходить.

– Позже, позже, уважаемый, сейчас не до того! – он выбежал из слесарки. Санитары, накрыв зеленой простыней тело Егора, спрятав под ней его голову с модной прической, вышли вслед за медработником, навсегда унося с собой тело веселого, в прошлом, парня, готового всегда помочь каждому или поддержать в тяжелую минуту...

Кто-то из бригады смахнул вдруг набежавшую слезу. Кто-то просто шмыгнул носом, как от попавшей в него пыли. Королев молча смотрел на закрывшуюся, минуту назад, дверь слесарки, и ни о чем в этот момент не думал: всё кончилось так внезапно, что невозможно было поверить в то, что, человек, с которым только вчера разговаривал, сегодня уже будет лежать в холодном морге.

Никто не хотел говорить. На людей словно напал страх, который лечится лишь молчанием. Странные ощущения испытывала вся бригада: многие потом говорили, что, когда они стояли около страшного стола, отмеченного смертью, то чувствовали чьё-то невидимое присутствие даже в пустой слесарке. Позже, на допросах, Никита и Тимохин, вспоминали, что им несколько дней подряд казалось, будто в помещении сильно пахнет сигаретным дымом, хотя никто из ребят никогда в жизни даже не пробовал курить. Они упоминали этот момент несколько раз, но следователи даже не вносили в протокол эту, ничего не значащую мелочь, списывая всё на нервное потрясение работников, которые, очевидно, впервые в жизни видели покойника.

В тот трагический для всей бригады день, медработник шел к себе, насвистывая какую-то веселую мелодию. «Наверное, есть повод», – думали многие сотрудники, проходившие в тот момент мимо него по коридору и невольно оглядываясь на коротконового веселого человека. Они не часто слышали от него свит, или песни – в основном, он просто молча улыбался, когда шел по своей надобности, часто перебирая коротки ножками.

Медработник пришел в кабинет в прекрасном расположении духа. Если так на него влияет смерть, то каково же бывает потрясение этого человека от новой жизни. Он, правда, не испытывал еще этого чувства, так как на объекте никто и никогда не рожал, но, у медсестер, знавших его многие го-

ды, поначалу складывалось впечатление, что с этим человеком не всё в порядке. Но потом, по прошествии некоторого времени, эти нюансы забывались, и медсестры видели в нем прежнего, «много улыбочивого», как они втайне выражались, человека.

– Валюша! – крикнул он, когда зашел в кабинет в тот самый день. – Принесите мне, пожалуйста, карту работника по фамилии П., а звать его Егором.

– Сейчас всё будет, Пантелей Эдуардович, – отозвалась Валюша, рыжая толстая девица, передвигавшаяся, тем не менее, быстрее многих худышек. Это несоответствие замечали многие, кто видел ее за работой, когда она помогала при операциях или, например, мгновенно заполняла карточки на компьютере, в свое время моментально его освоив.

Найдя требуемую карточку, она, подражая своего начальнику, то есть, улыбаясь до ушей, положила ему на стол обтрепанную брошюрку неизвестно каких годов, и отошла на метр от стола.

Доктор, продолжая улыбаться, посмотрел удивленными глазами на карточку, отчего его улыбка вдруг превратилась в зловещий оскал, живо напомнивший рыженькой Валюше американский ужастик с незапоминающимся названием, от которого она, в свое время, чуть не превратилась из рыжей в седую, где все вот также улыбались, когда в них вселялась некая сущность, которая потом всех убивала их же руками.

Она инстинктивно отошла еще дальше от стола.

– Это что еще такое? – спросил он таким злобным голосом, что Валюша чуть не осталась с приклеенной улыбкой до конца своих дней. Губы ее тут же опустились, превратив рот в рыбий, отчего личико мгновенно изменилось, выдав истинный возраст, который она так тщательно скрывала.

– Карточка, как вы просили, – ответила она дрогнувшим голосом.

– Какая, к чертям собачьим, карточка? Ей сколько лет, по-вашему? – он швырнул «брошюрку» на край стола. – Нет, вы не отходите – вы возьмите ее и посмотрите внимательно, в каком году ее завели?

Валентина посмотрела на дату оформления карты.

– Всё правильно: в этом году я ее сама заводила, три месяца назад, когда он к нам сюда прибыл, – ответила она, вжав голову в плечи, ожидая новой порции ругани.

– Почему вы не внесли ее компьютер, как полагается?! – вскричал доктор.

– Не знаю, – тихо ответила она, – по-старинке вышло, наверное, или компьютер не работал...

– А кто знает? – вновь крикнул он. – И что значит, по-старинке: вы забыли, где работаете?

Валентина не знала, что на это ответить, но что-то надо было сказать, и она сказала:

– Не понимаю, как могло такое получиться, но...

– Ну, что, что, что?! – заорал он. – Может, это Галечка, или Сонечка заполняли? – не унимался он. Его губы покры-

лись белой пеной, как у бешеной собаки. Руки Валентины невольно потянулись к своим губам, чтобы показать доктору, что у него не все в порядке с внешним видом, но он вновь так на нее глянул, что ее руки мгновенно опустились по швам.

– Я вам тут устрою комфортные условия: развели мне, понимаешь... – прошипел он, открыв, наконец, карточку, и набросав в ней несколько строк. – Потом внесите все в компьютер, и чтобы я подобного больше не видел. Сегодня же проверить все карточки, которые вдруг случайно завалялись, как это у вас всегда бывает. Не справишься одна, зови свою Софочку, Галечку, или еще кого – мне плевать, но чтобы здесь был идеальный порядок, понятно?!

Валентина кивнула. Ее била дрожь: никогда он, прежде, так с ней не разговаривал. Что могло его вывести из себя, она начала догадываться позже, когда переносила данные в компьютер. До нее вдруг тогда дошло, что это, скорее всего, смерть того молодого человека могла внести такие странные изменения в его поведение. Она, конечно, в первую минуту отмахнулась от этой догадки, но со временем, убеждалась, что так оно и было на самом деле.

Валентина печатала страшные слова о том, что слесаря удушили без помощи посторонних предметов, то есть руками. Она случайно сказала об этом девчонкам, и те, также случайно, сказали кому-то еще. Плавающая «деревня» ожила, и к вечеру поползи слухи, что Егора удушили свои же слесаря.

Свои «пять копеек» добавил и Валерий. Когда его, наконец, откачали, он, придя в себя, стал требовать одного из следователей, занимавшихся диверсиями на северной стороне «Цитрона». Тот пришел не сразу, полагая, что куратору новичков вряд ли что есть сказать по интересующему его делу.

– Добрый день, – сказал следователь, как только вошел в отдельную палату, где лежал Валерий.

– Добрый, – отозвался куратор, – хочу вам сообщить о происшествии...

Следователь предупреждающим жестом остановил лишний поток слов, и, спокойно присев на стул, открыл свою черную папку.

– Ваша фамилия, имя, отчество, год рождения, место работы, наличие или отсутствие судимости, зарубежные связи...

– Так много всего? – удивился Валерий.

– А вы как хотели? – спросил, в свою очередь, следователь. – У нас всё по форме. Вы же показания давать будете, вот и нужно записать всё в соответствии с теми требованиями, которые мы должны неукоснительно соблюдать.

Валерий, вздохнув, сообщил ему все необходимые данные. Потом, также неторопливо, будто испытывая на прочность терпение свидетеля, следователь, медленно уложил листок в папку и достал другой.

– А теперь, расскажите всё, что вы хотели, – сказал он, не глядя на Валерия, который сразу как-то устал и даже, ка-

жется, перехотел давать эти чертовы показания. Он уже, было, подумал, а не сослаться ли ему на плохое самочувствие, но взгляд следователя, брошенный им на куратора новичков, миг отрезвил его и заставил заработать мысль в другом направлении. Первая фраза, мелькнувшая в голове Валерия в ту же секунду, была: «Это не шутки». Вот с этого всё и началось. Валерий выложил всю историю от начала – до конца. Следователю было подробно изложено, как он заподозрил в диверсиях Королева, по ходу рассказа, сморозив глупость о его незаконном появлении в информационном центре. Как хотел он не допустить проникновения на склад его коллегу Егора П, и как ему вообще не нравится весь тот подозрительный коллективчик слишком уж развязных и наглых слесарिशек, которым всё позволено...

Следователь поднял на него удивленные глаза, но, опустив их через несколько секунд, продолжил писать под диктовку не совсем поправившегося куратора.

После сбивчивых показаний Валерия, которые он так торопился выложить, следовать, вдруг встал и, пару раз пройдясь от двери палаты до койки больного, спросил:

– Вы можете мне в деталях описать тот инцидент с информационным центром?

Валерий, приободрившись, было, вдруг осознал, что всех деталей он, как раз и не знает.

– Товарищ следователь, – сказал он, – дело в том, что об этом вопиющем случае мне было доложено одним из работ-

ников этого центра, и он...

– А разве, такого рода информацию, должны докладывать лично вам? – спросил спокойно следователь, дав понять, что дело-то совсем не простое. – И еще, пока вы не забыли, – он специально подчеркнул местоимение «вы», намекнув на возможные проблемы с памятью Валерия, – скажите фамилию сотрудника, сообщившего о проникновении в инфоцентр.

Тот, немного приподнявшись на подушке, стал вспоминать злосчастную фамилию, так интересующую следователя, шевеля при этом губами.

– Вы знаете, что-то я не могу... Хотя, нет, постойте... Нет, снова не то... Извините, кажется, я ее забыл. Но зато я могу определить его по фотографии: она же должна быть в отделе кадров, как думаете?

Следователь слегка покачал головой, потом, закрыв черную папку, встал.

– Проверим ваши показания. Я зайду завтра. Если еще что-то вспомните, лучше запишите это, а потом доложите мне, вам понятно?

Валерий часто закивал. Следователь вышел. Куратор тяжело вздохнул: не ожидал он таких сюрпризов от собственной памяти, которая была его гордостью: он помнил всё до мелочей, чего бы ни касалось дело, каких бы специальностей оно ни затрагивало. А теперь – на тебе: забыл какую-то дурацкую фамилию! А ведь, это был первый его подопечный, появившийся на «Цитроне» – вот это он хорошо пом-

нил. Тьфу, пропасть!

Хоть следователь и хранил втайне свои дела, но, каким-то странным образом подозрения Валерия стали доступны общественности. Как просочилась секретная информация, никому не было понятно, но то, что в тот же день родились слухи о причастности к смерти Егора его коллег – это несомненный факт.

На каждом углу утверждалось, что в смерти молодого следствия виноват, ни кто иной, как тот самый, который, единственный остался в живых... Имя Королева было у всех на слуху. Он был подозреваемым номер один, о чем, кстати, сказал Валерий следователю. На втором месте оказался Сергей, который вообще, в день смерти Егора, был на другой стороне острова, с женщиной, знавшей его около года. Об этом знали и многие другие, но, тем не менее, слухи о его причастности к происшествию продолжали гулять по объекту.

Глава 36

Кондрашкина шла от Полозова в совершенно убитом настроении. Неужели за ней следят? Кто именно устроил эту слежку? И зачем? У нее не было сил, чтобы дать сто ответов на сто разных вопросов. Она, мотнув головой, решила, таким образом избавиться от чудовищных подозрений, в которых фигурировал начальник объекта, и дать отдых своей измученной нервной системе.

Маргарита медленно шла по рабочему коридору, и глу-

боко вдыхала морской воздух, прогоняемый через систему вентиляции, думая о том, как найдет сейчас охранника в состоянии глубоко сна, и... Она посмотрела на часы – шесть пятнадцать: до пересменка еще сорок пять минут. Она успеет, должна успеть.

Преодолев, наконец, извилистый километр рабочего коридора, она открыла дверь в стене. Ну, как всегда: охранник спал, сидя на стуле, прижав книжку к своей груди. «И как он на нем помещается?» – подумала Кондрашкина, глядя на грузного охранника, под которым чудом стоял и не ломался, по-настоящему, миниатюрный стульчик, если поставить его рядом с этой гориллой в черной форме.

Маргарита громко кашлянула. Охранник слегка дернулся во сне, но никаких признаков жизни больше не подавал. Она подошла ближе, и, ни мало не смущаясь, заорала:

– Рота, подъем!

Где-то она слышала, что именно эта фраза поднимает любого мужика, даже если он не служил в армии. И, действительно, тело в форме вдруг ожило и вскочило, не открывая глаз. Потом открылось одно око, затем второе.

– Рит, ты совсем уже? – произнесло тело, всё еще не понявшее, для чего его подняли в такую рань.

Кондрашкина посмотрела на жертву ночных бдений и серьезным тоном сказала:

– Поговорить надо, Канарейкин.

Тот потянулся, зевнул. Книжку он бросил на стул. Не за-

быв пару раз присесть, он хриплым голосом спросил:

– О чем это?

– О многом. А именно о вчерашней ночи.

Охранник посмотрел на нее, еще не отошедшими ото сна глазами.

– А что было прошлой ночью? – он почесал в затылке. – Ах, да – дезинфекция.

– Вот именно, – отозвалась Кондрашкина. – Вы всегда пишете рапорт начальству о том, что произошло за ночь?

Канарейкин еще раз потянулся.

– Спина чего-то у меня, захрясла. Рит, может, дашь мне направление на какой-нибудь массаж, а то, ведь, в следующую смену я могу и не выйти.

Кондрашкина окинула его быстрым взглядом.

– Сейчас таблетку принесу: ничего не будет болеть неделю, или полторы, если, конечно, не употреблять крепких спиртных...

– О чем ты говоришь, Ритуль, какое спиртное? Я вообще, как из армии пришел, ни капли в рот – только спорт, да бабы, извините, но без водки.

– Не верю, – отозвалась Кондрашкина, – но я предупредила.

Охранник кивнул. Она тут же повернулась к своему кабинету. Щелкнул электронный замок, и Кондрашкина, с опаской, открыла дверь. Еще не входя в кабинет, Маргарита просунула руку в щель и, нащупав выключатель, нажала клави-

шу. И только когда загорелся свет, она, выждав несколько секунд, решительным шагом вошла в помещение. Охранник, на всякий случай, стоял у нее за спиной, приготовившись отразить нападение того, кто, может быть, все еще был, или вновь появился в медкабинете.

– Так, где же мои бланки? – спросила себя Кондрашкина, когда открыла нижний ящик стола. – Надо как-нибудь разобрать этот бардак.

– Хочешь, я помогу? – совсем некстати влез Канарейкин, всё еще стоявший в коридоре, но прекрасно слышавший Маргариту.

– Нет, спасибо: без посторонней помощи, как-нибудь... А-а, вот они! – с этими словам она выудила толстую пачку бланков.

– Ну, и какое направление тебе написать? – спросила она Канарейкина, посмотрев на него поверх очков.

– Ты же хотела мне таблетку дать, – удивился охранник.

– Это само собой, – ответила она, – а потом, когда действие препарата закончится?

– Ну, может быть, к тому времени, направление и не понадобится? – неуверенно произнес охранник, по-прежнему стоя в коридоре, и не решаясь войти в святая святых медика широкого профиля.

– Может и не понадобится, – согласно кивнула Маргарита. – Ладно, не надо никакого направления. На, вот тебе – блистер...

– Как? – переспросил он.

– Упаковку держи, бестолочь!

– Всю упаковку даешь? – спросил Канарейкин.

– Да нет же: возьми одну таблетку, но прежде, прочти название: так полагается, – нетерпеливо ответила Кондрашкина.

– В смысле, так полагается?

– Ну, когда берешь чужие таблетки, должен сперва убедиться, что это именно то, что тебе нужно, то есть, не надо сразу глотать то, что сунули в руку.

Охранник посмотрел на нее, как на существо с другой планеты.

– Да ладно, какая разница: таблетка – она и в Африке таблетка.

Кондрашкина зло на него посмотрела.

– Ты и впрямь дурной, или не выспался за смену? Тебе могут подсунуть, всё что угодно, и, проглотив какую-нибудь дрянь, будешь потом, не знаю, от другого лечиться, в лучшем случае...

– А в худшем? – перебил он ее.

– Слушай, иди уже, – махнула она рукой. – Название посмотрел?

– Да, – отозвался он, уходя к своему стулу.

Кондрашкина села за стол: Канарейкин раздражал ее своей неповоротливостью мозга и общей дебилностью... Она даже подходящего слова не могла подобрать. И только через

минуту Маргарита вспомнила, зачем вообще с ним заговорила.

– Эй, Канарейкин! – крикнула она, выбегая из кабинета.

– Тут я, – ответил охранник, присев на стул и открывая книжку на, заложенной конфетным фантиком, странице.

– Так ты мне и не ответил.

– Чего не ответил: название таблеток?

– Нет же! – сказала она, стараясь не выдать своего волнения. – Вы пишете рапорты начальству, когда происходит что-нибудь... Когда случается какое-нибудь происшествие? – она не могла подобрать нужных слов: всё-таки Маргарита выдала свое волнение, так тщательно ею скрываемое. Но Канарейкин, с его общей неповоротливостью, не заметив этого момента, просто ответил:

– А что такого произошло: обычный случай. Вон, у Рыльского твоего, почти каждую ночь такое случается, и ничего.

Маргарита открыла рот от удивления.

– Как это?

– А ты у него спроси, – ответил охранник. – Он тоже, однажды, спросил про рапорты, а я ему тогда сказал, что чем больше рапортов, тем больше проверок, как у него, так и у нас. Короче, Рит, не парься – не будет никакого рапорта.

Маргарита выдохнула и посмотрела в потолок.

– Или я опять не въехал? – спросил охранник, искренне не понявший ситуацию. – Нет, если тебе надо – я напишу: ты только скажи.

Кондрашкина протестуяще замахала руками и, поперхнувшись слюной, сквозь кашель, вытолкнула слова:

– Нет, не надо... Кхе-кхе... Не пиши рапорт... кхе...

– Может, по спине постучать? – спросил Канарейкин, и вскочил со стула с готовностью помочь Маргарите.

Она снова замахала руками. Потом, откашлявшись и отдышавшись, сказала:

– Спасибо тебе – всё нормально.

– Пожалуйста, – пожал плечами охранник, – всегда рад помочь.

Маргарита повернулась на месте, как солдат на плацу, и зашла в кабинет.

Сидя за столом, на котором была навалена гора, так и не разобранных за ночь, бумаг, она некоторое время соображала, что вроде бы что-то упустила, но что? Потом, как молния, мелькнула в голове мысль: Рыльский – сволочь!

Она тут же встала, посмотрела на часы: без десяти семь – скоро он придет!

Кондрашкина стала нервно ходить по кабинету, думая, как бы, незаметно для Рыльского, выведать у него то, что творится здесь по ночам в его смены. Но, так ничего и не придумав, услышала разговор за дверью: с Канарейкиным здоровался Рыльский.

Маргарита чертыхнулась, и, забежав в санузел, закрылась изнутри. Она посмотрела на себя в зеркало: растрепанное красное чудовище глядело на нее с той стороны зеркального

стекла. Испуганные глаза покраснели, как после долгого чтения книжки мелким шрифтом при паршивом освещении.

Она услышала, как открылась дверь кабинета.

– Маргарита Павловна, я уже здесь! – задорным голосом прокричал Рыльский.

– Да, да, я слышу! – ответила она, как можно бодрее, и включила холодную воду. Наскоро умывшись, и приведя волосы в порядок, она, еще посмотрев на себя в зеркало, и, не вполне удовлетворившись увиденным, решила все-таки выйти. «Что-нибудь придумаю», – сказала она себе, открывая дверь санузла.

– Доброе утро, Маргарита Павловна! – радостно сказал Рыльский.

Она не ожидала увидеть его в таком приподнятом настроении и, заподозрив неладное, тем не менее, улыбнулась в ответ:

– Здравствуйте... – ответила она. К своему стыду Кондрашкина забыла не только отчество своего сменщика, но и его имя! Вот это да – дожила!

– Как прошла ночь? – спросил он, доставая из портфеля какую-то маленькую вазочку, и, не дожидаясь ответа, отдал ее в руки Маргарите.

– Поздравляю вас, уважаемая Маргарита Павловна, с днем рождения! – сказал он и изобразил на своем лице некое подобие улыбки.

– День рождения? – удивилась Кондрашкина. – У меня?

– Ну, не у меня же, – ответил он. – Сегодня, помнится, у нас тринадцатое января: Старый Новый год, ну, и, заодно, ваш день рождения!

– Точно, – тихо произнесла Кондрашкина, – я совсем забыла.

– А для чего еще нужны напарники? – спросил Рыльский, и так несмело ей подмигнул, будто у него, вместо глаз, стояли стеклянные протезы.

Она усмехнулась.

– Правильно, – ответил он, расценив эту ее усмешку, как положительную реакцию на его подарок, который она так и не поставила на стол, а держала в слегка подрагивающих руках.

– Напарники нужны, чтоб напоминать друг другу о днях рождения, если те вдруг о нем забудут, – сказал он, не переставая улыбаться, что всё больше и больше огорчало Кондрашкину: так он выглядел еще ужаснее, чем если бы не изображал на своем лице никаких эмоций.

– Да, вы правы, – ответила она, наконец, успокаиваясь, и тут мелькнула мысль: вот он – удачный повод поговорить о странных ночах.

Она поставила, наконец, вазочку на стол и, скрестив на груди руки, сказал твердым голосом:

– А еще напарники нужны для того, чтобы предупреждать друг друга об опасностях, правда?

Рыльский, продолжавший улыбаться, машинально кив-

нул. Потом улыбка медленно сошла с его губ, и он спросил:

– Опасностях? Каких еще опасностях?

– Будто вы не знаете, – сказала Маргарита, чувствуя, что еще чуть-чуть, и она его дождет.

– Мне тут доложили, – продолжила она и тут же скривила рот: какое противное слово «доложили». – Мне, по-секрету, сказали, что по ночам тут у нас бродят какие-то призраки. Это правда? – она постаралась придать голосу столько строгости, чтобы Рыльский вытянулся в струнку от ее намерений пойти так далеко, так далеко...

– Маргарита Павловна, прошу меня простить, я думал – это вас не коснется и вообще...

– Что вы там еще лепечете? – не унималась Кондрашкина. – С чего вы решили, что это касается только вас?

Рыльский не знал, что и сказать. Он стоял перед ней такой нелепый: долговязый, какой-то кривой, как старое высохшее дерево с двумя оставшимися после сотен ураганов ветками-руками, которые протянулись в разные стороны для того, чтобы либо обхватить всю планету, либо в полном недоумении от того факта, как оно, дерево-Рыльский, здесь оказалось. Кондрашкина чуть не рассмеялась, глядя на это чудо природы, но, вовремя подавив желание бурно излить свои эмоции, продолжила буравить его взглядом «женщины в гневе».

– Я вас такой никогда не видел, – пролепетал Рыльский.

– Какой – такой? – спросила она.

– Ведьмой, – тихо ответил он.

– Кем?!

Он замолчал.

– Я повторяю вопрос: что здесь творится по ночам в вашу смену?

Рыльский чуть не упал на колени. Вместо этого он оперся длинными руками о стол и, выдохнув, тяжело сказал:

– Не вели казнить Маргарита Павловна: да, была одна история...

Она поморщилась: что это за клоунские выходки?

– Одна?! – вскричала она, и тут же пожалела: ее может услышать сменщик Канарейкина, который, скорее всего, уже пришел.

– Да, вы опять правы, не одна, – ответил он.

– А сколько?

– Почти каждую ночь.

– И вы об этом молчали?

– А что я мог сделать? Мне приказали, чтобы я держал рот на замке.

Тут Маргарита будто ударилась лбом о стену. Она пошатнулась, но удержалась, опершись о спинку стула.

– Кто приказал? – спросила она вдруг осипшим голосом.

Рыльский вместо слов ответил однозначным жестом, подняв указательный палец вверх и, для верности, потыкав им несколько раз.

Кондрашкина побледнела. Ноги ее стали ватными, и она

присела на стул.

– Принесите мне воды, – сказала она по-прежнему осипшим голосом. Этот дундук Рыльский не понял, что она сказала, вернее, не поверил, но потом, что-то, очевидно, щелкнуло в его голове, и он, как угорелый, бросился в санузел, забыв прихватить стакан, стоявший на маленьком столике около шкафов с лекарствами. Он вернулся, бормоча какие-то странные слова: то ли извинялся, то ли стихотворение читал.

Он набрал, наконец, холодной воды и, расплескав на пол добрую половину, подал стакан Кондрашкиной. Та залпом его опрокинула и, слегка захлебнувшись от такого количества воды, закашлялась так же сильно, как и десять минут назад.

– Может, по спине постучать? – спросил Рыльский, тут же напомнив своим тоном Канарейкина, точно также предлагавшего ей свою посильную помощь.

– Нет, не надо – сама справлюсь, – ответила она, облачиваясь о стол грудью – так ей было легче.

Рыльский стоял посередине кабинета, не зная, что ему делать.

Когда она справилась с кашлем, встала, подошла к двери кабинета и прислушалась: ни единого звука она не расслышала – охранник еще не сменился. Маргарита вновь повернулась к Рыльскому.

– Итак, расскажите мне всё, что здесь было, – требовательным тоном сказала Кондрашкина, уверенная в том, что

тот ей сейчас всё выложит, как на духу.

Рыльский улыбнулся, как мог, потом покосился на телефон, висевший на стене, и глазами попытался ей показать, что, мол, в нем-то всё и дело. Она сразу всё поняла, и, в свою очередь, показала глазами на санузел. Рыльский, на цыпочках, и чуть ли не сделав крысиные лапки, подошел к санузлу и открыл дверь. Кондрашкина показала ему пальцем на выключатель. Через секунду в санузле загорелся свет. Кондрашкина сделала несколько шагов и зашла в санузел вслед за Рыльским, плотно прикрыв за собой дверь. В маленьком помещении было тесно, но Маргарита, каким-то образом, подвинув Рыльского, протиснулась между ним и стеной к раковине, включив на всю «катушку» холодную воду.

– Итак? – вновь задала она вполне понятный вопрос.

– Что, итак? – переспросил Рыльский.

– Рассказывать будете?

– Ну, да, наверное, – ответил он, и губы его задрожали. – Мне запретили, я же вам сказал! – чуть ли не взмолился он, глядя черными мокрыми, от подступивших слез, глазами на беспощадную женщину, благо, что у нее в руках не было кухонного ножа.

– Я повторюсь для особо одаренных: мне нужна вся информация... Хотя нет, не так. Дело в том, уважаемый... черт, как же... – она так и не вспомнила этого дурацкого имени своего коллеги. – Вот, точно! – выкрикнула Маргарита, словно она придумала состав эликсира молодости, – ува-

жаемый коллега, пожалуйста, хотя бы намеками, дайте мне понять, что здесь произошло.

Бедняга Рыльский выглядел так жалко, что она, чуть, было, не решила прервать свой допрос, но, тут же собравшись, задала наводящий вопрос:

– Послушайте, коллега, мы с вами находимся в одной лодке, или даже, нет – в корыте, в дырявом ржавом корыте, которое, того и гляди, пойдет ко дну. Мы с вами просто не успеем рассказать всего другу другу, если будем тянуть резину. Давайте, начну я. Короче, – сказала она и села на ванну, – вчера я услышала чье-то дыхание у себя за спиной, причем в кабинете никого, кроме меня, не было. Я подумала, что это работает вентиляция, но потом, мысленно сравнив звуки, которые я как-то слышала раньше, поняла, что это не она. Тогда я приказала охраннику, чтобы он законопатил все щели в двери и провел в кабинете дезинфекцию. И только потом, подождав, для верности, пятнадцать минут, я снова вошла в кабинет, но ничего не обнаружила – никакого трупа нарушителя. Вот и весь мой рассказ. Теперь очередь за вами, – она вопросительно посмотрела на чуть успокоившегося Рыльского.

– А что я должен рассказывать – вы уже всё изложили, и, я бы сказал, довольно подробно – у меня бы так точно не получилось, – ответил он таким тоном, будто дело уже решилось.

– Хватит паясничать! – прикрикнула она, не опасаясь, что

прослушка на телефоне достанет их и здесь. – Мне нужны недостающие фрагменты этой мозаики.

– Какие еще фрагменты? У меня было то же самое, что и у вас. Я и дезинфекцию так же делал, вернее, Самойлов, охранник мой...

– Ясно, – ответила она. – А вы не знаете, докладывал ли ваш Самойлов своему начальству о тех ночных кошмарах, которые вас посещали?

Рыльский, обрел, наконец, некоторую устойчивость, как физическую (теперь его не шатало из стороны в сторону, как то сухое тощее дерево на ветру), так и психологическую – взгляд его стал спокойнее, язык произносил связные предложения, а не отдельные слоги, будто выплевываемые изо рта. Он приосанился и сказал:

– Я этим вопросом не интересовался: мы сделали дезинфекцию и разошлись по своим делам.

Маргарита не ожидала такого равнодушного отношения к ночным кошмарам, но, набравшись терпения, спросила:

– А если поинтересоваться у Самойлова этим вопросом?

Рыльский пожал плечами.

– Вот и поинтересуйтесь, если хотите.

– То есть, вы не будете принимать участия в этом допросе?

– Нет, – ответил Рыльский – мне это не интересно.

Кондрашкина со злостью ударила кулаком о чугунную ванную, и, взвывая от боли, услышала от коллеги совершенно ненужные слова сожаления.

– Да пошли вы к черту, Рыльский! – не выдержала она. – Почему мне больше всех надо?

– Вот этого я точно не знаю, – ответил он.

– Нет, вы серьезно так думаете, или прикидываетесь дурачком деревенским?

– Да, я так думаю, – кивнул он, как ни в чем ни бывало.

Она помолчала несколько секунд, понимая, что эту стену так просто не пробить.

– Хорошо, другой вопрос: вы звонили кому-нибудь по данному инциденту, когда слышали эти звуки?

Рыльский кивнул.

– Что вы тогда сказали? – спросила она.

– Не помню, – пожал плечами Рыльский.

– Да как же вы можете не помнить, когда это было всего два дня назад? – вновь вскричала она.

– Почему два дня назад? – удивленно спросил он, – это было практически с самого начала моей работы на этом объекте.

Маргарита подозрительно на него посмотрела.

– Сколько лет вы здесь работаете?

– Восемь. Нет, девять. Да, точно – девять долгих, но прекрасных лет, – ответил он и вновь улыбнулся. Кондрашкина отвернулась: не могла она больше видеть этих черных зубов и тонких губ, готовых растянуться аж до затылка.

– И вы каждую ночь слышали эти звуки? – спросила она с таким разочарованием в голосе, что теперь в пору было

жалеть ее, а не Рыльского.

– Ну, да, только не каждую ночь, а каждую смену. И это была вентиляция, точно вам говорю. Девять лет подряд может шуметь только она, а не живой человек, – сказал Рыльский с уверенностью в голосе.

– Да, да, я поняла, – она закивала, чувствуя, что, очевидно, напрасно испугалась всех эти кошмаров...

Маргарита отошла от ванной и захотела уже выйти из санузла, но вдруг она вскинула голову и крикнула:

– Стоп!

– Что еще такое? – спросил Рыльский, наивно полагая, что все вопросы уже решены.

– Тогда, скажите, на милость, почему вам запрети говорить на эту тему?

Рыльский пожал плечами.

– Не знаю, может, чтобы не было паники...

– Какой еще паники? Чего они испугались?

– Кто?

– Те, кому вы звонили!

– А мне откуда знать?

– Какой был голос у того, кто вам тогда ответил? – спросила она, запыхавшись от такого количества вопросов.

– А какой может быть голос у заместителя начальника...

Она его тут же перебила:

– У какого именно заместителя: у него их пять штук!

– А мне почем знать? Спросите у главного сами, если хо-

тите, – дал он ненужный совет. – Смею вам напомнить, что с тех пор, у него, – он снова ткнул пальцем в потолок, – появился шестой зам.

Она отвернулась от Рыльского, внезапно осознав, что, скорее всего главный может быть и не в курсе всех этих ночных происшествий.

Рыльский, хотел было, уже отойти от нее подальше, чтобы, как бы намекнуть, что он уже не участвует в ее допросе.

– Не торопитесь, коллега, – остановила она Рыльского, не глядя на него. – Ответьте еще на один вопрос, – голос ее стал чуть мягче, но, тем не менее, оставался настойчивым, – зачем вы обращались за помощью к Самойлову по поводу дезинфекции, если это шумела вентиляция?

Рыльский выдохнул, очевидно, заранее зная ответ и на этот вопрос:

– Это была моя инициатива: я думал, что там шумит крыса, или какое-нибудь животное, сбежавшее из вивария. Они, ведь, могут бегать по вентиляции?

Она долго на него смотрела, всё больше склоняясь к мысли, что, с возрастом, стала такой же, как ее учитель – приверженкой теорий заговора, и что цепочка ее действий привела к тому, что сейчас она чувствует себя полной дурой. А на фоне Рыльского быть дурой, это, знаете ли, что-то из области черного юмора. И еще ей не давал покоя тот загадочный голос заместителя начальника объекта, который Рыльский, конечно же, не узнает, по прошествии стольких лет.

Она закрыла глаза и снова облокотилась о ванную.

– С вами всё хорошо? – участливо поинтересовался Рыльский.

– Нет, мне плохо, но вас это не касается, – ответила она слабым голосом, – Уйдите отсюда – видеть вас не могу.

Рыльский поспешно вышел, надеясь, что Кондрашкина, наконец, от него отстала.

– Ума не приложу, что теперь делать? – сказала она, приложив ладони ко рту.

– С вами опять что-то случилось? – спросил Рыльский, на всякий случай, продолжая находиться от нее не безопасном расстоянии.

– Ничего, – ответила она, – мне пора идти спать.

Она сняла медицинский халат, взяла свою сумочку, и вышла из кабинета, не закрыв за собой дверь.

Глава 37

Наступила смена Кондрашкиной. Кончились двое суток законных выходных, за которые она так и не набралась сил, практически не выходя из женской комнаты отдыха. Еще на прошлой неделе она гуляла по холмам и долинам северной стороны острова. Несколько лет назад Маргарите удалось уговорить начальника объекта дать ей возможность, как можно чаще появляться на свежем воздухе. Он, чувствуя к ней отеческую привязанность, без колебаний подписал разрешение на бессрочный пропуск на внешнюю часть территории объекта. По странному стечению обстоятельств, осталь-

ные сотрудники не могли выйти наружу, как бы им этого не хотелось. Нормы, прописанные в контракте, были на этот счет, жесткими, если не сказать – жестокими. Максимум, что позволялось сотрудникам в выходные и праздничные дни, которые были здесь редкостью, было разрешение подняться на четвертый этаж, где, за пуленепробиваемыми окнами находилась специальная комната отдыха для тех, кто нуждался в таком роде маленьком «отпуске». Из окон можно было любоваться природой, греться на солнце, правда не так долго, как этого бы хотелось, или наслаждаться пасмурной погодой, которая здесь была тоже довольно приятна, если находиться в помещении...

Кондрашкина не выходила двое суток из женской комнаты отдыха. Помещение, где, как в салоне красоты, были по стенам развешаны зеркала, и стояли туалетные столики с необходимым набором принадлежностей для наведения той самой красоты, было ей сейчас так ненавистно, как ненавистен был и сам объект, где плелись какие-то интриги, о которых никто и подумать не мог.

Надо сказать, что на объекте обитали настоящие красотки, только это мало, кто замечал, кроме слесаря Сергея, который иногда проникал в святую святых северной части острова и, под покровом ночи уводил одну из красоток в отдельный кабинет. Об этой связи знали почти все женщины, но никто не осуждал их бурный роман, и даже, наоборот, всячески помогали влюбленным, как могли: кто-то комнату на-

шел, кто-то прикрывал влюбленную по уши соседку по комнате, когда она не выходила на работу, что случалось, правда, редко. Да и Сергея, в свою очередь, Тимохин никому не давал обиду. Эта парочка не тревожила ничьих умов: они не диверсанты, не вредители какие-нибудь, и не было от них никому плохо или тошно – наоборот, многие хотели также устроить свою личную жизнь, только редко у кого это получалось.

Кондрашкина тоже была в курсе этого романа, но ей было безразлично, что происходит на чужом любовном фронте. Сегодня ей снова заступать на смену, и она не знает, как быть, если вдруг этой ночью придет тот самый призрак, или... Что там говорил Рыльский: животное, сбежавшее из лаборатории? Это был первый момент – отвлекающий, так сказать, от главного. А главное было в том, почему Рыльскому запретили говорить на эту тему, когда он сделал свой первый звонок, и что за загадочная персона была на том конце провода? Однако, был еще и третий вопрос: почему она раньше не слышала никаких подозрительных шумов, а пару дней назад они вдруг появились?

– Какой бред? – произнесла вслух Маргарита, лежа на кровати. Она не хотела никуда идти, зная, что придется снова испытывать приступ паники, и снова ей придется обращаться за помощью к соне Канарейкину.

Хорошо, рассуждала Маргарита, предположим, если пойти по пути, «проложенному» Рыльским, то нужно некоторое

время посвятить тем делам, которые зависят от нее самой. Это будет самым первым шагом, который нужно сделать для очистки совести. Итак, если рассуждать логически, то получается, что вакуумный метод избавления от непрошенных гостей совсем не годится. Что она тогда сделала? Первое: выпустила весь кислород из кабинета. Второе: подождала пятнадцать минут. Должен быть после этих действий хоть какой-нибудь труп, или нет? По всей вероятности, должен, но его не было. Ладно, может быть, этот труп лежал сейчас в вентиляции и гнил там, вернее, мумифицировался? Такое тоже возможно, только, если, по словам Рыльского, всё это происходит с самого начала его трудовой деятельности, то есть девять лет, то, сколько же там трупов скопилось, и какая вонь должна идти из вентиляции? Маргарита обладала прекрасным обонянием: одно время она даже подумывала стать дегустатором духов, или «нюхачом», как их шутливо называли. Но знающие товарищи ее предупредили, что у людей этой профессии часто бывает сильная аллергия, которая может перерасти в астму, так, что, лучше не рисковать. В итоге, она выбрала себе другую профессию, и никогда не жалела о своем выборе. Однако остался превосходный нюх: острый, отсекающий, подобно острому ножу, все остальные слабые запахи от главного, за которым идет «охота».

Она решила, что эту смену проведет в бдении, а именно, будет принюхиваться к запахам, которые могут идти из вентиляции. Жаль, что ее нельзя на время отключить: она свя-

зана практически со всем этажом, и если ее вырубить, то все просто начнут задыхаться, что вызовет лишние подозрения со стороны того, кто хотел замять всё дело.

Она еще повалялась в кровати, глядя иногда на часы, лежавшие на тумбочке, и когда до выхода оставалось два часа, тяжело встала, вдев ноги в тапочки, и пошла приводить себя в порядок.

Когда всё было сделано, до выхода остался час с небольшим. Она успевала сходить в столовку, правда, завтракать совсем не хотелось: убитое настроение, так и оставалось, по-прежнему, убитым, и чтобы его поднять, должно было произойти чудо, в существование которого Кондрашкина перестала верить, как только окончила университет.

– Привет, Ритуль, – сказала Елена Петровна Коржикова, та самая, которая состояла в «полупреступной» любовной связи со слесарем Сергеем.

– А-а, привет, Лен, – отозвалась Маргарита. – Как настроение?

Елена как-то настороженно на нее посмотрела и слегка кивнула в сторону туалета. Кондрашкина, несмотря на то, что пять минут назад вышла оттуда, последовала за Коржиковой.

– Что я тебе скажу! – начала Елена, пугливо осматриваясь по сторонам. – Мой-то, оказывается, человека убил!

– Да, ладно, быть того не может! – ответила Кондрашкина. – Не мог он: такой хороший спокойный парень, не алкаш

какой-нибудь, не нарик, не псих, поверь мне, как медику.

Елена махнула рукой:

– А вдруг у него там, в башке, чего-нибудь переклинило, тогда как?

Маргарита посмотрела на нее с сожалением и, одновременно с непониманием: как можно сомневаться в человеке, которого любишь? Она так и спросила Коржикову:

– Ну, во-первых, людей так просто не клинит. А, во-вторых, Лен, ты его любишь?

Та, опустив голову, теребила жалкий хвостик огромного узла от резинки на старых тренировочных штанах.

– Даже теперь и не знаю, – выдохнула она. – Вчера, кажется, любила, а вот, прям сейчас – не могу понять. Как можно любить убийцу, Рит? Вот ты бы смогла?

Маргарита пожала плечами.

– А черт его знает, наверное, нет. Но, с другой стороны, никто ведь точно не знает, кто убил: доказательств никаких нет. Слухи, на то они и слухи, чтобы вносить разброд и шатания в людские массы. Они, слухи эти, как мусор, от которого и хочется избавиться, и трудно, потому что к нему уже стали привыкать...

– Дурацкое какое-то сравнение, не находишь? – спросила Елена, глядя на нее круглыми, как у рыбы, глазами.

– Ну, да, сравнение дурацкое, согласна. Но зато и ситуация сложилась не совсем нормальная: у нас, как в паршивой деревне, сразу стали показывать пальцем на того, кто, может

быть вообще не причастен к тому убийству. Ты знаешь, Лен, мне не нравится то, что администрация никак это не пресекает. Вышел бы, скажем, к народу человек, и сказал бы, что, так, мол, и так, прекратите балаган, товарищи. Расследование идет полным ходом, виновных ищут, а те люди, на которых вы клеветеете, совсем ни при чем... Ну, или что-нибудь в этом духе. Так нет же, – ударила Маргарита по раковине тем же местом, которым она два дня назад стукнула по ванной, энергично беседуя с Рыльским. Она завывала и поднесла к губам ушибленную руку.

– Больно, Рит? – сочувственным голосом спросила Коржикова. – Ты под холодную воду сунь и пять минут подержи – сразу пройдет.

Кондрашкина включила воду и сунула ладонь под сильную струю: брызги полетели ей на одежду и в лицо, но она не обращала внимания, сосредоточившись лишь на прозрачных переплетениях ледяной струи. «Вот же природа сделала такую незаметную красоту!» – невольно восхитилась она, разглядывая тончайшие нити, сделанные из воды, плетущиеся друг с другом, и убегающие в решетчатый слив раковины. Она бы смотрела так бесконечно долго, но ее тронула за плечо Елена.

– Рит, ты там не уснула, а то я подумала, что вода тебя, прям, загипнотизировала? – сказала она и шмыгнула носом. Кондрашкина вытащила, покрасневшую от холода, руку.

– Так оно и есть: вода обладает такими свойствами. Ты

думаешь, почему нельзя долго смотреть в воду, когда стоишь на берегу, или в лодке катаешься? Она притягивает к себе, и человек, сам того не осознавая, может легко в нее прыгнуть и утонуть.

– Правда, что ли, Рит, или ты так прикалываешься? – недоверчиво спросила Коржикова. Ее взгляд стал пугать Маргариту: с таким взглядом, полным недоверия, граничащего с безумием, можно таких дел натворить, что и не разгребешь потом.

– Враки всё это, деревенские, Лен, враки! Так, пора нам с тобой уже выходить до столовки! – проговорила Маргарита, как можно бодрее, чтобы не нагонять еще большую скуку и пустоту на рыбы глаза Коржиковой. – Ты есть-то хочешь, Лен?

– Не знаю, – равнодушно ответила та. – Вроде бы и надо перекусить, а, с другой стороны...

– Так, всё, хватит сопли на кулак мотать – пошли одеваться, а то мужики увидят тебя в эдаких-то штанах – засмеют.

Маргарита шагнула вперед и открыла дверь туалета. Коржикова кивнула сама себе и поплелась за Кондрашкиной.

В столовой было людно. Кондрашкина ни разу не пожалела, что спустилась позавтракать, хотя чувствовала, что кусок ей в горло не полезет, и чтобы его проглотить, для этого нужно, опять-таки, чудо, о котором она с утра уже успела подумать.

Она взяла себе два бутерброда с сыром, горячий чай с са-

харом, и пару конфет-леденцов, чтобы заморить червячка днем, если тот вдруг оживет. Стоя возле раздаточного стола, она еще немного подумала, и взяла горсть таких же конфет: даст их потом Канарейкину – он их, похоже, любит, судя по фантикам в книжках.

Она и Елена сели за стол, подальше от входа. Кондрашкина бросила взгляд на часы: до пересменка оставалось еще сорок минут, так что должны успеть. Укусив бутерброд и пожевав его около минуты, как велел учебник по анатомии, в котором в главе о пищеварении говорилось, что тщательно пережеванная пища гораздо полезнее, чем килограмм мыса, или что-то в этом духе, она, сделала глоток чая. Посмотрев на Елену, Кондрашкина заметила, что она так и не притронулась к еде.

– Ты чего это, подруга? – строго спросила Кондрашкина. – Ну-ка, давай, налегай на свою жалкую сосиску в тесте!

– Не могу, Рит – тошнит меня с самого утра, – пожаловалась Елена.

Кондрашкина внимательно на нее посмотрела.

– И сколько дней тебя тошнит?

– Не знаю, по-моему, второй, – пожалала плечами Коржикова, и приготовилась уже откусить маленький кусочек.

– У тебя грудь болит? – спросила Маргарита.

– Нет, – ответила Коржикова, приготовляясь снова откусить сосиску.

– Ты от подмышек грудь потрогай, – посоветовала Мар-

гарита.

Елена потрогала, и сморщила лоб.

– Ударилась что ли где? – спросила Елена саму себя.

– А ты вторую потрогай.

Та потрогала – снова болит.

– И там ударили? – с легким подозрением в голосе спросила Маргарита.

– Ты знаешь, я не помню, – ответила Коржикова, – может, когда ящики таскала?

Маргарита всплеснула руками.

– Какие у тебя в лаборатории ящики?

– Тесты там разные, на днях привезли, – начала перечислять Елена, – препаратов кучу, реактивы, «стекло» лабораторное.

– А что, у вас мужиков, что ли, нету?

– Да вот, нету, – ответила Елена, – был один, да и того забрали куда-то вниз.

Маргарита нахмурилась.

– А что там ему, внизу, делать?

– Откуда ж мне знать? – в удивлении подняла брови Коржикова, – Оттуда виднее, – она показала пальцем в потолок.

Маргарита почувствовала, что этот жест стал ее раздражать: мигом ей вспомнился Рыльский с таким же, указующим вверх, перстом.

– Ну, тогда не знаю, что с тобой, – сказала Маргарита.

– И я не знаю, – повторила за ней Коржикова и вздохнула.

Наконец, Елена откусила сосиску, и, поморщившись, выплюнула ее на тарелку.

Маргарита вновь с подозрением на нее посмотрела.

– А что бы ты сейчас хотела съесть? – спросила она.

Тут же у Елены задрожали губы и руки.

– Я бы сейчас, знаешь, что съела бы?

– Ну-ну?

– Не поверишь: яблоко моченое в квашеной капусте, и рассольчику бы стакан махнула!

Маргарита откинулась на спинку стула, очевидно, сделав для себя кое-какие выводы, и спросила:

– А «гости» у тебя давно были?

– Кто? – не поняла Елена.

– Ну, критические дни? – уточнила Маргарита.

– Ах, эти, – промолвила Елена, и задумчиво уставилась в потолок.

– Ты знаешь, я даже и не помню, – ответила она через несколько секунд.

Маргарита кивнула, потом спросила:

– Ты что-нибудь с утра ела?

– Не помню, по-моему, нет, – ответила Елена, с отвращением глядя на начатую сосиску: неровный край укуса на ее кончике, розоватое подобие мяса, и запах, этот отвратительный запах, от которого ее снова затошнило. Коржикова отодвинула тарелку с сосиской подальше от себя и отвернулась в другую сторону.

– У тебя есть время сейчас ко мне зайти и сдать кровь?

Елена удивленно на нее посмотрела.

– Зачем?

Маргарита видела перед собой глаза ребенка, который не ожидал, что его сегодня поведут к врачу брать кровь...

Они прошли по коридору с такой скоростью, что Маргарита не заметила, сколько прошло времени. Открыв невидимую дверь в стене, она увидела Полозова, стоявшего около ее кабинета. Он улыбнулся обеим женщинам и отошел в сторону: за ним оказался человек в инвалидном кресле, поначалу, не замеченный Маргаритой из-за грузной фигуры Полозова.

– Здравсьте, – сказал инвалид.

– Доброе утро! – громко ответила Кондрашкина, и тут же тихо добавила Полозову, – я поняла.

Полозов, в ответ, улыбнулся ей еще шире, и она, не теряя времени, открыла свой кабинет. Сидевший за столом Рыльский, был бледен, как моль. Он посмотрел на вошедшую Маргариту таким потерянным взглядом, что Кондрашкина пожалела, что вообще пришла на работу: сразу столько навалилось дел, что и за месяц не разгрестишь.

Она вздохнула, и, не задавая вопросов своему сменщику, тут же предложила Елене присесть на стул, стоявший с этой стороны стола – законное место пациента.

Рыльский молча смотрел на Маргариту, но та отвернулась от него, надевая медицинский халат и, как можно дольше застегивая на нем пуговичку за пуговичкой, пуговичку за пу-

ГОВИЧКОЙ...

Рыльский устал ждать и поднялся со своего места.

– До свидания, Маргарита Павловна, – тихо сказал он.

– Уже уходите? – спросила она, по-прежнему не оглядываясь.

Тот вышел из кабинета и также тихо, как только что попрощался с Кондрашкиной, закрыл дверь. Маргарита выдохнула.

– Кто это? – испуганным голосом спросила Елена.

– Да, сменщик мой, не обращай внимания, – ответила Маргарита и села за стол. – Так, сейчас закатай рукав и расслабься.

Елена сделала так, как попросила Маргарита. Пока она аккуратно подворачивала рукав, Кондрашкина успела достать из бумажной кучи какой-то листок, и написать фамилию новой пациентки. Потом, встав из-за стола, подошла к шкафу с инструментами, достала одноразовый шприц, колбу, тонкий резиновый шланг, и подошла к Елене.

– Так, теперь смотри в потолок, или, скажем, на дверь.

С этими словами Маргарита снова открыла ящик стола и, достав какой-то значок, подошла к двери и воткнула его в самый центр.

– Вот, на него смотри, поняла?

Елена кивнула. Маргарита взяла свой стул и под села рядом.

– Теперь поработай кулаком.

Елена стала сжимать пальцы, от чего кисть быстро устала.

– Не могу больше, – сказала она.

– А и не надо – и так хватит, – успокоила ее Маргарита.

Она аккуратно вколола иглу в вену Елены, не забыв напомнить, чтобы та смотрела на значок на двери, и когда процедура была закончена, сказала:

– Вот и всё, а ты боялась!

Елена слабо улыбнулась побледневшими губами.

Кондрашкина закрыла белой пластикой пробкой колбу, наполненную темной кровью, и начала объяснять:

– Есть у них там, в лаборатории «кобасы», хорошие швейцарские аппараты: они размером со стиральную машинку, которые у нас в комнате стоят. Так вот, на них можно проверить кровь на множество исследований, в том числе и ХГЧ.

– А что такое ХГЧ? – спросила Елена.

– Это уровень гормонов беременности, – ответила Маргарита. – Вот его мы и проверим, поняла?

Елена кивнула и вновь посмотрела на значок, висевший на двери. Маргарита проследила за ее взглядом, потом усмехнулась чему-то своему и спросила:

– Чего ты на него так уставилась?

– Да, он похож на каплю кровь, вроде, – сказала Елена.

– А это и есть капля крови: его дают донорам, когда они сдают кровь.

– А-а? – сказала Елена, и вновь кивнула.

– Бе-е, – ответила Маргарита и засмеялась.

Елена, вслед за Кондрашкиной, хихикнула в ответ. Кондрашкина, глядя в пустые глаза Коржиковой, отметила про себя, что это хихиканье, скорее, машинальная реакция, чем осознанная.

Через секунду она сухим деловым тоном сказала:

– Так, теперь порядок действий будет такой: через два–три дня я тебе сообщу о результатах. А сейчас я отнесу вот это в лабораторию к нашему «много улыбчивому человеку»: его девчонки сделают анализ.

Елена сидела, кивая, но, судя по ее неизменившемуся взгляду, ничего не понимала, что ей только что наговорила Маргарита, и что ей самой, в конечном счете, предстоит испытать.

– Если тебя будут ругать за опоздание, скажи, что была у меня: пусть звонят, если возникнут сомнения, поняла?

Елена кивнула, и встала со стула.

– Я тебя провожу, – сказала Маргарита и вышла вместе с ней в коридор. Полозов, тем временем, ушел по своим делам, оставив своего подопечного. Человек в инвалидном кресле о чем-то весело разговаривал с охранником, но, когда он вновь увидел Маргариту, то вдруг замолчал и притих, будто ему предстояло серьезное испытание.

Глава 38

– Проходите, товарищ, – сказала Маргарита, открыв дверь перед Трясогузовым и пропуская его вперед.

– В моем случае – проезжайте! – весело ответил толстяк

и, мило улыбаясь, ловко протиснулся сквозь дверной проем, не задев его ни единым элементом инвалидного кресла. Кондрашкина вдруг подумала, что с этим человеком ей будет легко работать. Чем было мотивировано это предчувствие, она не могла даже и предположить, но одно она знала точно – это было очень приятное предчувствие, вселяющее веру в себя. А если врач верит в себя, то в него верит и пациент – так ей много лет говорили в университете, с этим постулатом она жила и работала.

Трясогузов сидел напротив Маргариты и смотрел во все глаза на черноволосую красавицу. «Вот, если бы не это чертово кресло, я бы тогда...», – витали озорные мысли в голове толстяка. Он прослушал несколько первых фраз.

– Вы меня понимаете, Альфред Семенович?

Он растерянно кивнул и тут же вопросительно посмотрел на нее.

– Как вы говорите? – спросил он.

Она, в свою очередь, тоже пару секунд в недоумении смотрела на толстяка, а потом спросила:

– Что я только что говорила?

На мгновение Альфреду представилось, что он ученик пятого класса средней школы, а перед ним сидит строгая учительница. И хорошо, что у нее нет указки в руках, а то была она... Но у нее такие шикарные волосы, фигура отпадная, лицо там, руки, ноги, и если бы не то кресло, он бы тогда...

Она снова его окликнула:

– Товарищ Трясогузов, вы спите, что ли?

Этот вопрос был задан на несколько тонов громче, чем протекал весь ее предыдущий монолог. Трясогузов весь встрепенулся.

– А? Что? – спросил он, не отрываясь от ее лица.

– Вы сегодня хорошо спали?

– Прекрасно я спал, – ответил он, обретая, наконец, необходимую пациенту бодрость, чтобы суметь предоставить врачу свои личные данные и вообще поговорить о том, о сём.

– А почему же вы не реагируете на мои вопросы? – снова в ее голосе появилась строгость.

Толстяк слегка покраснел и тихо произнес:

– Это личное.

– Как вы сказали: лишнее?

Он вздохнул:

– Ну, в данном случае, и при таких вот обстоятельствах – да – оно лишнее, – он с унылым видом посмотрел на свои ноги.

– Так, хорошо, вернемся к нашим баранам, – сказала Маргарита. – Товарищ Полозов, который вас сюда доставил...

«Как посылку», – мелькнуло точное сравнение в голове Трясогузова.

– ...сказал мне, что вы испытываете сильное желание вылечить своего друга. Как там его фамилия?

– Штукк. Ральф Штукк, – отозвался Трясогузов, и мыс-

ленно поблагодарил Бога за то, что он ей нужен не в качестве пациента, а как... проводник к Штукку. Толстяк некстати хихикнул. Маргарита вновь на него посмотрела, как на странного школьника, думающего о чем-то своем.

– Вы меня снова не слышите?

– Нет, нет: прекрасно, знаете ли, слышу, – ответил он, и сосредоточился, наконец, на ее вопросах. Или ответах? Черт, опять он что-то пропустил.

– ...и если мы с вами поступим вот таким образом, то всё получится, понимаете?

Он кивнул, но его глаза опять, будто не видели ее.

– Нет, так нельзя, – сказала Маргарита. – Давайте так, завтра у меня будет рабочий день. Вы можете в любое время приехать сюда, и мы продолжим нашу беседу.

– Доктор, – сказал он, – извините, пожалуйста, просто ваш внешний вид смутил меня до крайности.

– А что не так с моим внешним видом? – удивилась она.

Тут толстяк понял, что подобрал абсолютно не те слова, которые он ей хотел сказать. Да что это с ним такое, в самом деле? Он мотнул головой, надеясь, что это поможет и, откашлявшись, продолжил:

– Доктор, просто вы напомнили мне кое-кого...

– Странно, – отозвалась Маргарита, – в последнее время я некоторым товарищам кого-то напоминаю. Хорошо, Трясогузов, продолжайте.

– Ну, да, так вот, Действительно, у меня есть приятель,

Штукк, Рафль Штукк, который чем-то болен. Одно я знаю: он не переносит кондиционеров и сквозняков. И вот что ему делать, он не знает. Я, было, стал хлопотать, по-своему...

Кондрашкина подняла руку.

– Подождите, остановитесь!

Толстяк замолчал, неожиданно прерванный на полуслове.

– Я не о вашем приятеле собиралась с вами говорить. Я просто так спросила о ваших заботах о товарище Штукке, и хотела оценить степень, скажем так, вашего беспокойства по поводу его здоровья. Теперь вижу – степень довольно высокая, будто вы не коллеги, а братья...

Теперь ее перебил толстяк:

– Вы знаете, нет: его брат, родной, кстати, он погиб там, на Фаяле, когда полмесяца назад произошла...

– Вселенская катастрофа, – ответила она за него и едва усмехнулась.

Тут губы Альфреда как-то странно дрогнули.

– А чего это вы так улыбаетесь, как Джоконда? Вы же там не были, правильно, и не видели всего того, что видел я, хотя бы и по камерам дьявольского наблюдения?

Толстяк чувствовал, как в нем поднимается волна возмущения: еще чуть-чуть, и он взорвется, как котел в отеле «Оверлук» в книжке Стивена Кинга.

Кондрашкина смотрела на толстяка, оценивая, очевидно, состояние его психического равновесия, или, как там у них это называется. Альфред понял, что пора уже остановиться,

и чем быстрее, тем лучше.

– Уф, простите меня, пожалуйста! – сказал он, тяжело дыша. – Меня просто занесло на повороте. Я никоим образом не хотел вам грубить, просто те тяжелые воспоминания о ЧП выбивают меня из колеи, а уж ваша реакция, извините, на мои слова о первом объекте... Ну, вы меня поняли, да, доктор?

Кондрашкина кивнула.

– Конечно, я вас прекрасно поняла.

– И у нас, с вами, может сложиться такой же прекрасный разговор?

Она чуть улыбнулась.

– Может быть и сложится.

– Да ладно! – воскликнул Альфред. – Всю жизнь мечтал о таком вот докторе, как вы, ой, то есть, я не то хотел сказать...

– Успокойтесь уже, Трясогузов – не буду я вас ругать, – спокойно ответила она, по-прежнему, наблюдая за поведением потенциального пациента.

Альфред и впрямь немного успокоился: наверное, ее слова на него так подействовали, или еще что. Он теперь сидел смирно и готов был слушать Маргариту до конца ее рабочего дня.

– Итак, мне нужно, чтобы бы вновь выслушали мое предложение. Готовы?

Он кивнул: теперь в его взгляде читалась сосредоточенность на ее словах. Трясогузов не собирался больше уплы-

вать в страну грёз, а был теперь в ее кабинете.

– Договорились, значит, – вновь сказала она и подтвердила этот вывод кивком. Ее чудные черные волосы повторили движения головы так же плавно, как и халатик, мотнувшийся на ее шикарных бедрах, когда она, встав со стула, прошла мимо Трясогузова и сняла с двери какой-то значок в виде капли крови. Толстяк следил за ней взглядом и, похоже, снова впадал в какой-то гипнотический трас, из которого не так просто было вылезти. «Магнетическая женщина», – мелькнула смешная фраз в его голове, но он продолжал ее слушать и понимать всё, что она говорила.

– Так вот, Трясогузов, речь сейчас не о вашем друге, а о вас. Мне бы хотелось, чтобы вы сказали о ваших желаниях.

Альфред посмотрел на нее неверящим взглядом.

– То есть, вы хотите, чтобы я сейчас, при дамах, извините, сказал о тех желаниях...

– Нет, нет, нет, – прервала она его, – о тех желаниях мне не интересно. Вы должны сказать мне о тех желаниях, которые живут с вами долгие тридцать или сорок лет, то есть о том, чего вы действительно хотите, но боитесь в этом признаться самому себе.

– Ах, вы об этом, – грустным голосом сказал Альфред. – Ну что я хочу тридцать или сорок лет... Боже, неужели я так старо выгляжу?

Кондрашкина мотнула головой, дав понять толстяку, что его снова заносит не в ту степь.

– Извините, – сказал толстяк и откашлялся, – Я хотел сказать, что испытываю одно желание ровно тридцать пять лет, а не сорок, простите еще раз.

– Ничего, ничего, – кивнула она, – продолжайте, только спокойнее, пожалуйста.

Трясогузов вновь откашлялся, как на каком-нибудь собрании, и договорил:

– Ну и, в общем, я хочу... встать и идти, если коротко.

– Вот! Ну, вот же – прекрасный монолог образцового пациента! Именно этого я от вас и ждала! Теперь, если вы, конечно, не против, я бы хотела вам предложить кое-какую, легкую для вас, программу, которая поднимет вас на ноги, скажем, через неделю. Вы согласны на такое предложение?

Толстяк неуверенно пожал плечами.

– А она, что, состоит из упражнений каких-нибудь, да? – при этих словах его физиономия стала кислой, как лимон, – а то, в детстве, меня уже нагружали всякими железными блинами, привязывали тросами к доске и растягивали на ней...

– Нет, нет, нет, – замахала руками Кондрашкина, – то, что с вами делали, было чудовищной ошибкой: мне знакомы эти методы, так что не беспокойтесь. Нет, я хочу вам предложить интеллектуальные упражнения, которые будут развивать ваш мозг в нужном, вашему же организму, направлении, понимаете?

– А-а, такое, значит упражнение? – сказал он, и глаза его мечтательно поднялись к потолку. – Это как кроссворды раз-

гадивать, или какие-нибудь задачки на логику там, или математические?

– Вот именно! – воскликнула Кондрашкина. – В самую точку! Я, честно говоря, и не ожидала, что вы так быстро сообразите, что я пытаюсь до вас донести. Да, ты смотри, а с интеллектом у вас проблем явно никаких нет!

Трясогузов довольно заулыбался, а Маргарита тем временем продолжала:

– С такими пациентами, как вы, работать очень даже легко. Мне такие попадались три, или, нет – два раза в жизни, но такого уровня, как у вас, ни у кого из них не было. Да, мы с вами такие горы свернем, что никакой Эверест с ними не сравнится.

Тут улыбка начала медленно сползать с губ Трясогузова:

– То есть, вы имеете в виду местный «Эверест», высота которого всего лишь жалкие четыреста восемьдесят три метра?

– Нет, ну что вы? – всплеснула руками Маргарита. – Я имею в виду тот самый, настоящий, близкий нашему сердцу восьмитысячник в Гималаях! – она говорила нарочито громко, чтобы Трясогузов отчетливо слышал каждое ее слово.

– А, тогда понятно, – по-прежнему, неуверенно протянул Трясогузов.

– Итак, сегодня вы получите от меня первое задание, которое должны выполнить до завтрашнего дня, когда приедете ко мне сами сюда, в кабинет. Вы согласны на такую работу

над собой, Альфред Семенович?

Трясогузов кивнул, правда, Кондрашкина чувствовала, что слегка перегнула палку с этим чертовым карликовым «Эверестом», имеющим тесную связь с объектом в мозгу любимого здешнего сотрудника, а тем более с мозгом Трясогузова, который и так напряжен до невозможности.

Чуть не испортив все дело, Маргарита еще раз несколькими фразами постаралась подкрепить уверенность толстяка в своей интеллектуальной мощи, что, по-сути, и было первым заданием, которое он старательно выполнял. Для виду же, она дала ему ряд простых математических задачек из школьного учебника алгебры за седьмой класс, напомнив при этом, что если возникнут затруднения, то смело можно обращаться к своим товарищам по работе – это не будет мешать...

– Интенсивной работе вашего мозга, – Кондрашкина отчеканила каждое слово, чтобы они буквально впаялись в извилины пациента, и чтобы он жил с мыслью о мощи своего интеллекта хотя бы несколько суток, в которые и происходила бы чудодейственная работа.

Трясогузов взял тоненькую книжечку с задачками, перепечатанную на местном компьютере на довольно качественной бумаге, что приятно его удивило – он давно не видел хороших листов А 4, сделанных из финской бумаги. Странное положение дел с расходным материалом всегда возмущало Трясогузова еще там, на Пику, когда ему постоянно подсовывали какие-то листки, как он выражался, газетного каче-

ства, чтобы подписать тот или иной документ.

Он выехал, наконец, из кабинета Кондрашкиной и, оглянувшись, махнул рукой охраннику, который, как ни странно, сегодня не дремал: очевидно громкий разговор в медкабинете не давал ему спокойно уложить голову на свое плечо и погрузиться в полусонное состояние. Канарейкин махнул в ответ толстяку и, проводив его взглядом до самого выхода, открыл книжку, так и заложенную где-то на середине, что уже недели две отмечала про себя Кондрашкина, и погрузился в проблемы литературных героев.

Альфред ехал на сдыхавших аккумуляторах, ни мало не заботясь о том, что мотор скоро отключится, и придется крутить колеса вручную, чего он не делал несколько дней, от напавшей на него лени. Он прижимал к груди аккуратно скрепленные листы бумаги, пахнувшие тем прекрасным тонким запахом, который исходил от Маргариты, а именно, какими-то чудными цветочными духами, запах которых что-то ему напоминал, но что, он не мог вспомнить. Он подумал, что такие же духи, наверное, были у «Наденьки дорогой», которую он не видел уже полмесяца, или у пропавшей Светланы, так и не обнаруженной ни полицией, ни матросами корабля, где заправлял загорелый Пушкин.

Все эти мысли значительно сократили путь до комнаты отдыха. Трясогузов, из-за этого медосмотра, которого, по сути, и не было, забыл, что ему нужно вернуться на рабочее место. Между тем, толстяк уже подъехал к комнате отдыха и,

вздыхнув, постучал в дверь, понимая, что зря сюда вернулся.

Ему открыли те, кто пришел с ночной смены. Он въехал в комнату и, «забежав» в туалет, направился к своей кровати. Спать ему решительно не хотелось. По-хорошему, он опоздал на смену на два часа, плюс дорога минут на сорок, плюс до работы доехать – еще двадцать, короче, опоздание на три часа. Но у него уважительна причина – прием у врача. Так что, надо возвращаться, только вот заряд аккумуляторов на коляске оставлял желать лучшего: жалкие десять процентов энергии, которых хватит лишь на четверть пути. Трясогузов, более не раздумывая, достал из тумбочки адаптер и включил его в розетку. Ну, что, посидеть так минут десять-пятнадцать и подождать, пока зарядится хотя бы на тридцать процентов? А потом, на рабочем месте дозарядить батареи, и дело в шляпе? Хороший план, что и говорить, вот только, чем занять себя сейчас, на эти долгие пятнадцать минут?

Тут сбоку зашуршали листы бумаги. Конечно же: задачи!

– Ура! – крикнул Альфред, и где-то в темноте поднялась голова того, кто спал после ночной смены.

– Потише там, пожалуйста, – сказала голова и снова бухнулась обратно на мягкую подушку.

– Извините, – прошептал Трясогузов, – я больше не буду.

– И не надо, – буркнул в ответ кто-то позади его кресла.

Это был его приятель Штукк: он тоже вернулся с ночи и теперь его дружочек так и не дал ему поспать. Альфред снова хотел извиниться, но его губы только слегка зашевелились,

а голос он не «подключил»: все мысли его теперь сосредоточились на математических задачках, которые он должен было решить до завтрашнего дня.

Он отвернулся о храпящего Штукка. «Да, – отметил про себя толстяк, – а во сне вид у него вполне здоровый: не кашляет, нос не красный, лицо нормального розоватого цвета. Да он здоровый мужик, как я погляжу!» – сделал предварительно заключение Трясогузов, найдя, впрочем, эту мысль, достойной осуждения, и он, через секунду, отругал себя за то, что ему вдруг захотелось заняться лишь своим здоровьем, наплевав на состояние давнего друга.

Тут снова зашуршали, как живые, листы бумаги и толстяк, с удовольствием погрузился в работу. Вот только надо ручку найти.

Он отсоединил от коляски адаптер, и подъехал к столу, в надежде, что там валяется хотя бы карандашный огрызок, но там, кроме загадочных кубиков и ромбиков, летающих по воздуху, ничего полезного не было. Трясогузов с легким волнением посмотрел на другие столы, наставленные в комнате. Пришлось ехать к каждому и смотреть, что там лежит. Но, нет: кроме золотых кружочков, серых эллипсоидных пластинок и изумрудных шариков Трясогузов так ничего и не нашел. С тяжелым вздохом он вернулся к своей кровати и зачем-то полез в тумбочку. И, о чудо, там, прямо на верхней полке, между куском земляничного мыла и рулоном туалетной бумаги, лежала его старая ручка, которую он, вместе с

вещами, закинул когда-то сюда и забыл о ней, как о ненужной вещи! «Ура! – хотел крикнуть он, но не крикнул, опасаясь, что вновь разбудит Штукка и всех остальных.

Альфред щелкал школьные задачки, как орехи, иногда правда, испытывая затруднения с кубическими корнями, но, вспомнив совет Кондрашкиной, что, когда упруешься лбом в стену, не возбраняется обращаться в своим товарищам, он откладывал нерешенную задачку в сторону, и тут же, не теряя драгоценного времени, брался за другую. Так, в приятном труде прошло полчаса. Альфред, отложив очередную трудную задачу, вдруг бросил взгляд на часы, и тихо ойкнув, вновь отсоединил адаптер от коляски и, бросив листы с алгеброй в тумбочку, поехал на выход: не миновать ему теперь нагоняя в тринадцатый рабочий день на «Цитроне».

Глава 39

Трясогузов ехал на смену, где его уже заждался коллега, очень злой и нетерпеливый человек маленького роста. Он всегда, с неизменной пеной на губах, выговаривал Альфреду всякие гадости, обвиняя во всех смертных грехах, отчего в эти моменты толстяк чувствовал себя менее увечным, чем этот заморыш. Прокручивая в голове последнюю задачку, на которой он споткнулся, Альфред, приехал на рабочее место – в большой, неплохо устроенный зал, в котором размещалось сорок столов с огромными мониторами. По счастливому стечению обстоятельств, а, в основном, стараниями Штукка, Трясогузова определили в этот «Отдел наблюде-

ния», как было написано на двери. Она никогда не закрывалась, потому как особых секретов здесь не было, да и не шастали здесь посторонние. На входе в «предбанник», в виде узенького коридорчика, находилось несколько столов поста охраны с пятью людьми в форме. Вот они-то, как раз и были надежной защитой от проникновения посторонних на этот участок.

Трясогузов, махнув перед охранником бейджиком с фотографией своего очаровательно лица с фантастически привлекательным подбородком, въехал в зал, наполненным свежестью морского воздуха. Отметив про себя этот момент, на который, до сего дня, он не обращал внимания, Альфред подъехал в своему столу, находившемуся далеко от входа. За столом сидел его взъерошенный напарник, тупо уставившийся в монитор и сразу не ответивший на веселое приветствие толстяка. Когда Альфред поздоровался во второй раз, тот быстро оглянулся (пена уже была на его губах), и, что-то злобно прошипев, ткнул кривым пальцем в экран.

– Ну и что я там должен увидеть? – спросил Трясогузов, не понимая, на что, собственно, нужно обратить внимание.

Злой гном снова на него посмотрел, как на идиота и чуть не прокричал:

– Смотри правее, к лесу!

Трясогузов подъехал чуть ближе к столу, случайно при этом, подвинув стул карлика, и пригляделся к левому сектору: действительно, там что-то происходило.

– Дай увеличение, – попросил Трясогузов.

– Бери, – буркнул карлик и, с тяжким вздохом, приблизил интересующий Альфреда участок, и, пробубнив, что-то вроде, «как будто и так не видно», отодвинул свой стул подальше, чтобы не мешать толстяку наслаждаться зрелищем.

Альфред заметил, что с правой, южной стороны горы, происходит почти то же самое, что он уже как-то видел на экране интерактивного окна в столовой. На горе, где стояли трехэтажные строения, казармы для солдат, собралась толпа, имен, толпа, а не стройные ряды, вооруженных людей, одетых в спешке: некоторые были в одном сапоге или вообще без них; у других гимнастерки были без ремня и болтались на утреннем ветру, как тряпки защитного цвета; еще одни шатались, словно пьяные. И если приглядываться к каждому, то можно было найти хотя бы один недостаток. Но самое странное было то, что все держали в руках автоматы, которыми они размахивали, как палками, словно это было не боевое оружие, а простые муляжи. Трясогузов смотрел, не отрываясь на это действие, теряясь в догадках, что было это значило. Похоже, тем же самым вопросом задавался и гном, сидевший сейчас по правую руку от толстяка.

– Нормально бойцы загорают, да? – спросил гном.

– Ну, да, неплохо, – отозвался Альфред. – А тебе, походу, завидно? Ха-ха ха.

– Смех без причины – признак идиота, – отозвался карлик.

– Сам такой, – ответил беззлобно толстяк – И давно они так?

– Четыре часа сорок пять минут.

– Нифига себе! – искренне удивился Трясогузов. – И чего теперь делать?

– Ты меня спрашиваешь? – злобно спросил тот.

– Может, позвонить надо?

– Кому? – усмехнулся он. – Всё начальство в срочном порядке уплыло ночью на Терсейру.

– А чегой-то они туда махнули?

– А я почему знаю, – пожал плечами карлик, – там, видать, дела поважнее, чем здесь? Вот и пусть потом расхлебывают, а наше дело маленькое.

– Так-то оно так, но все же...

– Что? Я свою смену отработал, а то, что докладывать некому – не мои проблемы!

– Ты чего сегодня такой злой, а? – спросил Трясогузов, не надеясь на ответ: он, по-прежнему, всматривался в монитор, видя, как около трехэтажных казарм кто-то из солдат развел костер. Остальные, собирались вокруг него, не переставая махать автоматами, как жонглеры машут своими «снарядами», похожими на большие кегли. Только потом жонглеры бросают их другу другу, а солдаты продолжали держать автоматы в руках, но...

– Но, черт возьми, какая же опасная ситуация на футбольном поле! – вслух сказал Трясогузов. – И вот Иванов обхо-

дит Петрова. Гол!

– Чего ты там бормочешь? – спросил карлик, неспеша собирая свои пожитки в сумку.

– Ты еще не ушел, родимый? – бросил через плечо Трясогузов, не оглядываясь на этого злобного тролля.

– Нет пока, вещи собираю.

– Вещи ты будешь собирать, когда начальство сюда вернется и обнаружит, что у нас тут бардак, товарищ, – сказал Альфред, по-прежнему, не оборачиваясь.

– А я-то тут при чем, если они придурков по объявлению набрали? – как ни в чем ни бывало, спросил карлик.

– Нет, ты ни при чем – это я при чем, да? – спросил Трясогузов, поворачиваясь, наконец, к уже уходившему напарнику. Тот только поднял вверх согнутую в локте руку – прощался, значит, до следующей смены, и, задев плечом о косяк, вышел в «предбанник».

Трясогузов повернулся обратно к экранам. Костер, разложенный солдатами, разгорался всё сильнее. Неизвестно было, насколько большим они хотели его устроить, но кое-то уже тащил из ближайшего леса длинные ветви, и бросал их в огонь.

Нет, здесь, определенно, надо что-то делать, а то эти полудурки спялят свои же казармы, а потом куда им деваться – в комнату отдыха, которая и так битком забита? Эти мысли, появившиеся в голове у Трясогузова, заставили поворачиваться ту самую голову в поисках старшего по смене, но

он, как в воду канул.

Он подъехал к ближайшему столу, за которым сидел молодой парень и, как всегда, играл в компьютерную игрушку. Этот стервец умело замаскировал виртуальный экран компьютера с игрой в нижнем углу монитора, сделав тот же самый размер окошка, как и у камеры наблюдения. Если бы подошел начальник смены, то он, вряд ли бы заметил, что здесь происходит: из сорока «окошек» с камерами, игрушка смотрелась, как обычное наблюдательное окно, на котором, правда, кто-то постоянно прыгал или бегал.

– Аркаш, – обратился к нему Трясогузов, – ты не знаешь, где наш старшой, а?

– Без понятия, – отозвался Аркадий, не отрываясь от игры, в которой, похоже, наступил интересный момент, и если сейчас от него отвлечься, то придется проходить уровень заново. Но Аркадию, похоже, не хотелось вновь и вновь возвращаться к началу почти пройденного уровня, и он, не отрываясь от монитора, с красными от напряжения глазами (еще и сменщик его опаздывал на полдня), следил за перемещениями главного игрушечного героя.

Трясогузов видел, как открылся слюнявый рот Аркашки, которому было плевать, что происходит в других «окошках» его монитора, но толстяк, похоже, не хотел портить ему всю «малину», и отъехал к себе. Альфреду хватило времени запомнить, что на том участке, где располагался пирс, к которому он, в свое время, пристал на 404-м корабле, творились

интересные дела. Там тоже, как и на «Эвересте», собралась беспорядочная толпа рабочих, словно началась забастовка. Многие размахивали руками, в которых, кроме тряпок и каких-то свертков, ничего не было. Трясогузов больше не стал смотреть в монитор Аркадия, чтобы, не дай Бог, не отвлечь его от напряженного момента, от которого зависело прохождение на следующий уровень – пусть «мальчик» сам потом разбирается, если старшему по смене прилетит замечание, что они там сидят и молчат, в то время, как на берегу идет восстание пролетариата.

Трясогузов вернулся к своему столу. Ну, что, поскольку старшего нет, в этом случае нужно звонить одному из заместителей заместителя начальника объекта, занимавшимся отделом наблюдения. Фамилия его была Ястребов. Очень хорошая запоминающаяся, и, в то же время, как нельзя, точная фамилия, прямо указывавшая на профессию этого человека. Трясогузов, глянув еще раз на нестабильный участок на «Эвересте», где ситуация оставалось прежней, вновь отъехал от своего стола и направился к телефону, приколоченному к стене рядом с выходом из зала. Он, с трудом, дотянулся до трубки, и, набрав нужный номер, сказал:

– Альберт Валентинович на месте?

– Да, одну секундочку, – ответил приятный женский голос.

Спустя ровно минуту (Трясогузов специально следил за секундной стрелкой на своих старых механических часах), в

трубке раздался кашель, а потом:

– Приветствую!

– Доброе утро, Альберт Валентинович, – сказал Трясогузов.

– Что у тебя?

– У меня здесь непонятки.

– Какие?

– Во-первых, солдаты чего-то беснуются перед своими казармами, те, что на «Эвересте». Во-вторых, у третьего пирса толпа рабочих пытается что-то кому-то доказать: у меня в камеру этот участок не весь просматривается. – Тут он соврал: на его монитор эта камера вообще не выводилась – просто ему не хотелось подставлять Аркашку, который, по-прежнему, пуская слюни, бегал и прыгал, преодолевая виртуальные препятствия.

– Ладно, разберемся! – прогудел в трубку голос Ястребова, а потом он добавил, – Ральфу привет и мои соболезнования по поводу брата. Всё, пока, – в трубке раздалась гудки.

Трясогузову пришлось снова тянуться, чтобы достать до рычажка и положить на него трубку. Но тут трубка, уже, вроде бы, уложенная на свое законное место, вдруг соскользнула и упала вниз, раскачиваясь на витом проводе. Трясогузов, тихо матернувшись, вновь попытал счастья. Проделав ту же самую операцию по покорению высоты, в прямом смысле этого слова, он потянулся из всех сил и чуть не выпал из своего кресла. Вдруг кто-то подошел сзади и спросил:

– Всё стараешься, Трясогузов?

Альфред, снова бросив трубку, отчего та стукнулась микрофоном о стену, обернулся, не узнав чужого голоса. Как только он взглянул на незнакомца, сердце его дрогнуло: перед ним стоял тот самый обожженный матрос с 404-го корабля, или, выражаясь яснее, Малыш-Александр, его давний обидчик и, скорее всего, убийца Светланы, поварихи с Пику.

Трясогузов со всей силы сжал подлокотники кресла и, глазами метнув в непрошенного гостя молнии, злобно спросил:

– Какого черта ты здесь делаешь?

Тот, ни мало не смутившись реакцией Альфреда, спокойно достал из кармана дорого пиджака толстую сигару и зажег ее какой-то огромной зажигалкой, словно это был кислородный баллон, а не средство добывания огня в домашних условиях.

– Я отвечу на твой вопрос, только гораздо позже, согласен? – самоуверенным тоном ответил Малыш. – А сейчас мне пора возвращаться к своим обязанностям.

– Каким еще обязанностям? – спросил Альфред, не переставая сверлить взглядом того, кто только полмесяца назад чуть не прибил его на корабле.

– Да, ты же не в курсе. – сказал Малыш, – а всё потому, что кое-кто не любит приходить на работу вовремя, правда, Весельчак? Дело в том, что сегодня я старший в отделе наблюдения. Самое смешное, что ты с этим ничего не сможешь поделать. Правда, обидно, свинка?

Альфред, по-прежнему, не сводил с него взгляда.

– Я прекрасно понимаю твое недоумение, – продолжал тот, выпуская сизый дым в сторону толстяка, – но тем не менее, мне нужно с тобой серьезно поговорить. Скажем так, я приглашаю тебя на вечерние котлеты в столовку. Ты, ведь, не брезгуешь местными «деликатесами», тем более, что дают их за сущие копейки?

– Не брезгую, – ответил Альфред.

– Ну, не сердись, Весельчак, и не надо так раздувать ноздри: видишь, как я от тебя далеко – тебе не допрыгнуть, – сказал Малыш и усмехнулся.

– А это мы еще посмотрим, урод.

– Как ты меня назвал? – наклонился тот, оттопырив ухо.

– Повторить? – спросил Альфред, примерно рассчитав, что если тот наклонится чуть ближе, он сможет двинуть ему кулаком в челюсть. Толстяк, правда, никогда этого не делал, но сейчас был готов нанести первый удар: надо же когда-нибудь начинать.

Малыш разогнулся, сделал еще одну затяжку, но, на сей раз не стал выпускать дым в толстяка, а поднял свою обожженную рожу и выдул его в потолок. Тут же Альфред пожелал ему сдохнуть от вредной привычки, но Малыш этого не услышал: в этот момент где-то далеко впереди запищала сигнализация, что означало нарушение периметра, в лучшем случае. Худших случаев еще на этом объекте не было, да о них никто и не говорил, но, похоже, что именно это и слу-

чилося. Малыш бросился в ту сторону, откуда раздавались звуки, и подбежал к группе сотрудников, сгрудившихся за монитором Аркадия, который, наконец, оторвался от своей игрушки.

Люди о чем-то оживленно переговаривались, а Аркадий сидел, как пришибленный. Толстяк с жалостью смотрел на молодого человека, которому опять придется возвращаться на тот уровень, в конце которого он слетел в яму, или его загрызли монстры, а, ведь, он столько часов потратил на покорение этой «вершины». Напарник Аркадия так и не пришел на смену. «Что-то сегодня день какой-то странный, – подумал Альфред, – я опоздал, но по уважительной причине. Урод этот обожженный неожиданно нарисовался. Напарника Аркашки, как корова языком слизала. Да, боюсь представить, что же будет вечером».

Его мысли прервал Малыш:

– Трясогузов, быстро на свое рабочее место и отслеживай передвижение всех рабочих, которые уходят с пирса.

– У меня доступа нет к этому участку, – ответил он спокойно.

Малыш чертыхнулся.

– Код: семь-четыре-один и звездочка – вот тебе и вход.

– А потом?

– Потом – пирс номер три: ты что, маленький, что ли?

– Да, как я за всеми услежу? – спросил Альфред, явно не намереваясь заниматься всякой ерундой.

– А мне все равно, как ты будешь это делать! – крикнул Малыш. Люди даже не обернулись: привыкли, когда на них орут.

– Да пошел ты, мразь, – ответил Трясогузов достаточно громко, чтобы его услышали.

– Что ты сказал? – крикнул Малыш, резко обернувшись. Альфред показал ему средний палец, что делал очень редко, но сейчас его допекли по полной программе.

Он подъехал к столу, набрал нужный код. События на экране развивались стремительно. Рабочие, ранее собравшиеся на пирсе, теперь приперли какие-то доски, железные бочки, деревянные поддоны из-под скоропортящихся товаров – скорее всего, они собирались строить что-то похожее на баррикады.

– Ох, ты, Французская революция! – сказал весело Трясогузов: хоть это событие внесет разнообразие в тухлую жизнь на объекте. Он продолжал смотреть за рабочими, пока те куда-то ходили и приволакивали разный хлам: они и впрямь строили довольно шаткие конструкции, по которым очень удобно стрелять чугунными ядрами из старинных пушек. Трясогузов не мог налюбоваться живой стачкой. Эх, если бы он был там, тогда... А что тогда? Его бы повязали и бросили в карцер – здесь, на секретном объекте, разговор короткий.

Через десять минут прогноз Трясогузова подтвердился до мелочей. Пришел отряд автоматчиков. В них полетели пустые бутылки, куски грязи, камни (где они только их набра-

ли?) и те самые доски, из которых были сложены баррикады. Автоматчики отошли на двадцать шагов назад и дали предупредительную очередь в воздух. На баррикадах воцарилось временное затишье: рабочие легли за железными бочками, полагая, что их сейчас будут расстреливать в упор. От солдат отделился человек, похожий на офицера, и что-то крикнул в матюгальник. В его сторону тут же полетел ошметок грязи, приземлившись около его начищенных сапог: Трясогузов помнил, как несколько секунд назад, блеснули на солнце носки этих сапог, когда офицер только начал отходить от солдатского отряда. Офицер посмотрел на кусок грязи и опять что-то сказал в матюгальник. Рупор, при последних его словах, немного подрагивал, о чем говорили скачущие солнечные искорки на железном раструбе.

– Да, волнуется, вояка, – сказал тихо Трясогузов. – Ну, ничего, поволнуется и пойдет потом к себе в казарму, запивать эдакое горе водкой.

Прошло минут пять. Рабочие, сидевшие за баррикадами, что-то горячо обсуждали, а потом встали и начали их разбирать – восстание провалилось.

– Жалко, блин! – в сердцах сказал Трясогузов. – Давненько я шоу в прямом эфире не видел.

– И не увидишь, – ответил ему Малыш, стоявший за спиной толстяка.

Альфред вздохнул, и, не поворачиваясь, сказал:

– Если ты, морда, еще раз подкрадешься, ты до ночи не

протянешь, понял, ублюдок?

Тот только тихо рассмеялся.

– Ты можешь сколько угодно тут брыкаться, но от меня тебя не уйти, свинка, – с этими словами он вновь отошел к толпе сотрудников, которые не собирались расходиться.

Альфред знал, что рано или поздно их противостояние должно чем-то закончиться, но как это произойдет и произойдет ли вообще...

Он вздохнул и снова уткнулся в свой монитор, забыв о нерешенных математических задачках, которых осталось еще сорок штук.

По окончании рабочего дня, Трясогузов, дождавшись сменщика, который был в этой смене третьим, чтобы слежение было круглосуточным, он, попросившись с Филимоновым, сказал:

– Здесь забастовка была, так что будь внимательнее.

– Понял тебя, Альфред, – ответил тот, не задав больше ни одного вопроса, хотя стоило бы. Филимонов уперся взглядом в монитор, предварительно прощелкав все камеры, выведенные на его компьютере.

Как только толстяк отъехал от своего рабочего места и поравнялся с тем телефоном, по которому восемь часов назад он звонил Ястребову, на его плечи легли чьи-то руки. Мгновенно сработавшее предчувствие, не обмануло его и в этот раз.

– Чего тебе надо, выродок? – не оборачиваясь, спросил он.

– Я же сказал – поговорить, – отозвался Малыш из-за спинки кресла.

– Не собираюсь я с тобой ни о чем разговаривать.

– С чего это ты так решил?

– С того, что я сейчас сообщу охране, что ты не тот, за кого себя выдаешь, и тебя тут же скрутят: ты даже до толчка не успеешь дойти – вон как у тебя голос дрожит, наверное, терпел всю смену.

Тут Малыш толкнул кресло, отчего Альфреду стало не по себе, потом он вышел перед ним и сказал:

– Нам надо встретиться в каком-нибудь безлюдном месте и серьезно поговорить: есть важная информация о вашей общей знакомой?

– О какой знакомой? – спросил Альфред, вдруг напрягшись: снова предчувствие что-то ему говорило, но он не мог понять, что именно.

– Помнишь, повариха ваша пропала?

Альфред уставился на него, не веря своим ушам.

– А ты откуда знаешь: ты же пропал с того корабля – мы уж думали, тебя акулы сожрали?

Малыш усмехнулся:

– Ну, нет, приятель, меня не так-то просто сожрать, тем более, каким-то там акулам. Мне удалось скрыться в таком месте, о котором знают только несколько человек, вот они-то меня и прикрывали.

– Ну, тогда вам всем крышка, понял? – сказал Трясогузов.

Малыш кивнул.

– Вижу, ты не понимаешь, что творится на всем архипелаге.

Альфреду надоели эти загадки и он, хотел было проехать вперед, но Малыш выставил вперед ногу и носком дорого ботика уперся в подножку кресла.

– С дороги, урод! – сказал Трясогузов, – я сейчас охрану позову.

– И что дальше – старший-то здесь я! Короче, давай уже не будем валять дурка и назначим место встречи.

– Нет, – отрезал Трясогузов, – мне не нужен это разговор – пусть полиция со всем разбирается, или администрация.

Малыш посмотрел в потолок.

– Да полиции, как и администрации, чихать на всех нас. Ты думаешь, он дадут тебе спокойно работать до конца твоих дней? Нет, конечно же. Они буду ежемесячно трепать тебе нервы, подставляя и обвиняя в том, что ты не делал – это у них распространенная практика устрашения сотрудников, чтобы те были им по гроб жизни обязаны, если их выпускают из-под стражи, например... Там очень много способов превратить человека в раба, пусть он и не сидит на цепях. Ты хочешь такого будущего?

Альфред молчал – ему и впрямь хотелось узнать правду о Светлане от этого страшного человека, и то, что он говорил, было и впрямь на нее похоже.

– И ты от меня отстанешь? – спросил Альфред, не надеясь

на честный ответ.

– Клятвы тебя, конечно же не убедят...

– Естественно, нет!

– Ладно, поверь на слово, или даже, нет, лучше я тебе кое-что покажу, но для этого понадобится вернуться к монитору – моему монитору. Поехали, дружище?

Трясогузова аж передернуло от этих отвратительных слов и еще более мерзкой улыбки Малыша. Альфред, собрав всю волю в кулак, поехал за Александром назад, минув свой рабочий стол и направляясь к двери, на которой было написано: «Старший смены. Посторонним вход запрещен!»

Глава 40

Малыш приложил пропуск к надписи на двери «Старший смены»: щелкнул замок.

– Прошу, – сказал он, пропуская Альфреда вперед.

Трясогузов увидел довольно уютный кабинет, правда, настолько маленький, что он, скорее, смахивал на кладовку, чем на начальственные апартаменты.

На трех стенах висели включенные интерактивные окна, и то, что они сейчас показывали, не отражалось ни на одной из камер толстяка, по крайней мере, Альфред, за полмесяца работы на «Цитроне», не заметил ни у кого из сотрудников этих изображений на мониторах. Фотографическая память Трясогузова была его гордостью, и только за эту одну из его многих способностей, Альфреда держали долгие годы на первом объекте. Например, в этих окнах, развешан-

ных по стенам, были видны самые нижние уровни, где вращались гигантские гребные винты, движущие остров в любом направлении. Сейчас скорость винтов была минимальна – продолжались профилактические работы, позволявшие не застаиваться технике, долгое время находившейся в агрессивной среде, которой являлась морская вода.

В другом «окне» виднелась та часть суши, бывшая, скорее всего, самой западной точкой острова. Камера смотрела с берега на остров: Трясогузов отлично видел огромное поле, где была собрана, как будто, вся военная техника, произведенная всеми странами мира. Танки, самолеты, вертолеты, пушки, бронетранспортеры, еще какие-то железные «монстры», которых Трясогузов не видел даже в фантастических фильмах. Поле напоминало, скорее, кладбище всей этой техники, чем действующий парк, но чтобы детально всё рассмотреть, требовалось увеличение. Однако у этого кабинета был свой хозяин, так что...

Наконец, в третьем «окне» было... небо. Обыкновенно небо, с которого скоро сбежит солнце. Красные облака заката выглядели не так красиво, как в реальности, но, тем не менее, Альфред не мог от них оторваться несколько волшебных минут. Малыш не мешал ему наслаждаться зрелищем: в конце концов, он сам его пригласил в то место, где посторонним категорически нельзя это видеть.

Малыш включил монитор, стоявший на столе. Он заметно отличался от тех, за которыми сидели простые сотрудники:

меньший по диагонали экран, куча разноцветных кнопок на панели, плюс отдельный пульт дистанционного управления с еще большим количеством кнопок.

– Ему только крыльев не хватает, – сказал Альфред, взвешивая в руке увесистую пластиковую коробку.

– Положи на место, – беззлобно сказал Малыш и сам отобрал пульт из рук Альфреда, швырнув его обратно на стол.

Трясогузов еще раз огляделся, и, не найдя больше ничего интересного, спросил:

– Ну и за каким чертом я сюда приехал?

– А вот за каким, – ответил Малыш и переключился на какую-то камеру, транслировавшую видео с такого же незнакомого участка острова, какие были в интерактивных окнах.

– Где это? – вздохнул Трясогузов, равнодушно глядя на высокие скалы и дороги, обвивавшие их. Таких скал на острове точно не было – уж это он знал на сто процентов.

– Это Терсейра – крупный остров к северо-востоку отсюда, – ответил Малыш.

– Ну и что? – спросил вновь Трясогузов, не видя ничего для себя интересного.

– Меньше вопросов – больше ответов, – сказал Малыш, не отрываясь от экрана и продолжая щелкать на пульте какие-то кнопки.

– Что за чушь ты несешь? – поморщился Альфред.

Прошла минута, прежде, чем появилось нужное Малышу изображение.

– А теперь – смотри! – сказал он и отошел подальше от стола. – Спутники иногда способны на такие чудеса, которые тебе и не снились.

Альфред смотрел, но, по-прежнему ничего интересного не видел. Посередине экрана теперь стоял какой-то двухэтажный дом, построенный, наверное, в веке девятнадцатом, или чуть позже. Чугунный решетчатый забор с широкими воротами, открытыми для проезжавшего через них длинного черного лимузина. Как только короткий багажник машины миновал невидимую черту, за которой начинались владения неизвестного хозяина, ворота ту же закрылись. Машина проехала дальше, во двор. Два человека в форме с автоматами, ходившие туда-сюда за воротами, проводили взглядом машину, а потом, отвернувшись, продолжили смотреть на улицу сквозь решетчатый забор.

– Местный наркобарон какой-нибудь? – спросил Альфред.

Малыш усмехнулся:

– Нет, приятель...

– Никакой я тебе...

– Давай не будем устраивать сцен, дружище: смотри, лучше, дальше.

Альфред, тихо вздохнув, увидел, как около ворот появилось несколько человек, которые зажгли сигареты. Те, что были с автоматами, отошли от них чуть дальше, продолжая наблюдать за улицей.

– А что они к воротам покурить вышли: около дома не было места?

Малыш кашлянул.

– Хозяин дома не выносит табачного дыма, который, тем не менее, обожают заместители начальника нашего объекта.

Альфред недоверчиво на него посмотрел.

– То есть, ты хочешь сказать, что эти люди...

– Ну, конечно, ты мне не поверишь, потому что ни ты, ни многие другие на этом объекте, никого из них в глаза не видели. Однако есть у меня один документик.

С этими словами он достал из сейфа папку и открыл ее на нужной странице.

– Смотри.

Альфред увидел кучу фотографий с подписями внизу. Фамилии многих оказались знакомы толстяку: их частенько упоминали, как в комнате отдыха, так и в столовке. Иногда он слышал пару-тройку фамилий, находясь еще там, на «Большой земле», когда жил на пособие по инвалидности. Ежедневные новости по «ящику» как раз и сообщили ему несколько этих фамилий.

– А почему я должен верить в то, что это настоящие фотографии, настоящие фамилии, и вообще, у меня к тебе куча вопросов...

– Подожди, давай по порядку. Во-первых, верить ты мне не обязан. Во-вторых, если тебе не интересно, что будет дальше – воля твоя, может мотать отсюда. И, в-третьих, то,

что ты видел на том корабле, который тебя сюда доставил, это была лишь фикция.

– Как это?

– Очень просто, – ответил Малыш и напряженно улыбнулся. – Знаешь, что такое внедрение в сообщество, которое надо прощупать на предмет благонадежности?

– Это как, к наркоманам внедриться, что ли, а потом всех сдать и посадить? – спросил Альфред, не стараясь подбирать слов.

– Примерно так, – кивнул Малыш. – Моей задачей было... Впрочем, настоящий агент не должен раскрываться не только перед посторонними, но и перед своими, так ведь?

– Без понятия, – пожал плечами Трясогузов, – тебе виднее, кому об этом рассказывать.

Малыш снова посмотрел в монитор.

– Я скажу так: твоя деятельность на Пику была долгим объектом моего интереса. Я смотрел за тобой несколько лет и, в конце концов, убедился, что тебе можно доверять.

– Да пошел ты, – ответил Альфред, не понимая, что этому придурку от него нужно.

– Мало того, я знаю, кто твой ближайший друг Ральф Штукк.

Вот тут Альфреда задела его слова.

– А что ты знаешь о Ральфе? – спросил он, злобно глядя на своего злейшего врага.

– Не так много, как хотелось бы, но вот его братец, кото-

рого заочно похоронили, много мне рассказал и о нем, и о тех, на кого он работал.

– Кто на кого работал? – спросил, напрягшись, Альфред.

– Ральф, дружок твой, работал на кое-кого, кто нам, мягко говоря, неприятен. И никто, кроме меня и еще нескольких парней, об этом ничего не знают.

Альфред сидел в своем кресле, и ему сейчас так захотелось включить мотор и уехать из этого кабинета, пропахшего сигарным дымом, что у него снова затряслась нога.

Малыш кивнул и сказал:

– Знакомый синдром.

– Какой еще синдром?

– Синдром дрожащей ноги – так иногда бывает, когда мозг хочет подключиться к парализованным конечностям, но что-то ему мешает, – ответил Малыш, как ни в чем ни бывало.

– И что теперь?

– Да ничего, – пожал плечами Малыш, – просто, если устранить то, что мешает, то можно встать на ноги. Извини за чрезвычайно удачный каламбур.

Альфред с недоверием посмотрел на Малыша и, как бы между прочим, ответил:

– Мною уже занимаются.

Малыш кивнул:

– Знаю – эта милая докторша Кондрашкина Маргарита Павловна. Кстати, она в курсе, что тебе можно помочь не только так, как она тебе, на днях, говорила: силой мысли, или

укреплением интеллекта, не помню. Задачки по математике еще при тебе?

Альфред резко обернулся.

– Ты откуда знаешь? – прошипел он.

– О, я много чего знаю. Я даже знаю, что на объекте работает твой давний приятель, которого ты, правда, в живую еще не видел... Хотя, постой, я ошибся: не далее, как одиннадцатый, нет, двенадцатый день назад ты случайно столкнулся с ним в столовке. Ну как, достаточно убедительно?

– В чем я должен убедиться: в том, что за мной следят? – буркнул Трясогузов.

Малыш показал пальцем на монитор:

– И не только за тобой. Я за этим домом, например, наблюдаю уже вторую неделю, и кое-что заметил: через одну минуту, практически секунда в секунду, появится один человек, который... Впрочем, можешь посмотреть сам.

Трясогузов вновь уставился на экран. Откуда-то со стороны бокового выхода из дома, невидимого из-за большого увеличения другого фрагмента, появилась женщина, напоминавшая и своими волосами, и походкой кого-то настолько знакомого, что Альфред боялся этого не вспомнить. Она стояла спиной к камере наблюдения и разговаривала с одним из замов. Малыш снова приблизил изображение, нажав кнопку на пульте. В это время женщина обернулась, будто ее кто-то позвал. Нога Альфреда перестала дергаться, он открыл рот, сердце гулко забило: это была пропавшая Свет-

лана. Он хотел что-то сказать, но Малыш тут же выключил монитор.

– Ну, как, достаточно правдоподобно?

Альфред молчал, будто его ударили по башке таким тяжелым мешком, что аж плечи поднялись, да так и остались.

– А теперь, пора баиньки, – сказал Малыш и открыл дверь кабинета.

Альфред не мог двинуть руками, чтобы включить мотор коляски. Малыш вздохнул, взялся за ручки и вывез Альфреда в общий зал. Довеся его до пункта охраны, он, расписавшись в журнале посещений и пожав руку охраннику, ушел восвояси. Альфред еще несколько минут не мог прийти в себя. Охранник, которому махнул рукой Малыш, дав понять, что с толстяком всё в порядке, отвернулся от Альфреда и продолжил нести службу.

Альфред ехал домой долгие полчаса. Брошюрка с задачами, наполовину высунувшаяся из кармана подлокотника, того и гляди могла свалиться на пол, но, проходивший мимо сотрудник, заботливо подтолкнул тощую книжицу и она скользнула вглубь кармана.

Доехав до комнаты отдыха, толстяк понял, что не хочет ни с кем разговаривать, тем более со Штукком, про которого что-то знал Малыш. Тем более, он не хотел ничего говорить о Светлане, чтобы влюбленный в нее самец не начал тут же переворачивать мебель с ног на голову. Он решил, на время, попридержать эту информацию, тем более, что сам Ральф, в

последнее время, не очень стремился к общению с Альфредом. Толстяку не были интересны причины такой перемены: теперь он был озадачен совсем другими проблемами...

Трясогузов проснулся ночью: где-то далеко выли собаки. «Откуда здесь собаки? – подумал он, глядя в черный потолок. Кругом храпели, сопели, ворочались с боку на бок. Трясогузов, полежав так с минуту, снова закрыл глаза, и, списав это на тревожный сон, попытался заснуть. Только он стал медленно проваливаться в нежную мрачную тьму, как вновь услышал вой. Он открыл глаза: вой доносился теперь гораздо ближе, чем несколько минут назад.

– Да что ж, такое-то?

Он приподнялся с кровати, и, продолжая думать о том, встать ему или нет, сидел так, прислонившись к мокрой от пота подушке.

Кто-то в комнате проснулся и, скрипнув кроватью, пошел в туалет. Трясогузов подумал, что неплохо бы и ему сходить, а то сколько еще спать? Он взглянул на часы: шесть утра – час до общего подъема. Ну, в общем-то, можно уже и подниматься. Трясогузов сделал зарядку, оделся (вещи он еще с вечера предусмотрительно положил в ноги), и, кряхтя, пересел на коляску. Съездив в туалет, он вернулся, когда в комнате уже горел общий свет: некоторые сотрудники встали и, зачем-то, будили остальных. Трясогузов, подъехав поближе, слушал, как тихо между собой переговаривались сотрудники:

– Вы тоже слышали?

– Да.

– А что это было?

– Не знаю. Никто не знает.

– Может быть, вы что-нибудь слышали? – спросил кто-то

Трясогузова.

Альфред повернулся и сказал:

– Собаки выли.

– Какие еще собаки? – удивились люди.

– Самые натуральные, – ответил Трясогузов. – Да они и сейчас воют – вы только прислушайтесь.

Все разом замолчали. Действительно, в гробовой тишине отчетливо слышался какой-то вой.

– Может, это вентиляция?

– Нет, там звук совсем другой: все уже знают, как она то скребет, то постукивает. А это, прям, собаки какие-то, правда что.

– Ну не знаю, – вмешался третий, – отродясь не видывал здесь никаких собак.

– Это вы в воинской части еще не были, – ответили ему откуда-то из дальнего угла комнаты, скрытого тенью от прямоугольных колонн.

– А что там, в части?

– Там у них служебные собаки, как на границе.

– Да ладно, врать-то, я, например, никаких животных там вообще не видел! – заспорил четвертый или уже пятый со-

трудник: Трясогузов сбился со счета, пытаясь зачем-то определить, сколько человек принимает участие в утренней дискуссии.

Они бы еще долго спорили, если бы к ним в комнату не вошел человек в форме. Он сказал, чтобы все выходили и строились вдоль стен рабочего коридора. Люди переглянулись в полном удивлении: строиться? Это что – армия?

– Видать, что-то и впрямь случилось, – сказал, поднимаясь с кровати, Штукк. Он явно не выспался и поэтому выглядел так, будто всю ночь разгружал вагоны. Трясогузов подумал, что это дают о себе знать больные легкие, и что надо бы еще раз напомнить Полозову о его обещании помочь Ральфу. Вот только, что он потребует взамен, так и осталось невыясненным вопросом.

– Интересно, а что это к нам Элефантович не заходит? – спросил Трясогузов, стараясь приободрить хмурую публику.

– Это еще кто? – спросил его один из соседей.

– Ну, тот, который нас на пирсе встречал, когда мы сюда приплыли?

Многие, в недоумении, пожимали плечами: не помним, мол, такого. Да и отчество какое-то, совсем уж, из ряда вон.

Через несколько секунд из мрачного угла, прикрытого колоннами, донеслось:

– А-а, этот, в петушином наряде который?

– Что за петушиный наряд? – спросили его, – выражайтесь яснее, коллега.

– Ну, пиджак, такой блестящий; брюки, как соплями измазанные; прическа блевотная... Не помните, что ли?

Все молчали. Говорившей тут же обратился к Трясогузову, которого он видел плохо, зато слышал хорошо:

– Ты знаешь, чем этот Элефантович занимался до работы на «Цитроне»?

– Не-а! – прокричал ему в ответ Трясогузов.

– Экскурсии водил!

– Да? Культурный, должно быть, человек. Исторический, поди, закончил, или еще что? – вмешался кто-то в увлекательную беседу.

– Да вы не дослушали, любезные мои, – отозвался человек из тени, – он водил экскурсии по тем домам в Америке, где в 70-х годах снимали порнуху.

– А-а, – разочарованно произнес Трясогузов, – ну и хорошо, что его больше не видно: он-то мне сразу не понравился, так что, до свиданья, наш ласковый слон.

Многие уже оделись и начали потихоньку выходить в коридор строиться. Когда все, наконец, вышли, последним выехал Трясогузов, чтобы встать в конце шеренги, а то могли и затопать ненароком.

Люди стояли вдоль обеих стен. Между ними ходил тот самый человек в военной форме, пришедший с утра в комнату отдыха. Он молча поглядывал на не выспавшихся людей и явно готовился сказать что-то важное. Прошла минута-другая. Наконец, он сказал:

– Равняйся, смирно!

Все, как могли, подтянули животы и выпрямили колени, насколько это было возможно. Трясогузов сидел спокойно в своем кресле: руки его лежали на подлокотниках, голова чуть поднята, взгляд устремлен мимо яркой желтой лампы, чтобы не спалить себе сетчатку.

– Меня зовут Георгий Сергеевич Шпынько. Обращаться ко мне можно, как по имени-отчеству, так и по званию...

– А какое у вас звание? – спросил Трясогузов, не сводя взгляда с того места, где сидел большой паук, но, на расстоянии двух с половиной метров, кажущийся средних размеров. Паук сидел рядом с лампой, очевидно, надеясь получить от нее маленькую порцию тепла.

– Звание моё – майор, – ответил офицер. – И в следующий раз, перед тем, как задать вопрос, нужно спросить разрешения, понятно?

– Так точно, товарищ майор! – заорал Трясогузов. В строю кто-то заржал, как конь. Майор даже не повернул головы к смехачу.

– Итак, продолжим, – сказал офицер. – Сейчас мы, строем, спустимся на минус первый этаж и там, будем... Ладно, когда спустимся, тогда и дам задание. А теперь, напра-а-аво!

Все, как могли, повернули направо, однако никуда не деться от тех, кто, все-таки, развернулся влево. Трясогузов плавно повернул коляску направо, никого при этом не задев (опыт – есть опыт), и поехал за своей колонной, шедшим

обычным, не строевым, шагом.

Прошло десять минут, пока они дружно шли по коридору, и тут Трясогузов вспомнил, что ему сегодня надо на прием к очаровательному доктору Кондрашкиной! Альфред, не долго думая, и постоянно извиняясь, поехал на самой быстрой скорости, стремясь догнать майора, ушедшего далеко вперед. Не прошло и пяти минут, как он оказался в голове двух колонн. Майор, не оглядываясь, шел вперед.

– Товарищ майор! – крикнул Трясогузов, едва приблизившись к нему на два метра.

– Что такое? – спросил тот, оглядываясь на толстяка.

– Разрешите обратиться!

– Давай, обращайся.

– Мне через час нужно быть у врача, и пропустить этот прием я не могу, – сказал он, в полной уверенности, что майор пойдет ему на встречу. Григорий Сергеевич внимательно посмотрел на Трясогузова.

– Ну, в принципе, там нужны здоровые люди... Да уж. Ладно, свободен.

– Значит, отпускаете? – радостно спросил Трясогузов.

– Ты чего-то не понял, боец? – майор чуть повернул голову к тупому инвалиду.

– Нет, нет, я всё понял – уже убегаю! – быстро произнес Трясогузов, и, ловко, как танк, развернувшись на месте, поехал обратно до комнаты отдыха, где он оставил в тумбочке свои математические задачки.

– Вот же нелегкая принесла этого придурка, – бормотал про себя Трясогузов, проезжая мимо своих соседей по комнате, завистливыми взглядами провожавшего счастливичика в обратный путь.

Глава 41

Трясогузов торопился к Кондрашкиной на прием. Скорее всего, он опоздает: толстяк поминутно смотрел на часы, отсчитывая время назад. Если он не прибавит скорости на своей колымаге, тогда точно опоздает минут на двадцать, а это было не в правилах Альфреда – он всегда старался быть точным, как его надежные механически часы.

Навязчивые мысли крутились в голове, не собираясь из нее улечувиваться. Чаще всего эти мысли возвращались к пропавшей Светлане, по крайней мере, утверждать на сто процентов, что на экране монитора Малыша была именно она, Альфред не мог. Да, была женщина очень-очень похожая на Светлану. Может, в том виновен был ее парик, а не «родные» волосы, или, фигура похожа (мало ли женщин со схожими фигурами?) Ну, и, наконец, что она там делала вместе с представителями администрации? Альфред помнил, что все истории про новых Золушек строятся по простому сюжету: девушке повезло в жизни, и она из бедной стала богатой. А тут, обыкновенная повариха работала себе, работала, и вдруг... А кем, собственно, она стала: прислужницей администрации, или чьей-то пассией? Нет, что-то было здесь не то, и Альфред еще больше укрепился в мысли, что это

была не Светка, которую он знал три года, а ее искусно подобранная «копия». С этими мыслями он и продолжил путь к врачу.

Он подъехал, наконец, к невидимой двери. Как вызвать охранника: постучать, или поискать какую-нибудь кнопку? Альфред внимательно осмотрел стену: нет ни намека на что-нибудь, напоминающее домофон, например... И тут дверь сама медленно отодвинулась и Трясогузов увидел улыбающегося Канарейкина.

– Здорово, инвалид! – сказал он и его губы растянулись еще шире.

Трясогузов хотел было оскорбиться, но Канарейкин его опередил:

– Знаешь, почему я так тебя завал? Потому что скоро тебя поднимут на ноги, и будешь ты у нас, как новенький.

Альфред недоверчиво посмотрел на охранника, и въехал в коридор.

– И взгляд этот мне знаком, – сказал Канарейкин. – Хочешь, в следующую смену я принесу тебе фотки, на которых я сидел вот в таком же кресле, как ты? И только Марго, то есть, Маргарита Павловна, исцелила меня за считанные дни. Вот уже, как три года я хочу, бегаю, прыгаю, как здоровый человек. Так, что, не переживай – главное, делай, что она говорит и... это, расслабься. Чего ты такой напряженный: кто-то достает, что ли? – весело спросил Канарейкин, хлопнув Трясогузова по плечу.

Толстяк снова подозрительно на него посмотрел и произнес:

– Принеси фотки – я должен быть уверен.

– Обязательно принесу! – с готовностью ответил охранник. – Я могу тебе их даже завтра в комнату отдыха притаранить: всё равно завтра я меняюсь, так что могу и ускорить процесс.

– Ладно, – пожал плечами Трясогузов, – неси завтра.

Тут у Канарейкина блеснули глаза, и он с жаром добавил:

– А еще, вместе со мной тоже товарищ один работает, так у него, вообще ни рук не было, ни ног. А сейчас посмотри на него – красавец мужчина с крепкими ногами и такими офигенными бицепсами, как будто не руки, а живые питоны, только что без зубов. Так-то, брателло! Ладно, езжай уже к Ритке, а то я тебя совсем заболтал.

Трясогузов постучался в дверь медкабинета.

– Да, да! – раздался приглашающий волнующий голос.

Трясогузов потянул на себя ручку двери.

– Это я, – сказал он, осторожно протискиваясь сквозь проем. Кондрашкина с интересом наблюдала, как ее новый подопечный справится с этой задачей, учитывая, что это были последние тяжелые дни в жизни Трясогузова. Скоро он будет с улыбкой вспоминать, как ездил в кресле, и как тяжело ему было по утрам, когда приходилось перетаскивать свое тело на это скрипучее сиденье, и...

Трясогузов, наконец, въехал в кабинет.

– Здравсьте, – сказал он, подъезжая к столу Маргариты.

– Ну, как наши успехи? – спросила она, улыбаясь. Стоило Альфреду лишь взглянуть на нее, и снова теплая волна окутала его разум и он, как и вчера, пропустил первые ее слова. Маргарита, прекрасно зная о своем воздействии на своего нового пациента, нарочно говорила какую-то белиберду на протяжении трех минут, чтобы Трясогузов не пропустил важной информации, последующей потом. Тут она громко хлопнула в ладоши и «магическое» воздействие прекратилось.

Толстяк пришел в себя и оглянулся с непонимающим видом, мол, как я сюда попал. Но через несколько мгновений, пришел, наконец, в себя и приготовился слушать Маргариту.

– Итак, – сказала она, – вы прорешали вчерашние задачи?

– Да, – он положил исписанную брошюрку на стол. Она посмотрела на аккуратный почерк Трясогузва; оценила, как он решил примеры; приняла во внимание, какие именно задания вызвали у него затруднения (он, кстати, так и не успел обратиться к товарищам за помощью, учитывая события, произошедшие в кабинете Малыша). Она отложила брошюрку и, подперев подбородок руками, внимательно посмотрела на толстяка.

– Если бы я вас совсем не знала, то сказала бы, что вы – гений.

Альфреда будто током дернуло: по спине пробежала про-

должительная судорога, отчего он внутренне затрясся, а ноги снова задергались, как это у него бывало при сильном нервном напряжении. Он смотрел на ноги и не мог понять, почему они не перестают дергаться, словно их кто-то шевелит через определенные промежутки времени с одинаковой силой.

Он удивленно посмотрел на Маргариту.

– Вы видите, что со мной творится? – спросил он дрожащим голосом.

Она, по-прежнему, на него смотрела, не отводя взгляд, потом медленно, как во сне, произнесла:

– Нет, ничего такого я не вижу: это вам только кажется.

Трясогузов вновь посмотрел на свои ноги: действительно, они спокойно покоились на железной подножке кресла, ни разу не дернувшись. Он закрыл глаза и вытер вспотевший лоб.

– Доктор, что сейчас со мной было? – спросил он, заранее предполагая, что она не скажет ему правды и спишет это на его галлюцинации.

– Всё очень просто, – сказала она. При этих словах она открыла ящик стола и достала серебристый кубик. Трясогузов про себя отметил, что на каждой грани были выпуклые цифры, только числа были очень уж большие: 2456, 7658, 4444. Странные цифры, ни о чем, впрочем, ему не сказавшие, быстро забылись, и он спросил:

– А что это за кубик?

Маргарита вновь показала свои ослепительно белые зубы

в обворожительной улыбке.

– Это тот самый инструмент, с помощью которого мы с вами добьемся нужных результатов.

Альфред хмыкнул:

– Первый раз вижу такой инструмент, да еще в медкабинете.

Маргарита кивнула:

– Не вы первый, не вы последний: многие удивляются, когда узнают о возможностях этого маленького, и, на первый взгляд, непримечательного, предмета, а между тем...

Тут ее прервал стук в дверь.

– Да! – крикнула она в ярости. Трясогузов обратил внимание, как вдруг изменилось ее лицо, и если бы ее волосы были чуть более растрепаны, он принял бы Маргариту за настоящую ведьму. Он хотел отвести глаза, но опять не смог: теперь это была совсем другая «магия» – что-то заставляло его смотреть на Кондрашкину, хотя толстяк упирался всеми здоровыми конечностями, как физическими, так и ментальными, чтобы оторваться от этого взгляда. Продолжалось это одну-две секунды, пока его не вывел из этого состояния громкий голос Канарейкина?

– Маргарита Павловна, там снова ЧП!

– Что еще случилось? – прошипела она.

– Сами выйдете и посмотрите! – крикнул охранник и закрыл дверь.

Она встала, бормоча что-то себе под нос, и выбежала

из кабинета, оставив Трясогузова без присмотра. Альфред осмотрелся. Ничего интересного в кабинете не было: два шкафа с лекарствами и какими-то инструментами, дверь около шкафов. «Наверное, кладовка», – подумал Альфред. Под потолком окошко вентиляции, блестящее позолотой. Тут он перевел взгляд на стол, на котором лежал загадочный кубик. Он протянул руку и хотел, было, взять его, но тут, между его пальцами и кубиком проскочила голубая молния, стрельнувшая по ногтям. Толстяк отдернул руку и, на всякий случай, подул на нее.

– Что за черт? – спросил он сам себя.

Через минуту вернулась Маргарита: уверенная походка, спокойное лицо с обворожительной улыбкой давали понять толстяку, что ничего необычного не произошло. Но, всё же, Трясогузов чувствовал в ней едва заметное напряжение, которое она старалась не выдавать: нельзя показывать пациенту своих эмоций, какими бы они ни были.

Маргарита села за стол, коснулась рукой шикарных волос, и Трясогузов вновь поплыл по волнам неопишемого счастья: он всё смотрел на Кондрашкину, а та смотрела на него и что-то говорила. Ему было не разобрать ее слов, но этого и не требовалось: ее улыбка, как бы говорила, что всё хорошо и не надо ничего бояться. В воздухе плавал серебристый кубик, медленно переворачиваясь и показывая Трясогузову все свои грани, вот только цифры 4444, самой запоминающейся из всех, не было. Кубик повис перед глазами толстя-

ка и начал раскачиваться. Альфред слышал, как чей-то голос, но не Маргаритин, ведет отсчет назад: десять, девять, восемь... на цифре «семь» его затошнило, и он стал искать глазами урну, или ведро, или то, во что можно было выплеснуть содержимое желудка. На цифре «три» всё успокоилось, и он, дослушав счет до конца, очнулся. Альфред, по-прежнему, сидел в кресле и смотрел на Маргариту, не отрывавшую от него своих черных глаз. «Они же были серые», – подумал Трясогузов, но тут же его мысли вновь сосредоточились на кубике, который медленно перевернулся на столе, и, показав Альфреду грань с утерянными цифрами 4444, исчез – вместо него остался только клубок сизого дыма. Трясогузов дернулся в кресле – это его и разбудило, хотя он, вроде бы как, и не спал, и мог в этом поклясться кому угодно, если б его об этом попросили.

Маргарита сидела за столом, и при свете горящей настольной лампы, заполняла какой-то бланк. Прошла минута или две, Трясогузов кашлянул и спросил осипшим голосом:

– Что со мной было?

Маргарита спокойно на него посмотрела и ответила вопросом на вопрос:

– А что с вами было?

Трясогузов пожал плечами: он понял, что опять отключился, или Маргарита, вернее, ее загадочный кубик, отрубил его на несколько минут, и вот он теперь сидел, по-прежнему, на своем месте, ничего не понимая, и не имея желания

задавать вопросы: никто ему не скажет всей правды. У него неожиданно полились слезы. Он чувствовал себя бессильным ничтожным человеком, с которым можно сделать всё, что угодно, и эта красавица, нет, эта ведьма, превратившаяся в красавицу, проделывает с ним такие же фокусы, какие были в ассортименте у Полозова – ее учителя. Откуда эта информация появилась в голове Альфреда, понятно, естественно, не было, но он точно знал, что между ними обоими существует какая-то едва заметная связь, держащая их, вероятно, долгие годы друг возле друга.

Кондрашкина оторвалась от своей бумажки и протянула ее Трясогузову.

– Вот это передайте, пожалуйста, товарищу Полозову – пусть он свяжется со мной, как только сможет. Хорошо?

Альфред кивнул.

– Всё, вы можете ехать домой, – сказала она и вновь улыбнулась, только, на сей раз, никакого очарования в этой улыбке не было: чуть суховатые тонкие губы, совершенно не во вкусе Трясогузова, едва растянулись, не вызвав в нем ответных эмоций. Он равнодушно посмотрел на обычную женщину с темными волосами, с обычной же, как у всех, фигурой, не рождающих никаких озорных мыслей.

Трясогузов взял листок бумаги, сунул его в карман, приделанный сбоку, пониже правого подлокотника, и, словно на автомате, включил моторчик, разворачиваясь на месте. Он подъехал к двери кабинета. Толстяк, не успев до нее дотро-

нуться, увидел, как она сама открывается, а коляска выезжает в маленький коридорчик, где его уже встречал охранник.

– Короче, завтра я принесу тебе фотки, хорошо? – спрашивает Канарейкин Альфреда, но его слова звучат, словно через невидимое препятствие, поэтому Трясогузов переспрашивает, а тот повторяет слово в слово. Альфред кивает, и, повернув налево, выезжает в общий коридор. Когда, едва заметные в стене, двери закрылись за его спиной, он увидел, что коридор заполнен людьми настолько, что его, того и гляди сметут и затопчут. Однако, к своему удивлению, никто даже не задел его, когда сотни людей шли быстрыми шагами, или бежали мимо него. Наконец, он снова, будто проснувшись, и спросил первого попавшегося человека, замешкавшегося около кресла Трясогузова, очевидно, стараясь обогнуть это неожиданное препятствие.

– Куда все так бегут, а? – спросил Альфред.

– В конференц-зал: срочное собрание.

– А по какому поводу?

– Да кто ж его знает: повод всегда найдется – были бы люди, готовые слушать. Ладно, пока! – крикнул человек, убегая направо – туда же, куда нужно было ехать Трясогузову. Он, подумав чуток, решил, что ему, наверное, тоже нужно там быть, только никто, ни Маргарита, ни охранник не сообщили ему о том, что люди бегут на какое-то сборище.

– Ладно, где наша не пропадала, – сказал он вслух и, аккуратно, стараясь влиться в толпу, въехал в этот мощный люд-

ской поток и, на средней скорости, поехал вперед.

Прошло минут пятнадцать непрерывной езды. Конференц-зал, располагавшийся по левую руку, был открыт. Огромные белые ворота, распахнутые настежь, представили перед изумленным Трясогузовым такой большущий зал, какого не было даже на Фаяле. Толстяк увидел высоченный потолок с широкими металлическими швеллерами, лежащими своими концами на стенах, протянувшимися, от края до края: то ли перекрытие для потолка, то ли часть какой-то конструкции, назначения которого Трясогузов не мог понять. Людей набрался полный зал. Альферд подумал, что здесь, наверное, собралась добрая тысяча сотрудников, которых согнали сюда для прослушивания важной информации. Тут свет погас, потом снова включился, затем снова погас. Никто не понял, зачем был сделан этот световой эффект, но в следующую секунду откуда-то впереди раздался голос, ужасно знакомый Альфреду, но ни какому лицу, помещенному в его память, не принадлежащему. Одновременно с голосом, включился слабый свет, усиливающийся с каждой секундой.

– Друзья!

Впереди, очевидно, на сцене, появился какой-то человек. Альфреду не было ничего видно: всё перекрывали спины людей, которые вряд ли разойдутся, чтобы толстяк хоть что-нибудь увидел. Он только мог слышать, и слышал он вот что:

– Наконец-то, появился, красавец наш писанный! – гово-

рил сосед справа.

– Ага, смотри, а чего это рожа у него будто обожженная? – спрашивал тот, кто был рядом с ним.

– Да нет, это свет так играет.

– Ага, играет: смотри, какие шрамы, а свет их только подчеркивает, а не создает.

– Да, похоже, ты прав: действительно, где это его так «царапнуло»?

– Может катастрофа какая?

– Да, вполне может...

Тут их прервал тот же голос.

– Приветствую вас, мои верные помощники! Сегодня у нас снова произошло ЧП!

В толпе зашептались, и теперь голосов сотрудников Альфред слышать не мог, но со сцены ему всё разъяснили:

– Второй этап вторжения в нашу оборонную систему острова получил свое развитие: постепенно мы остаемся без средств наблюдения.

В толпе зашумели еще громче: теперь Альфред мог различить отдельные слова:

– ...не знаем...

– ...работают нормально...

– ...сами проверьте.

Трясогузов находился, будто в пчелином улье, где сотрудники роя, жужжали о чем-то своем, и трудно было понять, о чем идет разговор в целом.

– Товарищи! – вновь раздался голос. – Понимаю ваше недоумение, но то, что у вас работают все приборы – это не показатель. Речь идет о тех системах, которые расположены в космосе...

– А-а! – понимающе сказали и слева и справа, поняв, наконец, что происходит.

– Да, да, товарищи, нас атакуют именно там – на высоте сто тридцать километров, где наши спутники теперь слепы, как котята. Откуда идет атака мы, по-прежнему, определить не можем, но уверяю вас, что в скором времени...

Ему не дали договорить.

– Да кто у вас там работает? – выкрикнули возмущенными голосами несколько человек. – Дайте нашим ребятам все исходники, и они враз вычислят, кто за этим стоит!

– Вот-вот: у них компьютеры или сундуки, тряпьем набитые? – кричали другие.

– Гнать надо ваших антихакеров: ни черта они не могут!

– Правильно, дайте нашим поработать!

Голоса еще звучали минут десять. Трясогузов оглох от этого непрекращающегося шума, несмотря на то, что голос со сцены несколько раз пытался перекричать общий гул. Наконец, в зале снова погас и включился свет. Процедура повторилась несколько раз, пока все не успокоились. Голос со сцены продолжил:

– Мы ценим ваше рвение вложить свою посильную помощь в решение данной проблемы, но, уверяю вас, проблема

не так проста, как кажется на первый взгляд...

– Ну, так и объясните, что за хрень там творится? – снова выкрикнули из зала.

– Да, давайте уже – скажите всё, как есть!

Еще несколько сотрудников бросили какие-то требования. Голос со сцены кашлянул в микрофон.

– Итак, товарищи, мы решили сделать следующее. Те сотрудники, которые работают в сфере наружного наблюдения, должны быть на пятом уровне сегодня в восемь часов вечера – это касается, как старшего, так и младшего персонала. Это пока что будет предварительная встреча. На этом всё – попросу разойтись! Спасибо за внимание!

Люди стали выходить из зала. Трясогузов постарался продвинуться, как можно ближе к стене, до которой было полтора метра, но его сносило течение людского потока, и он, «смываемый» волной за волной, так и не смог достичь «островка» спокойствия. Людская масса вынесла его в коридор, но тут уже было легче: люди расходились, каждый в своем направлении. Через пять минут коридор опустел, и можно было спокойно ехать до рабочего места. Трясогузов глянул на часы: время десять, и он опять опаздывал на два часа: вряд ли его сменщик, злобный карлик был на этом собрании – круглосуточное наблюдение не предполагает каких бы то ни было отлучек, пусть даже это и было то собрание, на которое случайно попал Альфред.

Он проехал еще несколько метров и вдруг вспомнил о той

записке, переданной ему Маргаритой. Любопытство взяло верх и Трясогузов, ни мало не смущаясь, тем более, что никаких просьб не читать чужих писем не было, он спокойно полез в карман под ручкой подлокотника и, найдя бумажку, развернул ее. То, что он прочитал, заставило его улыбнуться. Текст был такой: «Если вы читаете эту записку, то вы, Трясогузов – свинья». Здесь он рассмеялся: такого поворота толстяк не ожидал. Ну-ну, что же дальше? «Письмо это для вас, а не для Полозова. Если ваше любопытство никак не может прекратиться, а это именно то, что нам и нужно, приезжайте сегодня на минус третий уровень в восемь часов вечера, кабинет 17К».

– Хм, странно, – произнес Трясогузов, – врач назначает свидание пациенту? Не противоречит ли это... Да и черт с ней, с этой этикой! Так, смена моя заканчивается в полвосьмого – успею. А то, что в восемь надо быть всем сотрудникам на пятом уровне – идите вы все, знаете куда, я вообще – инвалид? – сказал он неизвестно кому, и, включив мотор, погнал на работу. И только ветер свистел в ушах толстяка, и горячее сердце билось от предвкушения первого свидания, которого у него в жизни еще ни разу не было!

Глава 42

– Ну и что здесь у нас творится? – спросил Трясогузов, подъезжая к своему рабочему столу.

– Здорово! – откликнулся карлик и протянул Альфреду руку, впервые за две недели работы толстяка в этом отделе.

– Ну, здоров, коли не шутишь, – ответил Альфред.

Обменявшись рукопожатиями, карлик сказал:

– Короче, обстановка такая. Вчера был костер на «Эвересте», помнишь?

– Да, помню, – ответил Альфред.

– Так вот, то, что повлияло на солдат, как оказалось, пришло из космоса...

– Что? – скривился Альфред.

– Подожди, не перебивай! – вскипел карлик. – Была атака на наши спутники...

– Слышал уже, там – на собрании, – кивнул Альфред.

– Тем лучше. Короче, кроме того, что они оставляют нас без средств наблюдения, они еще внедрили в наши спутники такую программу, которая управляет лазерными лучами...

– И что, жечь теперь нас всех будут? – спросил Альфред.

– Не перебивай, я тебе говорю! – вновь вскричал сменщик. – Воздействие лазера происходит таким образом, будто на мозгу человека делают операцию, «отключая» при этом те участки, которые отвечают за правильное поведение.

– То есть, как это? – не понял Трясогузов.

– Ну, луч идет со спутника сюда, и попадая на конкретного человека, или на нужную группу лиц, может сделать из него убийцу, там, или голодного зомби, или, не знаю, маньяка какого-нибудь, в общем, кого угодно, только не нормального человека, а марионетку, которую используют в конкретных целях. И, что самое страшное, процесс этот необратим.

Тех солдат, которые вчера устроили бардак возле казарм, а там был не только костер, их забрали в госпиталь.

– Здесь и госпиталь есть? – спросил Альфред.

– А ты как думал, конечно, – ответил изумленно карлик. – Такой огромный объект без госпиталя – это, товарищ, психушка на плаву, а не секретный объект! Так, короче, по слухам, никто из этих солдат теперь никогда не вернется к нормальной жизни: у многих из мозга будто выжгли некоторые участки, и теперь их только... Даже не знаю, но, по-моему, им даже метлой не доверят махать.

– Да, ситуация, – вздохнул Альфред.

– И не говори, – отозвался карлик. А потом еще тише добавил, – наши поговаривают, что, возможно, это только пробный шар – акция устрашения, так сказать, а всё остальное, в полном объеме, «прибудет» позже, если мы не выполним условий террористов.

– Каких условий? – спросил толстяк.

– Ты у меня спрашиваешь, Трясогузов? Я те что, справочное бюро?

– Да, ну и дела, – вновь повторил Альфред. – А что с рабочими? – спросил он.

– С какими еще рабочими?

– Ну, с теми, которые вчера баррикады строили?

Карлик пожал плечами.

– Не знаю, мне об этом ничего не говорили. Ладно, пока – я пошел.

– Давай, – ответил Альфред и вернулся к своему монитору.

Он догадывался, что, судя по рассказу карлика, с рабочими могла произойти та же история, что и с солдатами, над которыми произвели лазерную «коррекцию». Вот только была одна неувязочка: рабочие спокойно разобрали баррикады и, скорее всего, разошлись по своим местам, по крайней мере, Трясогузов не видел больше ни вооруженных солдат, ни бригад врачей, – на пирсе было всё спокойно.

Он прощелкал все камеры, к которым у него был доступ. Думая, что можно опять увидеть третий пирс, он снова набрал вчерашний код и звездочку: на маленьком квадратике экрана камеры было лишь светлое пятно, усеянное помехами. Как же он раньше об этом не подумал: по истечении суток код меняется, и, чтобы получить новый, надо идти на поклон к Малышу.

– Да пошел ты к черту, урод, – проговорил Трясогузов, – обойдемся как-нибудь.

– Ладно, не страшно, – успокоил он себя через минуту, и посмотрел в ту сторону, где должен был сидеть Аркадий, любитель компьютерных игрушек. Но на его месте теперь сидел сменщик, пришедший сегодня вовремя.

Трясогузов вздохнул: с тем особо и не поболтаешь. В тот же момент из кабинета старшего смены вышел Малыш, и, не глядя на Трясогузова, прошел мимо, будто его и не было. Между тем, толстяк, за ночь придумал ряд вопросов, ко-

торые ему хотелось бы обсудить. И тут он поймал себя на мысли, что теперь он сам охотится за Малышом, а не тот за ним. Ему не нравилась такая перемена, говорившая о том, что толстяка можно посадить на крючок, с которого не так легко слезть. Речь шла, конечно же, о Светлане, находившейся сейчас, за каким-то чертом, на Терсейре. Альфред знал, что Малыш, как настоящий садюга, будет испытывать терпение Альфреда, чтобы тот всякий раз упрашивал этого обоженного уroda снова разрешить посмотреть, что там творится с любимой поварихой его друга Ральфа Штукка...

– Стоп! – сказал сам себе Альфред, – А что, если?..

Тут в его голове созрел грубоватый, но, может быть, эффективный план, как заставить Малыша сообщать толстяку о новостях с Терсейры. Вечером, после смены Альфред этим и займется, а пока нужно работать и, еще раз, работать.

Он глянул, как бы, между прочим, на «Эверест», а именно, на тот участок, где вчера было костер: то место, за ночь засеяли новой травой, положив искусственное покрытие, будто ничего и не было. Да, оперативненько, нечего сказать. Трясогузов хмыкнул и снова вернулся туда, где был до того, а именно на участке, расположенном между горой и, непосредственно, их зданием. Здесь была вертолетная площадка. Тяжелые транспортники садились по три штуки за раз, не мешая другу другу, и сейчас это было прекрасно видно. Трясогузов догадался, что привезли они далеко не свежую еду, а нечто другое, что необходимо было для госпиталя, где со-

держались две роты солдат. Эта догадка вскоре подтвердилась: из нутра вертолетов доставали зеленые ящики, с нарисованными на них, красными крестами. Трясогузов насчитал тридцать таких ящичков, и это только из одного вертолета. Чуть повернув камеру, он увидел, что к «Цитрону» приближается еще десяток таких же транспортников. Он, не отрываясь, смотрел на их завораживающий полет. Медленно подлетая к острову, они, с минуту постояв в воздухе, неспеша опускались на площадки, тщательно размеченные той же краской, которой покрывают городские дороги. Сел один, следом за ним другой, третий. И так все железные «птицы» устроились во временном своем гнезде – скоро опять полетят за новыми порциями успокаивающих, или что там колют сейчас этим бедолагам с испорченными мозгами.

Из этих, десяти прилетевших «Чинуков», спустились люди в белых халатах.

– Ух ты, нам уже и докторов не хватает? – удивился Трясогузов. – Понятненько.

Из последнего вертолета вылезло несколько военных, таких грузных и медлительных, что Альфред сразу понял, что это высшие чины. Приблизить изображение было невозможно из-за соответствующих настроек, предусматривавших, что подглядывать за вертолетами не очень безопасно для оператора. Трясогузов махнул рукой, и, облокотившись на спинку кресла, стал высматривать Малыша. «Вот зачем он мне нужен, а? – спросил себя Трясогузов, – я же решил: ве-

чером сделаю так, что он сам, может быть...»

Ему не дали додумать: снова чьи-то руки легли на его плечи, и снова тот же самый, ненавистный ему голос, произнес:

– Здоровья тебе, свинка!

«Нет, эта мразь не отстанет», – со злостью подумал Трясогузов.

– И тебе не хворать, урод, – ответил он в полный голос, ни в малейшей степени не опасаясь, что за этим последует наказание. – Что те надо? – спросил Альфред, не оборачиваясь.

– Весь вопрос в том, что надо тебе? – отозвался Малыш.

– От тебя – ничего, – огрызнулся толстяк.

– Ну, ладно, ладно – пошутили и хватит. Хочешь посмотреть на Светку, а?

– Нет, – ответил Трясогузов, – подделками не интересуюсь.

Малыш помолчал какое-то время, потом сказал:

– Ну, как хочешь.

И пошел в свой кабинет. «Вот и побегай, урод! – подумал Альфред. – А я за тобой понаблюдаю».

То ли Трясогузов снова что-то угадал, то ли у него появилось нечто вроде предвидения, но через две минуты Малыш вновь вышел из кабинета и напрямик направился к Трясогузову.

– Ты точно решил, что это подделка, а не ваша повариха? – спросил он.

Альфред пожал плечами:

– Откуда же мне знать, что там за баба вчера ходила? Волосы у нее такие же, да. Но таких волос, в каждом населенном пункте – сотни. Одежда та же самая, что и у большинства на острове – я, например, не помню, что на ней было надето в день исчезновения. То, что она белая, тоже не удивительно: здесь, наверное, семьдесят процентов белых. Так что, не факт, что это она: просто похожа, только и всего.

Трясогузов, по-прежнему, не отрываясь от мониторов, спросил притихшего вдруг Малыша:

– Ты что-то еще хотел, или у тебя всё?

– Всё! – бросил тот и снова ушел в кабинет.

– Вот и сиди там, паскудина, – прошептал Трясогузов, когда за Малышом закрылась дверь.

Толстяк вздохнул, и, сразу придумав, чем бы ему себя занять в этот «мертвый час», когда всё движение на острове и прибрежной линии прекращалось на какое-то время, достал из своей сумки задачки. Новую порцию пищи для ума ему незаметно сунула сегодня Маргарита, когда он находился в отключке. Он улыбнулся, оценив заботу доктора, и стал решать простенькие примеры один за другим.

Полчаса, посвященные математике, иногда прерывавшиеся чьим-нибудь смехом в зале, или его случайным взглядом на экран (привычка, выработанная годами), прошли в спокойной обстановке. Малыш больше не выходил из своей коморки и Трясогузову было очень комфортно сидеть на законном рабочем месте и заниматься тем, чем ему хотелось.

Задачки через час ему надоели, и он решил, что пора бы «пробежаться» по всем камерам. Он начал неспеша щелкать кнопками слева направо: глаз не цеплялся ни за что такое, что требовало бы повышенного внимания. Сначала шла береговая линия южной стороны острова. Потом, непрерывной серой линией тянулись склады, склады, склады. Затем, несколько зданий, в которых хранились то ли запчасти, то ли боеприпасы (Трясогузов не помнил этого, хотя был обязан). После них – снова склады. Потом, в общей «коллекции» маленьких квадратных экранов образовывалась искусственная брешь в виде пустого экрана с помехами – недоступный третий пирс. Трясогузов продолжал щелкать кнопками и уже устал палец, как снова он наткнулся на склады, затем – вертолетное поле, огромное, как... Трясогузов не мог подобрать подходящего сравнения, если только не складывать в голове площади футбольных полей, как это любят делать американцы, но он не помнил этих площадей. За вертолетным полем находился огромный сегмент горы «Эверест»: вот здесь было много закоулков, в которых могло «притаиться зло», как выражался Трясогузов, когда обсуждал с кем-нибудь из сотрудников жизнь объекта «из камеры наблюдения» (снова его удачная шутка – удачная, конечно, в переделах его рабочего места). Вообще настоящих ценителей его юмора было не так много, но толстяк не обижался на косных людей, а относился к ним, как к, скорее, убогим, чем счастливым. Да, толстяк был беспощаден в своих оценках, что мог засвиде-

тельствовать Малыш, вновь не вовремя появившийся на горизонте и державший курс прямо к столу Трясогузова.

– Что тебе еще надо, уродец? – тихо произнес Трясогузов, не открывая рта. Уродец, тем не менее, не меняя курса, подошел к столу толстяка и сказал то, о чем можно было лишь мечтать:

– Короче, – сказал Малыш и оглянулся, будто они теперь с толстяком – банда заговорщиков, – я могу тебе вывести сюда прямой канал со спутника, и ты целыми днями сможешь наблюдать за передвижениями Светланы. Хочешь?

Трясогузов покачался в своем кресле.

– Смотреть целыми днями на бутафорию? Тоже мне, радость для глаз, – сказал он. Через мгновение, правда, толстяк спокойно спросил, – И что же я должен буду сделать взамен?

Малыш ждал этого вопроса, и в тоне Трясогузова, то есть, так же спокойно, ответил:

– Мне нужен будет полный список сотрудников, которые работают вот в этом секторе.

С этими словами он протянул Альфреду бумажку, на которой была начерчена схема, с вписанными туда названиями тех отделов, входивших в, интересующий Малыша, сектор.

– А мне это точно надо? – спросил Трясогузов. – Это раз. Во-вторых, ты же сам можешь всё узнать, если ты старший по наблюдению.

– Нет, не могу – кое к каким отделам у меня нет доступа. И, потом, мне нельзя «светиться».

– А мне, значит, «светиться» можно?

– Ты никому не нужен – с тебя взятки гладки, – ответил Малыш с такой уверенностью в голосе, что Трясогузов был уже готов в это поверить.

Трезво рассудив, что не стоит обижаться по поводу своей ненужности, толстяк задал другой вопрос:

– Почему же ты решил, что такой доступ есть у меня? – спокойно спросил он, и, не дожидаясь ответа, снова вернулся к своему монитору, который был ему сейчас гораздо интереснее, чем разговор с полоумным начальником.

– Да, у тебя этого доступа нет, но ты знаешь некоего Полозова, который работает на объекте штатным психологом – вот у него-то, как раз и есть полный доступ к этим спискам.

Трясогузов вновь оторвался от интересного занятия – наблюдения за складами и чайками, которые старались устроить там свои гнезда, но сильные порывы ветра не давали им закрепить там ветки, принесенные из леса, росшего на «Эвересте».

– С чего ты взял, что Полозов... – начал было Трясогузов, но Малыш перевал его:

– Так, послушай: мне лучше знать, кто имеет тот или иной доступ. Твоя задача, подобраться как можно ближе к этому психологу и выяснить, где он хранит эти списки. Если они лежат в его компьютере – узнать чертовы пароли к тем папкам, куда помещен нужный мне материал. Ты понял, свинка?

– Ты знаешь, судьба Светланы, с каждым днем, интересуется

меня всё меньше и меньше, так что, свое предложение можешь засунуть...

– Так, стоп! – хлопнул ладонью по столу Малыш. Трясогузов разглядел на тыльной ее стороне на половину стертую синюю татуировку не то краба, не то паука. – Ты, похоже, не понимаешь, – продолжал Малыш, наклоняясь над Трясогузовым так низко, что, если чуть повернуть голову, можно цапнуть Малыша за ухо и оторвать его к чертям собачьим. В этом случае от него можно будет избавиться дня на три – пусть полощет мозги медсестрам и прочему персоналу местного госпиталя.

Трясогузов настолько сильно увлекся мыслью об откушенном ухе, что пропустил важную часть предполагаемой сделки.

– Послушай, – сказал Трясогузов, – у меня были тяжелые дни, и я не всегда схватываю всю информацию? Ну-ка, скажи последние фразы...

– Это, какие же? – спросил Малыш, уставившись непонимающим взглядом на толстяка.

– Ну, когда ты сказал, что, типа, я чего-то там не понимаю... Всё, больше я ничего не услышал.

Малыш отодвинулся от кресла толстяка.

– Ты издеваешься, что ли?

Альфред поднял брови.

– Я серьезно тебе говорю – у меня проблемы с восприятием – это из-за смены обстановки, наверное.

– Да пошел ты, убогий! – крикнул ему в лицо Малыш и снова ушел в свой кабинет, провонявший дымом от дорогих сигар.

– Вот так-то оно лучше, – пробубнил Трясогузов, и быстро перекрестился, поблагодарив Бога за то, что ему удалось так убедительно сыграть дурачка, что невозможно было подкопаться. По крайней мере, пусть Малыш именно так и думает, хотя Трясогузов действительно не слышал того, что предлагал ему этот отморозок.

Трясогузов вздохнул, и вернулся к своим задачкам – они были гораздо увлекательнее, чем то, что творилось сейчас на экране монитора, и тем более то, о чем говорил «потерявшийся матрос» (еще одна фирменная фразочка толстяка, которую он держал в глубокой тайне).

Когда были решены еще пять задачек, до конца смены оставалось два часа. И тут Альфред вспомнил, что ему назначено свидание на восемь вечера. Что же хочет ему сказать Маргарита? Вот это, действительно, интереснее, чем странное предложение Малыша и его сомнительные посулы наблюдать за псевдо-Светланой круглые сутки.

Два оставшихся часа прошли в спокойной обстановке. Трясогузов еще несколько раз видел чаек, крутившихся около складов под номерами пятнадцать и шестнадцать, но у них, похоже, так и не получилось свить там свои гнѣзда, тем более, что солнце уже приблизилось к горизонту и чайки улетели спать туда, где обычно проводили свои ночи – куда-то

в сторону «Эвереста».

Трясогузов смотрел на часы: рабочая смена заканчивалась в семь тридцать. Он не любил вот такое «неровное», как он выражался, время, но ничего не поделаешь – расписание, есть расписание. Дождавшись, наконец, Филимонова, молчаливого сменщика номер два, и просто приятного мужика без нервных срывов, Альфред, сообщив, что смена прошла в абсолютном покое, еще раз мельком глянув в сторону кабинета Малыша, поехал к выходу. Он всякую минуту ожидал, что вот сейчас ему на плечи снова лягут руки того урода, и он опять будет его принуждать сделать то, за что платят головой, по крайней мере, Альфред знал, что воровство подобных материалов приводит к довольно печальным последствиям. Но кому он об этом скажет, когда этот мерзавец занимает здесь высокую должность, да еще и на собрании выступал, как какой-нибудь Карабас-Барабас, у которого свои марионетки, свой отдел, и свой же, черт его дери, театр со сценой! Трясогузова аж затрясло при последних мыслях.

Он подъехал, наконец, к выходу, и, тревожно оглянувшись, издалека увидел, что дверь кабинета старшего смены, по-прежнему, закрыта. Он выдохнул и снова быстренько перекрестился, чтобы этого не заметил охранник.

Он проехал через пост, показав бейджик, и пожелал всем спокойного дежурства, за что на него тут же зашикали, мол, никогда нельзя этого желать.

– Я когда в психушке санитаром работал, – сказал один из

охранников, – так там тоже, как только кто-нибудь пожелает спокойной смены – всё, считай всю ночь психушка будет на ушах стоять. И таких случаев, на моей памяти, было штук тридцать.

Товарищи этого охранника с уважением на него посмотрели, как на ветерана боевых действий. Трясогузов решил их поддержать в этом проявлении «уважения», и тоже, скорчив подобострастное лицо, посмотрел на охранника, как на... Сравнение снова не пришло в голову Трясогузова, и он, попросившись, покинул объект наблюдения.

Доехав до общего коридора, он завернул в маленький «аппендицит», который вел к довольно тесному лифту. Народу практически не было, кроме двух-трех человек, ждавших лифта и что-то горячо обсуждавших. Трясогузов не прислушивался к чужому разговору – сейчас он слушал лишь собственное сердце, гулко стучавшее в предвкушении загадочного свидания с очаровательной женщиной.

Тут скрипнул подъехавший лифт. Двери с лязгом отворились и все быстренько вошли внутрь. Трясогузов, оставшийся сидеть около лифта, понял, что места ему не хватило. Он уже, собрался, было, дожидаться этого же лифта, пока тот приедет обратно минут через пять-десять, но тут, какой-то сердобольный гражданин выскочил из кабины.

– Проходите, товарищ – я поеду на следующем.

Трясогузов хотел, было вежливо отказаться, но те, кто стоял под желтым квадратным плафоном, дружно закивали,

мол, давай, не стесняйся – заезжай к нам на огонек.

Толстяк кивнул и рассыпался, было, в благодарностях, но сжалившийся над ним гражданин, сказал:

– Время не ждет.

Трясогузов снова кивнул и, закрыв рот, въехал в кабину.

Спустившись на минус третий этаж, он вышел один: остальные поехали еще ниже. Недалеко от лифта стоял пост охраны. Трясогузов подъехал к нему и спросил, как проехать до кабинета 17К. Охранник как-то странно на него посмотрел и сказал, то такого кабинета здесь нет, зато есть К17, и, может быть, Трясогузову надо проехать именно до него?

– Может быть, – пожал плечами Трясогузов, – могла же она перепутать.

– Что вы сказали? – спросил охранник, вынимая из уха наушник плеера, в котором жужжала и звенела электрогитара. Ко всему прочему, ему, наверное, ужасно хотелось спать, о чем говорили темные круги под глазами, и бледное лицо. Да еще и с вентиляцией тут было не ахти: жара стояла, как на солнцепеке, но Альфред держался, учитывая, что мысли его были совсем в другом месте.

– Нет, нет, это я так, – быстро ответил Трясогузов, и покати́л в указанном направлении.

Кабинеты располагались в таком порядке: на левой стороне был кабинет К13, на правой, напротив него – К14. Промежутки между кабинетами были довольно продолжительные – наверное, за дверями находились большие комнаты,

ну или, такие же длинные, как и эти промежутки.

Доехав, наконец, до К17, он остановился и прислушался: полная тишина, только лапочки тихо жужжали. Он посмотрел на синюю дверь, обитую дерматином, и, собравшись с духом, постучал три раза. Дверь не открывалась. Он подождал несколько секунд, и снова постучался. Опять молчание. Может, он вообще не в том крыле находится, и ему нужен именно 17К, а не К17? Возвращаться к охраннику было долго, но, что поделаешь, раз не открывают. Он подождал еще немного, на секунду подумав, что докторша его провела, и тут, как только он повернул свое кресло, чтобы уезжать, левое его колесо шаркнуло по двери, и она приоткрылась. Трясогузов с опаской посмотрел на чуть открывшуюся дверь, не смея двинуться туда, где чернела щель входа в безмолвное помещение. Но надо было на что-то решаться. И он решился. Осторожно приоткрыв дверь чуть шире, он въехал в кабинет, нащупав на стене выключатель. Свет дневных ламп немного ослепил его: разница с желтыми лампами коридора, давала о себе знать его глазам. Он постоял несколько секунд, жмурясь от света и вытирая выступившие слезы. Потом, глянув вокруг себя, увидел, что здесь, кроме, нескольких столов со старыми компьютерами, ничего нет. Правда, его уставшие за смену глаза, разглядели еще кое-что: оно лежало далеко на полу, и нужно было проехать метров пятнадцать или двадцать, чтобы увидеть, что это такое. Ехать нужно было между столами, образовавшими узкий коридор-

чик, в который, тем не менее, свободно влезла коляска толстяка. Как только он приблизился на пять метров к тому, что лежало на полу, он перестал дышать: на ковролине лежало распростертое тело человека. Вокруг головы растеклось темное пятно, не успевшее впитаться в серый ворс ковролина, и потому блестящее сейчас под дневными лампами красноватым цветом. Трясогузов, не решаясь двинуться вперед, машинально включил моторчик, и коляска сама повезла его к страшной находке. Подъехав вплотную к труп, Трясогузов увидел, что это лежал Полозов с перерезанным горлом.

Глава 43

Как только он осознал, кто перед ним лежит, в кабинете щелкнул выключатель и Трясогузов оказался в темноте. Толстяк обернулся: вдалеке оставалась лишь узкая полоска желтого света, льющегося из коридора. Трясогузов начал разворачивать коляску, чтобы поспешить к выходу, но дверь с громким стуком захлопнулась, и Трясогузов оказался в полном мраке. Он не двигался с места, и даже внутренний монолог, дававший иногда спасительные мысли, прекратился: теперь полное молчание и полная тьма – единственные его советчики.

Альфред слышал собственное сопение и на несколько секунд задержал дыхание, чтобы услышать хоть что-то, напоминавшее о присутствии постороннего в этом ужасном помещении. Но, ни рядом, ни впереди, ни сзади, не было подозрительных звуков. Трясогузов начал вновь дышать, мыслен-

но ругая себя за то, что можно было, набравшись терпения, подождать еще какое-то время и продержаться без воздуха. Через секунду этот бред вылетел из его головы: он услышал шорох со стороны мертвого Полозова. Трясогузов сидел спиной к этому звуку, и почувствовал, как мороз пробрал его до костей. Спина толстяка покрылась холодом, потом жаром, затем снова холодом... Он не знал, как ему быть, но тело пыталось дать какой-то приказ, непонятый толстяку. Рука, случайно поставившая кресло на тормоз, не могла нащупать маленький рычажок, снимавший блокировку – колеса остались недвижимыми. За спиной, с каждым новым, едва заметным, звуком, становилось всё холоднее, и этот холод морозил кожу, превращая ее в грубую задубевшую материю, становившуюся всё более чужой Трясогузову – он сам становился нечто таким, что перестало чувствовать себя живым существом. Толстяк не смел повернуть назад заколоченную шею, не смел двинуть глазами – холод будто проник в глазные яблоки и сковал их могильным дыханием. Парализующие волю секунды растянулись на минуты, а те незаметно превратились в часы, и толстяк забыл о самом понятии времени...

И тут тело дало ему неожиданный приказ. «Прыгай!» – завопил внутренний голос, дав импульс недвижимому, скованному от страха, телу. Трясогузов, не думая протестовать, сильно наклонился вперед и выпал из кресла. Ударившись больно носом об пол, он почувствовал противный запах ков-

ролина, будто пропитанного кошачьей мочой, или похожими на нее реактивами. Трясогузов повернул голову, стараясь отстраниться чуть дальше от этого запаха, но получилось плохо: запах продолжал стоять в носу и никуда от него теперь не деться. Толстяк постарался повернуть все тело чуть набок, чтобы облокотиться о правую руку, а левой нащупать ближайший стол – снова мимо: пальцы хватали лишь пустоту. Звуки сзади, где лежал мертвый Полозов, продолжались, не замолкая ни на секунду. Они были равномерными, словно часы тикали, или капала вода, или... крутился вентилятор.

– Черт! – заорал Трясогузов, за мгновение до этого, поняв, что это работает кондиционер, за которым просто давно никто не следил. Лопасты слегка касались решетки и получалось именно то, что слышал толстяк, когда затаил дыхание.

Он даже рассмеялся, на секунду забыв о Полозове и его перерезанной шее. Он снова лег лицом в ковровин: теперь его не беспокоил ни запах мерзких кошек, вовремя не нашедших себе туалет, ни то, что он лежит, не имея возможности уехать на коляске, которая отъехала куда-то вдаль темную.

– Ладно, – сказал толстяк сам себе, – пора выбираться. Посмотрим, посмотрим, – вновь сказал он, явно на что-то рассчитывая, стараясь повернуться назад, помогая себе руками. Толстяк стал разворачиваться на месте, хватаясь за обшарпанные стойки столов, которые он, наконец, нащупал. Занозы от старого ДСП вонзались в ладонь, но Трясогузов, не

обращая на них внимания, отталкивался от широких стоек, на которых покоились столешницы, с поставленными на них древними пыльными мониторами. Наконец, он развернулся к своему креслу, которого, по-прежнему, не мог видеть, но чувствовал, что его любимое сидение где-то впереди, и надо ползти в ту сторону, где лежал труп Полозова.

– Черт! – снова вскричал он, вспомнив, наконец, что находится в комнате не один, а с покойником, к которому, в последнее время даже начал испытывать уважение. Он остановился, отдыхая перед тем, как снова кинется (в его случае – поползет) в битву за кресло.

Пот лился ручьем, заливая солоноватыми струйками и так ослепшие глаза. Он, не обращая внимания, что теперь пот капает и на высунутый от напряжения, язык, помогал себе руками. Трясогузов был сейчас похож на толстую ящерицу: у нее осталось всего лишь две лапы, на которых она и должна доползти до спасительного дерева, где укроется от преследовавшего ее варана или журавля, или кто их там вообще жрёт. Эти странные сравнения приходили от, переполненного страхами, мозга, дававшего Трясогузову возможные подсказки через картинку, живо рисовавшиеся в воображении Альфреда. То, что здесь было жарко из-за испорченного кондиционера, добавляло «реализма» – теперь толстяк полз точно по пустыне, только вместо песка был вонючий ковролин, настеленный везде, куда бы он ни повернул голову...

– А-а, стоп! – крикнул толстяк: рука, наконец, что-то на-

щупала – оно было твердое, угловатое, и, вроде бы, даже, похожее на его родное кресло. Ну, что – это оно?

– Ха-ха! – вскричал он, лежа на полу, как, выброшенная на берег рыба, только без хвоста. Трясогузов хотел вскочить на ноги, но желание осталось лишь желанием. А как бы он прыгнул, если б кто знал: такому прыжку позавидовал бы сам Бубка, давний олимпийский чемпион по прыжкам в высоту. Из всех спортсменов только его фамилия и всплыла в голове толстяка, жаль, что было это совсем не к месту.

Альфред вздохнул и, крепко ухватившись за металлическую подножку, притянул к себе кресло. Слава Богу, что оно не перевернулось, а так, пришлось бы его ставить на «ноги», а это, знаете ли, задачка посложнее математических, которые лежали в кармане подлокотника.

– Маргарита! – вскрикнул он, и снова пожалел, что не сдержался. Сейчас нужно вести себя как можно тише, иначе можно... А что, иначе? Кроме слабых звуков кондиционера, он ничего не слышал: так что ори, не ори – страшнее уже не будет, если только кто-нибудь не стоит в данный момент за дверью и не прислушивается к звукам в кабинете, как несколько минут назад делал это Трясогузов, находясь в коридоре.

Толстяк правой рукой хватался за кресло, а левой старался держаться за стол, чтобы помочь себе чуть приподняться. Наконец, он облокотился правым плечом на сиденье, и стал разворачивать тяжелое тело, чтобы поместить его меж-

ду подлокотниками. Глаза, залитые потом, можно было спокойно закрыть – все равно, в такой темноте ничего не видно, и это сэкономило силы. Так, с закрытыми глазами, толстяк втиснулся, наконец, между подлокотниками, и, приподнявшись на них, как на брусьях, плюхнулся на сиденье. Тяжко дыша, он сидел, положив голову на спинку кресла и вытирая лицо от пота, переставший к тому моменту литься ручьем – теперь он лишь высыхал на разгоряченном лице толстяка, превращаясь в липкую соленую плёнку.

Он сидел, не шевелясь, еще какое-то время. Его мысли, сменяя друг друга, вращались вокруг одной и той же догадки: Кондрашкина его подставила. Нагло, просто, обведя, как младенца, вокруг пальца, принесла его на блюдечке местной полиции, или кто там занимается арестами, расследованиями, и заключением под стражу. Жрать ему, конечно, будут давать всякие отбросы, и та псевдоовсянка, которую готовили в столовке, покажется ему тогда настоящей овсянкой – о ней он будет мечтать всю оставшуюся жизнь, болтаясь на цепях, бренча кандалами...

– О, Боже, – прошептал он горячо, – что мне делать?

Трясогузов оглянулся по сторонам, впрочем, не надеясь хоть что-нибудь увидеть – единственным направлением, куда можно было двигаться беспрепятственно, был путь вперед – к закрытой двери. А позади, тем временем, лежал труп – труп фокусника, психолога, и просто хорошего или плохого человека: Трясогузов так и не смог до конца разобраться в

характере этого субъекта, пытавшегося то ли воспользоваться толстяком в своих целях, то ли искренне ему помочь... Ну, а первые плоды этой помощи можно было увидеть, хотя нет, теперь уже не увидишь – полная тьма, ведь, правда? И первый «плод» лежал сейчас в крови, распластавшись на ковролине. Что будет дальше?

Трясогузов запретил себе думать о будущем – надо попробовать справиться с дверью, до которой нужно еще доехать. Он, не включая моторчика, не нужного сейчас при таких-то условиях «невидимости», руками стал крутить колеса. Давно он не пользовался мускулами, разленившись из-за обилия электрических розеток на «Цитроне».

Осторожно, держась как можно ближе к правому ряду столов, он, поминутно их ощупывая, чтобы не пропустить поворот к выходу, почувствовал, наконец, что столы «кончились» и началась пустота.

– Так, теперь, направо, и еще метр вперед. Теперь повернуть на сорок пять градусов, и – два-три метра вперед, – давал себе команды Трясогузов, всё более и более веря в то, что собственный разум не оставит его на произвол судьбы, и найдет выход, как из этой чертовой комнаты, так и из этого проклятого положения.

Трясогузов ехал в полной уверенности, что, в такой темноте, его мозг рисует точную карту, по которой и надо двигаться.

Он уперся подножкой в стену. Так, теперь, наверное, на-

до ехать вдоль стены. Альфред снова повернул кресло, встав параллельно стене, и, иногда касаясь ее рукой, чтобы далеко не отъехать, стал продвигаться вперед. Наконец, рука нащупала, что-то похожее на косяк, и потянулась чуть дальше. Пальцы толстяка пробежались по поверхности, похожей на дверь: есть шероховатая материя, пружинящая под легким давлением пальцев – дерматин, сто процентов. И есть обойные гвозди, рифленые шляпки которых цеплялись за ногти...

Трясогузов уперся ладонью в эту поверхность и, что есть силы, толкнул ее. Бестолку – дверь была заперта. Вот только, снаружи ли она закрыта или изнутри? И если кто-то запер ее изнутри, тогда этот кто-то сейчас находится в комнате. Альфреда снова прошиб пот, и спина похолодела, но не так сильно, как полчаса назад.

Он снова толкнул дверь, стараясь приложить больше усилий, чем в первый раз. Нет – она не поддавалась. Тогда он ударил кулаком по дерматину: жесткая ткань, под которую положили ватин или поролон, мягко отпружинила – получился не стук, а мягкий шлепок. Трясогузов всхлипнул, как ребенок, которому ничего не удастся. Толстяк посмотрел вверх, и, отъехав чуть назад, не отрывая глаз от того места, где должен располагаться верх двери, пригляделся к пространству между косяком и дверью: кажется, там был едва заметный свет, проходивший сквозь щель. Или голова устала, или собственный мозг старается ввести в заблуждение? Трясогузов

зажмурился, потом открыл глаза, снова их сомкнул, что есть силы, и снова открыл. Потом поднял их вверх: полоска, действительно, была, правда, едва заметная. Хорошо, теперь он знал, что свет в коридоре есть и, может быть, там сидит тот самый охранник, которого он видел около лифта.

Он снова постучал по коварному дерматину, стараясь вкладывать как можно больше сил в удар, сосредоточившись на кулаке и стараясь бить туда, где были шляпки обойных гвоздей: в этом месте, скорее всего, поролон тоньше и стук должен быть услышан. Трясогузов прекрасно помнил, что он проехал метров двадцать или тридцать, пока отъезжал от поста охраны, и дальше, по вот этому коридору, в поисках проклятого кабинета, только с «зеркальной» маркировкой «К17» вместо «17К».

– Вот, что значит, попасть не в ту дверь, – сказал вслух толстяк, и еще сильнее стал бить по шляпкам гвоздей, понапрасну тратя силы и с каждым ударом лишаясь надежды, которую он сам же отщипывал по кускам и выбрасывал в виде вколачивания её кулаком в предательский дерматин, бывший, хоть он и не одушевленный предмет, свидетелем, а теперь еще и пособником убийства.

– Да, черт возьми! – крикнул Трясогузов. – Есть там кто живой?! Твари, откройте!

Но твари молчали – они были далеко-далеко: либо в тридцати метрах отсюда, либо вообще на других этажах. Но не стучать же по полу, чтобы привлечь внимание? Какая там

толщина перекрытий между этажами? Без понятия. Да и как он будет стучать, если в руках нет ни палки, ни камня, то есть – ничего. И бросаться на пол нет смысла, чтобы потом опять с трудом себя поднимать в кресло. Нет, надо искать что-то другое.

– Так, вспоминай, что было еще в этой комнате, пока не погасили свет? – отдал себе приказ Трясогузов.

Он мысленно оббежал комнату, но, кроме столов и трупа Полозова, больше ничего не мог вспомнить. Если только пошарить по стене в поисках выключателя: он же сам включил свет, когда сюда приехал! Трясогузов чуть повернул вправо, и проехал до стены. Потянувшись рукой, он потрогал стену: ровная, местами шероховатая поверхность, без всяких намеков на пластиковую коробочку, с помещенными в нее спасительными клавишами.

– Я же их сам нажимал, – сказал Трясогузов, нервно щупая голую стену, и, по-прежнему, ничего не находя.

– Твари! – вновь вскричал Трясогузов, прекрасно понимая, что никто его не слышит.

Он еще раз потянулся рукой, стараясь, хотя бы на пару миллиметров, стать «выше», чтобы, наконец, коснуться... Ах ты, черт – мимо: ничего нет!

– Тьфу, пропасть!

Толстяк отъехал назад и повернул кресло левее. Проехал метр-полтора до другой стороны двери. Он предположил, что мог забыть, с какой стороны был выключатель. Потянул-

ся там руками: и левой, и правой – нет, бестолку: спасительной коробочки с «волшебными» клавишами не было и там.

Он снова отъехал назад и устался в едва заметную желтую полоску света в верхней части двери. И как теперь быть? Прошла минута, другая, третья – полезных мыслей не было, если только, не проверить карманов под подлокотниками. Но там он ничего не хранил – не было в том надобности. Тем не менее, рука сама полезла в правый карман и нащупала ту самую злосчастную записку, с которой всё и началось. Он взял бумажку, подержал в руках, испытывая желание порвать ее на мелкие кусочки и развеять их в этой проклятущей темноте, но потом передумал. Пусть это будет доказательством его невиновности, если вообще он останется жив до момента расследования. А оно, это расследование, непременно будет, в этом можете быть уверены, Маргарита Павловна!

– Тварь! – вновь, в который раз, вскричал толстяк. И тут, он услышал звук, доносившийся из-за двери. Это была точно не вентиляция, которую он слышал в том страшном углу, где лежал труп психолога.

– Эй! – заорал он. – Спасите, помогите! Эй!

Звуки прекратились. Трясогузов нервно задышал: да что же это такое, а?

– Эй, твари, открыли дверь, быстро! – крикнул он, вдруг осознав, что за ней мог стоять тот, кто ее же и запер, а заодно и свет погасил. Скорее всего, это был убийца Полозова – в таком случае рассчитывать на то, что он освободит Трясо-

гузова из этой ловушки, не менее наивно, как надеяться на то, что голодный лев тебя не сожрет, а просто отвернется и убежит в свою саванну.

– Эй! – без надежды в голосе вновь крикнул толстяк, и понял, что ловушка откроется только тогда, когда это будет нужно убийце.

– Мне в туалет надо, уроды! – снова проорал толстяк то, что первым пришло в голову.

И тут ему кто-то ответил:

– Места вокруг много – ходи туда.

У Трясогузова задрожали губы:

– Куда – туда, урод? Окрой дверь, паскуда, я тебе ничего не сделаю, если ты хороший... – тут он закашлялся, – ...хороший человек! – договорил он, понимая, что хорошие люди не предлагают помочиться в помещении, когда есть возможность доехать до туалета.

– У вас тут туалет вообще есть, или как? – спросил Трясогузов, с трудом напрягая голосовые связки. Да, дурацкий вопрос, но всё же...

– Есть, есть, как в Греции, – ответили из-за двери.

Тут же послышались шаги – уходили куда-то влево, шаркая подошвами.

– Эй! – сделал последнюю попытку толстяк, прокричав осипшим голосом.

Тут мелькнула странная догадка.

– Блин, кто же так говорил? – прошептал Трясогузов. –

Кто-то в комнате отдыха, или в столовке?

Определенно, он уже где-то слышал этот голос, несмотря на то, что фраза была распространенной вот уже как лет семьдесят или девяносто.

– Кто же ты, кто? – спрашивал себя Трясогузов. Этот кто-то – из сотрудников, однозначно. Он поднял голову вверх и закрыл глаза, сосредотачиваясь на правильном ответе. И тут он вспомнил, хотя это воспоминание было из разряда шуток с того света: так однажды сказал Полозов, чье тело сейчас лежало в двадцати метрах отсюда.

Глава 44

Трясогузова аж передернуло. Неужели и голос такой, до ужаса знакомый – его, Полозова?

– Быть этого не может, – прошептал Трясогузов. – Просто, не может быть...

И тут дверь распахнулась. В комнате включился свет: на пороге стоял убиенный Полозов, а из-за его спины выглядывала Кондрашкина.

Трясогузов сильно моргнул и, для верности, потер глаза пальцами.

– Что? – вырвалось у него.

– Что? – спросили они его оба.

Он даже не мог слова подобрать, чтобы сказать, кем теперь были для него эти люди. Его рука сама, «не спрашивая» хозяина, вытянулась в том направлении, где лежал окровавленный труп.

Полозов кивнул и весело сказал:

– Муляж!

Толстяк не мог вымолвить ни слова, хотя и пытался.

Оба врача зашли в кабинет и закрыли за собой дверь.

– Ну, как наши дела? – спросила Кондрашкина, как ни в чем ни бывало.

Трясогузов молчал.

– Это шок, – спокойно сказал Полозов, глядя на Маргариту. Та согласно кивнула и похлопала Трясогузова по шее.

– Хотите из меня признание выбить? – произнес он первое, что мелькнуло в его голове.

– О-о, чувство юмора вновь к нам вернулось – это есть хорошо! – сказал Полозов. – Ну-с, сильно мы вас напугали?

– Не то слово, – отозвался Трясогузов, не веря своим глазам, по-прежнему пребывая в уверенности, что это продолжение ужасного сна.

– Ну, простите нас, пожалуйста, – сказала Маргарита, – это была, всего лишь, часть лечебной программы, которая должна была немного вас встряхнуть. Вы же встряхнулись, правда?

– Еще как, – сказал толстяк. И тут же задал новый вопрос: – Почему здесь не было кабинета 17К, как вы написал в бумажке?

Маргарита улыбнулась.

– Потому что, это тоже была часть теста на сообразительность.

– Да?

– Ага, – ответила Кондрашкина.

Потом она посмотрела на Полозова и сказала:

– Теперь, неплохо бы здесь прибраться, правда, профессор?

– Пожалуй, – ответил тот и пошел туда, где лежал муляж его собственного тела.

Трясогузов сидел еще некоторое время не двигаясь, что-то по себя соображая, потом, повернулся к Кондрашкиной, которая, пройдя мимо него, дошла до третьего ряда столов, стоявших у противоположной от двери стены, и стала что-то там делать, повернувшись спиной к Трясогузову.

– Это, действительно, была часть теста? – спросил он.

Кондрашкина улыбнулась, хотя по всему чувствовалось, что сделала она это через силу.

– Ну, конечно же! Мы полагаем, что тот ужас, испытанный вами при виде «трупa» профессора, выведет вашу психику из того состояния, в котором вы пребывали долгие годы.

Трясогузов ничего не понял.

– А в каком состоянии я был?

Маргарита перестала возиться около стола, и, отбросив волосы, упавшие ей на лицо, сказала:

– Долгие годы вы находились в том состоянии, которое в медицине называется плато, то есть застой. Все ваши мысли, все привычки, телодвижения были подчинены только одному: выжить... или нет, неправильно, приспособиться к жиз-

ни, будучи в таком состоянии, в котором вы сейчас находитесь.

Трясогузов с уверенностью сказал:

– Ну, так поступает любой живой организм: когда ему не удается что-то получить обычным путем, он прибегает к разным уловкам, и, достигает желаемого, если постарается. Я правильно понял вашу мысль?

Маргарита, усмехнувшись, ответила:

– Ну, в принципе, это близко к правильному ответу, хотя, вы зашли, скажем так, с другой стороны...

– С какой еще другой стороны? – в его голосе Кондрашкина услышала легкое раздражение и нарастающее желание прыгнуть на оппонента и перегрызть ему горло.

– Вот видите, – сказала она, не оборачиваясь к Трясогузову, – основная ваша проблема – нетерпеливость. Это проявляется в мелочах: будь-то разговоры с людьми, где вы с чем-то не согласны, или их действия, которые вам не по душе – вы тут же хотите высказать всё, что думаете по этому поводу. Да, иногда, может быть, вы даете правильные советы, но в человеке, чьи действия подверглись малейшей критике, тем более, если она несправедлива, растет и укрепляется, по отношению к вам, стойкий негатив. И этот негатив сидит, порой, годами, в том человеке.

– Извините, Маргарита Павловна, я всё равно ни черта не понял из вашего монолога. Как это касается моей проблемы? То есть, если я буду терпеливым молчаливым, положитель-

ным со всех сторон, я, что, сразу встану на ноги?

Она неуверенно кивнула:

– Не сразу, но постепенно, когда ваш разум поймет, что не нужно атаковать всех и сразу; что нужно расслабиться и просто наблюдать, делая про себя заметки, а лучше и этого избегать, чтобы не перегружать память ненужными сведениями. Я только хочу, чтобы вы поняли: ваша проблема не только в нетерпеливости, вы еще никому и ничему не верите...

– Ну, такой уж я уродился! – сказал он и развел руками.

Маргарита замотала головой.

– Нет, вы снова не понимаете: не вы таким родились, но ваша болезнь сделала вас таким. И теперь вы должны, минуя «желание» вашей болезни остро на все реагировать, стать мягче, дипломатичнее, рассудительнее. Нет, я не хочу сказать, что вы болван, и странное, но любопытное решение математических задачек, только подчеркивает неординарность вашего мышления, но...

– Всегда есть это ваше дурацкое «но», я заметил, – перебил ее Трясогузов.

– Да, есть! – она снова оторвалась от стола, на котором теперь что-то лежало, чего Трясогузов никак не мог разглядеть, – есть и будут эти «но», пока вы не перестанете себя так вести.

– Как?

– Перебивать меня, – ответила Маргарита, и Трясогузов увидел испарину на ее лбу.

«Нервы, или кондиционер?» – подумал Трясогузов, стараясь услышать звук скребущих о решетку лопастей вентилятора.

– Так вот, я продолжу, – сказала она. – Ваше тело обязано подчиниться рассудку, а он должен быть холодным, исключив все эмоции, строгим, как решение математических задач.

– Холодным, строгим... Я, что, робот, что ли? – спросил Трясогузов.

Маргарита, очевидно поняв, что ей не удастся сделать всего, что она там делала у стола, вновь повернулась к толстяку:

– Если хотите, то – да: вы должны стать роботом, машиной, бездушным организмом. Хотя бы на время.

– И что от меня тогда останется: ведь мои эмоции – это и есть я.

– Нет, вы не правы: ваши эмоции – не есть вы. Вы – это нечто другое, о чем многие столетия рассуждали великие философы...

– Вот и приехали с орехами: до философии добрались! – вмешался, подошедший к ним Полозов.

– Профессор, вы уже закончили? – спросила Маргарита, глазами показывая в ту сторону, где несколько минут назад лежал распластавшийся «труп».

– Да, вы знаете, не так это и сложно: ведро воды, тряпка, и терпение. Вы, ведь, уже успели поговорить о терпении? – обратился он к Трясогузову.

– В общих чертах, да, – кивнул Трясогузов, – только я не совсем...

– Вы ничего не поняли, – кивнул Полозов, дополняя его ответ.

– Да, вы знаете, туман какой-то, а не стройная теория, – сказал Трясогузов и облегченно улыбнулся: хоть кто-то его понял в этом кабинете. – Мне бы книжку какую-нибудь по этому вопросу, а то я ни бум-бум ни в философии, ни в психологии...

– Ничего этого вам не понадобится, – сказал Полозов и снова улыбнулся своей фирменной улыбкой в тридцать два зуба.

– Да, – продолжал Полозов, – ничего вам из этой литературы не понадобится, иначе вы еще больше запутаетесь. Самое главное – выполнять требования врача, а там – будь, что будет.

Трясогузов недоверчиво на него посмотрел:

– А если требования врача не совсем соответствуют моим желаниям?

– Основная задача врача – не навредить! – сказал Полозов, немного повышая голос, что могло говорить только об одном: не надо пререкаться с профессором. – И врач этот постулат выполняет, если он честен во всем.

– Да! – сказал Трясогузов, – особенно в платных клиниках эта честность на первом месте.

Полозов понимающе закивал:

– А, вы столкнулись с теми, кто за кучу платных анализов не сказал вам того, что вы хотели бы услышать. И вообще вам не помогли. Я так понимаю?

– Ну, примерно – так, – пожал плечами Трясогузов.

– Да, нет, мой дорогой, не примерно, а именно так. Ох, чего-то у меня от этих разговоров у самого спину заломило.

Полозов присел на месте, наклонился несколько раз в стороны, словно отвлекая Трясогузова от того, что заканчивала делать Маргарита. Трясогузов бросил случайный взгляд и посмотрел, что там было на столе, около которого возилась Кондрашкина. Увиденная им картина, его умилила и чуть-чуть расслабила: на столе было построено что-то вроде птичьего гнезда, только состояло оно не из веток, а из полосок бумаги. Гнездо было сплетено так аккуратно, что можно было его заселять.

– А что это такое? – спросил Трясогузов.

Маргарита, посмотрела на Полозова, как бы спрашивая разрешения, и, после того, как он кивнул, ответила:

– Это гнездо, как вы уже поняли – символ нашей компании.

– То есть?

– Ну, здесь, в этом месте, оторванном от цивилизации, мы – семья.

– Кто это, мы? – вновь спросил Трясогузов.

– Весь наш огромный, в несколько тысяч человек, коллектив – сказал Полозов, не преминув вновь показать зубы.

– Какая семья, о чем вы говорите? – Трясогузову это начинало не нравиться.

– Очень просто, Альфред Семенович. Вы, я, Маргарита Павловна, охранники, ремонтники, и даже администрация – мы все одна большая дружная семья.

Трясогузов не мог поверить в то, что сказал Полозов, считывая, какие дела творятся на архипелаге...

– И что мне теперь делать с этим новым знанием? – Трясогузов заметно нервничал, но старался сдерживаться, чтобы, хотя бы перед этими двумя не выглядеть полным придурком.

– Вашему нетерпению, вашей дерзости можно лишь позавидовать, – ответил Полозов, – но, если вы еще чуть-чуть потерпите, то всё поймете.

Трясогузов вздохнул: у него трещала голова, продолжавшая болеть с того самого момента, когда он оказался в полной тьме и от этого скакнуло давление.

– Знаете, давайте займемся вашими экспериментами в другой раз: мне уже пора на боковую, – сказал толстяк, потерявший интерес к запутанной беседе с врачами.

Тут Полозов кивнул Маргарите, и она, подбежав к двери, закрыла ее, проведя своим пропуском по считывателю. Трясогузов отметил про себя, что когда он шарил по стене и двери руками, то никакого считывателя он там не нащупал, хотя, почему он должен был его найти, когда нервы тогда были на пределе, как, впрочем, и сейчас.

– Зачем вы заперли эту чертову дверь? – спросил Трясо-

гузов.

– Чтобы вы не убежали, – спокойно ответил Полозов.

– Я не собирался убежать: мне просто нужно ехать в свою комнату и готовиться ко сну, – он старался говорить, как можно спокойнее.

– Вот видите, профессор, я же вам говорила, – сказала Маргарита, вновь подходя к Полозову.

– Да, да, вы были правы, – кивнул Полозов, внимательно глядя на толстяка, – что-то и в самом деле намечается.

Альфред начал потеть от волнения.

– О чем это вы говорите, а?

– Нет, поторопились вы с выводами, Маргарита Павловна – рановато пока, – сказал Полозов и замотал головой.

– Может быть, я и ошиблась, – задумчиво ответила Кондрашкина, кусая губы. – А если план «Б»?

Полозов удивленно на нее посмотрел:

– Чтобы убить его? Прямо здесь? Снова?

Маргарита тихонько рассмеялась, а вслед за ней рассмеялся и Полозов. Это продолжалось около минуты, но Трясогузову вполне хватило этого времени, чтобы понять, что перед ним находятся два сумасшедших, от которых не убежать.

– Так, что здесь происходит? – спросил Трясогузов, повышая голос. – Вы можете мне внятно ответить: чем вы здесь занимаетесь?

Полозов перестал смеяться и посмотрел на Маргариту – та тоже стала чуть серьезнее, но через мгновение, вновь прис-

нула и, отвернувшись, зашла в такую смеху, что Полозов вынужден был похлопать ее по спине, когда она закашлялась.

– Вот видите, до чего вы довели мою коллегу? – спросил Полозов, наигранно-осуждающим тоном. – Нельзя же так, Альфред Семенович, мы же вам добра желаем, а вы...

– А что, я?

– Ладно, проехали, – махнул рукой Полозов.

Маргарита перестала, наконец, смеяться и повернулась к Трясогузову. Покрасневшее лицо делало Кондрашкину еще красивее и Трясогузову стало так неудобно, что он вообще смеет разговаривать с этой женщиной без ее разрешения, да еще на повышенных тонах.

– Это была вторая часть теста, которую вы чуть не заваляли, – сказал Полозов, не глядя на Трясогузова.

– Да какого теста?! – вскричал Трясогузов. – Я ни черта не понимаю! Выпустите меня отсюда, а то, клянусь Богом...

– Ну что, что вы сделаете? – спросила Маргарита, вытупив на него глаза и подступая к толстяку всё ближе и ближе. Альфред отъехал чуть назад. Маргарита остановилась. Трясогузов видел, как Полозов положил руку на ее плечо, как бы останавливая взбесившуюся фурию.

– Ничего вы не сделаете, маленький человечиска! – медленно выговорила Маргарита, по-прежнему не отрывая своего бешеного взгляда от напуганных глаз Трясогузова.

Полозов всё это время наблюдал со стороны эту ситуацию,

никак в нее не вмешиваясь. Альфред только сейчас заметил, что их эксперимент до сих пор продолжается, и когда это всё закончится, он больше никогда не переступит порога того проклятого медкабинета, если только его не принесут туда на носилках.

– Так, всё – хватит! – крикнул Полозов и хлопнул в ладоши. Маргарита тут же успокоилась и стала прежним человеком – тем самым, которого привык видеть Альфред эти несколько дней: спокойным рассудительным врачом, внимательно выслушивающим жалобы и пожелания пациента.

– Прошу прощения за этот маленький спектакль, – сказал Полозов, – но это было необходимо, чтобы, сначала, вывести вас из равновесия, а потом снова вернуть к вашей норме.

– Какой спектакль, какая норма? – спросил Трясогузов, держась руками за голову: она еще больше заболела.

– Маргарита, дай ему таблетку, – приказал Полозов.

Кондрашкина полезла в карман, достала упаковку, и, вытащив из нее таблетку, протянула Трясогузову:

– Это от давления, – сказала она спокойным деловым тоном, – или, как вы люди, выражаетесь, от головы.

Рука Трясогузова остановилась на полпути ко рту, и он вновь посмотрел на Полозова, как на самого опытного в этом бардаке.

– Хватит, Марго, не видишь, пациент снова растерялся?

Кондрашкина спокойно кивнула и убрала упаковку в карман.

«Артисты, черт бы их побрал», – подумал Трясогузов, удивляясь перемене в поведении Маргариты, которая мигом могла перевоплощаться в неведомо кого.

– Ну, что, коллега, пора бы нам закругляться, да? – спросил Полозов Маргариту. Та, еще раз внимательно посмотрев на Трясогузова, кивнула и они оба пошли к выходу.

Трясогузов развернул кресло, намереваясь поехать вслед за ними, но тут Маргарита повернулась и сказала:

– Через два дня зайдите ко мне в восемь утра, и, пожалуйста, без опозданий.

Альфред кивнул, на секунду забыв о том, в чем только что себе поклялся – не приближаться больше к ее кабинету.

Они вышли из комнаты, оставив дверь открытой.

Трясогузов, тяжело вздохнув, посидел несколько минут. Потом, испугавшись, что дверь может снова «неожиданно» закрыться, поехал к выходу. Выглянув опасливо в коридор, он увидел, как удаляются две фигуры в белых халатах: одна высокая, грузная, а другая немного ниже ростом, с черными волосами и прекрасными бедрами.

– Да уж, – сказал Трясогузов и посмотрел в другую сторону, словно он стоял около дороги, и нужно было глянуть сначала налево, потом – на право. Повернув голову направо, Трясогузов никого не увидел. Пустынный длинный коридор, может быть, в несколько километров, тянулся, как труба, освещаемая изнутри желтым светом ламп, прикрепленных под потолком.

Трясогузов вздохнул и поехал вслед за докторами.

– Эй, меня подождите! – крикнул он, не надеясь, что они замедлят шаг.

Альфред включил мотор и на полной скорости за пару минут проехал весь путь до лифта, которого уже ждал Полозов. Маргарита, в это время, о чем-то разговаривала с охранником. Как только Полозов увидел подъезжавшего к ним Трясогузова, он что-то сказал Кондрашкиной. Та оглянулась, но ничего ему не ответив, продолжила разговор с охранником ровно до той минуты, пока не пришел лифт.

Трясогузов подъехал к запертым дверям лифта, чтобы быть первым в очереди. Как только кабина остановилась, Альфред, в нетерпеливом ожидании, затряс ногами. В этот момент он почувствовал, будто его ступни пронзили острые стальные спицы.

– А-а! – крикнул он, и начал тереть ноги. Боль быстро утихла, а его глаза смотрели на запертые двери лифта: долго же они не открываются.

В этот момент Кондрашкина подошла к Полозову – толстяк видел, как тень поменьше, приблизилась к большой угловатой тени профессора. Альфред про себя отметил, что эти тени на стене, отбрасываемые в свете желтых ламп, кивнули друг другу.

Глава 45

Двери со скрежетом открылись. Сначала въехал Трясогузов, и тут же развернулся на месте. Следом зашел Полозов и

встал по левую руку толстяка. Трясогузов ждал, пока войдет Маргарита, чтобы уже нажать на кнопку. Под его большим пальцем, слегка придавившим черный пластиковый квадратик с цифрой 1, появилась влага, и Трясогузов вытер руку о брюки: он начинал ненавидеть этот минус третий уровень, принесший ему столько неприятных минут. Маргарита, между тем, не собиралась отходить от охранника. Она даже смеялась, когда тот что-то ей говорил. Трясогузов почувствовал укол ревности, хоть и длилось это ровно секунду. Он громко фыркнул и отвернулся от этой, бесившей его, сцены. Резина колес пискнула, когда коляска повернулась в пол оборота. Пальцы оторвались от ненужной уже кнопки. Но тут же взгляд толстяка уперся в зеркало, висевшее на задней стене лифта – там снова была Маргарита, смеявшаяся над какой-то шуткой молодого любителя хард-рока. В старом зеркале сквозь стекло проглядывали коричневые пятна: одно из них разместилось на уровне живота Кондрашкиной, и толстяк смотрел на это пятно, будто разраставшееся с каждой секундой по мере того, как его глаза наполнялись слезами от неожиданного предательства...

Трясогузов с ненавистью смотрел на Кондрашкину, которая теперь зачем-то откидывала назад волосы, когда говорила с этим сопляком, и вновь отвернулся от ее отражения.

Полозов заметил, что толстяк, не сводивший глаз с роковой красавицы, страшно ее ревнует. Старый психолог тут же пояснил, что этот охранник – давний пациент Маргариты, и

теперь они обмениваются впечатлениями от его новых ощущений.

Трясогузов чуть-чуть успокоился, но не до конца.

– А что с ним было не так? – спросил он, по-прежнему, следя за жестами Кондрашкиной, раздражавшие его всё больше. Вот она взяла охранника за руку, погладив кисть с тыльной стороны ладони. Потом Маргарита приблизила к парню свое лицо, будто собираясь его поцеловать.

Внимательный Полозов не упустил и этого момента. Наклонившись к уху Трясогузова, он сказал:

– Она проверяет, все ли в порядке с его глазами: он, ведь, здесь операцию не давно сделал, да и вообще – чудом выжил этот мальчишка.

Трясогузов слушал его, думая о своем, и уловил только слово «мальчишка».

– Конечно, он намного моложе, а мне уж сколько?

«Не может быть, – со страхом подумал толстяк, – я не могу вспомнить свой возраст!»

Он с недоумением посмотрел на Полозова – тот лишь улыбнулся, будто читая мысли толстяка, потом щелкнул пальцами, и в голове Трясогузова вдруг появилась цифра 47.

– Точно! – сказал громко Трясогузов.

– Вы о чем? – спросил Полозов.

– Да, возраст свой вспомнил! – ответил толстяк и вновь посмотрел на Маргариту, входившую в лифт.

Она встала напротив Полозова, развернувшегося к ней

лицом. «Это, чтоб спиной ко мне не стоять, – подумал Трясогузов, – культурные, блин». Маргарита очаровательно улыбалась толстяку, и это сводило его с ума. Он, не смея от нее оторваться, не замечал, как за ним вновь следит Полозов.

– Всё в порядке, Альфред Семенович, – сказал профессор, но это мало помогло Трясогузову: он как сидел, вперившись взглядом в Кондрашкину, так и продолжал пожирать ее глазами, пока они не доползли до первого уровня.

– Ну, всё – нам пора, – сказал Полозов, когда лифт остановился. Трясогузов по-прежнему был прикован взглядом к Маргарите и старый профессор, видя, что ситуация, сама по себе не исправится, тихо ей сказал:

– Марго, прекрати.

Та моментально подчинилась своему наставнику и улыбка исчезла с ее губ. Выражение лица тут же стало спокойно-холодным, и даже, в каком-то смысле, отталкивающим. Трясогузов «отлепился», наконец, от ее лица, и, снова, ойкнув от боли, возникшей от невидимых стальных спиц, впившихся в ступни, потер ноги.

Оба врача вышли из лифта. Трясогузов последовал за ними, вот только, когда он выезжал, тут ему помешал порожек, образовавшийся из-за разницы уровня пола лифта и коридора. Полозов жестом показал Альфреду, что надо отъехать чуть назад, и снова зашел в лифт, подтолкнув коляску сзади, помогая толстяку выехать.

Распрощавшись с докторами, Трясогузов вдруг почув-

ствовал такое облегчение, что чуть не подпрыгнул от радости, когда Маргарита скрылась из виду. Да, чем-то она его держала, но вот чем – это была еще одна загадка природы, которую Трясогузову ни за что не узнать, как, впрочем, не могут, и не могли ее разгадать почти все мужики.

Он доехал, наконец, до комнаты отдыха, и, как только перед ним открылась дверь, тут же вспомнил о туалете. На всей скорости, на которую были способны его руки, крутившие колеса, он рванул к туалету и, едва туда успев, вернулся через несколько минут счастливым человеком.

Штукк, как всегда, спал перед ночной сменой. Трясогузову очень хотелось его разбудить и рассказать новости об объявившейся вдруг Светлане, но, понимая, что он отнимет у него нужные часы для накопления сил перед дежурством, бросил эту затею.

Трясогузов перелез из кресла на свою кровать и, закрыв глаза, утонул во снах, полных мечтаний о том, как он скоро будет бегать и прыгать на здоровых ногах, а Маргарита, читая какую-нибудь книжку, иногда будет отрываться от нее и смотреть на то чудо, которое она сотворила с Трясогузовым.

– Альфред, не беги слишком быстро – упадешь на острые скалы! – кричала она ему...

А он летел, как мотылек, или олень, и, да – толстяком он уже не был, а превратился в крепыша, атлета, способного...

Его разбудил Штукк.

– Вставай, Альфи, – тихо повторял он, тряся толстяка за

плечо.

– Что случилось-то, а? – сонным голосом бубнил Трясогузов.

– Случилось! – отвечал Штукк. – Давай, одевайся и в кресло. Я и так опоздал на смену, так что поторапливайся – некогда мне тебя уговаривать.

– Да что там произошло?

Штукк, не ответив, быстро надел свою форму, и, не обращая внимания на Трясогузова, вышел в коридор.

Люди в комнате, тоже все сонные и ничего не соображавшие, еле-еле одевались, подбадриваемые своими товарищами, которые уже несколько минут были на ногах.

– Да что случилось, может кто-нибудь объяснить? – крикнул тот, который поведал Трясогузову о прошлой жизни Элефантовича – гида по порнушным домам.

– Ничего, – ответил ему кто-то, – снова собирают, как вчера.

– Да? А где тогда тот чертов майор? – спросил тот же человек.

– За дверью стоит – ждет, – ответили ему.

И тут Трясогузов обратил внимание, что в комнате не хватает многих людей, исключая тех, кто работал в другую смену. Он хотел спросить и об этом, но никто не был настроен на разговоры. Серьезные хмурые лица, пожелтевшие, посеревшие, а некоторые ставшие какими-то черными, как от чрезмерного загара или сажи, растерянно смотрели по сторонам,

будто спрашивая о том, что происходит.

Трясогузов с трудом приподнялся на локтях, сделал зарядку так быстро, как мог, потом, пересев в коляску, снова захотел в туалет. «Интересно, успею, или нет?» – это была мысль номер один в столь поздний час. На его счастье, никого в туалете не было, и он быстро справился с утренними процедурами, хотя они были ночными. Трясогузов посмотрел на часы и хмыкнул: три ночи – самое время идти в коридор и строиться.

Да, это было так странно: ночной подъем, построение в коридоре, потом тот же приказ майора следовать за ним. Где-то, на середине пути, майор вернулся от «головы» строя и, подойдя к Трясогузову, сказал:

– Вы можете не утруждаться: мне нужны здоровые, как я вам уже говорил. А теперь – налево, шагом марш!

Трясогузов молча развернулся и поехал назад, глядя на полусонные лица своих соседей, вяло шагавших друг за другом, иногда наступая своими грубыми ботинками на «задники» впереди идущих.

Альфред приехал в комнату в половине четвертого утра – до приема к Кондрашкиной оставалось... Стоп, а не могла ли она ошибиться, ведь ее график, как она сама сказала, два через два, и сегодня у нее был выходной? Хотя, если, Маргарита решила, вдруг взять подработку, или... А, не всё ли равно: сказала в восемь, значит – в восемь!

Он уже начал, было, укладываться в кровать, чтобы эти

четыре оставшиеся часа не прошли даром, как вдалеке, там, где стояла бетонная колонна, послышались возня и кряхтение. Альфред, не успев снять футболку, оглянулся, и увидел, как из-под кровати, на которой обычно спал тот знаток, который рассказал об Элефантовиче, он же и вылез. Весь в паутине и пыли, «знаток» откашливался и чихал.

– А что вы не пошли со всеми? – спросил толстяк.

– А ты чего не пошел? – в свою очередь поинтересовался «знаток».

– Так я, это – негоден к строевой, в некотором роде, – ответил Альфред.

– И я тоже – негоден, – сказал тот. – А вообще, вот, что я тебе скажу: не сладко им пришлось.

– Кому? – спросил Трясогузов.

– Ну, тем, которых вчера забрали.

– А куда их забрали?

– Ты что, не в курсе?

– Нет.

«Знаток», наконец, откашлявшись, сел на свою кровать.

– Ну, так слушай, – начал он. – Вчера майор погнал всех на работу на самый нижний уровень, там, где располагается машинное отделение. И получилось так, что, проработав полсмены, старший из ремонтников сказал, что надо бы отрядить тридцать-сорок человек на временную работу к ним. Ну, наших ребят там и оставили. И, кстати, ночевать они будут в тамошних казармах – рядом с солдатами: место там то-

же освободилось.

– Это на «Эвересте», что ли? – спросил Трясогузов, не поняв хитрых передвижений народных масс.

– Зачем же на Эвересте? – удивился «знаток». – Тех, кто служил на горе, заменили солдаты с нижнего уровня. А этих, что с «Эвереста», в госпиталь забрали, и их, как раз где-то человек сорок или пятьдесят набралось. В любом случае, нам будет здесь попросторнее.

– А почему так с нашими ребятами поступили? – спросил Трясогузов.

«Знаток» снова кашлянул.

– Тут недавно забастовка была: рабочие баррикад настроили, сопротивление властям оказали. Их и повязали, «со-слав» потом на восточную часть острова – там тюрьма имеется, и располагается она прямо под кладбищем военной техники...

– Знаю, знаю, видел однажды, – сказал Трясогузов.

– Да? А вот мне как-то не повезло с этим, – ответил «знаток». – Короче, я так смекнул, что лучше мне здесь отсидеться, чем переться в самый низ и, не видя белого света, ишачить под грохот винтов.

– Спрятался, значит, – кивнул Трясогузов.

– Ага, спрятался. Ты, я вижу, тоже благополучно оттуда слинял.

– У меня уважительная причина – я инвалид, – спокойно сказал Альфред.

– Я вижу, – ответил «знаток». – У меня, к счастью, такой причины нет, но, я надеюсь, ты меня не заложишь?

– Не бойся – мне это вообще по барабану, – ответил Альфред. – Прилягу-ка я на несколько часов – мне утром к врачу идти.

Прошло минут пять: сон никак не шел к Трясогузову.

– Слушай, а чего рабочие бастовали? – спросил он «знатока».

– Да кто ж их знает, – ответил тот, зевая, – поговаривают, что кто-то пустил слушок, будто работяг травят какой-то дрянью, и находили, мол, некоторых с посиневшими лицами, да со свернутыми шеями, короче, мертвые они теперь, вот и всё. Это ты у медиков поспрашивай, если интересно.

Трясогузов испуганно смотрел во тьму – туда, откуда доносился голос «знатока», и туда же, во тьму, бросил:

– Ладно, давай уже спать, а то так и будем до утра лясы точить.

– Давай, – сразу же согласился «знаток, – я тоже не прочь чуток покемарить.

Сны к Трясогузову сегодня не приходили: во-первых, он не мог нормально закрыть глаза – они открывались сами собой. Во-вторых, ему пришла в голову мысль, что Штука тоже могут забрать на нижний уровень, и он с ним тогда вообще может не увидаться. Хотя, кто знает, может, они охранников не трогают...

На этой мысли Альфред и вырубился.

Проснулся он, как положено – в семь. Сделав все утренние дела, он крикнул «Подъем!», чтобы разбудить «знатока», но, тот, похоже, решил снова никуда не ходить. Трясогузов не стал подъезжать к его кровати, чтобы будить толчками и тычками – пусть себе спит, если хочет. Хотя, нет, для очистки совести, надо...

– Рота, подъем! – заорал толстяк во всю мощь своих легких.

«Знаток» вскочил весь взъерошенный.

– А? Что? Где?

– Ничего, вставать пора! – крикнул в ответ толстяк и поехал одеваться. Он прикинул, что как раз сейчас можно заскочить в столовку, чтобы перекусить, и еще осталось бы минут десять на дорогу к медкабинету.

– Окей, – сказал Трясогузов и, выехав из комнаты отдыха, направился в столовую.

По пути он догнал девушку, грустно идущую по коридору в полном одиночестве – тоже, скорее всего, направлявшуюся в столовку.

– Доброе утро! – весело сказал он.

– Здравствуйте, – ответила девушка.

– Вы не в столовую, случайно? – спросил Трясогузов.

– Да, – ответила она.

– А хотите, пойдем вместе? – спросил он, совершенно не стесняясь разговаривать с посторонними девушками.

– Давайте, – ответила та, и, кажется, немного повеселела.

– Альфред, – сказал он и протянул ей руку.

– Елена, – ответила девушка, пожимая пухлую руку Трясогузова.

– Как живется вам здесь? – спросил он, чувствуя, что его запыла хватит ненадолго, а до столовки еще пилить добрых пятнадцать минут на средней скорости.

– Нормально живется, – ответила Елена и шмыгнула носом.

– А я вот думаю, что, если бы здесь открыли пляж, и можно было бы купаться в выходные дни и загорать под зонтиками. Как вы думаете, хорошая идея?

– Да, хорошая, – Елена неуверенно пожала плечами, – только, думаю, никто нам не разрешит покидать пределы здания.

Трясогузов вздохнул:

– Это да, чего-то я об этом не подумал. Но мечтать, всё же, не вредно, правда?

– Нет, не вредно, – ответила она и слабо улыбнулась.

Трясогузов видел, что ей не по себе, или характер у нее такой – не умеет человек радоваться жизни, не может, хоть иногда расслабиться, когда...

– Скажите, – перебила она вдруг его мысли, – вы давно были у врача?

Этот неожиданный вопрос сбил его с толку, но Альфред постарался не показывать своего смятения.

– Был несколько раз на днях. И даже вчера, внепланово,

так сказать.

Елена вздохнула:

– А мне сегодня надо быть у нее.

– У кого?

– У Кондрашкиной. Знаете такую? – спросила Елена и посмотрела на Трясогузова грустными глазами.

– Конечно знаю! – вскричал он. – Это мой любимый доктор! Я, как раз, после завтрака, иду к ней. Вам тоже с утра назначено?

Она кивнула.

– Ну, тогда вместе и пойдем! – радостно сказал Альфред. – Поедим чего-нибудь вкусенького и сразу к Кондрашкиной!

Елена кивнула и вновь улыбнулась так, будто ей сказали прийти на собственную смертную казнь, и чтоб без опозданий.

Они пришли в столовку. Народу почти не было. Раздатчица, как всегда, вела себя вызывающе. Увидев Трясогузова с молодой особой, она вдруг сказала:

– Явились, не запылились!

Трясогузов не сразу понял, что эти слова относятся к ним обоим.

– Ну, и чего смотрим? Подходим, не стесняемся! – нагло сказала раздатчица.

Трясогузов не хотел ей ничего отвечать, тем более в грубом тоне: уж очень на него Елена подействовала, в хоро-

шем смысле, и он ужасно боялся выглядеть перед ней истериком, которому и каша – не каша, и кроссворды у раздатчицы слишком тупые...

Альфред терпеливо улыбнулся в ответ и сказал:

– Можно нам каши? Овсяной.

– Можно, только осторожно! – ответила раздатчица, прекрасно понимая, что толстяку не удобно будет ей грубить, когда рядом стоит вот эта худая, облезлая особа на тонких ножках.

Раздатчица бросила им в тарелки кашу, дала по стакану компота, не такого гадкого, как в прошлые разы, и, процедив сквозь зубы «приятного аппетита», занялась другими едоками.

– Ну-с, и что же вам понадобилось у Кондрашкиной? – спросил Трясогузов, как только они уселись за столик. Судя по взгляду Елены, он вдруг понял, что это не его дело – спрашивать у девушки, что ей понадобилось в медкабинете. Он совсем не умел разговаривать с женщинами, но чтоб до такой степени – этого он от себя не ожидал.

– Простите меня, пожалуйста, – сказал Трясогузов, – я не хотел вас об этом спрашивать – оно само вырвалось.

– Ничего, ничего, – ответила Елена, – просто иду за результатами анализов – только и всего.

– А, понятно, – ответил он, и начал наворачивать кашу. Про себя Трясогузов отметил, что сегодня, на удивление, псевдоовсянка смахивала на настоящую овсянку, и пошла

она весьма хорошо: комков нет, камни не попадают – словом, чудо, а не каша.

Однако, Елене, похоже, еда совсем не нравилась, и она, лишь мельком взглянув на «овсянку», сразу же перешла на компот, закусывая его куском белого хлеба.

На завтрак у них ушло десять минут. Когда они проглотили последние крошки своих порций, Трясогузов, взяв свой поднос, тут же поехал к столу с грязными тарелками. Елена осталась сидеть за столиком: у нее был убитый вид, словно ей предстояло нечто такое, чего не случалось ни с одной женщиной.

Трясогузов вернулся к Елене.

– Ну, как, вы готовы? – спросил он.

– Да, да, – ответила она, поднимаясь, – я готова.

И они оба направились к выходу. Тут наступила очередь раздатчицы:

– А со стола кто убирать будет? – крикнула она в спину новой парочке: инвалиду и «этой тощей».

Трясогузов обернулся, и, как бы он ни старался сдерживаться, сегодня он с этой задачей не справился:

– Перебеешься как-нибудь! – крикнул он, и, отвернувшись, поехал догонять Елену, которая уже скрылась за дверями.

Он нагнал ее в коридоре. Елена шла быстрым шагом, не оглядываясь, словно забыв о толстяке.

– Елена! – крикнул он.

Та растерянно обернулась.

– Куда же вы без меня? – спросил он, торопясь доехать до нее.

– Я уже опаздываю, – тихо ответила она и пошла дальше.

Трясогузов, наконец, нагнав ее, сказал, что время еще без десяти восемь, так что она успевает.

– Это, может быть, вы успеваете, а мое время уже пошло: мне именно к семи сорока пяти, так что пять минут я у вас украду.

– Да и не жалко – хоть целый час крадите! – сказал он, как можно веселее.

– Нет, спасибо, мне вашего часа не нужно, – ответила она, – мне только результаты получить, вот и всё.

– Да, я так и понял, – ответил он, глядя вперед и примерно угадывая то место, где располагалась невидимая дверь, ведущая к медкабинету: в том месте плитка была чуть-чуть другого оттенка, чем на других участках стены.

Он проехал еще немного, и остановился около того места.

– Это здесь, – сказал он, с тихой гордостью глядя на Елену: вот, мол, какой у меня точный глаз – все оттенки белого угадываю с полпинка.

Елена кивнула, соглашаясь. Потом, она подошла к этому участку вплотную и сказала:

– Сезам, откройся.

Дверь тут же открылась.

Трясогузов разинул, от удивления, рот: какой простой

«код», а он и не знал, всё это время думая, что в стену вму-
рована миниатюрная камера.

Он проехал вслед за Еленой. В коридорчике сидел, еще не сменившийся, Канарейкин.

– О, привет, брателло! – вскричал охранник, увидев Трясогузова. – Я же тебе фотки принес – хотел вечером занести!

– Ну, давай, показывай, – сказал Трясогузов, – мне всё равно после этой дамы на прием идти.

– Еще лучше, – отозвался Канарейкин. – На, смотри! – с этими словами, он протянул пачку черно-белых и цветных фотографий, на которых, в инвалидном кресле, сидел один и тот же человек, удивительно похожий на Канарейкина, только моложе лет на двадцать.

– Видишь, какой молодой? – сказал Канарейкин, широко улыбаясь, – меня машина сбила в пятнадцать. С тех пор и сидел, как мумия.

Трясогузов повернулся к нему:

– Меня тоже машина... того... этого. Только было мне двенадцать.

– Да-а, – сказал Канарейкин, – хороший был возраст, жаль, что так все сложилось.

– И не говори, – ответил Альфред.

Тут они оба услышали тяжелое «О-ох!» из медкабинета, а потом что-то грохнулось на пол. Канарейкин с Альфредом переглянулись.

– Что это? – спросил Трясогузов.

– Не знаю, – ответил охранник, вытирая потный лоб.

Конец первой книги.